

H-195
155
-1-

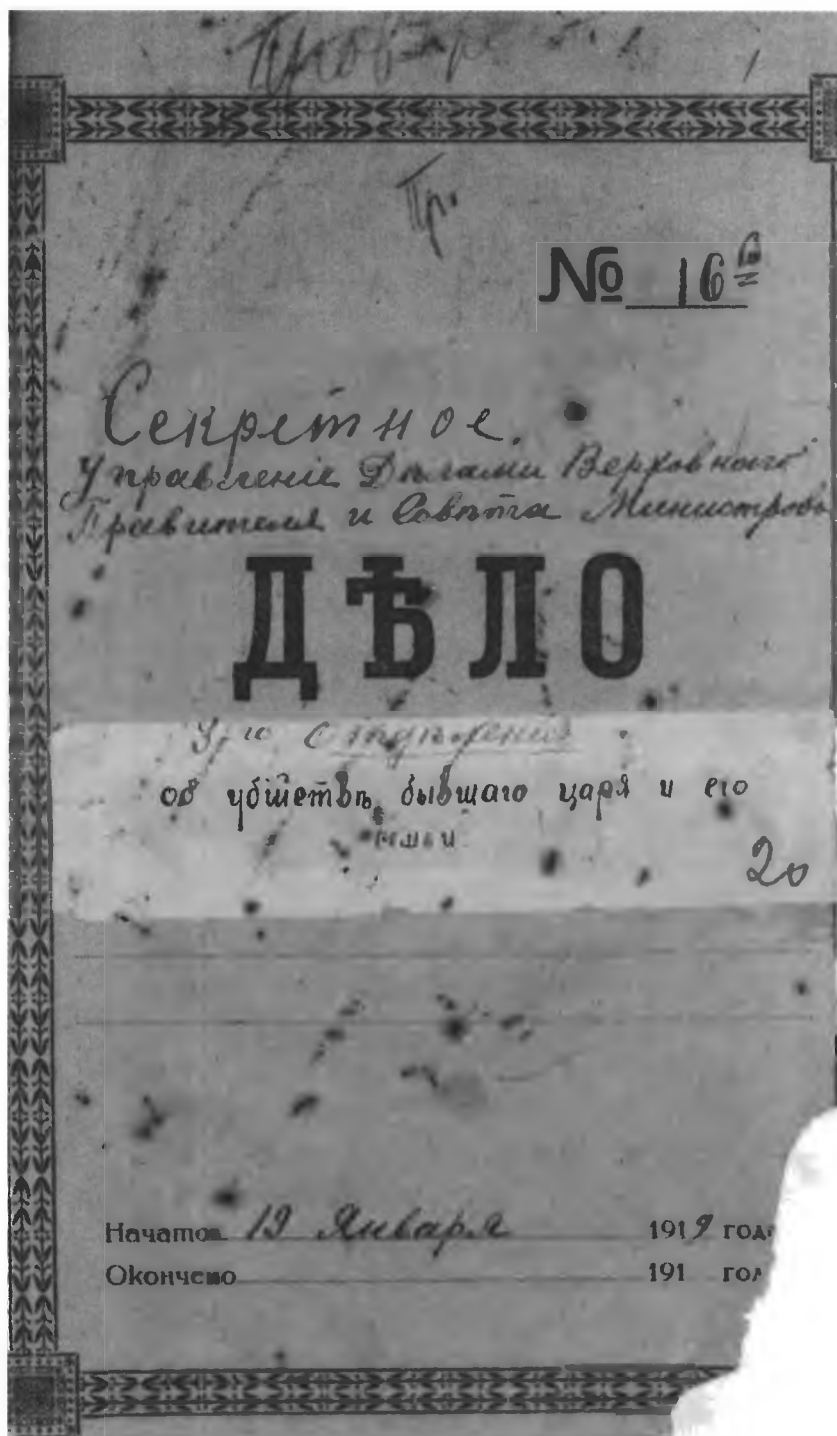
РУССКИЕ
СУДЕБНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

УБИЙСТВО
ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II

Том I

Убийство императора Николая II

Обложка следственного дела Н.А. Соколова

РУССКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II,
ЕГО СЕМЬИ И ЛИЦ ИХ ОКРУЖЕНИЯ

Том I

АДВОКАТСКАЯ ФИРМА «ЮСТИНА»
ТОРГОВЫЙ ДОМ «БЕЛЫЙ ГОРОД»
Москва, 2015

УДК 343..611.6 Русские судебные процессы®

ББК 67.411

Дел29

Под общей редакцией
президента адвокатской фирмы «Юстина»
кандидата юридических наук *В.Н. Буробина*

Создатели книги выражают искреннюю благодарность
РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ АРХИВУ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (РГАСПИ)
и лично его директору *А.К. Сорокину*
за предоставленные материалы.

Составитель: доктор исторических наук *Л.А. Лыкова*

Редактор *И.А. Маневич*

Разработка макета серии: *С.Н. Новгородова*

Верстка: *А.А. Косолапов*

Корректор *Н.Н. Сергеева*

Дел29 *Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения. Том 1. — М.: ООО ТД «Белый город», 2015. — 448 с.: ил. — (Серия «Русские судебные процессы»)*

В новом двухтомном издании впервые на основе недоступных ранее источников, недавно поступивших в архивы России, профессиональные юристы и историки сумели прояснить ряд спорных и считавшихся до сих пор недостоверными версий и гипотез одного из самых значимых трагических событий в истории нашей страны XX века.

ISBN 978-5-906726-49-0
ISBN 978-5-906726-48-3 (общий)

© Адвокатская фирма «Юстина»
© ООО ТД «Белый город», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Государственная власть и верховенство Права <i>Кандидат юридических наук В.Н. Буробин</i>	6
Предисловие <i>Доктор исторических наук Л.А. Лыкова</i>	23
Материалы следственного дела Н.А. Соколова об убийстве Российского Императора Николая II и его семьи	52
1918 год	63
1919 год	269

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

ТЕЛЕГРАММА

*Председателю Совета Народных Комиссаров Ленину
Председателю Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Я.М. Свердлову*

...По постановлению президиума областного Совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов и по этому поводу выпущено следующее извещение: ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда, президиум областного Совета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях русского народа. В ночь на 16 июля приговор этот приведен в исполнение.

Президиум Уралоблсовета, 17 июля 1918 г.

Существует немало теорий возникновения государства и права, определений смысла и сути государственной власти. Взгляды историков и юристов у разных народов и в разные времена на эти вопросы разнятся и меняются в зависимости от эпохи, главенствующих в обществе теорий и воззрений правителей. Некоторые полагают, что государство и власть дарованы людям Богом. Кто-то опирается на «естественное» происхождение государства, другие выводят возникновение государственной власти из «общественного договора». В китайской традиции государство — это большая семья, где власть императора сродни отеческой, а отношения правящих и под-

данных рассматриваются как семейные, где младшие подчиняются старшим. Анархисты — противники всякой власти, считают, что она лишь закрепощает людей. Коммунистическая теория исходила из того, что государство создавалось для эксплуатации простых граждан правящей верхушкой, и видела главной задачей социалистического государства передачу власти рабочему классу и крестьянству. Существует теория насилия, согласно которой государство возникло из порабощения одних народов другими как аппарат принуждения. Есть не лишенное оснований мнение, что государственная власть — это просто источник обогащения элит.

Развитая современная правовая доктрина рассматривает сегодняшнее государство как организацию нанятых народом страны чиновников — управленцев, главная задача которых состоит в обеспечении прав и свобод людей, живущих в нем.

Русский же народ склонен воспринимать власть не как достояние всех, а как нечто сакральное, почти мистическое. В руководителе государства, несмотря на то что страна — уже давно демократическая республика, видеть царя, «помазанника Божьего», а не менеджера, избранного гражданами на непродолжительное время для решения конкретных задач в интересах общества. Вся жизнь нашей страны устроена до сих пор по принципу, что не государство и бюрократы служат своим гражданам, а граждане — государству. Это принципиально отличает западные демократии от восточной модели построения государства.

Мне наиболее близко либеральное представление о сути государства, выраженное в Декларации независимости США 1776 г. В ней сказано, что «все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких

принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа».

Основной постулат здесь такой: граждане, живущие в стране, — не холопы, не подданные, не электорат или определенные классы, способные лишь идти за вождями. Каждый живущий на земле человек — самоценен и является носителем фундаментальных прав. Задача государства обеспечить реализацию этих прав. И очень важным является понимание того, что именно народ, являясь единственным источником власти, вправе создать, изменить или установить новый строй. Главное, чтобы такая смена происходила не революционным путем, а естественной эволюцией. Революция всегда акт отчаяния, свидетельство высочайшего напряжения сил, недовольства и наступившего предела возможностей людей. Причем социальные революции происходят не из-за плохой экономической жизни — это обычно лишь повод, а в связи с осознанием гражданами государства своих прав и свобод и борьбой с правящей элитой именно за эти права, а не за хлеб насущный. Там, где государственные институты эффективны, а экономика сильна, острые конфликты редки.

Насильственное свержение власти почти всегда национальное бедствие, сопровождающееся хаосом и террором. Власти и элитам нужно осознавать, что на них, и только на них, лежит ответственность по выявлению вызовов и адекватному реагированию на них. Многие же властители, не понимая острой необходимости обратной связи с гражданами, рассматривая людей исключительно как подданных, наивно полагают, что народ не имеет права на смену их власти, в том числе и революционным путем, а его требования о необходимости перемен незаконны.

Английский король Георг III считал бунтом борьбу жителей колоний в Северной Америке за независимость. Из этой борьбы, как известно, родились Соединенные Штаты Америки. Французский король Людовик XVI отвергал «Декларацию прав человека и гражданина», которая ликвидировала

сословия и ввела равенство всех перед законом. Штурм парижанами Бастилии он также называл бунтом. Российский император Николай II, считая себя «хозяином земли русской»¹ и серьезно относившийся к сану «помазанника Божия», полагал невозможным какое-либо ограничение его власти и согласился с тем, что в петербуржцев, которые несли ему петицию с упоминанием Учредительного собрания, созываемого для разработки Конституции, надо стрелять.

Величайшей силы юридический документ – Всеобщая декларация прав человека 1948 г., исходит из того, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Декларация требует, чтобы права человека охранялись Верховенством Права в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения.

Процесс смены любой общественно-экономической формации, любого строя всегда исключительно болезнен и противоречив, но при созревании определенных явлений неизбежен. Именно руководители, элита государств ответственна за происходящее в стране, в том числе и за недопущение революционных событий. Сегодня революционная ситуация невероятна в стране с развитыми институтами гражданского общества. Там, где наличествует политическая конкуренция и рыночная экономика, никакая революция невозможна.

Революция снизу может быть остановлена только эволюцией сверху. Недооценка или непонимание этого привела к низложению в 1991 г. М.С. Горбачева и развалу СССР, к расстрелу в 1989 г. Н. Чаушеску и переходу Румынии от коммунистического режима к демократии, убийству в 2011 г. М. Каддафи и началу в Ливии гражданской войны, майдану в 2014 г. на Украине и бегству из страны В. Януковича, после

¹ Во время переписи населения 1897 г. Николай II в графе «основные занятия» указал: «Хозяин земли Русской».

чего произошло отторжение территорий и началась гражданская война, появлению во многих странах так называемых революций роз.

Каждый народ имеет право на передачу власти тем избранным, кто сможет эффективно обеспечить права человека. Такая передача по существу возможна только двумя путями. В результате эволюции или революционным путем. Россия за свою более чем тысячелетнюю историю пережила очень многое и видела разных правителей — от жестоких тиранов до относительно демократичных лидеров. Оценка тех и других историей и людьми очень различная. Все зависит от того, что брать за точку отсчета, что понимать под интересами государства, элиты, простых людей в конкретной исторической обстановке. Является ли более важным сильное государство с авторитарной властью и отсутствием элементарных прав, а часто имущества и нормальной жизни у простых людей или важнее счастливые и богатые люди, живущие в стране?

Используя современные подходы к разрешению вопросов организации государственной власти и права, а также исторический анализ нашего собственного развития, можно попробовать выявить некоторые закономерности создания условий для нормальной жизни страны и гражданина в ней и к гармоничной эволюции государства и права без потрясений и революций, определить эффективные способы разрешения неизбежно возникающих в любом обществе конфликтов.

Становление русского государства — длительный процесс, о котором из летописей и преданий мало что известно. Появление нашей страны как государства связывается с определенным событием, произошедшем в 860 году, а именно с моментом официального признания Руси в международном плане, выразившемся в заключении между Русью и Византией первого мирного договора.

За тысячелетний период существования нашей страны, помимо известия о первом руководителе Новгородской Руси

легендарном посаднике по имени Гостомысл¹, история оставила нам сведения о двух династиях — Рюриков, правивших страной в течение 729 лет, и Романовых, управлявших Российской империей 304 года. Обе династии трагически прерывались, после чего в России наступали периоды Смуты.

Смерть царевича Димитрия в 1591 г., фактически прекратившая царствование династии Рюриковичей, ввергла страну в 15-летний хаос. Началась гражданская война, Россия на какой-то период потеряла независимость, и на русский трон сел польский король. Гибель императора Николая II и многих членов его семьи², последовавшие события, связанные с Гражданской войной и террором в отношении наших граждан, 75-летнее разрушительное коммунистическое правление, еще более убеждают в том, что революционное уничтожение существующей государственной власти, какими бы благими намерениями и прекрасными лозунгами ни руководствовались революционеры, всегда приводит к трагическим последствиям — гражданской войне, иностранному порабощению, отторжению территорий и урезанию гражданских прав и свобод.

Как осуществлялась передача власти на Руси до 1917 года?

¹ Татищев В.Н. История Российская. Научно-издательский центр «Ладомир». М., 1994 г. Т. 1. С. 372.; Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд-во Московского Университета 1962 г. С. 28, 46—47.

² Всего за короткий период с середины 1918 г. до первых чисел января 1919 г. в разных уголках России — в Екатеринбурге, Алапаевске, Перми и Петербурге, большевиками было убито 18 членов Дома Романовых. Способ их уничтожения был очень похожим, что говорит о принятии именно централизованного решения об их казни: без суда, тайно, с сообщением в прессе, что они якобы живы, с уничтожением тел сбрасыванием в шахты или другие тайные места и запретом на любое упоминание о расстрелах и местах захоронения. Уехали за рубеж и уцелели 43 члена императорской семьи.

Развитие династии Рюриковичей происходило по принципу перехода власти от отца к сыну. Часто путем разделения русских земель на уделы и передачи их сыновьям князя. Это приводило к раздробленности страны, нескончаемым войнам, захватам ее врагами.

Несколько раз в России престол переходил в результате выборов: в 1598 году Земским собором был избран Борис Годунов; в 1606 году боярами и народом — Василий Шуйский; в 1610 году польский королевич Владислав; в 1613 году Земским собором был избран Михаил Федорович Романов, положивший начало новой династии.

У Романовых также существовал порядок престолонаследия по первородству прямым потомкам по мужской линии. Петр I установил новое правило наследования российского императорского престола, и оно стало возможным по завещанию государя. Но сам Петр I завещания не оставил. В результате с 1725 по 1761 год произошло три дворцовых переворота и цареубийство.

Чтобы не допускать государственных переворотов и интриг на этой почве, император Павел I в 1797 году изменил порядок наследования престола и установил преимущественное право на наследование престола за мужскими членами императорской фамилии в соответствии с поколениями. Такой порядок престолонаследия исключал борьбу за престол и просуществовал с небольшими изменениями до 1917 года.

В 1917 году в России последовательно произошли Февральская и Октябрьская революции (небезосновательно можно полагать, что это были просто государственные перевороты), радикально изменившие страну. Обе, несмотря на то, что во главе их стояли юристы А. Керенский и В. Ленин, не признавали ценности права и исходили из того, что оно лишь инструмент проведения той или иной политики. Так, А. Керенский, отбросив принцип разделения властей, создал при Министерстве юстиции Чрезвычайную комиссию по расследованию деятельности во время войны царя и его приближенных, произвел без каких-либо судебных процедур

арест царя и его семьи, собственноручно проводил допросы членов императорского дома. При этом он и его друзья — юристы, приглашенные им во власть, оправдывали внесудебное насилие необходимостью защиты еще не окрепшей «демократической» власти.

В. Ленин пошел дальше — полностью уничтожил существовавшее право и судебную систему, а всю власть в стране отдал Советам. С этого момента Советы всех уровней начинают принимать решения о внесудебных арестах и репрессиях в отношении своих граждан, а законодательный орган Советской власти получает право отменять решения высшего судебного органа страны.

Время этих революций и последующий длительный период для нашей Родины было временем высшего насилия государства над человеком, самым кровавым и бесчеловечным, а первая половина XX века характеризовалась в России абсолютным юридическим бесправием людей. В результате Россия потеряла за сорок лет, с 1914 по 1953 годы: за время 1-й и 2-й мировых войн, революций, гражданской войны, периода репрессий, по разным оценкам, от 40 до 80 миллионов наших сограждан. За это время случилось несколько волн массового исхода русских из страны. Возникла угроза уничтожения нации.

Сегодня, по выражению А.И. Солженицына, настало время сбережения русского народа, пережившего после социалистической революции при коммунистическом режиме гуманитарную катастрофу. Я бы позволил добавить, что пришло время восстановления Права в нашей стране, во многом утраченного в результате семидесятипятилетнего чудовищного антиправового и античеловеческого эксперимента.

Самыми жестокими правителями России оказались большевики, которые отрицали Право как основной регулятор отношений в социуме и признавали террор за форму управления государством. Правовая система России, а главное суд, первыми же декретами большевиков была абсолютно уничтожена. Ленин открыто писал, что «суд должен не устранить

террор..., а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»¹.

Что же произошло с главой государства Российского императором Николаем II и его семьей после насильственного свержения династии Романовых?

Об истории русских революций начала XX века написано много книг, где до мельчайших подробностей исследованы фактические материалы нашего исторического прошлого, проанализированы причины и последствия революций. Но лишь в 90-е годы прошлого столетия в России после долгих лет забвения и запретов стали появляться материалы по расстрелу семьи последнего русского царя.

Казалось бы, что по сравнению с революционными событиями того времени, последовавшей гражданской войной и массовыми репрессиями значит расстрел одной, пусть даже венценосной семьи?

Важность представленных подлинных материалов исследования состоит именно в том, что дело это можно считать хрестоматийным для понимания того, что происходит с людьми и страной при отрицания принципов Права на фоне полного юридического хаоса и беззакония.

Уголовное преследование семьи Романовых сначала Временным правительством России, потом большевиками и последовавший за этим ее расстрел — это политическое убийство, не укладывающееся ни в какие юридические нормы. Без сомнения, оно является самым возмутительным актом царе-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 45, с. 190.; Документальное подтверждение террора — см. семитомник «Массовые репрессии в СССР» (М., РОССПЭН, 2004-2005 гг.) См. также «Черная книга коммунизма» М.: Три века истории, 1999 г.), в которой коллектив ученых-историков провел максимально полное изучение преступлений, совершенных под флагом коммунизма во многих странах и на разных континентах, и пришел к выводу: 95 миллионов жертв — такова плата человечества за увлечение коммунистической утопией в XX веке.

убийства в истории цивилизаций. Расстрел был произведен без соблюдения минимальных юридических процедур: без возбуждения дела и предъявления какого бы то ни было обвинения, без проведения следствия и суда, по решению не-судебного органа. Обыденно и просто расстрелян император России — глава огромного государства. Вместе с ним расстреляна вся его семья — жена, пятеро детей, а заодно и четверо слуг — врач, повар, камердинер и комнатная девушка. С февраля 1917 года — уничтожения российского Права, репрессии коснулись миллионов наших людей¹. Государь и его семья одними из первых разделили трагическую судьбу многих граждан России.

Представленная книга подлинных материалов «Дела об убийстве Императора Николая II, его семьи и лиц их окружения», расследовавшегося четырьмя следователями почти сто лет, позволяет каждому из нас приобщиться к первоисточникам и составить свое собственное понимание того, что же произошло на самом деле в России того времени, самостоятельно сделать вывод о фактических обстоятельствах трагедии.

В этой книге вы найдете наиболее полный на сегодняшний момент материал, когда-либо публиковавшийся по этому вопросу, собранный доктором исторических наук Людмилой Анатольевной Лыковой, сохранившей для нас эти бесценные документы.

Без сомнения, расследование гибели семьи монарха крупнейшего государства мира в 1918 году — одно из самых значимых судебных дел XX века.

Расследование его началось в 1918 г. в Екатеринбурге, формально закончилось в 1924 г. в Париже в связи со смертью следователя Н.А. Соколова, но фактически продолжается до настоящего времени. Следствие по этому делу приняло не только и не столько юридический, сколько исторический характер.

¹ Только за 1937–1938 годы к высшей мере наказания было приговорено 681 692 чел. См. История сталинского ГУЛАГа. Массовые репрессии в СССР. М.: РОССПЭН, 2004 г. Т. 1. С. 609.

Материалы дела представляют огромный интерес. С гибелью царя связано огромное количество всевозможных выдумок — начиная от того, что никакого расстрела не было и Император и вся семья спаслись, уехав за границу, или что был расстрелян только Николай II, и заканчивая тем, что это было ритуальное убийство по приказу тайных сил с расчленением и сожжением трупов. И среди юристов до сих нет единого мнения о всех правовых аспектах этого дела, в частности, о том, был ли санкционирован расстрел высшим руководством большевиков, подлежал ли царь реабилитации, возможен ли возврат имущества семье¹ и многие другие общеправовые фундаментальные вопросы, оставшиеся нерешенными в нашей стране с того времени.

Как известно, Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 г. и «вручил свою судьбу Временному правительству». Временным правительством, несмотря на то что в стране действовало процессуальное законодательство — Устав уголовного судопроизводства 1864 г., регламентировался порядок производства по уголовным делам, уже 4 марта при Министерстве юстиции учреждается внесудебный орган — Верховная чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц.

Кроме того, Временное правительство присваивает себе полномочия судебной власти, и 7 марта по его постановлению Николай II и его супруга лишаются свободы. Комиссия

¹ Декретом Совета Народных Комиссаров от 13 июля 1918 г. имущество низложенного российского императора и членов императорского дома было конфисковано. После этого в стране прошла волна национализации собственности. Экспроприационные декреты до сих пор остаются частью российской правовой системы. Реституция собственности не произошла. На сегодняшний день произведен частичный возврат национализированного имущества только Русской Православной Церкви. См. подробнее об этом: Реституция прав собственности. М.: Посев, 2005 г.

под председательством московского адвоката Н.К. Муравьева выясняла роль Николая II и царицы по вопросу о наличии в их действиях преступления, предусмотренного ст. 108 Уголовного уложения 1903 г. — государственной измены. Материалами следственной комиссии установлено, что Николай II и его супруга не совершали никаких преступлений, в т.ч. государственной измены¹. Нормы уголовно-процессуального законодательства Российской империи при таких обстоятельствах требовали немедленного освобождения царской семьи из-под ареста. Вместо этого Царская семья вместе с детьми и несколькими приближенными людьми под конвоем отправляется в Тобольск.

Октябрьский переворот застал арестованную семью царя уже в Тобольске, откуда она большевицкой властью препровождается в Екатеринбург, где в ночь на 17 июля 1918 г. происходит убийство

Следствие в 1918—1919 годах по делу об убийстве царской семьи проводил следователь по особо важным делам Н.А. Соколов по распоряжению адмирала А.В. Колчака. Расследуя дело, Н.А. Соколов пришел к полной убежденности, хотя тела убитых были тогда так и не найдены, что в Екатеринбурге в подвале Ипатьевского дома были расстреляны царская семья и ее слуги — всего 11 человек. Никто не спасся. Трупы казненных были вывезены в лес близ Екатеринбурга.

Эти выводы, в том числе и факт предварительного следствия того времени, в том числе и факт принятия решения о расстреле Императора большевиками во главе с В.И. Лениным, были подтверждены 1 октября 2008 г. Верховным Судом России, реабилитировавшим царя и его семью.

Высшим судебным органом страны установлено, что Н.А. Романов и члены его семьи по решению органов государственной власти РСФСР без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления были признаны

¹ См. Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Государственное издательство: Ленинград, 1924 г.

социально опасными по политическим мотивам и в период с 7 ноября 1917 г. по 16 июля 1918 г. были лишены сначала прав и свобод, так как содержались в условиях изоляции под вооруженной охраной и рассматривались органами советской власти в качестве арестованных, а затем были лишены жизни.

Суд констатировал, что 20 февраля 1918 г. Советом Народных Комиссаров под председательством В.И. Ульянова (Ленина) был заслушан вопрос в отношении бывшего императора Н.А. Романова и даны указания о подготовке следственного материала, рассмотрены вопросы о «переводе Романова Н.А.», о месте суда.

1 апреля 1918 г. Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета были отданы распоряжения о дальнейшей охране Н.А. Романова, об «усилении надзора за арестованными», о формировании отряда в составе двухсот человек и направлении их в Тобольск для «укрепления караула», а при необходимости перевода «всех арестованных в г. Москву».

9 мая 1918 г. ВЦИК под председательством Я.М. Свердлова и по его докладу заслушал вопрос «о бывшем царе Романове Н.А.». Согласно имеющемуся в материалах дела протоколу заседания ВЦИК, Свердлов докладывал информацию по решениям президиума ВЦИК о переводе Н.А. Романова и всех членов его семьи из Тобольска в Екатеринбург.

Судом было установлено, что решение о расстреле Н.А. Романова было принято президиумом Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, то есть органом государственной власти РСФСР.

Факт расстрела членов семьи Н.А. Романова по решению Уралоблсовета подтвержден телеграммой, отправленной 17 июля 1918 г. на имя секретаря Совета Народных Комиссаров Горбунова председателем Уралоблсовета Белобородовым для информирования Председателя Президиума ВЦИК Я.М. Свердлова.

Президиум ВЦИК на своем заседании, состоявшемся 18 июля 1918 г., принял постановление, которым признал решение Уральского областного Совета о расстреле Н.А. Романова правильным.

19 июля 1918 г. газеты «Известия» и «Правда» опубликовали сообщение: «Президиум Центрального Исполнительного Комитета, обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский областной Совет принять решение о расстреле Романова Н.А., постановил: Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в лице своего Президиума признает решение Уральского областного Совета правильным».

В этот же день на заседании Правительства РСФСР — Совета Народных Комиссаров Председатель Президиума ВЦИК Я.М. Свердлов сделал «внеочередное заявление о казни бывшего царя Романова Н.А. по приговору Екатеринбургского Совдепа и о состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ВЦИК». Совет Народных Комиссаров данное заявление «принял к сведению».

Таким образом, из документов, исследованных судом, с очевидностью вытекает, что Романовы были лишены жизни не в результате совершения кем-либо уголовного преступления. Н.А. Романов и члены его семьи содержались под стражей и были расстреляны от имени государства.

Формой покаяния в содеянном стало причисление Русской Православной Церковью царской семьи и многих многих безымянных наших сограждан, пострадавших безвинно от преступной коммунистической власти, к лику святых.

А государство наше, да и гражданское общество, очень трудно раскаивалось в содеянном. Как в том, что без суда и какой бы то ни было вины была расстреляна вся семья императора вместе с детьми и слугами, так и в том, что произошло в стране позднее по воле власти — в проведении массовых репрессий и истреблении народа. Никто из виновных лиц не установлен и не осужден хотя бы общественным мнением, правовая оценка преступным действиям коммунистического режима не дана.

Решение о государственной реабилитации царя и членов его семьи было принято лишь спустя 90 лет после совершения государством преступления. Расстрелянных вместе с царской семьей простых людей — врача, повара, камердинера и комнатную девушку так и не реабилитировали¹.

Наша страна еще не прошла через покаяние и отвержение таких форм юридической жизни государства и общества, которые появились с приходом к власти большевиков. Понимание бездн нашего правового падения, причин произошедшего и жизненной необходимости верховенства Права в любом цивилизованном обществе в России еще не наступило. Вероятно, нужны усилия нескольких поколений, образованных и думающих людей, юридической элиты общества и многотрудной работы в этой области.

Государства и общества всего мира постепенно движутся в этом направлении. Главное, что должно быть осознано государственной властью, обществом, каждым из нас, и прежде всего юристами страны, — это самоценность Права, признание всеми концепции верховенства Права, а самих прав человека в качестве фундаментальных базовых ценностей и необходимость отстаивания этих прав как главной опоры в развитии общества. Нет сомнений, что следующей цивилизацией на земле будет «Цивилизация Права».

Цивилизация Права состоит в практической реализации концепции верховенства Права, позволяющей создать в стране механизм обеспечения беспристрастного контроля гражданином и гражданским обществом над использованием власти государством.

¹ О количестве «судебных ошибок» того времени говорят цифры реабилитированных за период с 1917 по 1953 г. — 11 млн человек. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс. Наука, 2002 г. С. 8. В этой книге наиболее подробно раскрывается история, причины и последствия создания в СССР политической юстиции, приведшей к нарушению фундаментальных прав человека и массовым репрессиям в нашей стране.

Основные характеристики этой концепции заключаются в осуществлении на практике разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, подчинение всех ветвей власти закону и ограничение законом самой власти и людей. При этом процесс принятия законов должен быть прозрачным, а сами законы понятны, широко известны, стабильны, справедливы и защищать основные права, включая неприкосновенность личности и собственности. Нужны честные выборы, ограничение предельным сроком нахождения главы государства у власти, создание независимой судебной власти и наличие в стране сильного, единого, независимого, квалифицированного юридического сообщества. Верховенство Права, устанавливая прозрачные процедуры, доступные и равные для всех, является основой цивилизованного общества, в котором, в конечном счете, высшим властелином является закон. Именно поэтому верховенство Права является наилучшей системой для организации цивилизованного общества.

Базовые правовые ценности у всех народов рано или поздно станут общими, а универсальным регулятором межчеловеческих отношений и точкой опоры для создания свободного общества счастливых людей станет именно Право через признание и осуществление защиты фундаментальных прав конкретного человека. Именно поэтому верховенство Права является наилучшей системой для организации цивилизованного общества.

Можно уверенно полагать, что существует и все более расширяется общее правовое пространство мира. Право едино для всего человечества. Оно не может различаться по классам, партиям, нациям или сословиям. Есть универсальное Право с общим стремлением людей к справедливости, с признанием единых общечеловеческих ценностей, фундаментальных стандартов обеспечения прав человека и наличием в основном одинаковых инструментов регулирования отношений между людьми.

Знание юридического прошлого нашей страны, — если и не гарантия, то хотя бы серьезная предпосылка для вос-

становления правовой системы на основании базовых юридических ценностей и для исключения возможности повторения трагических ошибок прошлого.

Принципы Права, выработанные человечеством, закреплённые во Всеобщей декларации прав человека и развитые в последующем в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являются единственным признаваемым всем цивилизованным сообществом мерилom справедливости, способным обеспечить стабильное сосуществование народов и права любого гражданина. Дополняя эти нормы положениями «Декларации о правах и достоинстве человека» X Всемирного русского народного собора 2006 года в области определения нравственных критериев Права, согласно которым существуют ценности, стоящие не ниже прав человека, — вера, нравственность, святыни, Отечество, и реализуя их в России, возможно создать условия для приближения нашей страны к правовому государству.

Верховенство Права и следование своим национальным культурно-историческим ценностям должны стать национальной идеей страны, сплотить нацию и вернуть Россию к нормальной жизни.

*Виктор Буробин,
кандидат юридических наук
президент адвокатской фирмы «ЮСТИНА»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник документов представляет значительную часть следственного дела Н.А. Соколова об убийстве российского императора Николая II и его семьи. 19 июля 1918 г. газета «Правда» опубликовала сообщение советского правительства о том, что в Екатеринбурге по постановлению Уральского областного совета расстрелян бывший царь Николай Романов. О семье императора было сказано: «...Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место».

25 июля 1918 г. в Екатеринбург вошли части белой армии и отряды белочехов. Военные власти начали поиск исчезнувшей царской семьи. Созданная ими комиссия осмотрела шахты заброшенного рудника вблизи д. Коптяки. Здесь, по рассказам местных жителей, накануне объявления о расстреле происходили странные события: оцепление красноармейцами местности, приезд руководителей Уральского областного совета и ЧК, передвижение автомобилей.

Постановлением Екатеринбургского окружного суда от 30 июля следователю по важнейшим делам А.П. Наметкину было поручено вести расследование обстоятельств гибели царской семьи.

С 12 августа 1918 г. расследование продолжил член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев. Он осмотрел дом Ипатьева, в том числе и полуподвальную комнату, где была расстреляна царская семья, собрал и описал вещественные доказательства, найденные в Доме особого назначения

и на руднике. И.А. Сергеев в результате осмотра «расстрельной» комнаты сделал вывод о том, что здесь в ночь на 17 июля 1918 г. были расстреляны б. император Николай II, б. императрица Александра Федоровна, их дети и их слуги.

17 января 1919 г. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак поручил надзор за расследованием главнокомандующему Западным фронтом генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу. 26 января 1919 г. Дитерихс получил подлинные материалы следствия, проведенного Наметкиным и Сергеевым.

А.В. Колчак считал важным поднять политический статус расследования обстоятельств гибели императора Николая II, его семьи и их слуг. Верховный правитель России затребовал для ознакомления материалы следствия и взял под свой личный контроль дальнейшее расследование по «Делу...». А.В. Колчак принимает решение вывести расследование обстоятельств гибели императора и его семьи из подчинения гражданских и военных властей Екатеринбурга и назначает следователем Н.А. Соколова. Н.А. Соколов еще в сентябре 1918 г. был представлен министру юстиции правительства Колчака С.С. Старынкевичу. Высоким покровителем Н.А. Соколова был генерал-лейтенант С.Н. Розанов — начальник штаба Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России¹.

Приказом А.В. Колчака от 6 февраля 1919 г. Н.А. Соколов назначается на должность следователя по особо важным делам Омского окружного суда. 7 февраля ему были переданы подлинное производство и вещественные доказательства по Делу об убийстве отрекшегося от престола императора и его

¹ В личном архиве автора хранится копия письма С.Н. Розанова С.С. Старынкевичу с его просьбой оказать всяческое содействие Н.А. Соколову. Документ передан автору в числе других документов, исходящих из Министерства юстиции правительства Колчака по назначениям на должности судебного ведомства Н.А. Соколова, Петром Сарандинаки.

семьи. Распоряжениями А.В. Колчака Н.А. Соколову были представлены широкие полномочия. «Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно все законные требования судебного следователя Н.А. Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него по моей воле обязанностей по производству предварительного следствия об убийстве бывшего императора, его семьи и великих князей»¹.

Находясь в Омске, Соколов «...усиленно занимался производством следственных действий: осмотрами громадного количества вещественных доказательств, полученных от Дитерихса, совершенно никем не осмотренных и не изученных, имевших для дела громадное значение и требовавших немедленных экспертиз»². Следователь отмечал: «...Помимо значения во многих других отношениях, это дело (об убийстве царской семьи) представляет для криминалиста-практика ту особенность, что оно не имеет того, что обыкновенно почти всегда имеется в делах об убийстве и чем доказывается чаще всего самый факт убийства — трупов. Вследствие того в этом деле самый факт убийства приходилось проверять иными путями. В этом отношении вещественные доказательства и имеют громадный интерес для дела... Конечно, каждое свидетельское показание, до известной степени, носит характер субъективности, что оно ценно тогда, когда оно подкрепляется другими, более объективными доказательствами».

С 8 марта по 11 июня 1919 г. Соколов проводил следственные действия в Екатеринбурге. Следствию активно помогали военные и гражданские власти: Министерство иностранных дел и Министерство Юстиции правительства Колчака, прокурор Екатеринбургского окружного суда И.Ф. Иорданский,

¹ ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Документ передан в ГА РФ в сентябре 1997 г. в Коллекции Правящего Князя Лихтенштейна Ханса-Адама II.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 3. Л. 27.

прокурор Казанской судебной палаты Н.И. Миролубов¹, уголовный розыск, милиция, военная контрразведка. Агент екатеринбургского уголовного розыска С.И. Алексеев в феврале и марте 1919 г. задержал в Перми и допросил основных свидетелей П. Медведева и Ф. Проскурякова. А.Ф. Кирста, И.М. Сретенский и Н.Н. Магницкий активно вели разработку следственных действий, находили свидетелей-очевидцев по делу об убийстве царской семьи.

11 июля 1919 г. Соколов получил приказ Дитерихса выехать из Екатеринбурга и вывезти все акты подлинных следственных производств вместе с вещественными доказательствами. Следуя с отступающей армией Колчака, он не прекращал расследования: находил новых свидетелей, собирал вещественные доказательства. Так, 2 сентября 1919 г. он получил фотографические снимки царской семьи от П.А. Жильяра, от полковника Е.С. Кобылинского; 7 февраля 1920 г. в Харбине — от П.П. Булыгина.

19 декабря 1919 г. для сохранения подлинного следственного дела и вещественных доказательств Соколов передал их Дитерихсу. Следствие продолжалось по копии, снятой Соколовым². Семь томов подлинных документов и восьмой в копиях с частью вещественных доказательств были переданы Дитерихсом французскому генералу М. Жанену и вывезены в Европу. У Соколова остались копии семи томов и подлинник восьмого тома, с которым 20 марта 1920 г. он выехал в Европу.

¹ В архиве Института войны и мира им. Гувера (США) сохранились документы — Переписка И.Ф. Иорданского и Н.И. Миролубова по прокурорскому надзору за ходом и результатами следствия Н.А. Соколова.

² С подлинника было снято еще две копии — для генерала Дитерихса и английского журналиста Вильтона. Копия Дитерихса хранится в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), а копия Вильтона — в библиотеке Гарвардского университета. Оба по материалам следствия, переданным им Соколовым на сохранение, опубликовали книги.

16 июня 1920 г. Н.А. Соколов прибыл в Париж. Здесь, за рубежом, куда переместились многие бывшие политические и государственные деятели России, для Н.А. Соколова открылись новые перспективы в расследовании обстоятельств гибели царской семьи. Уже через месяц после прибытия в Париж он допросил князя Г.Е. Львова — первого председателя Временного правительства России.

В 1924 г. в Париже, в издательстве господина Пайо, на французском языке вышла книга Н.А. Соколова «Enquete judiciaire sur l'assassinat de la Famille imperiale Russe». «Накануне выхода книги у издателя Пайо появились три солидных господина, которые заявили, что принятая Пайо к изданию книга не должна выходить по простым причинам: в ней изложены недоказанные, недостоверные факты, не представляющие никакого общественного интереса, и, вообще, издатель может потерпеть крах, если рассчитывает на прибыль от этого издания»¹.

Кто эти ходатаи о недопущении книги Н.А. Соколова? Это были князь Г.Е. Львов — министр-председатель Временного правительства России, В.А. Маклаков — бывший комиссар Временного комитета Государственной Думы, посол во Франции, и П.Н. Милюков — историк, профессор, министр иностранных дел бывшего Временного правительства. Чего они боялись? Ответ можно найти в документах следствия по делу об убийстве императора Николая II и его семьи.

Из России были вывезены подлинные документы следственного дела и их копии, изготовленные для М.К. Дитерихса и Р. Вильтона. М.К. Дитерихс намеревался передать экземпляр дела об убийстве царской семьи в Центральное управление Русского общевойинского союза в Париже, но, узнав о похищении генерала Миллера, руководителя РОВС, изменил свое намерение. Документы хранила его вдова. «Позже

¹ Авдонин А.П. Дело жизни судебного следователя Николая Соколова. С. 67–69.

они были переданы на хранение в надежное место в одну из западных стран, где хранятся и поныне» — так написал Н. Росс¹. «Надежное место» — это Свято-Троицкий монастырь в городе Джорданвилле. Основным текстом публикации Н. Росса послужил экземпляр дела, ранее принадлежавший генералу Дитерихсу и любезно предоставленный его нынешними владельцами. В собрании генерала Дитерихса содержится на пронумерованных страницах несколько сот следственных протоколов, не разбитых на отдельные тома. Эти документы покрывают отрезок времени от начала следствия до поздней осени 1919 г. и расположены в приблизительном хронологическом порядке. Копии документов на обычной бумаге того времени и не скреплены подписью следователя.

Копия Р. Вильтона в 1937 г. была продана его вдовой на аукционе «Сотбис». В 1964 г. экземпляр, ранее принадлежавший Р. Вильтону и побывавший в частных коллекциях, был подарен Хаутонской библиотеке при Гарвардском университете.

Документы следствия о гибели царской семьи Н.А. Соколов проверял в Париже и 18 января 1921 г. передал подлинники на хранение бывшему послу Временного правительства в Риме М.Н. Гирсу, который составил расписку о том, что 18 января 1921 г. от судебного следователя по особо важным делам Н.А. Соколова им принято на хранение подлинное следственное производство об убийстве отрекшегося от престола государя императора Николая II, его семьи и бывших при ней лиц в десяти (10) томах с вещественными по делу доказательствами².

¹ Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи... С. 17.

² ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 16. Л. 1. Документ впервые введен в научный оборот. На документе автограф — подпись: «Михаил Гирс. Российский посол в Риме», по описям на внутренних сторонах крышек ящиков «дело № 20».

Н.А. Соколовым в «Настольном реестре» за 18 января сделана отметка о том, что он продолжил следствие по дубликатам постановлений¹.

В парижский период жизни Н.А. Соколов собрал в процессе следствия документы, которые составили несколько томов. Так, например, Н. Росс утверждал, что еще семь томов прибавилось к восьми, вывезенным из России². Д. Стюарт писал, что «к первоначальным семи томам дела добавились еще семь»³.

После смерти Н.А. Соколова согласно его завещанию документы архива были переданы на хранение князю Н. Орлову. В конце 20-х годов Н.В. Орлов переехал в США. Он вывез документы и вещественные доказательства по делу с собой. Долгие годы о томах следствия, по которым Н.А. Соколов продолжал работу в Париже, не было известно. Наследники князя распродали их на аукционах. Так, на аукционе «Сотбис» (1990) были выставлены тома следствия и некоторые вещественные доказательства по делу об убийстве царской семьи. В этой коллекции отсутствовали документы следствия т.н. «парижского периода», т.е. тома 9, 10 и 11.

В книге Г. Кинга и П. Вильсон «Романовы. Судьба царской династии» (М., «Эксмо», 2005, с. 940–941) сказано, что копия 10-го тома находится в архиве Г. Форда в Дирборне, штат Мичиган (США).

Дальнейшая судьба документов следствия, переданных Н.А. Соколовым М.Н. Гирсу, до недавних пор не была известна. Н. Росс писал в 1987 г. то, что Джон Стюарт в 1995 г. повторил: «Обычно считается, что ящики были помещены в одном из парижских банков, где они оставались вплоть до Второй миро-

¹ ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 17. Л. 39.

² Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи... С. 17.

³ Стюарт Дж. Правда о смерти царя — правда о страданиях России. С. 43.

вой войны»¹. Ящики в парижском банке были разысканы и вскрыты немецкими оккупационными войсками. В. Александров в своей книге сообщил, что в конце войны комиссия по охране императорских реликвий в составе великого князя Андрея Владимировича и историка Маклакова обыскала Париж в надежде найти эти ящики, но их не было².

Д. Стюарт высказал предположение: «Представляется вероятным, что в самом конце войны, когда Красная армия оккупировала Берлин, Советы обнаружили их и отправили в Москву»³.

Предположение Д. Стюарта можно считать верным. В двух российских архивах в 1992 г. были обнаружены следственные тома по делу об убийстве царской семьи — в бывшем ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС и ведомственном архиве Главной военной прокуратуры.

Уникальные документы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколова по делу об убийстве российской императорской семьи и их приближенных лиц сохранились в архивах разных стран. Известно местонахождение документов и вещественных доказательств следствия Н.А. Соколова в США, Великобритании, Греции, Франции и Российской Федерации.

Открытие спецхранов отечественных архивов в 1991 г. преподнесло российским и зарубежным исследователям много сюрпризов. В архивах Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска и Томска были обнаружены материалы следствия Н.А. Соколова. Некоторые документы следователя Н.А. Соколова хранились в недоступных исследователям ведомственных архивах.

¹ Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи... С. 16; Стюарт Дж. Правда о смерти царя — правда о страданиях России. С. 43.

² Александров В. Конец Романовых. Бостон, 1966.

³ Стюарт Дж. Правда о смерти царя — правда о страданиях России // Наше наследие. 1995. № 33. С. 43.

История возвращения в Россию документальных источников по расследованию обстоятельств гибели царской семьи до сих пор неясна. В 1945 г. папки с документами следствия были обнаружены военнослужащими Группы советских войск в Германии в подвальном помещении склада г. Бернау в числе других папок с материалами на русском языке¹. Четыре тома (№ 5, 8 и 11 — по делу № 20 и один том из личного архива Дитерихса) в 1948 г. попали в Главное управление МГБ СССР, с 1949 г. в Центральный архив МГБ — КГБ при СМ СССР. По распоряжению ЦК КПСС 15 июля 1964 г. четыре тома были переданы Учетно-архивным отделом КГБ при СМ СССР Центральному партийному архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (РГАСПИ) на постоянное хранение, где хранились в фонде № 588 (Коллекция документов по истории России. 1885–1985), оп. 3с (секретная)².

По нумерации Н.А. Соколова — это копия тома № 6, охватывающего период следствия с 10 июня 1919 г. по 7 июля 1919 г.; копия тома № 8, в котором сосредоточены документы с 5 ноября 1919 г. по 24 июня 1920 г.. Здесь же подлинник тома № 11, который содержит документы следствия с 17 января 1921 г. по 10 сентября 1922 г.

История четырех томов следствия Н.А. Соколова, которые были переданы в 1964 г. в б. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, связана с ведением расследования обстоятельств гибели царской семьи в ЦК КПСС.

В 1964 г. в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева с письмом обратился М.М. Медведев, сын М.А. Медведева-Кудрина, чекиста, члена коллегии УралоблЧК³. Историей гибели царской

¹ Личный архив автора. Письмо начальника Центрального архива ФСБ Виноградова В.

² РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 5, 6, 7, 8; Д. 1. Л. 1–26. Отметим, что в Справке ЦК КПСС не упомянуто об этих документах, заверена А.Н. Яковлевым 16 декабря 1964 г.

³ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 1. Л. 21–25.

семьи заинтересовались в ЦК КПСС¹. Письмо М.М. Медведева стало началом образования целого комплекса документов, созданного в результате работы Идеологического отдела ЦК КПСС. Идеологический отдел ЦК КПСС обратился с запросом в государственные и партийные архивы страны с просьбой разыскать документы, касающиеся расстрела царской семьи.

В «Справке» ЦК КПСС совсем не упомянуто о том, что в архивах КГБ находились на хранении четыре тома документов «Предварительного следствия по делу об убийстве Николая II, его семьи и слуг». Только после ознакомления с этими уникальными документами в аппарате ЦК КПСС их могли передать в бывший ЦПА в составе других архивных документов, собранных в Идеологическом отделе². Итоговым документом, составленным на основе полученных по запросу Идеологического отдела ЦК КПСС документов партийных и государственных архивов, явилась «Справка ЦК КПСС об обстоятельствах, связанных с расстрелом царской семьи Романовых, с приложением письма М.М. Медведева Н.С. Хрущеву». Дата этого документа — 14 марта — 14 декабря 1964 года, объем — 26 страниц³. В Идеологическом отделе ЦК КПСС в связи с письмом М.М. Медведева «были изучены многие архивные документы, сопоставлены записанные на магнитную ленту личные рассказы участников расстрела царской семьи, а также документы и воспоминания, опубликованные в нашей стране и за рубежом»⁴ и был вынесен вердикт: «Печатать воспоминания М.М. Медведева нежелательно, так как они, по сравнению с уже существующими материалами, содержат только фактические утверждения. Эти воспоминания можно было бы поместить в фонд особого хранения Цент-

¹ Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. С. 147–151.

² Там же. Д. 5, 6, 7, 8.

³ Там же. Д. 1. Л. 19. Документ завизировал А.Н. Яковлев 16.12.1964.

⁴ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

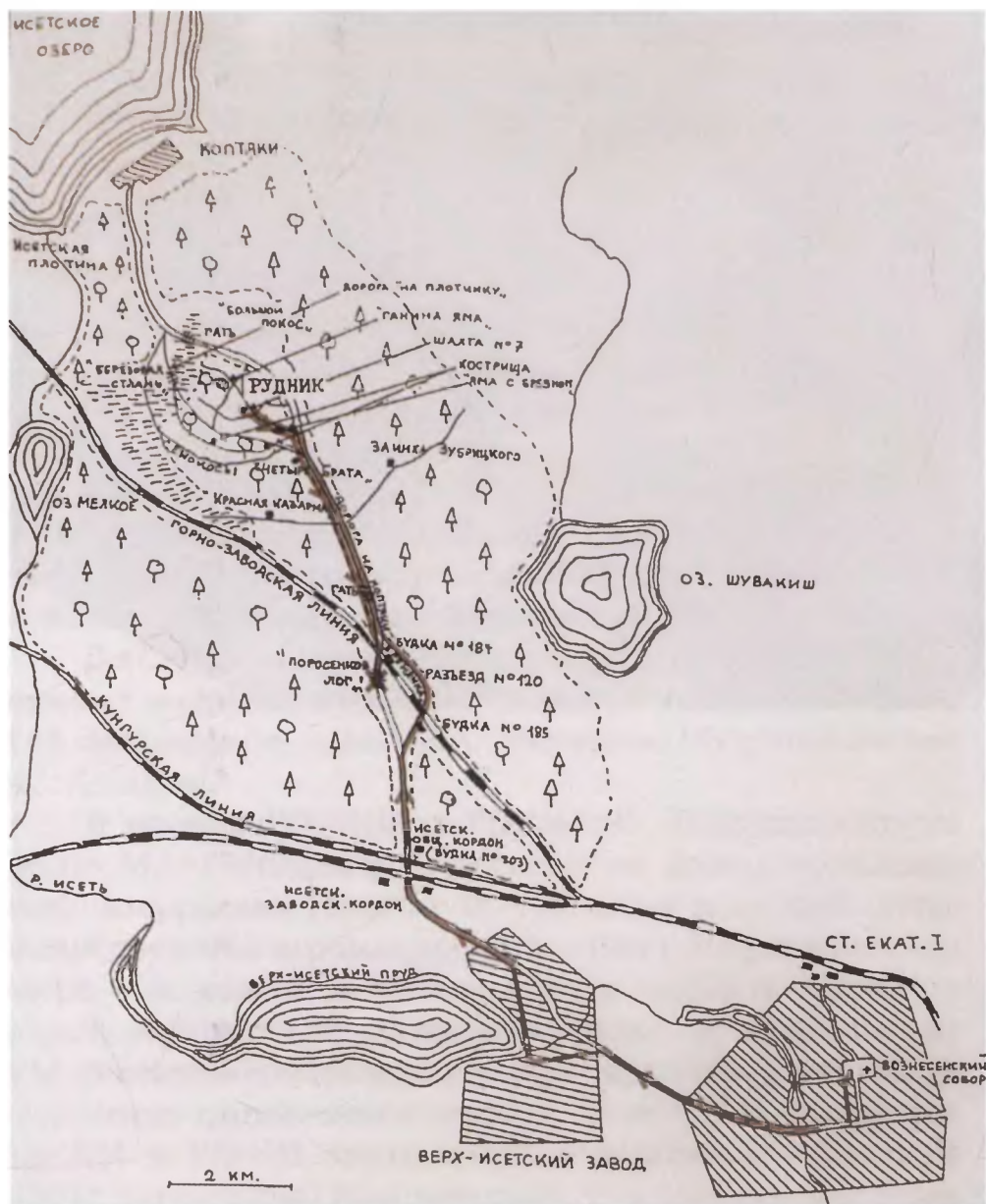

Схема маршрута, по которому везли останки
 членов царской семьи и расстрелянных вместе с ними лиц
 Из материалов М.К. Дитерихса. 1922 г.

П.З. Ермаков на мостике из шпал
Старая Коптяковская дорога. 1924 г.

рального архива Института марксизма-ленинизма¹. Там же следовало бы хранить и воспоминания Г.П. Никулина и И.И. Родзинского, записанные на магнитную ленту в процессе изучения вопроса». Документы были переданы в ЦПА, в фонд 588, опись 3 — секретная.

Справка ЦК КПСС «О некоторых обстоятельствах, связанных с расстрелом царской семьи Романовых» составлена на основании документов партийных и государственных архивов и включает фрагменты только тех документов, на которые ссылались архивы в справках, представленных ими в Идеологический отдел ЦК КПСС.

В «Справке» ЦК КПСС указано, что «в связи с тем, что во время изучения этих событий возник вопрос о розыске места захоронения царской семьи и возможном вскрытии могилы, были изучены материалы, касающиеся и этого вопроса»².

В «Справке» ЦК КПСС отмечено, что вопрос о розыске места захоронения царской семьи был поставлен в письме М.М. Медведева — сына М.А. Медведева (Кудрина) на имя Н.С. Хрущева³.

В архивах РГАСПИ и РГАНИ не обнаружено второе письмо М.М. Медведева, в котором он просил «разыскать место захоронения Николая II, его семьи и их слуг; автор письма предлагал перезахоронить останки в Петропавловском соборе, тем самым дать возможность наладить контакт с русской эмигрантской общественностью»⁴. К этому письму М.М. Медведев приложил карту-схему предполагаемого места захоронения трупов членов царской семьи. Среди документов РГАСПИ и РГАНИ, относящихся к комплексу, созданному в 1964 г., карты-схемы не обнаружено.

М.М. Медведев высказал автору предисловия предположение о том, что карта-схема захоронения останков царской

¹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 1. Л. 2

² РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 1. Л. 15.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 62. Л. 225.

⁴ Архив автора. Запись беседы с М.М. Медведевым. Июль 1992 г.

семьи и их слуг была изъята из комплекса источников, созданного в структуре ЦК КПСС, и передана в ведомственный архив Управления КГБ по Свердловской области. М.М. Медведев высказал предположение о ее передаче Н.А. Щелокову или Г.Т. Рябову. Г.Т. Рябов рассказал о том, что «Н.А. Щелоков обратился по моей просьбе к руководству Главного архивного управления при СМ СССР, и я оказался на Пироговке, в Архиве Октябрьской революции»¹. И конечно, он не мог не прочесть документ Я.М. Юровского с карандашной припиской в конце текста — координат места захоронения останков убитых в доме Ипатьева в ночь на 17 июля 1918 г.

В РГАСПИ хранится том следственного дела с документами от 23 мая по 23 июля 1919 г.² Среди документов этого тома — уникальный протокол осмотра рудника и прилегающей к нему местности. Здесь же чертеж местности, который был выполнен военным инженером Я. Пржедецким, а также сделанные Р.А. Вильтоном фотографии, иллюстрирующие протокол осмотра³. Мы полагаем, что чертеж местности, приложенный к протоколу осмотра Н.А. Соколовым, является наиболее точным. Этот документ — ценнейший источник для поиска исторической истины в продолжающихся и по сей день дискуссиях о месте захоронения останков царской семьи и их слуг.

Источниковедческий анализ протокола от 23 мая — 17 июня 1919 г. осмотра пути, идущего к руднику, в районе которого были обнаружены вещи, очень важен, тем более что в таком полном собрании документов следствия, как «Гибель царской семьи...» (составитель Н.Г. Росс), протокол этот опубликован с купюрами. В примечании к документу Н.Г. Росс записал: «Опускается описание пути из Екатеринбурга до

¹ Рябов Г.Т. Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. С. 102.

² По нумерации томов следственного дела Н.А. Соколова это том 5; в РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 8.

³ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 8. Л. 32–61.

самого района рудника». В частной беседе Н.Г. Росс с сожалением отмечал, что пропустил «мостик из шпал»¹, Протокол осмотра Н.А. Соколовым местности рудника 23 мая — 17 июня 1919 г. опубликован полностью в VIII выпуске «Российского архива»².

Для исследователей темы это один из важнейших документов следствия, который иллюстрирует отношение следователя к месту предполагаемого сокрытия останков царской семьи. До Н.А. Соколова местность Четырехбратского рудника была еще летом-осенью 1918 г. тщательно осмотрена его предшественниками: здесь был 30 июля 1918 г. следователь А.П. Наметкин. Подробно описал состояние поисковых дел на руднике Н.Н. Магницкий 30 декабря 1918 г.³

Н.А. Соколов спустя почти год лично проверил путь к руднику, рудник и прилегающую к нему местность. Что нового внес в расследование обстоятельств сокрытия останков царской семьи Н.А. Соколов в результате осмотра пути к руднику, рудника и местности, прилегающей к нему? «При исследовании... были найдены следующие предметы, обратившие на себя внимание» — и далее на четырех страницах следователь перечисляет находки. Для нашего исследования важно отметить следующее: «б) при исследовании кострищ 23 мая, находящихся вблизи тропы... в самих кострищах ничего не найдено»⁴. «При исследовании кострища около ямы с бревном 23 мая было найдено: железная пластинка, толстый обрывок веревки, 5 сосновых палочек; при исследовании 25–26 мая места вокруг костра, находящегося на глиняной площадке,

¹ Из беседы Н.Г. Росса с В.Н. Соловьевым — прокурором-криминалистом Генеральной прокуратуры РФ. Личный архив автора. Н. Росс исправил свою ошибку в статье «Записка Юровского или записка Покровского» журнал «Русская мысль», 10-16 апреля 1997 г., № 4169.

² Соколов Н.А. Предварительное следствие... С. 27–51.

³ Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи... С. 123–127.

⁴ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 8. Л. 28.

обгорелые кусочки сукна, 30 обгорелых кусочков материи, 5 обгорелых костей дамского корсета, винтовочный патрон, 13 обгорелых косточек млекопитающего, один осколок аметиста»¹. «Природу костей не представляется возможным определить без научного исследования», — констатировал Н.А. Соколов.

«При исследовании глиняной площадки, на которой находится кострище, найдено следующее: 25 мая — 1 винтовочный патрон, 2 патрона от револьвера, оболочка от пули без свинца, 9 кусочков свинца; 27 мая — две револьверные пули... 1 июня — два осколочка какой-то кости млекопитающего, сильно обгорелые... два обгорелых кусочка какой-то кости млекопитающего... на той же площадке, но в другом месте ее 13 кусочков каких-то костей млекопитающего, видимо, обгорелых, одна обгорелая пуговица от дамского пальто, свыше 10 каких-то обгорелых предметов, видимо, обуви»².

«При обследовании ямы около “Открытой” шахты (шахты № 7) на склоне ее 27 мая найдены — золотая оправа от пенсне, стекла которого не имеют оправы (видимо, Боткина), и шнурок, видимо, от пенсне»³. «При обследовании местности около самой “Открытой” шахты (между глиняной площадкой и “Открытой” шахтой), в непосредственной близости с шахтой 4 июня были найдены — осколки желтого и белого стекла, один кусочек красной парафиновой свечи и две части ручной гранаты; 5 июня — между “Открытой” шахтой и глиняной площадкой было найдено 5 осколков тонкого белого стекла; 13 июня вблизи Ганиной ямы найдены 2 части ручной гранаты». «Более никаких предметов в описанном районе при

¹ Там же. Л. 29 об.

² Там же. Л. 29 об.

³ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 8. Л. 30. А.Н. Авдонин справедливо замечает: кто же мог обронить в лесу, на руднике, золотое пенсне, а также другие предметы (крест с изумрудами, бриллиант и др.)? См.: Авдонин А.Н. Ганина яма. История поисков останков царской семьи. С. 83.

наружном осмотре такового и розыска не усмотрено». «Из кострища около “Открытой” шахты и около старой березы, на которой была надпись “Фесенко”, взята средняя проба земли для производства исследований»¹.

Н.А. Соколов сделал свои выводы по осмотру рудника и прилегающей к нему местности. Принципиальным является его вывод: «4. ...определить возможное местонахождение трупов августейшей семьи при наружном осмотре данной местности или частей сих трупов, буде самые трупы расчленялись и уничтожались, не представляется возможным. Таких мест в данной местности слишком много, и для правильного разрешения этой задачи необходимо планомерное производство работ по раскрытию старых шурфов, шахт и других мест, внушающих некоторые в сем отношении подозрения». Вот перспектива розыска останков царской семьи, изложенная Н.А. Соколовым. «Волей господина Верховного правителя, лично объявленной 3 июня сего года господином Верховным правителем судебному следователю, производство сих работ возложено на генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса в согласии с данными предварительного следствия»².

19–22 июня 1919 г. Н.А. Соколов производил осмотр предметов, обнаруженных при осмотре рудника и окружающей его местности 23 мая — 17 июня 1919 г. В протоколе осмотра под № 38 судебный следователь зафиксировал нахождение 14 осколков костей, далее он написал: «Все кости, видимо, рублены. Они все носят ясно выраженные признаки ожогов их. Определить природу костей и самый характер ожогов их не представляется возможным без научного исследования их...»³ Среди других обнаруженных предметов под № 88 им отмечены 18 обломков костей. В протоколе записано: «Все они

¹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 8. Л. 30 об., 31.

² Там же. Д. 8. Л. 31.

³ Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи... С. 375.

имеют следы ожогов. Не представляется возможным определить природу этих костей без научного исследования»¹.

С 6 июня по 10 июля 1919 г. Н.А. Соколов осматривал раскопки старого рудника, описанного им в протоколе 23 мая — 17 июня 1919 г.² До 10 июля (когда по приказу М.К. Дитерихса были свернуты работы на руднике ввиду приближения красных войск к Екатеринбург) была разработана для просевки, промывки приблизительно одна четвертая часть глиняной площадки, находившаяся вблизи «Открытой» шахты. «Остальная часть ее осталась не использованной этими способами»³.

При обследовании «Открытой» шахты (шахта № 7), описанном в протоколе 23 мая — 17 июня 1919 г., Н.А. Соколов сделал вывод: «Таким образом, состояние обоих колодцев шахты № 7 абсолютно исключает всякую возможность нахождения где-либо в ней или ее разработке трупов августейшей семьи»⁴. «Вся засыпка, вынутая из малого колодца шахты, была подвергнута, после осмотра ее, промывке на решетках. При промывке засыпки были найдены следующие предметы...»⁵. Для нашего исследования интересны находки от 8 июля: «...3 кусочка, покрытые и смешанные с глиной, грязного цвета, сильно издающие запах сала... 9 июля — 1 кусок какого-то беловатого предмета, запачканного глиной, издающего запах сала; 10 июля — ...8 крупных кусков какого-то предмета грязноватого цвета, сильно запачканного глиной, и несколько мелких кусочков такого же предмета с сильным запахом сала»⁶.

¹ Там же. С. 376.

² Там же. С. 398.

³ См.: Авдонин А.Н. Ганина яма. История поисков останков царской семьи. С. 292–293, 321–332. А.Н. Авдонин при исследовании обнаружил много предметов, идентичных находкам в 1918 г. А.П. Наметкина, Н.Н. Магницкого и в 1919 г. Н.А. Соколова.

⁴ Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи... С. 401.

⁵ Там же. С. 402.

⁶ Там же.

Протокол осмотра работ по раскопкам старого рудника 6 июня — 10 июля 1919 г. — ценнейший исторический источник, так как он освещает результаты важного исторического события — поисков останков царской семьи, проведенных в районе старого рудника, предполагаемого места их уничтожения.

Важный момент, который первым отметил А.Н. Авдонин, — результат осмотра глиняной площадки: «Грунт площадки был исследован в полном объеме, и он не содержит костных частиц, которые так энергично искало следствие. Стало быть, костные фрагменты являются привнесенными и не связанными с костром на площадке»¹.

Костер и грунт под ним были исследованы путем промывки, просеивания. В протоколе отмечены находки, которые были обнаружены промывкой грунта глиняной площадки. Ни одной, даже мельчайшей косточки не было найдено. Промывка грунта кострища у второй березы практически не дала важных результатов.

Было выполнено детальное обследование 30 горных выработок старого рудника. Только в одной из них, шахте № 7, или «Открытой» шахте, обнаружены предметы, принадлежащие царской семье и их слугам: труп собачки Анастасии Николаевны, уланский значок Александры Федоровны и другие. Здесь же кусочки, покрытые глиной и издающие запах сала.

В своей книге Н.А. Соколов писал, что «трупы расчленились на части, которые и сжигались в кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой», что «сжигаемые на простой земле трупы выделяли сало. Стекая, оно просаливало почву»². В книге не опубликован протокол осмотра 19–22 июня работ по раскопкам старого рудника 6 июня — 10 июля, где зафиксировано место нахождения сальных кусочков. Н.А. Соколов в своей книге бездоказательно распространил находки в шахте № 7 на глиняную площадку.

¹ Авдонин А.Н. Ганина яма. История поисков останков царской семьи. С. 102.

² Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Издательство Свято-Преображенского Валаамского монастыря, 1998. С. 273–274.

Исследователи темы, знакомые с материалами следственного дела, в том числе с уникальными документами, где подробно изложены детали осмотра местного рудника, к сожалению, невнимательно изучили их, опираясь только на его книгу, поддержали выводы следователя. «Н.А. Соколов убедительно доказал, что именно там, у шахты “Открытая”, трупы были расчленены и в течение трех дней сожжены и окончательно уничтожены»¹. Из приведенных выше источников видно, что такой аргументации сожжения трупов в 1919 г. у Н.А. Соколова не было.

Н.А. Соколов наметил перспективы поиска трупов царской семьи, указав на необходимость изучения и «других мест». На это его ориентировали данные, полученные в результате допроса сторожа переезда № 184 Я.И. Лобухина и его сына 10 июля 1919 г. Н.А. Соколову в июле 1919 г. не хватило времени для обнаружения останков. Последние свидетели явно указывали следователю на странные действия чекистов в ночь 19 июля на старой Коптяковской дороге, в логу, где застрел грузовик «Фиат», возвращающийся с рудника².

Для Н.А. Соколова было важно осмотреть не только рудник, но и путь к нему. Он точно установил маршрут движения автомобиля и повозок с телами убитых в доме Ипатьева. Он шагами вымерил весь путь движения грузовика от Дома особого назначения до рудника. По данным осмотра рудника Н.А. Соколов выдвинул рабочую следственную версию о возможном сожжении тел на руднике, отмечая при этом в письме от 30 июля 1919 г. М.К. Дитерихсу, что «вопрос о месте-нахождении трупов является вопросом первой важ-

¹ Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Романовы: уничтожение династии. М., 2000. С. 370–371.

² Об этом рассуждают уральские историки, повторившие путь Н.А. Соколова от Екатеринбурга до рудника, знающие местность, традиции населения. См.: Авдонин А.Н. Ганина яма. История поисков останков царской семьи. С. 143; Плотников Н.Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. С. 315.

ности»¹. Веских данных о сожжении тел на руднике следователь не обнаружил. Н.А. Соколов профессионально подошел к расследованию, не делая окончательных выводов, так как по действующему законодательству следователь не имел права давать оценку собранным доказательствам².

Изложенные факты в этом протоколе осмотра рудника и местности, прилегающей к нему, нашли убедительное подтверждение в других документах следствия. Из протокола допроса 10 июля 1919 г. линейного сторожа при разъезде № 120 горнозаводской линии Я.И. Лобухина: «...От Коптяков прошел грузовой автомобиль. Прошел он через переезд, пошел прямо через лог, а не “временкой”, как шли все остальные. Этот автомобиль в логу и засел в топком месте». «...Должно быть, автомобиль у них в логу застрял ...а за ночь они там целый мостик выстроили из шпал и из тесу от моей городьбы...»³.

Сын сторожа рассказал следователю о том, что «около 12 часов ночи по дороге от Коптяков приехал через наш переезд грузовой автомобиль... Вместе с ним шло 10—12 коробков и, кажется, несколько еще дрог.. А грузовой автомобиль, коробки и дроги поехали на город прямо от нашего переезда. Там в логу у них автомобиль застрял. Кто-то у них взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик. Это мы утром увидели, что у нас ограда разобрана и мостик набросан из шпал»⁴.

Еще одно убедительное доказательство появления «мостика из шпал» в те дни, когда в окрестностях рудника и на Коптяковской дороге наблюдалось оживленное движение автомобилей с красноармейцами и комиссарами, это протокол допроса свидетеля А.А. Шереметевского Н.А. Соколовым 9 июля 1919 г. Свидетель рассказал, что, проезжая через Поро-

¹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. Л. 48.

² Расследование цареубийства. Секретные документы. С. 8.

³ Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи... С. 396.

⁴ Там же. С. 394—395.

сенков лог он запомнил, что «в этом логу мы проезжали через мостик, набросанный из шпал. Этот мостик и соорудили “товарищи” как раз в то время, когда они производили свои таинственные работы у рудника. Раньше этого мостика не было. Я хорошо знаю эти места и утверждаю, что именно в то время он и появился. Да и кто же мог бы взять из полотна шпалы и открыто тут же в полверсте от полотна воспользоваться ими, кроме “товарищей”?»¹

Документы следствия Н.А. Соколова подшиты в папки темно-синего цвета, на обложках которых типографский текст: «Предварительное следствие, произведенное судебным следователем по особо важным делам Н.А. Соколовым по делу...» Далее рукописный текст «Об убийстве отрекшегося от Престола Российского Государства Государя Императора Николая Александровича, Государыни Императрицы Александры Федоровны, Их детей, Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, великих княжон: Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, Марии Николаевны, Анастасии Николаевны и находившихся при них: доктора Евгения Сергеевича Боткина, повара Ивана Михайловича Харитонов, лакея Алексея Егоровича Труппа и комнатной девушки Анны Степановны Демидовой. Начато 7 февраля 1919 г.». Тома следственного дела прошнурованы и скреплены сургучными оттисками личной печати следователя Н.А. Соколова.

Протоколы подписаны И.А. Сергеевым, Н.А. Соколовым, понятыми и другими участниками следственных действий. Копии и выписки заверены Н.А. Соколовым. На левом поле каждого листа многостраничных томов красными чернилами сделана разделительная постраничная запись-скрепа: «*следователь по особо важным делам Омского окружного суда Николлай Алексеевич Соколов*».

В РГАСПИ хранится один том из личного архива М.К. Дитерихса. Обложка тома красного цвета, с типографским текстом: «Предварительное следствие, произведенное

¹ Соколов Н.А. Предварительное следствие... С. 61.

судебным следователем по особо важным делам Н.А. Соколовым по делу»; ниже автограф Н.А. Соколова: «Личный генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса архив бумаг по делам № 20, 21 и 23. 29 декабря 1919 г. Н.А. Соколов составил Справку о том, что "... в августе месяце 1920 г. в г. Фонтебло во Франции этот личный архив М.К. Дитерихса приводил в порядок и изъяс для своего личного архива некоторые документы..." Это — «Предписание Н.А. Соколову Верховного Правителя от 17 января 1919 г.», «Предписание Верховного Правителя от 10 апреля 1919 г.», «Рапорт судебного следователя Н. Соколова от 10 декабря 1919 г.» и др.

Исторический и национальный интерес представляют подлинные описи состоявшейся передачи материалов следствия, заверенные И.А. Сергеевым¹.

М.К. Дитерихс составил «Опись бумаг, относящихся к розыску об убийстве царской семьи», заверив опись личной подписью. Подлинные описи дают возможность изучить перечисленные вещественные доказательства по делу об убийстве царской семьи, обнаруженные в доме Ипатьева, а также на руднике. Кроме того, отдельная опись составлена И.А. Сергеевым на предметы, которые были вложены в сафьяновую шкатулку².

В опись вошли следующие документы, озаглавленные И.А. Сергеевым.

«Опись № 1 вещам, найденным при осмотре дома Ипатьева и принадлежащим царской семье и обнаруженным в печах и при просеивании пепла».

К описи № 1 И.А. Сергеев сделал примечание: «Дневник наследника завернут в особый пакет, а деньги в сумме 575 руб., отобранные у Летемина, сданы в кассу окружного суда под расписку кассира суда Фролова»³. Кстати, у Летемина, состоявшего в охране Дома особого назначения, были обнаружены фото-

¹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. Л. 208—235.

² Там же.

³ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. Л. 261.

графический аппарат и наставление к употреблению аппарата «Кодак»¹.

«Опись № 5 вещей, найденных при осмотре дома Ипатьева». Все описи были приняты Н.А. Соколовым, о чем он сделал заверительную запись: «11 февраля 1919 г. по сей описи все предметы, значащиеся в группе 11 от генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса принял судебный следователь Н. Соколов»².

Также в этом уникальном томе из личного архива М.К. Дитерихса — описи икон, найденных при осмотре дома Ипатьева, которые заверены записью И.А. Сергеева: «Четыре иконы с надписями особого характера» и «Примечание: иконы за №№ 58, 59, 60 и 61 помещены в отдельные свертки»³.

Для исследователей представляет интерес «Опись вещам, найденным при осмотре шахты», составленная И.А. Сергеевым. Внизу запись: «11 февраля 1919 г. по сей описи все предметы от генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса принял судебный следователь Н.А. Соколов». На документе пометка карандашом против номеров предметов: «в синей шкатулке»⁴.

История «синего сафьянового сундучка» или «синей шкатулки» полна детективных сюжетов. До недавнего времени не было известно местонахождение ее и хранящихся в ней предметов, принадлежащих царской семье. Из материалов следствия известно содержимое «синей шкатулки». В Описи вещам, найденным при осмотре разными лицами шахты и района, прилегающего к шахтам против предметов отмечено карандашом и в скобках: «В синей шкатулке».

В «Описи вещам, принадлежащим графине А.В. Гендриковой и найденным в камере Волжско-Камского банка» под № 108 записано: «Дневник гр. А.В. Гендриковой, начатый 17 сентября 1916 года и остановленный в Тобольске 6 августа 1917 года. Дневник посвящен покойной матери мученически

¹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. Л. 260.

² Там же. Л. 215.

³ Там же. Л. 217.

⁴ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. Л. 122, 122 об.

убитой графини Анастасии Васильевны. Дневник представляет записную книжку, в черном кожаном переплете, с кожаной застежкой и металлическим замочком». Под номером рукой М.К. Дитерихса карандашом отмечено: «*В синей шкатулке*».

В 1998 г. сценарист С. Мирошниченко встречался в Париже с дочерью Н.А. Соколова — Натальей, она показала ему «синюю шкатулку» и подарила свою фотографию с «синей шкатулкой» в руках.

В среде русской эмиграции было известно, что при закладке храма-памятника РПЦЗ святого Иова Многострадального, построенного в честь царя-мученика Николая II в г. Брюсселе, была замурована эта драгоценная реликвия. Но члены Правительственной комиссии не получили исчерпывающей и достоверной информации о месте хранения «синей шкатулки» и предметов, хранящихся в ней. К митрополиту обратился с просьбой о предоставлении частиц мощей для идентификации вице-премьер Российской Федерации Юрий Яров. Ответом был отказ: «От светских, земных властей мы ничего не ожидаем, а царственных мучеников прославили еще в 1981 году. Никогда мы не сможем передать их святые мощи какой-либо комиссии». В рамках работы правительственной комиссии состоялась командировка директора ГА РФ С.В. МIRONENKO и прокурора-криминалиста ГП РФ В.Н. Соловьева во Францию и Бельгию с 25 октября по 12 ноября 1995 г. Во время встречи с председателем Общества ревнителей памяти императора Николая II, старостой церковной общины православной церкви святого Александра Невского на ул. Дарю (Париж) князем С.С. Оболенским была достигнута договоренность о выявлении документов, связанных с гибелью царской семьи. Работа комиссии была положительно оценена в кругах эмиграции, и ее вывод о том, что в захоронении под Екатеринбургом обнаружены останки царской семьи и лиц из ее окружения, не вызывает у них сомнения, отметили в своем отчете С.В. МIRONENKO и В.Н. Соловьев. Авторы отчета сообщили сенсационную новость о том, что во время встречи в Париже с М. Ростроповичем они узнали, что он приобрел пять томов подлинного

следствия Н.А. Соколова по делу об убийстве царской семьи¹. У М. Ростроповича оказались подлинные письма императрицы Александры Федоровны к графине А. Гендриковой, расстрелянной в Перми в 1918 г.²

Ознакомиться с документами авторы отчета не имели возможности: они находятся на хранении в одном из банков Швейцарии. Ксерокопии с указанных пяти томов, по словам М. Ростроповича, были переданы члену комиссии Э.С. Радзинскому³. Какую из копий приобрел М. Ростропович на аукционе «Сотбис» — неизвестно. На аукционе выставлялись документы Н.А. Соколова, ранее находившиеся у наследников князя Н. Орлова, а также копия, принадлежащая адвокату Г. Форда⁴.

10 ноября 1995 г. С.В. Мироненко и В.Н. Соловьев провели работу в Бельгии по поиску вещественных доказательств, находившихся в «сафьяновом сундучке» императрицы Александры Федоровны. Во время встречи с представителями общины храма-памятника святого Иова Многострадального в Брюсселе обсуждался вопрос о возможном нахождении среди святынь памятника предметов, входивших в число вещественных доказательств следствия Н.А. Соколова⁵. В Строительный комитет входят учредители — владельцы храма. На заседание Строительного комитета были приглашены старейшие члены

¹ ГА РФ. Ф. 10130. Оп. 1. Л. 16–19.

² РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. Л. 64–80. В документах следствия сохранился перевод писем императрицы Александры Федоровны к А.В. Гендриковой, а также выдержки из дневника А.В. Гендриковой, три открытки, написанные рукой А.В. Гендриковой государыне императрице Александре Федоровне. Н.А. Соколов сделал 17 января 1921 г. в «Настольном реестре» запись: «...обнаружены подлинные письма Государыни Императрицы к графине Анастасии Васильевне Гендриковой».

³ ГА РФ. Ф. 10130. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

⁴ Стюард Дж. Правда о смерти царя — правда о страданиях России // Наше наследие. 1995. № 33. С. 44.

⁵ ГА РФ. Ф. 10130. Оп. 1. Д. 3. Л. 3

общины храма, хорошо знакомые с обстоятельствами строительства, оборудования и освящения храма, бывшие члены-учредители комитета. «Никакие данные о нахождении в храме-памятнике указанных реликвий не установлены»¹. Настоятель храма-памятника отец Николай (Семенов), член Строительного комитета Н.Н. Зубов и другие выразили желание принять участие в поиске документов по истории гибели царской семьи.

Отдельно составлены описи под № 11 — «Запечатанная печатями Екатеринбургского окружного суда и прокурора суда коробочка с бриллиантом, найденная в костре, в лесу близ дер. Коптяки. И.А. Сергеев» и под № 12 — «Коробочка с крестом из изумрудов, принадлежащая одной из дочерей государя, найденная там же, где и бриллиант. Опечатана теми же печатями. И.А. Сергеев»².

Из «Исходящего реестра» мы узнали о том, что Н.А. Соколов передал бриллиант князю Н. Орлову, о чем свидетельствует запись от 10 июля 1922 г.: «Ее высочеству княгине Надежде Петровне с бриллиантом и фотографией» и собственноручная подпись: «Для доставления получил. Князь Н.В. Орлов».

К числу уникальных документов следователя Н.А. Соколова относятся документы, переданные из архива КГБ в Государственный архив РФ. Из «Коллекции документов по делу Романовых», хранившейся в архиве КГБ, были переданы в ГА РФ следующие материалы: документы о вывозе следователем Н.А. Соколовым подлинных материалов следствия; письмо А. Сотникова Э.Г. Фрейбергу о судьбе великого князя Михаила Александровича, протокол допроса Э.Г. Фрейберга Н.А. Соколовым³ и др. Это подлинный протокол допроса князя Г.Е. Львова в Париже 6–26 июля 1920 г., текст которого выполнен на пишущей машинке на типографском бланке следователя

¹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6.Л. Л. 226–226 об.

² Там же. Л. 215.

³ ГА РФ. Д. 52. Л. 1–4; Д. 53. Л. 1–14.

по важнейшим делам Омского окружного суда Н.А. Соколова.¹

История появления подлинных документов Н.А. Соколова по делу об убийстве царской семьи в Центральном архиве КГБ до недавнего времени была неизвестна. Изучение обстоятельств поездки Н.А. Соколова вместе с П.П. Булыгиным в Германию и освещение событий в немецкой прессе по поводу нападения на квартиру Н.А. Соколова позволили автору высказать предположение, что они оказались в ведомственном архиве после похищения документов Н.А. Соколова по «Делу...» в 1921 г.

В апреле — июне 1921 г. Н.А. Соколов был в Германии и допрашивал свидетелей по делу. У него состоялась беседа с Бартельсом в присутствии полковника Э.Г. Фрейберга, представителя атамана Семенова в Германии². Наша точка зрения совпадает с мнением Дж. Стюарта, который писал о том, что «немцы с русскими коммунистами охотились за архивом Н.А. Соколова и ограбили его квартиру»³, и выглядит достоверной. Об этом же написал во введении Н. Росс: «В 1921 году, во время его поездки в Германию, комната, в которой он жил в Германии, была ограблена»⁴.

В прессе с 1987 г. стали появляться сообщения о выставлении материалов на аукционе «Сотбис» и муссировались слухи о приобретении их для России. 27 февраля 1990 г. посол СССР в Великобритании Л. Замятин сообщал в ЦК КПСС о выставлении на аукционе материалов, связанных с жизнью царской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Он сообщил о том, что наследники графа Орлова продают через известную фирму «Сотбис» документы следователя Н.А. Соколова, и пред-

¹ Там же. Л. 78—85.

² Соколов Н.А. Предварительное следствие... С. 306.

³ Стюарт Дж. Правда о смерти царя — правда о страданиях России // Наше наследие. 1995. № 33. С. 32—45.

⁴ Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи... С. 16.

ставил фотокопии некоторых из них. Например, телеграмму Белобородова Свердлову для передачи ее Голощекину от 4 июля 1918 г. А.Н. Яковлев обратился за советом к директору Института марксизма-ленинизма Л. Смирнову и получил ответ: «...данные материалы особой ценности не представляют... документы хорошо известны после публикации следователя Н. Соколова. Подлинность телеграммы Белобородова ставится под сомнение и нашими, и зарубежными исследователями. Приобретение предлагаемой серии материалов не представляется целесообразным».

В 1990 г. документы и часть вещественных доказательств по делу об убийстве царской семьи наследниками князя Н.В. Орлова были выставлены на аукционе «Сотбис», где они были оценены в 350 тысяч фунтов стерлингов. Документы следствия были проданы анонимному покупателю. В документах правительственной комиссии по идентификации и изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи, сохранились отчеты о зарубежных поездках В.Н. Соловьева и С.В. Мироненко, из которых стало известно, что тома следствия Н.А. Соколова приобрел М.Л. Ростропович.

В 1994 г. часть из представленных на аукционе материалов следователя Н.А. Соколова приобрел Правящий Князь Лихтенштейна Ханс-Адам II. На основании международного договора от 3 сентября 1996 г. между министром иностранных дел Российской Федерации Е.М. Примаковым и Правящим Князем Лихтенштейна Хансом-Адамом II и Протокола от 12–13 мая 1997 г. в Берне в Посольстве Российской Федерации 31 июля 1997 г. состоялась процедура обмена фамильных документов Правящего Князя Лихтенштейна на следственные материалы Н.А. Соколова.

Документы следствия Н.А. Соколова поступили в Государственный архив РФ в сентябре 1997 г.

Возвращенный в Россию комплекс документов следствия представляет собой уникальные материалы по делу об убийстве царской семьи. Переданные документы были при-

няты на хранение в ГА РФ и составили фонд № 1837. Среди бесценных материалов, имеющих важнейшее значение для изучения темы гибели царской семьи, следующие документы: подлинная шифрованная телеграмма за подписью А.Г. Белобородова (автограф), переданная из Екатеринбурга 17 июля в 21 час в Москву, Кремль, секретарю Совнаркома Горбунову¹; распоряжения Колчака М.К. Дитерихсу² и Н.А. Соколову³; оригиналы документов, которые Н.А. Соколов получил в сентябре 1922 г. от Рицлера⁴; перевод этих документов Н.А. Соколов поместил в 11-й том следствия⁵; фрагменты обоев из комнаты дома Ипатьева с надписью из стихотворения Г. Гейне «Валтасар»⁶. Исследователи получили возможность сравнить подлинный текст надписи на стене дома Ипатьева с известными публикациями и обнаружить искажения в переводе надписи, которые допустили публикаторы, не имевшие доступа к оригиналу.

Четыре тома дела об убийстве императорской семьи и их приближенных слуг в мае 1945 г. оказались в руках военного прокурора гарнизона советских войск в Германии полковника юстиции Малярова, который вывез их в Москву и сдал в архив Главной военной прокуратуры. Материалы следствия пролежали в Особом архиве ГВП более 40 лет.

Главным военным прокурором генерал-лейтенантом А.Ф. Катусевым был снят с этих документов гриф «Секретно». Эти четыре тома следствия хранились в архиве Генеральной прокуратуры, позже были переданы прокурором-криминалистом В.Н. Соловьевым в Государственный архив РФ.

¹ ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

² Там же. Д. 8. Л. 6.

³ Там же. Д. 9. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 1–6.

⁵ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 5. Л. 85. Эти уникальные документы, раскрывающие историю трагедии царской семьи, были автором в 1998 г. опубликованы в «Российском архиве», вып. VIII,.

⁶ ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

Два тома составили документы по делу об убийстве императора Николая II и его семьи, охватывающие период с 30 июля 1918 г. по 20 января 1919 г. и с 20 июля по 24 октября 1920 г. По нумерации Н.А. Соколова это, первый и девятый тома следствия. Оба эти тома — подлинники, скреплены от-тисками личной печати следователя, его личной обобщающей подписью, разделенной по страницам томов.

В третьем томе собраны документы по убийству в г. Ала-паевске великой Княгини Елизаветы Федоровны, великого князя Сергея Михайловича, князей — Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей, князя Владимира Павловича и их слуг: Ф.С. Ремеза, Варвары Яковлевой и в четвертом — мате-риалы об убийстве в г. Перми великого князя Михаила Алек-сандровича.

Публикацию дополняют документы приложений.

Для полного выяснения хода расследования обстоя-тельств трагедии царской семьи включены документы Всерос-сийского Временного правительства (г. Омск) о назначении Н.А. Соколова и распоряжения А.В. Колчака по расследова-нию обстоятельств гибели царской семьи.

Составитель выражает признательность Н.С. Михалкову и редакции студии «ТриТэ» за первую публикацию в Рос-сии документов следствия Н.А. Соколова, А.К. Сорокину — директору Российского государственного архива социально-политической истории, С.В. Мироненко — директору Госу-дарственного архива Российской Федерации, следователю-криминалисту Следственного комитета РФ В.Н. Соловьеву.

*Л.А. Лыкова,
доктор исторических наук*

**МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
Н.А. СОКОЛОВА ОБ УБИЙСТВЕ
РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
И ЕГО СЕМЬИ**

ОПИСЬ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА

1918 год

1. Предписание и.д. прокурора А.Т. Кутузова А.П. Наметкину о начале предварительного следствия. 30 июля 1918 г. (с. 63)

2. Протокол допроса Ф.Н. Горшкова и.д. прокурора Екатеринбургского Окружного суда Кутузовым. 29 июля 1918 г. (с. 63)

3. Постановление следователя А.П. Наметкина о начале производства предварительного следствия по делу. 30 июля 1918 г. (с. 65)

4. Протокол осмотра рудника А.П. Наметкиным. 30 августа 1918 г. (с. 65)

5. Описание вещественных доказательств, принятых А.П. Наметкиным от коменданта 8-го района г. Екатеринбурга капитана Гирша. 31 июля 1918 г. (с. 67)

6. Протокол допроса Е.Т. Лобановой А.П. Наметкиным. 1 августа 1918 г. (с. 69)

7. Протокол допроса свидетелей А.А. Шереметевского, М.Д. Алферова и М.И. Бабинова А.П. Наметкиным. 3 августа 1918 г. (с. 71)

8. Протокол обыска А.Ф. Кирстой в квартире у М.И. Летемина. *6 августа 1918 г. (с. 75)*

9. Протокол допроса М.И. Летемина А.Ф. Кирстой. *7 августа 1918 г. (с. 76)*

10. Протокол обысков А.Ф. Кирстой в квартирах красноармейцев, состоящих в охране Дома Ипатьева — В.Я. Сафонова, П. Медведева, А. Стрекотина, А.А. Стрекотина, Н. Попова, И.А. Старкова. *9 августа 1918 г. (с. 79)*

11. Протокол осмотра следователем А.П. Наметкиным квартиры Ипатьева в доме Поппель. *2, 3, 6, 7 и 8 августа 1918 г. (с. 80)*

12. Протокол предъявления А.Ф. Кирстой камердинеру Царской Семьи Т. Чемодурову отобранных при обысках вещей. *10 августа 1918 г. (с. 110)*

13. Предложение и.д. прокурора Кутузова Наметкину передать дело члену суда Сергееву. *10 августа 1918 г. (с. 112)*

14. Постановление Екатеринбургского Окружного суда о передаче дела И.А. Сергееву. *12 августа 1918 г. (с. 112)*

15. Постановление Судебного следователя А.П. Наметкина о передаче дела об убийстве бывшего Государя Императора Николая II члену суда И.А. Сергееву. *13 августа 1918 г. (с. 113)*

16. Протокол осмотра нижнего этажа дома Н.И. Ипатьева И.А. Сергеевым. *11, 12 и 14 августа 1918 г. (с. 113)*

17. Постановление И.А. Сергеева о вырезке частей стен и пола в комнате убийства. *18 августа 1918 г. (с. 130)*

18. Протокол допросов Т.И. Чемодурова И.А. Сергеевым. *15–16 августа 1918 г. (с. 131)*

19. Протоколы допросов Т.И. Чемодурова, М.Г. Стародумовой, Н.А. Саковича и В.О. Дрягиной начальником Управления Уголовного розыска А. Кирстой. *17 августа 1918 г. (с. 141)*

20. Протокол допроса Н.А. Саковича. *Дата не указана. (с. 144)*

21. Акт передачи вещественных доказательств и.д. прокурора Кутузовым члену суда И.А. Сергееву. *20 августа 1918 г. (с. 147)*

22. Протокол допроса П.Ф. Цецегова начальником Уголовного розыска Кирстой. *22 августа 1918 г. (с. 148)*

23. Отношение коменданта Сысертского завода начальнику Уголовного розыска г. Екатеринбурга о найденной иконе Иоанна Тобольского. 22 августа 1918 г. (с. 149)

24. Протокол предъявления Кирстой Т.И. Чемодурову иконы. 24 августа 1918 г. (с. 149)

25. Заявление Коменданта 1-го района г. Екатеринбурга Начальнику Уголовного розыска. 29 августа 1918 г. (с. 150)

26. Заявление секретаря 21 участка Продовольственного Комитета Трущева П.А. товарищу Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Остроумову Н.И. 25 августа 1918 г. (с. 151)

27. Представление Товарища Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Остроумова Н.И. Прокурору Екатеринбургского Окружного Суда Кутузову. 30 августа 1918 г. (с. 152)

28. Переписка исполняющего делами Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Кутузова с Судебным Следователем по важнейшим делам А.П. Наметкиным по документам, найденным в здании, где находился Уральский областной совет. 31 августа 1918 г. (с. 152)

29. Акт о нахождении вещей Августейшей Семьи в здании Уральского областного совета. 30 июля 1918 г. (с. 153)

30. Опись вещей Августейшей Семьи у П.И. Лылова и в здании, где находился Уральский областной совет. 30 июля 1918 г. (с. 154)

31. Опись ценных вещей, найденных в камере Волжско-Камского Банка при золотосплавочной. 30 июля 1918 г. (с. 155)

32. Требование и Расписка Д.А. Малиновского о сдаче Судебным Следователем по важнейшим делам А.П. Наметкиным бриллианта. 2 августа 1918 г. (с. 160-161)

33. Заявление Д.А. Малиновского и Г.В. Ярцова Судебному Следователю по важнейшим делам А.П. Наметкину о передаче на хранение предметов, найденных на руднике. 31 августа и 8 сентября 1918 г. (с. 162)

34. Предписание начальника штаба Уральского Отдельного Корпуса коменданту станции Челябинск об оказании содействия Судебному Следователю по важнейшим делам Наметкину. (с. 163)

35. Предписание Начальника Штаба Уральского Отдельного Корпуса Малиновскому о передаче бриллианта Судебному Следователю по важнейшим делам Наметкину. 7 сентября 1918 г. (с. 164)

36. Протокол осмотра бриллианта и экспертизы в г. Челябинске. 8 сентября 1918 г. (с. 164)

37. Протокол осмотра и предъявления И.А. Сергеевым свидетелям бриллианта. 14 сентября 1918 г. (с. 165)

38. Протокол допроса по делу о краже вещей, принадлежавших б. Царской фамилии, Лылова, Новоселова и Балмышевой инспектором 1 отдела Екатеринбургского уголовного розыска Смоленским. 4 сентября 1918 г. (с. 167)

39. Телеграмма генерал-майора Гришина-Алмазова генералу В.В. Голицыну. 5 сентября 1918 г. (с. 171)

40. Заявление профессора Э.В. Диля И.А. Сергееву. 5 сентября 1918 г. (с. 172)

41. Постановление Члена Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеева об отказе выдачи материалов следствия проф. Э. Дилю. 6 сентября 1918 г. (с. 173)

42. Протокол обыска в с. Уктус у А.М. Тимофеевой. 7 августа 1918 г. (с. 176)

43. Протокол допроса А.М. Тимофеевой. 7 августа 1918 г.

44. Протокол осмотра И.А. Сергеевым документов, переданных следствию прокурором Екатеринбургского окружного суда. 5 сентября 1918 г. (с. 177)

45. Постановление о приобщении вещественных доказательств. 5 сентября 1918 г. (с. 181)

46. Протокол допроса начальником Уголовного розыска Плешковым А.К. Елькина (5 сентября), Л.Ф. Лоскутовой (10 сентября), Ф.И. Иванова, А.Г. Елисеевой, монахини Ново-Тихвинского монастыря Иустинии (13 сентября), В.А. Чертополохова и А.В. Самойлова (24 сентября), А.П. Белозеровой (28 и 30 сентября) и Е.С. Межиной. (30 сентября) 1918 г. (с. 182)

47. Протокол допроса монахини А.И. Елохиной и М.З. Габдул-Латыпова. 13 сентября — 3 октября 1918 г.

48. Препроводительная записка Следственной комиссии Верх-Исетского завода начальнику Уголовного розыска о найденных Царских вещах у Балмышевой. 20 сентября. 1918 г. (с. 190)

49. Протокол допроса Г.И. Суетина. 2 октября 1918 г. (с. 191)

50. Протокол И.А. Сергеева о незаконном занятии дома Ипатьева генералом Гайда Радола. (с. 192)

51. Донесение и.д. Начальника Уголовного розыска Плешкова И.А. Сергееву. 13 октября 1918 г. (с. 195)

52. Протокол допроса М.Е. Ермаковой, М.И. Леватных, О.И. Степановой. 25, 30 октября 1918 г. (с. 195)

53. Протокол допроса И.А. Сергеевым П.А. Жильяра. 12–14 сентября 1918 г. (с. 196)

54. Протокол допроса протоиерея Иоанна (Сторожева) И.А. Сергеевым. 18–10 октября 1918 г. (с. 210)

55. Постановление И.А. Сергеева о нахождении вещей, принадлежащих Царской Семье у жителей Верх-Исетского завода. 16 октября 1918 г. (с. 223)

56. Протокол допроса М.И. Летемина И.А. Сергеевым. 18–19 октября 1918 г. (с. 225)

57. Отношение прокурора В.Ф. Иорданского И.А. Сергееву о Царских вещах, найденных у Балмышевой. 21 октября 1918 г. (с. 232)

58. Протокол допроса А.А. Волкова И.А. Сергеевым. 22 октября 1918 г. (с. 232)

59. Протокол допроса П.В. Кухтенкова П. Плешковым. 22 октября 1918 г. (с. 236)

60. Протокол осмотра дневника Цесаревича Алексея Николаевича И.А. Сергеевым. 24 октября 1918 г. (с. 239)

61. Протокол допроса А.К. Елькина И.А. Сергеевым. 13 ноября 1918 г. (с. 246)

62. Протокол допроса М.Д. Медведевой И.А. Сергеевым. 9–10 ноября 1918 г. (с. 242)

63. Протокол допроса Н.Н. Ипатьева И.А. Сергеевым. 30 ноября 1918 г. (с. 249)

64. Протокол осмотра И.А. Сергеевым документов, представленных Н.Н. Ипатьевым. *30 ноября 1918 г. (с. 251)*

65. Протокол допроса М.В. Томашевского и Г.Т. Агафонов И.А. Сергеевым. *5 декабря (22 ноября) 1918 г. (с.252)*

66. Доклад Н.Н. Магницкого прокурору Екатеринбургского Окружного суда Иорданскому о ходе работ по раскопкам на руднике. *30 декабря 1918 г. (с. 260)*

67. Отношение И.А. Сергеева начальнику Уголовного розыска о рапорте агента Талашманова. *3 декабря 1918 г. (с. 268)*

1919 год

1. Протокол допроса Белоцерковским П.И. Логинова. 11 января 1919 г. (с. 269)
2. Протокол допроса И.А. Сергеевым Н.И. Магницкого. 15 января 1919 г. (с. 271)
3. Протокол допроса И.А. Сергеевым К.С. Архипова и С.И. Матикова. 16 января 1919 г. (с. 273)
4. Предписание А.В. Колчака М.К. Дитерихсу о сборе документов и вещей, принадлежащих Царской Семье. 17 января 1919 г. (с. 274)
5. Предписание прокурора В. Иорданского начальнику Уголовного розыска Кирсте о продолжении расследования обстоятельств убийства Царской семьи и сокрытия останков. 19 января 1919 г. (с. 275)
6. Приказ М.К. Дитерихса И.А. Сергееву о передаче дела. 23 января 1919 г. (с. 278)
7. Протокол И.А. Сергеева о вырезке из стены комнаты, где произошло убийство Царской семьи. 23 января 1919 г. (с. 279)
8. Распоряжение М.К. Дитерихса о содержании в тюрьме закованными всех задержанных по делу об убийстве Царской семьи. 23 января 1919 г. (с. 281)
9. Просьба прокурора Иорданского о снятии копий с оригиналов следственного дела. 24 января 1919 г. (с. 282)
10. Информация прокурора Иорданского о розыске и аресте лиц, причастных к убийству Царской семьи. 25 января 1919 г. (с. 284)
11. Протокол передачи И.А. Сергеевым на экспертизу части половой доски. 25 января 1919 г. (с. 286)
12. Постановление И.А. Сергеева о передаче следственного производства со всеми вещами и документами генерал-майору М.К. Дитерихсу. 25 января 1919 г. (с. 287)
13. Протокол осмотра И.А. Сергеевым телеграмм. 28 января 1919 г. (с. 287)

14. Протокол допроса И.А. Сергеевым П.И. Логинова. 29 января 1919 г. (с. 289)

15. Доклад И.А. Сергеева М.К. Дитерихсу об организации расследования дела об убийстве бывшего императора Николая II и придания делу государственного и исторического статуса. 1 февраля 1919 г. (с. 296)

16. Прощение министра юстиции Российского правительства С.С. Старынкевича в Совет министров о выделении ему средств на проведение следствия по делу об убийстве Николая II. 3 февраля 1919 г. (с. 304)

17. Предписание Министра юстиции об освобождении И.А. Сергеева от производства следствия по делам: об убийстве Императора Николая II и Его Семьи и об убийстве Великих Князей. 7 февраля 1919 г. (с. 305)

18. Протокол Н.А. Соколова о передаче ему М.К. Дитерихсом подлинного дела об убийстве бывшего императора и членов его семьи. 7 февраля 1919 г. (с. 312)

19. Расписка Н.А. Соколова о приеме от М.К. Дитерихса следственного дела от И.А. Сергеева. 7 февраля 1919 г. (с. 313)

20. Протокол допроса И.А. Сергеевым А.А. Шереметевского. 8 февраля 1919 г. (с. 313)

21. Предписание А.В. Колчака М.К. Дитерихсу о перевозке вещей, принадлежащих Царской Семье в г. Владивосток и передаче документов Н.А. Соколову. 8 февраля 1919 г. (с. 316)

22. Письмо управляющему делами Совета министров Российского правительства Г.Г. Тельбергу о необходимости сообщить материалы по делу об убийстве бывшего Государя Императора и его семьи заместителю французского Высокого комиссара Мартелю. 11 февраля 1919 г. (с. 317)

23. Постановление С.И. Алексеева о задержании П.С. Медведева в г. Перми. 11 февраля 1919 г. (с. 318)

24. Протокол допроса И.А. Сергеевым И.Н. Мельникова. 11 февраля 1919 г. (с. 319)

25. Протокол допроса агентом Уголовного розыска Алексеевым П.С. Медведева. 12 февраля 1919 г. (с. 324)

26. Постановление И.А. Сергеева о причастности П.С. Медведева к убийству Царской Семьи и Их слуг. 20 февраля 1919 г. (с. 336)

27. Протокол допроса П.С. Медведева И.А. Сергеевым. 21–22 февраля 1919 г. (с. 341)

28. Повеление А.В. Колчака оказывать содействие Н.А. Соколову. 3 марта 1919 г. (с. 351)

29. Список лиц, причастных к убийству Царской семьи, составленный Н.А. Соколовым. 19 марта 1919 г. (с. 352)

30. Постановление Н.А. Соколова о привлечении к уголовной ответственности Ф.П. Проскурякова. 1 апреля 1919 г. (с. 358)

31. Протокол допроса Н.А. Соколовым Ф.П. Проскурякова. 1–3 апреля 1919 г. (с. 361)

32. Протокол допроса Н.А. Соколовым А.А. Якимова. 2 апреля 1919 г. (с. 386)

33. Приказ Верховного Правителя А.В. Колчака М.К. Дитерихсу о розыске вещей и документов Царской Семьи. 10 апреля 1919 г. (с. 395)

34. Протокол осмотра Н.А. Соколовым расписки А. Белобородова о приеме в Екатеринбурге доставленной из г. Тобольска Царской Семьи. 14 апреля 1919 г. (с. 396)

35. Протокол дополнительного осмотра Н.А. Соколовым дома Ипатьева. 15–25 апреля 1919 г. (с. 398)

36. Доклад Н.А. Соколова М.К. Дитерихсу об исторической значимости Дома Ипатьева. 27 апреля 1919 г. (с. 414)

37. Доклад М.К. Дитерихса А.В. Колчаку об отчуждении дома Ипатьева в собственность государства. 28 апреля 1919 г. (с. 417)

38. Доклад М.К. Дитерихса А.В. Колчаку о необходимости работ по Делу расследования убийства Царской Семьи. 6 мая 1919 г. (с. 419)

39. Записка М.К. Дитерихса А.В. Колчаку о согласии Н.Н. Ипатьева сдать дом в казну. 10 мая 1919 г. (с. 421)

40. Распоряжение М.К. Дитерихса начальнику штаба 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса о препровождении

вещей, документов, принадлежащих Царской семье, в Екатеринбург. 17 мая 1919 г. (с. 422)

41. Протокол допроса Н.А. Соколовым А.А. Якимова. 7–11 мая 1919 г. (с. 423)

42. Протокол осмотра Н.А. Соколовым требований на получение серной кислоты. 16 мая 1919 г. (с. 446)

_____ далее см. том 2 _____

1918 год

Министерство Юстиции
Прокурор Екатеринбургского Окружного суда
июля 30 дня 1918 г. № 131
Г. судебному следователю по важнейшим делам
А.П. Наметкину

На основании 288 ст. уст. угол. суд. предлагаю Вам приступить к производству предварительного следствия по делу убийства бывшего Государя Императора Николая II, по признакам преступления, предусмотренного 1453 ст. Улож. о наказ.

При сем прилагаю протокол допроса Федора Никитича Горшкова.

И. д. прокурора Кутузов
Секретарь Богословский

ПРОТОКОЛ

29 июля 1918 года в гор. Екатеринбурге и. д. прокурора Екатеринбургского Окружного суда допрашивал гр. Федора Никитича Горшкова, 28 лет, проживающего в гор. Екатеринбурге по Тимофеевской набережной, дом № 10а, который показал, что дня за два до занятия чехословацкими войсками города Екатеринбурга¹ встретил вечером в Харитоньевском саду судебного следователя Михаила Владимировича Томашевского, проживавшего по 2-ой Береговой улице; в разго-

¹ Екатеринбург был взят чехословаками и казачьими войсками 25 июля 1918 г. См. подробно: Кручинин А.М. Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005 г.

воре по поводу убийства бывшего Императора Николая II Томашевский мне сказал, что он слышал от лица, как бы бывшего очевидцем, или же лица, близко стоящего к советской власти, подробности совершения этого убийства¹. На дальнейшие мои расспросы он сказал, что вся Царская семья была собрана в столовой комнате и тогда им объявили, что все они будут расстреляны, вскоре после того последовал залп латышей по Царской семье и все они попадали на пол. Затем латыши стали проверять, все ли убиты, и здесь обнаружилось, что княжна Анастасия Николаевна жива и когда к ней прикоснулись, то она страшно закричала; ей был нанесен один удар прикладом ружья по голове, а потом нанесли ей тридцать две штыковых раны. На этом разговор был окончен. Могу добавить, что в доме, где жил Томашевский, жили три или четыре комиссара; Томашевский жил в квартире комиссара Александра Ивановича Старкова, приехавшего сюда из Сысертского завода. Однажды я заходил в квартиру Томашевского, но никого из комиссаров не видел. Жил он на 2-ой Береговой ул. со стороны Покровского проспекта по правой стороне, в красном полукаменном доме, вблизи лавки Об-ва потребителей. Царская семья была расстреляна ночью, куда были увезены трупы, он мне ничего не говорил.

Показание прочитано и записано верно. Добавляю, что разговор с Томашевским происходил наедине.

Федор Никитич Горшков
И. д. прокурора Кутузов

¹ Речь идет о А.А. Якимове.

Старая Коптяковская дорога

Переезд № 184, откуда были взяты шпалы для мостика

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года июля 30 дня Судебный следователь Екатеринбургского Окружного суда по важнейшим делам, рассмотрев предложение прокурора суда от сего числа за № 131 о производстве предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II и находя, что в обстоятельствах, изложенных в нем, заключаются указания на признаки преступления, предусмотренного 1453 ст. Улож. о наказ, и подсудного общим судебным учреждениям, руководствуясь 288-1 и 4 п. 297 ст. Уст. уг. суд., постановил: приступить к производству предварительного следствия.

И. д. судебного следователя А.П. Наметкин

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1918 года июля 17/30 дня. Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр места, на котором крестьянином дер. Коптяков, Верх-Исетской волости, Михаилом Дмитриевым Алферовым найдены обгорелые остатки разных вещей и Мальтийский крест, причем оказалось:

По дороге из деревни Коптяков, Верх-Исетской волости, в гор. Екатеринбург приблизительно в 4-х верстах от этой деревни и 16-ти от Екатеринбурга, в 150-ти саженьях вправо от дороги, в большом лесу расположен Исетский рудник, под названием «Ганина Яма». Сама яма представляет из себя маленькое озеро. Саженьях в 50-ти от озера имеется шахта

в виде двух смежных колодцев почти квадратной формы¹. Стенки их выложены мелкими бревнами, длина их в 1-м колодце около 1 $\frac{1}{2}$ аршин и во втором около 2 $\frac{1}{2}$ аршин. Саженьях в 3-х от поверхности вода, на которой видны свежие сосновые ветки и древесная кора. Спущенный на веревке в шахту камень показал большую их глубину и присутствие льда под водою.

Саженьях в 3-х от шахты к Ганиной Яме расположена небольшая глиняная площадка, на которой разбросано немного мелких углей и найдена обгорелая старая дамская сумочка. В соседней конусообразной яме валяются мелкие обгорелые сосновые палки. К югу, саженьях в 12-ти от шахты, на лесной тропинке обнаружены признаки небольшого горелого места, на котором найдены обгорелые мелкие тряпки, пуговики, пряжки, обрывок кружева и какие-то черные блестящие обломки. Тут же, присутствовавшим при осмотре капитаном Ростиславом Михайловичем Политковским найден сильно загрязненный водянистого цвета и значительной величины камень, граненый, с плоской серединой в белой с мельчайшими блестками оправе. Очищенный от грязи, он проявил большую игру и безукоризненную чистоту бриллианта. Недалеко от этого места и ближе к шахте найдены два небольших загрязненных осколка изумруда и жемчуга. В этом же месте обнаружен небольшой обрывок полосатой материи с сильным запахом керосина. У самого края широкой шахты найден в глине небольшой осколок нарезной ручной бомбы.

Спустившийся на веревке в широкую шахту, присутствовавший при обыске капитан Игорь Адамович Бафталовский обнаружил на деревянных стенках ее осколки и следы от разрыва ручной бомбы и извлек из воды лист бумаги, на котором на машине написан список советских телефонных абонентов, а из узкой шахты извлечен небольшой кусок материи защитного цвета, по-видимому, палатки или брезента.

¹ Следователь Н.А. Соколов обозначит ее под № 7.

Против обгорелого места, на лесной тропинке, на выскобленном от коры стволе большой березы написано химическим карандашом «Горный техник И.А. Фесенко¹. 11 июля 1918 г.»

И. д. судебного следователя *Наметкин*

При осмотре присутствовали:

Т.И. Чемодуров,

д. мед. *В. Н. Деревенко,*

Л. Гв. Гренадерского п. капитан *Георгий Влад. Ярцов,*

Л. Гв. 24-й артил. бр. капитан *Евгений Николаевич Сумароков,*

Л. Гв. 24-й артил. бр. капитан *Дмит. Аполлон. Малиновский.*

ОПИСЬ²

вещественных доказательств, принятых мною от коменданта 8-го района гор. Екатеринбурга кап. Гирш.

<i>Название вещей</i>	<i>Колич.</i>	<i>Примечание</i>
Крест из платины с изумрудами	1	
Бус разной величины	3	
Пряжек от туфель	2	с 5 мелкими камнями отдельно
Проволочек (пружинок)	7	

¹ И.А. Фесенко рассказал агенту Уголовного розыска Алексе-еву 5 мая 1919 г. следующее: «...эту надпись он сделал, чтобы отметить здесь свое пребывание...».

² Данная опись составлена на предметы, обнаруженные крестьянами дер. Коптяки еще до начала официального расследования.

**Дело об убийстве Императора Николая II,
ЕГО СЕМЬИ И ЛИЦ ИХ ОКРУЖЕНИЯ**

Пряжка от пояса уменыш. образца	1	
Железные корсетные застёжки	6	(пар)
Железные корсетные кости шир.	3	одна сломана
То же средн. шир.		2
То же узких	12	
Пряжек от мужских подтяжек	17	
Застёжек от женских подвязок	15	2 сломаны
Запонок к ним	4	
Пряжек	7	
Стекло от медальона	1	
Стекол от пенсне, очков или лорнета	2	
Пуговиц с гербом — больших	5	
Пуговиц с гербом — малых	1	
Пуговиц больших дамских	5	
Пряжка медная большая	1	
Железных пластинок	2	
Крючков от мужских брюк	3	
Ключ	1	
Медных монет в 1 к. и 2 к.	2	
Разных пряжек	3	
Разного рода пуговиц, крючков, петель и кнопок	33	
Гильза от револьверного патрона	1	

По этой описи вещи сдал
помощник начальника гарнизона
полковник *Лабунцев*

31/7 принял.
и. д. судебного следователя *Наметкин*

ПРОТОКОЛ

1918 года, августа 19/1 дня судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам в дер. Коптяках допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, с соблюдением 443 ст. Уст. уг. суд., и она показала:

Евдокия Тимофеевна Лобанова. Звание: гр. Уткинского зав. Екатеринбургского у. Лета: 36. Религия: православная. Посторонняя. Судимость: не судилась. Местожительство: Екатеринбург.

С января и по май нынешнего года мой муж Михаил Александрович Лобанов состоял казначеем в исполнительном комитете Екатеринбургского городского совета солдатских и рабочих депутатов. По убеждениям он социалист-революционер.

2 мая я с ним разошлась, но встречалась с ним и последний раз видела его перед отъездом в дер. Коптяки около двух недель тому назад в пятницу¹. В этот день муж представил мне ломовую лошадь, которая должна была перевезти меня из города на дачу в дер. Коптяки, находящуюся в 18—20 верст от Екатеринбурга.

Возчик был небольшого роста, горбатый, средних лет, но кто он такой и как его фамилия, имя и отчество — не знаю, видела я его иногда в комитете партии левых социалистов-революционеров в доме Коммерческого собрания на Вознесенском проспекте.

Вечером мы выехали из города, причем я взяла кровать с перинкой, небольшую корзинку и чемодан. Перед закатом солнца мы доехали до железнодорожной будки у переезда у горнозаводской линии, где несколько незнакомых мне лиц — мужчин и женщин — сообщили нам, что дальше ехать нельзя, так как красноармейцы, стоящие впереди в не-

¹ Пятница — 19 июля 1918 г.

скольких саженьях с грузовиком-автомобилем, не пропускают никого. Женщины и мужчины высказали предположение, что если у нас имеется пропуск, то вероятно нас пропустят. Мой извозчик сказал, что у него есть пропуск, и мы проехали дальше. С нами сел какой-то молодой человек, служащий в конторе фирмы бр. Агафуровых; фамилии его не знаю. Проехав несколько саженьей, мы увидели грузовик-автомобиль и около него стоял какой-то небольшой бочонок. По другую сторону автомобиля сидел пожилой человек в солдатской форме; тут же появились двое других солдат, молодых. Двое последних подбежали к нам и крикнули, что дальше двигаться нельзя. Мой извозчик показал пропуск, но разрешения на проезд красноармейцы не дали. Мы вернулись к будке и стали обсуждать, что нам делать. В это время из города приехал легкий автомобиль, в котором сидели 6—7 человек. Кажется все они были в солдатской форме и молодые, за исключением одного, походившего на еврея, с черной, как смоль, бородой и усами¹. Мой извозчик побежал к ним и закричал: «Не пропускают!». Один из ехавших на автомобиле сказал: «Почему не пропускают, мы сейчас узнаем», и поехали дальше. Приблизительно через полчаса автомобиль вернулся к будке уже с двумя лицами; остановившись у будки, они стали со мной разговаривать, пить чай. Один из этих мужчин назвал себя московским², но ни тот, ни другой мне совершенно неизвестны. Поздно ночью с той стороны, куда был запрещен въезд, проехали в сторону города 5—6 лошадей, запряженные в какие-то длинные телеги, но было ли что на них — не видала. У телег были люди, но за темнотой и дальностью расстояния я их рассмотреть не могла. С ними же прошел и грузовик. Когда они переехали через полотно, то к легкому автомобилю подошли

¹ Вероятно — Я.М. Юровский.

² То есть прибывшим из Москвы. И.Ф. Плотников предполагает, что это представитель ВЧК. См. *Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель царской семьи.* С. 140—143.

четверо мужчин, среди которых человека с черной бородой уже не было; они сели в автомобиль и тоже уехали по направлению к городу. Проезжая, они сказали моему молодому компаньону, что путь свободен. Утром мы доехали до дер. Коптяков.

Прочитано. *Евдокия Тимофеевна Лобанова*
И. д. судебного следователя *Наметкин*

ПРОТОКОЛ допроса свидетелей

1918 года, августа 3 дня. Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам в дер. Коптяках допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей с соблюдением 443 ст. Уст. уг. суд, и они показали:

Андрей Андреевич Шереметевский. Звание: поручик. Лета: 28. Религия: православный. Отношение к участвующим в деле лицам: посторонний. Судимость: не судился. Местожительство: Екатеринбург, Покровский, 86.

Я живу на даче в дер. Коптяках, находящейся на берегу Исетского озера, в 18 верстах от г. Екатеринбурга. 16 или 17-го июля пронесся по деревне слух, что идут войска, обозы, артиллерия и пулеметы. Меня это заинтересовало и, желая проверить этот слух, я переоделся в простое платье, сел на лошадь и поехал к тому месту, где по слухам были войска. Место это, под названием «Четыре Брата», расположено в 4-х верстах от деревни в сторону от тракта. Подъехав к этому месту, я увидел находившихся тут крестьян дер. Коптяки Николая Швейкина, Николая Папина и Зубрицкого, которые не решались идти за красноармейцами в лес посмотреть, что они там делают. В это время выехал, по

ведущей из леса дорожке, верховой красноармеец, физиономию которого я хорошо заметил, и я спросил его, почему задерживают проезжающих в город крестьян. Действительно, в этот день и на следующий не пропускали по этой дороге никого в город. Красноармеец заявил, что не пропускают потому, что происходят в лесу занятия с красноармейцами. После этого я вернулся домой и стал успокаивать крестьян, которые волновались благодаря слухам о движении войск. На второй и третий день после занятия города Екатеринбург чехословаками я, осматривая деревню и окрестности ее с казаками и чехословаками, узнал, что крестьяне дер. Коптяков ходили в то место, где находились красноармейцы, и нашли там какие-то особенные вещи. Последние находились у местного крестьянина Михаила Алферова, который мне их и передал.

Вещи эти были следующие: Мальтийский крест с изумрудами, маленькая пряжка с гербом, обнаженные планшетки от корсетов, пуговицы с гербами и пряжки от помочей и подвязок и др. Я их передал коменданту 8-го района гор. Екатеринбурга. Вещи эти те самые, которые Вы мне предъявили.

Поручик Андрей Андреевич Шереметевский

И. д. судебного следователя Наметкин

И. д. прокурора Кутузов

Михаил Дмитриевич Алферов, 46 лет, кр. дер. Коптяков, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, где и живу, православный, не родня, не судился.

Числа 17 июля красноармейцы запрещали проезжать в город Екатеринбург из дер. Коптяков. Караул их стоял верстах в 4-х от деревни около «Четырех братьев». Так называется местность, прилегающая к дороге, где росла сосна с четырьмя стволами; ее сломило бурей и теперь остались четыре пенька. После того, как караул был снят, я и мои соседи, в числе восьми человек, решили проверить, что там делали красноармейцы; мы предполагали, что ими там спрятано оружие и боевые припасы.

Вправо от дороги в лес вела проторенная красноармейцами дорога, и по ней мы дошли до заброшенных шахт; в этом месте и оканчивалась. В двух приблизительно саженях от устья главной шахты оказалось место, на котором валялись угольки и был небольшой набросанный бутор из глины и потухших углей. Когда его разрыли, то оказались среди глины и угольев крест с зелеными камнями, 4 планшетки от корсетов, пряжки от подтяжек и туфлей, пуговицы, кнопки и 4 бусы. Затем мы спустили одного из наших товарищей Михаила Игнатьева Бабинова в широкую шахту на веревке, где он обнаружил набросанные на водяной поверхности палки, головни, кору, доски, свежую хвою и предъявленную мне Вами железную лопату. Пошарив там лопатой и палкой, Бабинов ничего не нашел. В числе обнаруженных близ шахты в обгорелом месте предметов оказался обуглившийся каблук. После этого по дорожке мы пошли вглубь леса и здесь близ высокой березы с написанной фамилией Фесенко нашли потухший костер, в котором оказались те же самые вещи за исключением креста и каблука.

Прочитано: *Михаил Дмитриев Алферов*
и.д. Судебного Следователя *Наметкин*
и.д. прокурора *Кутузов*

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

Михаил Игнатьевич Бабинов, 41 год. кр. дер. Коптяков, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, где и живу, православный, неграмотный, посторонний, не судился.

Приблизительно около 17 прошлого июля месяца красноармейцами было запрещено проезжать из деревни Коптяков в гор. Екатеринбург и караул их стоял в верстах в 4-х от нашей деревни около местности, называемой «Четыре брата».

После снятия караула наши крестьяне, в числе которых находился и я, решили проверить, что делали в лесу красноармейцы, предполагая, что они там, вероятно, спрятали оружие и боевые припасы.

Вправо от дороги в Екатеринбург вела в лес проторенная красноармейцами дорога, и по ней мы дошли до заброшенных шахт, около которых она и оканчивалась. Недалеко от главной шахты оказались признаки небольшого горелого места. На котором валялись угольки и был небольшой набросанный бугорок из глины и потухших углей. Мы разрыли этот бугорок, среди глины и угольев оказались крест с зелеными камнями, планшетки, пряжки, пуговицы, кнопки и несколько бус. Затем я спустился в ту шахту на веревке и обнаружил набросанные на водяной поверхности палки, головни, кору, доски, свежую хвою и предъявленную мне Вами железную лопату. Я пробовал шарить в шахте лопатой и палкой, но ничего не нашел. На этом же месте оказался обуглившийся каблук. Затем по дорожке мы пошли в глубь леса и около высокой березы, на которой была написана какая то фамилия¹, нашли несколько таких же вещей, что и в первом случае; вещи эти лежали на месте потухшего костра, но креста и каблука среди них, конечно, уже не было.

Прочитано: /неграмотный/
И.д. Судебного Следователя *Наметкин*

С подлинным верно:
Судебный следователь по особо важным делам
Н. Соколов (Подпись)

¹ «Горный техник И.А. Фесенко. 11 июля 1918 г.»

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1918 года, августа 6 дня. Начальник Екатеринбургского управления Уголовного розыска Кирста, в присутствии товарища прокурора г. Белозерского, моего помощника Плешкова и нижепоименованных понятых, на основании 258 ст. Уст. уг. суд., производил обыск в квартире красноармейца гр. Сысертского завода и волости Михаила Ивановича Летемина на предмет отыскания имущества, принадлежащего бывшему Императору Николаю II во время заключения его в гор. Екатеринбурге по Вознесенскому проспекту в доме Ипатьева, причем оказалось следующее:

Летемин проживает по Васнецовской улице, в доме № 71, занимает отдельный флигель из одной комнаты и кухни. В момент прихода, в 7 часов вечера, Летемин оказался дома, а также оказалась дома и его жена. На мое предложение Летемину выдать добровольно похищенные у бывшего Императора Николая II вещи, он заявил, что действительно у него есть вещи и часть их выдал, после чего было приступлено к тщательному обыску, причем в комнате и в кухне в различных местах, в сундуке, в ящике швейной машины, в чулане найдены вещи, поименованные при сем списке за №1—85, и собака¹, принадлежащая бывшему Императору Николаю II, причем на некоторых из них оказались метки как самого бывшего Императора, а также и бывшей Императрицы Александры Федоровны.

По предъявлении всех поименованных в списке вещей камердинеру бывшего Императора², последний таковые признал за собственные бывшего Императора.

¹ Собака Джой принадлежала цесаревичу Алексею.

² Чемодурову Т.И.

О вышеизложенном постановил: записать в настоящий протокол, который утвердить подписями присутствующих.

Начальник управления Уголовного розыска *Кирста*
Помощник начальника *Плешков*
Товарищ прокурора *Белозерский*

ПРОТОКОЛ

1918 года августа 7 дня. Начальник управления Уголовного розыска Кирста, по делу об убийстве б. Государя Императора Николая II, расспрашивал красноармейца охраны особого назначения, гражданина из крестьян Сысертского завода Екатеринбургского уезда, *Михаила Иванова Летемина*, 36 лет, проживающего в последнее время по Васнецовской улице, № 71, объяснившего:

Охрана Дома особого назначения, где находился в заключении б. Государь Император Николай II, состояла из 56 человек: 30 рабочих из Сысертского завода, 16 рабочих Злоказовского завода в г. Екатеринбурге и 10 латышей, мне неизвестно, откуда прибывших в г. Екатеринбург. По фамилии я некоторых охранников знаю. Из Сысертского завода: два брата Стрекотиных, живущих в Сысерте на Красной улице, Старкова Ивана, Сафонова (Файка) Вениамина, живущих в Сысерте, где-то по Ново-Провиантской ул., Николая Попова, где-то живущего по Новой улице в Сысерте, эти пять ныне живут в Сысерте. Подкорытов Николай, Толабов Иван, Котегов Иван, Семенов Василий, Садчиков Николай, Щукин. Из Злоказовской фабрики я знал охранника Путилова. Латышей же по фамилии никого не знал.

Кроме охраны, там были в последнее время: комендант Юровский, помощник его — фамилии не знаю¹, рабочий Сысертского завода Павел Медведев, шофер из рабочих фабрики Злоказова — фамилии его не знаю: среднего роста, лицо корявое (в оспе), темно-русый, бороду брил, усы маленькие, он на фотографической карточке сидит на коленях с правой стороны, я его хорошо знаю (была показана группа рабочих фабрики Злоказова, снятая на фотографической карточке²).

В Доме особого назначения караул охранников стоял так: пост № 1 внутри дома Ипатьевского, на площадке за парадной дверью, этот пост обслуживали за последнее время латыши. Пост № 2 — внутри здания, на площадке с черного хода, пост № 3 — во дворе у ворот, пост № 4 — у калитки со двора, так что был виден парадный подъезд, пост № 5 — с улицы будка от поста № 4, пост № 6 — возле иконы по Вознесенскому проспекту, пост № 7 — во дворе, за второй перегородкой по переулку, пост № 8 — в саду, пост № 9 — в заднем дворе. Кроме этих постов, были два поста пулеметных: № 1 на балконе с переулка, № 2 внизу, в помещении у окна, выходящего в сад.

Меня и рабочих сысертских нанимал комиссар Первой уральской боевой дружины Мрачковский, жил он в Верх-Вознесенской улице между Клубной и Главной, по левой стороне большой белый дом, двухэтажный. Нам платили 400 руб. в месяц, сутки охраны разделялись на 4 смены.

Последние дни своего дежурства я помню. 16 июля я дежурил в Доме особого назначения на посту № 3 с 4 дня до 8 вечера и, сменившись в 8 вечера, хорошо помню, что б. Государь и его семья находились в Ипатьевском доме и были живы. 17 же июля в 8 часов утра я занял в карауле Ипатьевского дома пост № 4 и, зайдя в дом Попова, где жила команда охранников, я в комнате для разводящего увидел мальчика³, который

¹ Никулин Григорий Петрович.

² Люханов Сергей Иванович.

³ Седнева Леонида, который был отправлен на родину в Ярославскую губернию.

всегда прислуживал б. Государю, и, удивившись, спросил у одного из дежуривших охранников: «Что это значит, зачем мальчик здесь?», но вместо ответа охранник, фамилии его не помню, махнул рукой. Тогда я спросил второго, и он мне рассказал, что 16 июля в 12 часов ночи, внизу, в помещении Дома особого назначения, в комнате, в которой была дверь опечатанной комнаты, застрелен б. Государь с женой, детьми, доктором, лакеем, поваром и фрейлинами, причем последней была убита младшая дочь Государя, об этом мне сказал стоявший в эту ночь на посту Стрекотин. Бывший Государь был убит первый, в него выстрелил Юровский после того, как что-то прочитал, причем бывшая Государыня и старшая дочь перекрестились. После убийства б. Государя начали стрелять латыши и сысертский рабочий, разводящий Павел Медведев. Когда была убита вся Царская семья и ее прислуга, из дома Попова позвали охранников замыть следы крови. Трупы вынесли на грузовой автомобиль, и следы засыпали песком. Тот же Стрекотин и другие охранники говорили, что выстрелов было много, что кровь в комнате смывали и ее было много. Говорил мне еще австриец Адольф¹, ставивший коменданту самовары, что 16 июля ночью, когда он спал, к нему пришел Юровский и, разбудив его, сказал: «Если ты услышишь выстрелы, не пугайся», после этого он слышал, как сверху сходили в нижний этаж много лиц и затем выстрелы, но их было не много. Не доверяя всему этому, я спросил шофера грузовика, который мне подтвердил, что трупы он вывозил в лес, и там было застряли в трясине². Шофер этот был один злоказовский рабочий, личность которого я ранее узнал на

¹ Речь идет о Рудольфе Лахере, в мае 1918 г. был направлен в Дом особого назначения (дом Ипатьева) для хозяйственного обслуживания коменданта охраны.

² Это — С.И. Люханов, водитель грузового автомобиля «Фиат», на котором ранним утром 17 июля 1918 г. перевозили останки расстрелянной в доме Ипатьева царской семьи и их слуг. Жил в г. Перми, где в 1954 г. умер.

предъявленной мне фотографической карточке. Мальчик, которого я видел у Медведева, был из Царского Села и отправлен, как я слышал, обратно.

17, 18, 19, 20 и 21 убрали помещение Ипатьевского дома и вывозили вещи из кладовых на вокзал. 22 июля сняли караул, причем с 17 по 22 июля дежурило нас 6 человек, 5 — сысертских и шестой — я. Все мы остались в Екатеринбурге, но после — 4 ушли в Сысерть. Я остался в Екатеринбурге, а Медведев пошел на вокзал, где присоединился к товарищам охранникам, уходящим на фронт.

Михаил Иванов Летемир
Начальник Уголовного розыска Кирста

ПРОТОКОЛ ОБЫСКОВ

1918 года, августа 9 дня. Я, начальник Екатеринбургского уголовного розыска, с нижеподписавшимися понятыми и субинспекторами Талашмановым и Леонтьевым сего числа, на основании 258 ст. уст. уг. суд., производил обыск в заводе Сысертском Екатеринбургского уезда в квартирах:

1) Вениамина Яковлева Сафонова, 2) Павла Медведева, 3) Андрея Федорова Стрекотина, 4) Андрея Андреева Стрекотина, 5) Николая Попова и 6) Ивана Андреева Старкова, причем из всех вышеупомянутых лиц дома оказался один Андрей Федоров Стрекотин, записанный под № 3, остальных же дома не оказалось, а при обысках в квартирах у родственников последних были обнаружены нижеследующие вещи:

У Сафонова ничего предосудительного найдено не было. У Павла Медведева было обнаружено: кожаный саквояж, три пары суконных серых перчаток, одни пуховые носки, полотенце, кусок бинта, портмоне, компас, 2 серебряных кольца, золотой

медальон, тоже металлическая запонка, кусок подцепка. У Андрея Федорова Стрекотина: пасхальное яйцо. У Андрея Андреева Стрекотина: пасхальное яйцо, золотое кольцо без ставки. У Николая Попова: бинокль. У Ивана Андреева Старкова: деревянный полированный ящик, три вилки, 2 пасхальных свечи, термометр, $\frac{1}{2}$ флакона духов «Ландыш», 1 рашпиль-напильник, 4 белых батистовых платка носовых, 1 чулок, 5 шт. рамок для фотографических карточек, металлический брелок и брелок серебряный свисток.

О вышеизложенном постановил: записать в настоящий протокол, отобранные вещи предъявить камердинеру бывшей Царской семьи.

Начальник Екатеринбургского уголовного розыска *Кирста*
Понятые. Субинспекторы
И. д. прокурора *Кутузов*

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1918 года, августа 2, 5, 6, 7, 8 дня. Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр квартиры Ипатьева в доме Поппель на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка в гор. Екатеринбурге, причем оказалось¹:

¹ Е. Поппель была родственницей Н.Н. Ипатьева, у которой он и купил дом. По инициативе председателя КГБ Ю.В. Андропова решением ЦК КПСС от 30.07.1975 г. дом Ипатьева как объект серьезного внимания со стороны «антисоветских сил» был снесен. См. *Шитов В.* Дом Ипатьева. Летописная хроника в документах и фотографиях (1877–1977). С. 400–401.

Дом обнесен как со стороны Вознесенского проспекта, так и Вознесенского переуллка высоким дощатым забором, вышиною до /пропуск/ саж. С той и другой улицы тесовые ворота, а по углам забора на Вознесенском проспекте две караульных будки. Каменные ворота со стороны Вознесенского проспекта забором не обнесены. При входе за этот забор оказалось, что между ним и домом имеется расстояние около 23-х аршин и у самых окон, за исключением первого к парадной двери окна, — такой же забор.

Несколько каменных ступенек и большая двустворчатая дубовая дверь ведут в вестибюль, в котором девять ступенек от парадной двери приводят на площадку.

В вестибюле направо от входа два окна, размер их — $2\frac{1}{2}$, высота 5 аршин; стены обиты светлыми обоями.

У входа налево около задней стены стоит деревянная дверь, размер ее аршин с четвертью ширины и два аршина с четвертью вышины. Дверь с лицевой стороны выкрашена белой масляной краской; с обратной же стороны, выходящей в переднюю и оклеенной теми же обоями, что и передняя, имеются продолговатые и короткие следы многочисленных ударов каким-то остроколющим орудием вроде штыка. Дверь сорвана с петель каким-то орудием, на что указывают следы у верхней петли со стороны, оклеенной обоями; незначительные части дерева у краев отщеплены. Около двери валяется небольшой дубовый шкафчик для корреспонденции, сорванный с внутренней стороны парадной двери.

Около шкафчика в углу стоит пустая черного стекла бутылка, на дне которой какая-то маслянистая жидкость без запаха, и валяется длинный металлический согнутый прут, служащий для предохранения от порчи электрического шнура.

Имеющийся на правой стене от входа электрический провод сорван с роликов, и выключатель сломан.

Во втором окне у летней рамы сломано, в левой половине, нижнее матовое стекло; у этой рамы нижний переплет выворочен; выломана также часть среднего звена правой полови-

ны рамы. На подоконнике валяются обломки стекла и стоит грязное блюдечко, с имеющимся в середине его государственным гербом. На полу около подоконника лежит небольшой кусок промасленной фланели.

В правом переднем углу стоит небольшой деревянный диванчик венского типа с решетчатым сиденьем и спинкой; в этом же углу плевательница с древесными опилками, частью разбросанными по полу; среди них несколько осколков, по-видимому, от разбитого стакана.

Прямо против входной лестницы, у передней внутренней стены, стоит зеркало в черной оправе с подзеркальником; с правой его стороны на обоях написано: «комиссар дома особого важного А. Авдеев» и ниже этого другим почерком и химическим карандашом: «Шуры» и «Шура».

На передней стороне, справа и особенно слева от зеркала, много ударов остроколющего оружия. Слева от зеркала /неразборчиво/ двери, к которому вполне подходит вышеописанная дверь у входа; дверь открывалась вовнутрь. Боковые и верхние стенки косяка носят многочисленные следы ударов остроколющего оружия, по-видимому, штыка. Навесные шарниры находятся у косяка. Особенно сильно испорчен косяк у верхнего шарнира.

В левой стене вестибюля имеется широкая двустворчатая дверь, крашенная в белую краску, на которой несколько знаков от ударов штыков. Слева от двери переносная складная лестница с 8-ю ступеньками. Над дверью два электрических звонка.

На подзеркальном столике обрывки линованной бумаги с каким-то угловым штемпелем. Отверстие сорванной двери ведет в комнату длиною 12 аршин, шириною около 6 аршин.

В правом углу комнаты имеется отделение — уборная с окном и справа же лестница книзу в 19 ступенек, огороженная балясником.

В правой наружной стене два окна, причем в первом одна летняя рама, а во втором и та и другая. На подоконнике первого окна стеклянная банка с элементом. В этой раме, в нижнем

левом переплете, стекло разбито, шесть его осколков торчат в звене и одно /так!/ в выходящем во двор железном зонте.

Стены комнаты оклеены темно-серыми полосатыми обоями, причем обои во многих местах порваны и загрязнены.

Задняя стена комнаты занята электрическими проводами, сборной доской и счетчиками. Всех проводов 14, из них 10 идут вправо и внутрь, один в вестибюль и три к наружной стене. От доски книзу идет провод, заключенный в медную трубу, причем у самой доски он оторван.

У этой же стены, ближе к окну, стоит небольшое железное ведро с опилками, часть которых разбросана по полу. В опилках набросаны окурки папирос.

Слева от входной двери во внутренней стене — окно с одной створчатой рамой, нижние два звена оклеены цветной бумагой.

Размер всех окон: 3 аршина высоты и 2 аршина ширины.

Далее в расстоянии 4 аршин от внутреннего окна находится в стене шкаф с двумя створками, оклеенными снаружи теми же обоями, что и стены комнаты. В нем четыре коричневые полки. На нижней и второй снизу рассыпано немного какого-то белого порошку, и на этой же полке лежит смятая, тонкая, медная, небольшая пластинка.

В переднем левом углу той же внутренней стены — запертая двустворчатая дверь, размеры которой такие же, как и двери вестибюля.

В переднем левом углу комнаты водопроводный кран с железной раковиной; кругом нее на стене грязь.

Вправо от крана одностворчатая дверь, выкрашенная в белую краску, с медной ручкой и задвижкой, ведет в небольшую ванную комнату. Возле этой двери, во внутренней стенке уборной, печка с герметически закрывающейся дверкой. В ней немного золы и осколки разбитого стекла.

При входе в ванную комнату оказалось, что пол в ней покрыт линолеумом с рисунком шашки. Размер ее 1 саж. ширины и 5 аршин длины.

Налево от входной двери в задней стене — деревянная с железными крючками вешалка, крашенная белой краской. На одном из крючков небольших размеров белая грязная батистовая наволочка.

На левой боковой стене приделан крючок, на нем висит железный совок. На этой же стене, в середине, водопроводный кран и фаянсовая раковина со спуском книзу. В левом углу четыре водопроводных трубы. Над раковиной, под потолком, во всю ширину комнаты, длиною и шириною 1 $\frac{1}{2}$ аршина, железный бак — в нем воды нет.

В передней наружной стенке комнаты продолговатое узкое окно, длиною 1 $\frac{1}{3}$ аршина и шириною 14 вершков. Стекла зимней рамы заклеены цветной, с синими четырехугольниками, матовой бумагой. На подоконнике находится глиняный горшок для цветов с землей, в котором посеян овес, небольшая стеклянная грязная банка с остатками соснового экстракта, жестяная крышка от коробки печений «Жорж Борман», вырванный откуда-то вентилятор, обрывок какой-то французской газеты и небольшая грязная тряпка.

Под окном на полу 14 мелких коротких поленьев — дров для колонки. Тут же грязное железное ведро на железной прямоугольной формы подставке, грязный железный лист и небольшая березовая палка.

Рядом с окном, ближе к правому углу, черная железная колонка с трубой, уходящей в потолок.

У правой боковой стены эмалированная ванна, поперек которой лежит сосновая досочка, а на дне маленький кусочек мыла. Над ванной пустой бак для воды, заключенный в деревянную коробку.

В правом же переднем углу четыре водопроводных крана. Рядом с ванной у внутренней задней стенки стоит небольшой деревянный диванчик. Около него на полу лежит большая тонкая простыня с меткой: императорская корона и инициалы «Т.Н.», ниже их цифра «24», черта и «191 1», полотенце для пыли с инициалами «А. Ф. 10», обрывок полотна от укладочной простыни, серовато-голубая косоворотка и вязаные кальсоны.

В левом переднем углу на линолеуме, возле водопроводных труб, найдены короткие остриженные волосы.

На внешней стенке уборной имеются две карандашные надписи: «Сидоров»¹. В правом углу уборной фаянсовое судно с дубовым сиденьем и пустым резервуаром для воды. В судне остатки газетной бумаги и кусок ваты, запачканный калом.

В левом переднем углу простая печь, на лицевой стороне которой кнопками прикреплен клочок линованной бумаги с надписью чернилами: «убедительно просят оставлять стул так чистым, каким его занимают». Под клочком бумаги на печи надпись каким-то острым предметом: «Писал и сам не знаю, а Вы незнакомые читайте». Остальные слова надписи неразборчивы.

Рядом с печкой у правого переднего угла писсуар с водопроводными кранами.

У правой наружной стены окно с двумя рамами, два нижних звена обеих половинок рамы оклеены матовой бумагой. На подоконнике пустая жестяная коробка и два картона с надписями «*serviettes indispensables*».

Имеющаяся в левой стене вестибюля дверь ведет в переднюю комнату; длина ее 7 ¹/₂ арш., ширина 6 ³/₄ арш. и высота 5 ³/₄ аршина. Стены комнаты окрашены серой масляной краской.

Из нее слева двустворчатая дверь, по словам присутствовавших при осмотре Терентия Ивановича Чемодурова и Владимира Николаевича Деревенко, ведет в комендантскую комнату, и прямо от входа другая дверь — в зал.

Вправо, в задней стене, окно, о котором упоминалось при описании вестибюля. На подоконнике его стоит бутылка из-под Ижевской воды и лежит небольшой железный кусок с острыми концами.

В правом заднем углу стоит деревянный простой сосновый, окрашенный светло-желтой краской шкаф с пятью

¹ Среди охранников был рабочий Злоказовской фабрики Алексей Сидоров.

полками; размер его — вышина три аршина, ширина 2 аршина и глубина 1 аршин. На второй снизу полке оказались испорченная маленькая спиртовка, стеклянная крышка для кувшина, пустой аптекарский флакон, пузырек с небольшим количеством ароматического уксуса, шесть бутылок, в одной прованское масло, в другой остатки какого-то вина, а остальные пустые; маленький пузырек чернил, два медных шурупчика и щетка. На следующей полке 6, 7, 9 и 11 томы сочинений Щедрина, издание Стасюлевича, номер 2213 газеты «Копейка» от 13 сентября 1914 года, маленький флакон-капельница желтого цвета из-под лекарства, бутылка из-под минеральной воды «Эмс» и кусок веревки. На второй полке 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10 и 12 томы сочинений Салтыкова того же издания¹.

На шкафу изголовье для походной кровати, обрывок газеты «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов», часть медного шпингалета, небольшой квадратный обрывок от плюшевой, малинового цвета, портьеры с кистью, кусок согнутой проволоки, небольшая тонкая веревочка, ковровая дорожка тигрового цвета с красной каймой длиною три аршина и пять четвертей, прибор для зонтиков от входной двери.

Рядом со шкафом по стене стоит деревянная вешалка с десятью крючьями, окрашенная в темный коричневый цвет, впереди ее — чучело бурого медведя с медвежонком.

В правом углу, между вешалкой и печкой, полушелковая свернутая портьера. В том же углу печка с герметической заслонкой; на полу у печки лежит куча золы, мелких углей, жженой бумаги, среди которых оказались сгоревшие гильзы от револьвера, волосы, медальоны, половина погона, куски материи, пуговицы и разные металлические пластинки.

Налево от ведущей в зал двери, в углу, около устья герметически закрывающейся печки, лежит обложка и шесть листов иллюстрированного английского журнала «The Graphic»

¹ Николай II читал эти книги. Внесены следствием в описи книг, упакованы и вывезены в Англию.

от 21 ноября 1914 года, коробка с остриженными волосами четырех цветов, принадлежащими, по словам присутствовавшего при осмотре Терентия Ивановича Чемодурова, бывшим великим княжнам Татьяне, Ольге, Марии и Анастасии Николаевнам¹ номера «Красной Газеты» 37 и 38 от 9 и 10 марта 1918 года, номер «Уральского Рабочего» 83-й от 1 мая 1918 года, «Веселый Выпуск» И» 32 «Петроградской Вечерней Почты» — январь 1918 года, под названием «Керенский в аду на страшном суде», экстренный выпуск «Торжество Пролетариата», обрывки газеты «Зауральский Край», «Известий», рваная промасленная бумага, куски ваты, кусок проволоки, квитанция с китайскими марками, тиковые с красными полосками рваные штаны, кусок кожи от свиного окорока.

Осмотр, начавшийся 2 августа в 10 1/2 часов утра, прерван в 3 часа дня.

Осмотр продолжен 5 августа в 12 часов 25 минут дня.

Слева в передней имеется широкая, двустворчатая, окрашенная белой краской снаружи, а изнутри желтовато-сероватой краской дверь, ведущая в комнату, которая, по словам присутствовавшего при осмотре д-ра медицины В.Н. Деревенко, служила для коменданта, наблюдавшего за охраной бывшей Императорской семьи. Размер ее 7 арш. 2 вершка ширины и 7 арш. 13 вершков длины. Пол выкрашен под паркет, стены оклеены толстыми, узорчатыми, под тисненую кожу финикового цвета, обоями, вделанными в золотой багет. Потолок узорчатый.

Против входной двери два выходящие на улицу к церкви Вознесения³ окна точно такого же размера, как в вестибюле и остальных комнатах. Направо от входной двери печь, расписанная тем же рисунком, что и потолок.

¹ О. Иоанн (Сторожев), служивший обедницу для царской семьи отметил, что «волосы у княжон коротко острижены».

² Церковь Вознесения Господня стоит на Вознесенской горке и сегодня.

Возле печки стоит небольшой липовый шкаф с двумя створчатыми дверками. На верхней его доске небольшая коробка, обтянутая снаружи черной кожей, а изнутри желтоватой кожей. На крышке, внутри на замше надпись чернилами: «для лампы». В коробке лежит небольшой бронзовый подсвечник. По словам присутствовавшего при осмотре Т.И. Чемодурова, вещи эти принадлежат бывшему Императору. Далее деревянный, обтянутый зеленовато-желтой кожей футляр для хранения каких-то вещей. Верхняя часть застежки этого футляра вырвана из дерева. Банка с заплесневевшими оливками. Пустая бутылка из-под сельтерской воды с маленьким стаканчиком. Деревянная желтая полированная коробка с выдвигающейся крышкой: на дне ее оказалось незначительное количество табаку. Графин без пробки с какой-то желтоватой мутной жидкостью. Чайная чашка с зеленым рисунком. Медный средней величины шуруп, маленькая без ручки отвертка, небольшой железный крюк, розетка с солью, электрическая машинка Шпамера с прибором, по словам доктора Деревенко предназначавшаяся для лечения бывшего Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

Внутренняя часть шкафа имеет сверху выдвигающийся ящик, оказавшийся пустым, и три полки, на которых лежат куски заплесневевшего хлеба, два небольших флакона с чернилами, четырехугольная чашка, внутренние ее стороны белые и наружные желтые, принадлежавшая, по словам Т.И. Чемодурова, кухне бывшего Императора; два листа желтой оберточной бумаги, два электрических звонка, два маленьких желтых бурака, небольшой железный ключик, погнутая с дырами железа, стамеска, отвертка и подпилы. Под шкафиком ничего не оказалось.

По правой стене стоит варшавского типа кровать, черная железная, с никелированными на стенках верхушками и натянутой сеткой. В примыкающей к кровати стене имеется внутренний шкаф с вещами владельца квартиры.

В правый угол вдвинут кабинетного типа рояль фабрики Шредера, покрытый парусиновым чехлом. На рояле разбросаны: несколько пустых небольших коробочек, кусок желтой резины, флакон от духов, металлический футляр для чернильницы, линейка, нитки и узкая в переплете книга, разлинованная наподобие конторских. Флакон, по словам Т.И. Чемодурова, принадлежал Императрице. Черные и белые треугольники в виде пластинок, с коробочкой — игра, называемая «Jeu de Parquet, Modele PCC» и принадлежавшая, по словам того же Чемодурова, Наследнику. Коробочка с металлическими блестками и пришитое к небольшой бархатке украшение в виде трехлистника, засохшие ягоды земляники и список телефонных абонентов. Под чехлом на крышке 36 сборных игральные карт.

На ближайшем к роялю окне, завешенном тюлевыми шторами и драпри, — жестяная крышка от коробки, промасленная половина транспаранта, три электрических лампочки, четыре ручки с перьями, три пузырька с чернилами, четыре патрона от электрических ламп; стеклянная аптекарская банка, закрытая пробкой: в ней находятся два небольших флакончика с гомеопатическими препаратами «Игнация» и «Аконит», этикетки на той и другой — гомеопатической аптеки в Петрограде. Пустая продолговатая картонная коробка с надписью красным карандашом: «Дом особого назначения» и желтая коробка без крышки с пуговицами, шурупами, катушками ниток и крючками.

В находящемся между окнами простенке стоит раздвинутый ломберный с зеленым сукном стол. На этом столе стоит электрическая переносная лампа с белым абажуром, две пепельницы, одна фарфоровая, другая из раковины. Деревянное пресс-папье с синей бумагой, жестяная коробка из-под мыльного порошка, коробочка со столовым молотым перцем, несколько листов белой, для ватер клозета, бумаги, три пера, несколько граммофонных иголок и толстый лист пропускной бумаги, на котором оказались четыре оттиска печати с таким содержанием: «Комендант дома особого назначения Областной Исполнительный Комитет Советов» и кло-

чок смятой белой бумаги с надписью: «Левольвер Радиш-ковича»¹.

На подоконнике второго окна оказались четыре больших пустых аптекарских пузырька, пузырек с чернилами и маленький пузырек из-под красных чернил. На правой внутренней стороне окна два электрических звонка с одной кнопкой и выходящими на улицу пятью проводами. Ни один из звонков не действует.

Под кнопкой электрических звонков написано чернилами и карандашом: «Анучин военный комиссар 967, председатель Чудскаев, Жилинский 626, завед. 704, квар. Голощеки 977, 6 район Р.К.А. 551». Ниже написано карандашом несколько слов, причем можно разобрать только следующее: «в год 23 начн. Ванны 23, 26, 28 — до двух вк. В.З.Л. 4 ван.»

Под одним из звонков имеется карандашная надпись: «Гоголев. 38 Шейнбаум». На другом левом косяке написано карандашом «Жилинский 677, 2-04, Бурдак. 305, 321». На прилегающей к этому косяку стене на обоях написано карандашом: «967, 278, 26, 904, 448, 409»².

Рядом с этими надписями стенной телефонный аппарат. В углу помещается деревянный треугольный стол с полочкой, выкрашенный желтой краской и полированный. На столе неоткупоренная бутылка кислого состава для углекислых формиковых ванн, лаборатории К.М. Зачек, и большой аптекарский флакон с небольшим количеством желтоватой жидкости, по мнению присутствовавшего при осмотре врача Белоградского, предназначавшийся для Шпамеровской электрической машинки. Круглая пластинка с тиснением «Война 1914—1915. К. Фаберже». На полочке четыре аптекарских флакона из-под лекарств с рецептом на имя Мошкина и в одном — прованское масло.

На полу под столом 11 банок с элементами, четыре неоткупоренные бутылки того же кислого состава, две четвертных бутылки, из которых одна пустая, а другая на треть наполнена

¹ Так в тексте.

² Вероятно, это номера телефонов.

керосином, и две четвертных бутылки с небольшим количеством денатурата. Картонная коробка с электрическими проводами и тремя элементами.

Далее, по левой стене, стоит большой турецкий диван с двумя валиками и одной подушкой, обитой пеньковой выцветшей материей оливкового цвета.

Когда диван был отодвинут от стены, то под ним оказались кипарисовые четки, принадлежавшие, по словам Чемодурова, бывшей Государыне Императрице.

На небольшом сиреневом листочке с фиолетовой каймой письмо на английском языке от Императрицы к Ольге Николаевне с датой от 19 декабря 1909 года и тут же грязный белый конверт с адресом: *«Дом особого назначения и. д. коменданта т. Никулину»*.

Рядом с диваном, по той же стене, стоит железная складная кровать с сосновыми досками, на ней зеленый, с цветами, тиковый матрац и байковое серое одеяло с сине-красной каймой. У задней стены около двери стоит деревянный книжный шкаф, двустворчатый, со стеклянными дверками и двумя выдвигающимися ящиками, наполненный так же, как и закрытый шкаф, книгами хозяина квартиры, так как Чемодуров не нашел ничего, принадлежавшего Императорской семье.

Стены комнаты украшены фотографическими снимками железнодорожных сооружений, а также большой оленьей головой.

На двери с внутренней стороны — портьера в цвет турецкого дивана. Посредине комнаты сдвинутый дубовый обеденный стол, покрытый грязной черной клеенкой. В комнате четыре березовых стула с венскими сиденьями и резными спинками.

Из передней двустворчатая белая дверь ведет в просторный зал, длиною 12 $\frac{1}{2}$ арш. и шириною 8 $\frac{1}{4}$ арш.

Стены его обиты толстыми тисненными обоями с серебряным багетом, потолок выкрашен белой краской с цветами. Посредине потолка — большая электрическая люстра, под ней — лепной узор.

На стенах три больших, писанных масляными красками картины в золотых широких рамах, кисти художника Лаврова, и копии Шишкина, изображающие пейзажи. Около задней внутренней стены на полу стоит большая кентия (пальма). В левом переднем углу аквариум без воды и рыбы.

Слева от входа в стене имеются два окна с тюлевыми занавесками и портьерами с палевыми цветами. Среди окон, в простенке, большое зеркало с подзеркальником.

На первом от входа в зал окне лежит деревянная для платьев вешалка со складным медным крючком, на середине ее, на одной из плоских сторон, императорская корона с инициалами «А.Ф.», тисненными и выкрашенными в черный цвет. На подоконнике второго окна девять, разной величины и формы, аптекарских флаконов с небольшим количеством каких-то лекарств, белый флакон, в виде фляги, с белой жидкостью, флакон гумми арабика, черная полубутылка с раствором для согревающего компресса и пустой флакон тройного одеколона Петроградской химической лаборатории.

Около этого окна, в углу, стоит небольшой дамский письменный столик с двумя пустыми ящиками, покрытый толстым листом зеленой пропускной бумаги. На нем лежат четыре лоскутка линованной в клетку бумаги с французским текстом, писанные, по словам доктора Деревенко, Наследником Алексеем Николаевичем. Картонная коробочка, обтянутая бледно-сиреневым шелком, в которой лежат обгорелые конверты, с подкладкой синего цвета, с надписью: *«Золотые вещи, принадлежащие Анастасии Николаевне»*, и обгорелые листки телеграммы и клочок бумаги, на котором что-то написано карандашом. На телеграмме можно разобрать слова *«Тобольск Хохрякову»*. Обуглившийся клочок бумаги, на котором заметны буквы *«Оль»* с росчерком, стеклянная крышка от коробочки, закоптелая и разбитая, принадлежащая, по словам Т.И. Чемодурова, бывшему Наследнику. Две вырезки из какой-то газеты.

Возле стола кресло красного дерева с мягким сиденьем и высокой спинкой стиля модерн. Спинка с прямыми планками (линиями).

Начатый в одиннадцатом часу утра 6-го августа осмотр окончен в 3 $\frac{1}{2}$ часа дня того же числа.

Из зала широкая арка ведет в гостиную, представляющую из себя комнату размером 8 арш. 4 вершка в диаметре. Пол в этой комнате паркетный, стены оклеены толстыми золотистыми, тисненными под шелк обоями, в рамке из багета. Потолок расписной. Посредине электрическая люстра с девятью свечами, посредине люстры лампа.

При входе, в левой стене, два окна. В простенке между ними большое зеркало в золоченой раме с подзеркальником с черной мраморной доской. На окнах золоченые узорчатые карнизы.

Под самой аркой большой письменный, отделанный под красное дерево, дубовый стол на двух тумбах, с темно-зеленым сукном. Все ящики стола пусты.

В левом заднем углу гостиной банка с фикусом. Такой же цветок стоит и на подоконнике второго окна.

В переднем левом углу мягкий диван, обитый шелком с зеленовато-золотистыми цветами. Рядом с ним два таких же кресла, а против — лакированный, коричневого цвета, восьмиугольный, на четырех ножках гостинный стол, на котором стоит гипсовая группа, изображающая из себя двух солдат и офицера на разведке, работы М. Захваткина, с датой 1915 года. За диваном керосиновая лампа с шелковым абажуром, цвета бордо и кружевом крем, на подставке.

На полу, ближе к правому углу по стене, стоит деревянная тумба пестрого (тигрового) цвета с белой мраморной доской. В правом переднем углу стоит деревянная тумба для цветка, отделанная под красное дерево, с выгравированным золотистым рисунком.

У правой стены стоит плетенная из камыша и тростника, садовая кушетка с двумя подлокотниками и откидывающейся спинкой, взятая, по словам Т.И. Чемодурова, из Царского Села при отъезде в Тобольск.

По стенам гостиной пять картин в золоченых рамах, писанных масляными красками, и над кушеткой, тоже в золо-

ченой раме, зеркало. Кроме того, в гостиной находятся три березовых, с плетеным сиденьем и резной спинкой, стула.

В зале, за картиной «Лес и волнующаяся нива» (копия Шишкина), у передней стены найдена открытка с изображением бывшей Императрицы.

Из зала справа двустворчатая дверь ведет в столовую. Дверь со стороны зала выкрашена белой краской, а из столовой — под дуб. Размер комнаты: длина 12 арш. 6 вершк., ширина 8 арш. 4 вершка. Пол в ней паркетный, стены оклеены толстыми, тисненными, коричневого цвета обоями с рисунком, изображающим вазу, и вделанными в рамку с багетом. Потолок расписан под дуб, посередине его электрическая люстра, а под ней дубовый, сдвинутый, с резными ножками стол.

Возле стола дюжина стульев, с плетеными спинками и сиденьем, и два таких же кресла.

Слева от входа, по стене, стоит большой дубовый светлый, в цвет стола и стульев, буфет.

В противоположной от входа в гостиную стене устроен камин и над ним зеркало в дубовой раме темного тона, в цвет обоев и дверей. В камине искусственно горящие угли, а перед ним металлический, из медной сетки, испорченный вентилятор.

С обеих сторон камина две картины, изображающие лесной пейзаж, кисти художника Воронкова, в черных резных рамах.

Возле камина подержанное кресло-тележка на трех колесах, с резиновыми пневматическими шинами, принадлежавшее, по словам Т.И. Чемодурова, бывшей Государыне.

В правой от входа стене балконная дверь, запертая изнутри железным створчатым ставнем на висячий замок. Балконная дверь задрапирована пеньковой драпировкой темного цвета с цветами. Вправо от двери окно в сад с такой же портьерой и таким же ставнем, что и у балконной двери. Ставень у окна открыт.

Около подоконника две плетеные корзины для цветочных горшков. В одном из них стоит засохшая финиковая пальма.

В простенке между балконной дверью и окном небольшие стенные часы в темном футляре, остановившиеся на 10-ти без 3 минут. Под часами картина-поднос, на котором, под стеклом, по черному бархату наложены цветы из разных металлических блесток.

У правой от входа стены стоит небольшой буфетный дубовый шкафчик, в цвет остальной мебели, с одной наружной полкой; на ней лежит шило-отвертка.

Под доской два выдвигающихся ящика. В левом из них две деревянные ложки, аптечный пузырек коричневого цвета с незначительным количеством белого порошка и пустая, черного стекла, бутылка со штампованным на стекле знаком: «Погреб Высочайшего Двора», и в середине этих слов государственный герб. Бутылка имеет запах вина. В правом ящике три больших белых блюда фирмы Кузнецова, два круглых и одно продолговатое. На последнем, на лицевой стороне, на краях, имеются два синих государственных герба. Этими блюдами, по словам Т.И. Чемодурова, Царская семья пользовалась во время обедов. В правой половине шкафа, запирающегося дверкой, оказался оцинкованный железный таз с двумя ручками. В левой — большой черный железный поднос, такой же оцинкованный таз и в нем большая губка. По словам Т.И. Чемодурова, в этих тазах им и великими княжнами мылась посуда. Под шкафом найдены три грязные тряпки.

Возле той же стены низенький деревянный сундук-баул, окованный по краям железом и обтянутый черной крашеной парусиной, с одним внутренним замком и двумя железными ручками по бокам. Размер его: длина 1 аршин и ширина 13 вершков, высота 6 вершков. С внутренней стороны крышка и дно обиты замшей. Верхняя планшетка внутреннего замка оторвана. Снаружи, на боковой кромке, над замком, медная круглая пластинка с выгравированным номером «622».

Рядом с ним деревянный сосновый полированный ящик-сундучок длиной 11 $\frac{1}{2}$ вершков, шириной 8 $\frac{1}{2}$ вершков и высотой 7 $\frac{1}{2}$ вершков, с двумя медными, по бокам, ручками. Ящик пуст.

Рядом с ящиком три бутылки темного стекла с этикетками. На первой: *«Придворная Его Величества Аптека. Розмарин»*. Бутылки наполовину наполнены жидкостью. По словам Т.И. Чемодурова, жидкости в бутылках служили Наследнику для втирания.

Над шкафчиком на стене две оленьих головы и среди них писаная акварельная картина, изображающая паяца, играющего на мандолине.

Буфет имеет в верхней и нижней части по три отделения, между ними три выдвижных ящика и открытая площадка.

Наверху буфета две лампы — электрическая, с четырьмя горелками, на подставке в виде голых женщин, бронзовая керосиновая с резервуаром в виде вазы, и два абажура в белых чехлах.

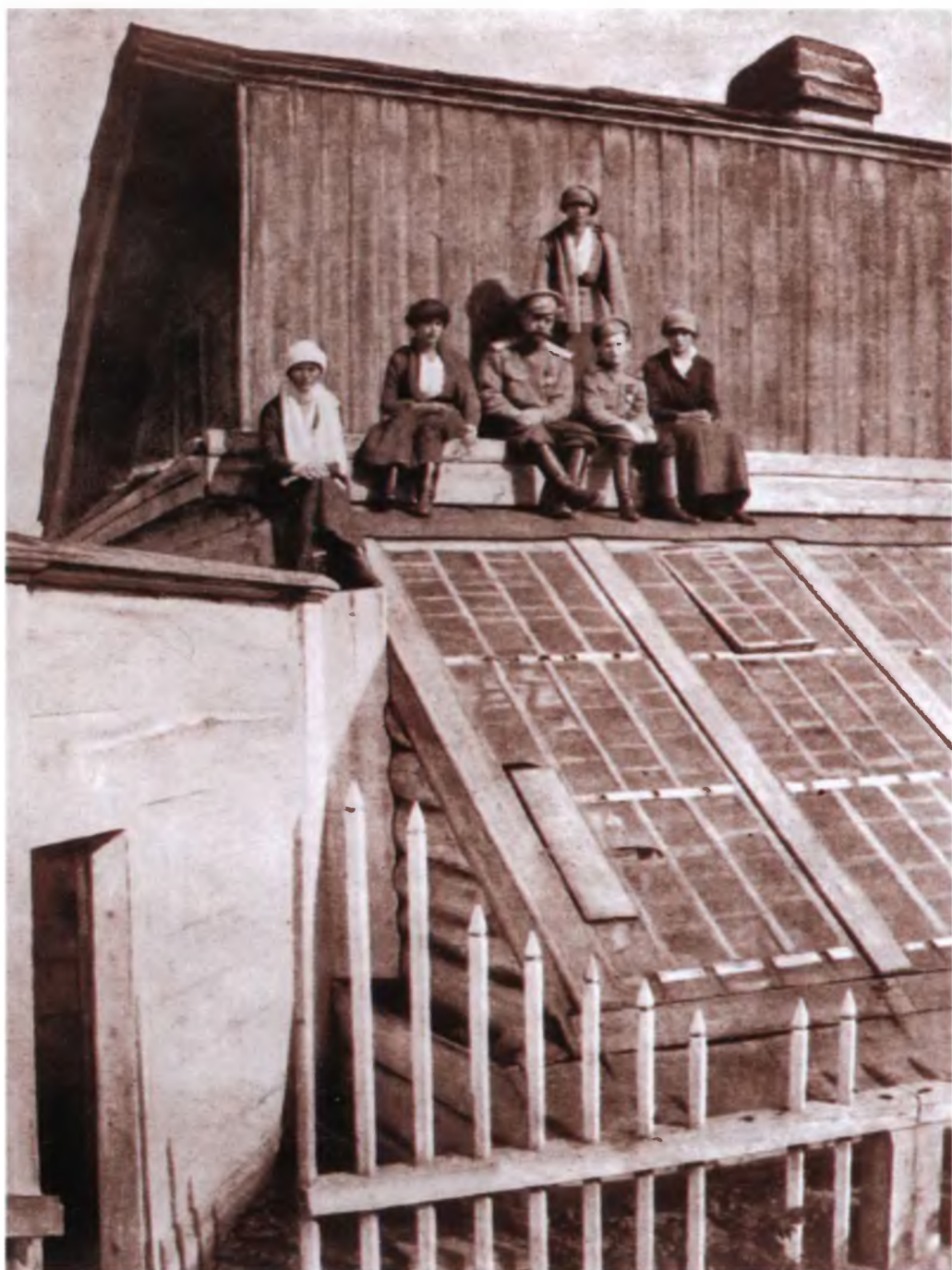
В левом верхнем отделении буфета три полки. Верхняя пустая, на средней четыре зеленых, с белыми ручками чашки, две крышки от стеклянного кувшина, масленка в виде курицы, две белых полоскательных чашки и небольшая, стеклянная, с винтовой нарезкой в верхней части банка. На нижней полке большой флакон чернил Гюнтервагнер, завязанный шелковистой материей, прорезиненной, и тряпочкой. Флакон наполовину наполнен чернилами. Большой чайник с белым с золотым носом, выкрашенный серовато-зеленой краской с подпалинами. В нем заплесневевшие остатки чая, восемь блюдец, из них три белых, одно зеленое и четыре белых, с синей и золотой каймой и с изображением государственного герба посредине. На дне их, с внешней стороны, инициалы *«Н. II»* и годы *«1910»*, *«1915»*. Маленькая пустая ваза, круглая стеклянная баночка с молотым перцем, небольшая стеклянная пестрая вазочка с двумя ручками, пятнадцать фаянсовых тарелок фабрики Кузнецова, с зеленоватым и синеватым рисунками по краям, семь фарфоровых мелких тарелок, две из них поменьше размером. Тарелки белые, с синим и золотым ободками по краям. На краю каждой из них раскрашенный государственный герб, а на дне, с наружной стороны, инициалы *«Н. II»* и под

Император Николай II («гражданин Романов») под арестом
Царское Село. 1917 г.

Губернаторский дом («дом Свободы») в г. Тобольске

Императорская семья на крыше оранжереи
Тобольск. Осень 1917 г.

Ипатьевский дом в Екатеринбурге

Великая княжна Ольга колет дрова

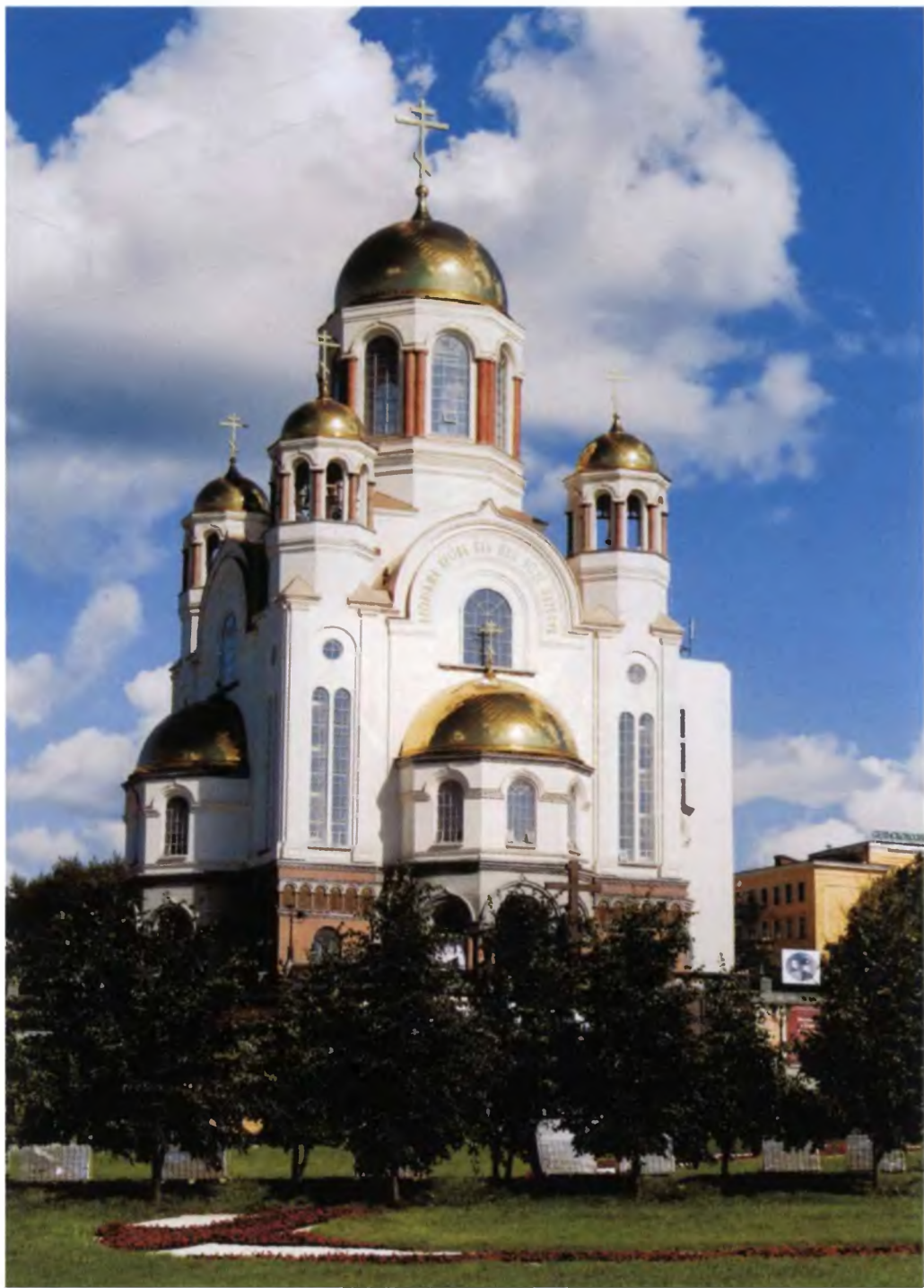
Император Николай II и цесаревич Алексей пилят дрова

Лица, сопровождавшие царскую семью в заключении:
врач Е.С. Боткин, горничная А.С. Демидова,
лакей А.Е. Трупп, повар И.М. Харитонов

Снос дома Ипатьева. 1977 г.

Храм-на-Крови, возведенный на месте
Ипатьевского дома

ними год изготовления «1913», «1914» и «1909». Белая фарфоровая тарелка с розовато-голубоватым рисунком (цветами), а на дне ее, с внешней стороны, клеймо фабрики Корниловых. Простой с трещиной стакан, два аптекарских флакона с глицерином и коллодием.

Среднее и правое отделения содержат посуду, принадлежащую, по словам Чемодурова, Ипатьеву. Описанная же в первом отделении посуда служила Царской семье, причем чернилами пользовалась Императрица, как удостоверил тот же Чемодуров.

В левом нижнем отделении буфета оказалось девятнадцать, разной величины и письма, икон с изображением святых Антонина, Иоанна и Мустафия, деревянная икона Сергия Радонежского, икона с изображением Косьмы и Дамиана, икона Димитрия Солунского, две иконы Симеона Верхотурского Чудотворца и две иконы Серафима Саровского, деревянная икона Благовещения Пресвятой Богородицы, икона с изображением пророка Илии, изображение Богоматери на полотне, два маленьких тельных медальона-образка в серебряной оправе с ушками: один из них Нерукотворного Спаса, а другой Николая Чудотворца. На большинстве перечисленных икон имеются собственноручные надписи Императрицы и великих княжон¹.

В том же отделении большая деревянная круглая чашка и в ней такая же круглая, полая, сухая мыльная масса и деревянная тарелка для губки. По словам Т.И. Чемодурова, этим мылом пользовался бывший Император в ванне. Среднее и правое отделение в нижней части буфета пусты.

На открытой посередине полке — корзина, эмалированный таз, пустая бутылка, шкатулка, перовая метелка и зеленая лампадка.

При осмотре столовой на обеденном столе еще обнаружены массивная «из яшмы» пепельница, двенадцать раковин

¹ Иконы осмотрены Н.А. Соколовым, составлена опись для отправки в Англию. См. Описи иконам. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6.

для закусок, принадлежащих, по словам Т.И. Чемодурова, Царской семье, и большой стеклянный графин.

Слева от балконной двери — дверь в почти пустую комнату, занимаемую, по словам Т.И. Чемодурова, горничной Царской семьи Демидовой. Длина ее 7 аршин 15 вершков и ширина 6 аршин 13 вершков. На полу — линолеум с рисунком шашками темно-коричневого цвета. Стены оклеены темно-серыми обоями. Потолок и дверь изнутри выкрашены желтовато-беловатой масляной краской. Посредине спускается зеленая люстра с тремя лампочками.

Против входной двери два окна с деревянными подоконниками, такими же карнизами и зелеными полужанавесками в верхней части окна.

В левом переднем углу круглый, крашенный темно-коричневой краской стол на шести ножках и около него, такого же цвета, маленький круглый столик, три дубовых, столового типа, стула с плетеными спинками и сиденьем и мягкое кресло из описанного в гостиной комнате гарнитура.

В правом заднем углу две вешалки для платьев с медными крючками, принадлежащие, по словам Т.И. Чемодурова, бывшему Наследнику Алексею Николаевичу.

На ближайшем к левому переднему углу подоконнике находятся небольшой графин, никелированный электрический прибор для согревания больного места, большой флакон с жидким яичным мылом, флакон с жидкостью для электрической машинки, четыре небольших пузырька из-под лекарств, небольшая фарфоровая баночка с остатками борного вазелина, две железины, клочок ваты, железный крюк и маленький ключ на белом шнурке. По словам Т.И. Чемодурова, машинка и лекарство служили для лечения Наследника Алексея Николаевича, ключ же был от его шкатулки, в которой он хранил деньги.

Из столовой слева дверь ведет в комнату, служившую, по словам Чемодурова, спальней и комнатой для великих княжон. Размер ее: длина 8 аршин и ширина 7 аршин 2 вершка.

На полу линолеум коричневого цвета, шашками. Стены оклеены светло-серебристыми с розовато-зеленоватыми цветами обоями. Потолок выкрашен розоватой масляной краской, дверь с внутренней стороны выкрашена в тон потолка.

Справа и слева в задних углах две печки с герметически закрывающимися топками, окрашенные клеевой краской в розоватый цвет. Верх обоев оклеен золотым бордюром с зеленым багетом. С потолка спускается электрическая люстра в виде цветочной ветки с тремя лампочками¹.

Против двери окно. На подоконнике белая штора, пустая небольшая банка с одной конфеткой «монпансье», черная короткая шпилька, два висячих замка, коричневый пузырек с небольшим количеством какой-то жидкости; штора свернута. На окне висит, одним концом, длинный, песочного цвета, шерстяной, очень мягкий плед, принадлежащий, по словам Т.И. Чемодурова, бывшему Императору. В правом переднем углу — трюмо с коричневой рамой и со столиком. У правой от входа стены стоят металлический экран светло-зеленого цвета с изображением букета и сидящей на сучке птицы, мягкий стул и кресло, сиденья которых обшиты красным кретоном, а спинки и ножки черные, резные.

Рядом с ними, против зеркала, стоит белый эмалированный ночной горшок и далее два кресла вышеописанной формы. На спинках их чехлы из полотна, вышитые красными нитками. В переднем левом углу деревянная тумба для цветов и на ней кусок восковой свечи. У левой стены около печи стоит, на четырех ножках, коричневого цвета гостинный стол. На нем деревянная, обитая зеленой кожей, шкатулка, разрез ее $7\frac{1}{2}$ вершков длины и $7\frac{2}{10}$ вершка ширины и 3 вершка вышины. На крышках ее, с наружной стороны, какой-то рисунок в декадентском стиле с изображением арки и цветов. Внутренний замок вырван и держится на верхней пластинке у крышки.

¹ Н. Росс пишет в Примечании, что эта люстра висит в домовой церкви в Оксфорде (Англия), основанной о. Николаем (Гиббсом) См. Указ. соч. С. 576.

Три внутренние отделения, а равно и крышка, обтянуты зеленой шелковой материей. На дне одного из отделений четыре перламутровые пуговицы и безопасная английская булавка.

Далее на столе находятся: книги Новый Завет и Псалтырь на русском языке, образ Феодоровской Божией Матери в деревянном футляре, написанный на дереве, задняя стенка его обита малиновым бархатом. На образе сорван венец, на котором, по словам Т.И. Чемодурова, была звезда с бриллиантами. На этой иконе две узенькие и короткие бумажные ленточки со следующими на них надписями, сделанными рукой Императрицы: 1) «*Иоанна 19, 38-42*», 2) «*9 Иоанн. 19, 25, 37*». Сверху на ней лежат круглые, медальонного вида, образки: два Богоматери и один Георгия Победоносца.

Из описанных вещей лишь Евангелие, по словам Чемодурова, принадлежит детскому лакею Седневу, а остальные — Императрице.

В заднем левом углу у печки стоит высокая, окрашенная черной краской подставка для цветов, на которой три книги: «Великое в малом» и «Антихрист» Сергея Нилуса, «Война и Мир», т. 1, Толстого и «Библия» на русском языке¹.

Под тумбой найдены карточка великой княжны Марии Николаевны, визитная карточка лейб-медика Боткина и небольшой клочок бумаги, на котором по-английски написаны действующие лица какой-то английской пьесы, где роли распределены между Анастасией, Марией Николаевнами, Алексеем Николаевичем и Гиббсом. На листике дата «*4 февраля 1918 г. Тобольск*»².

¹ Позже все эти книги будут описаны и упакованы для отправки в Англию в. кн. Ксении Александровне.

27 марта 1918 г. Николай II записал в своем дневнике: «Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены «протоколы» евреев и масонов — весьма современное чтение» См. Дневники Николая II. М., РОССПЭН. 2013 г.

² Этот документ экспонировался на выставке «Гибель императора Николая II и его семьи. Следствие длиною в век». См. Каталог выставки. С.152.

В углу около входной двери переносное судно, по словам Чемодурова, принадлежащее Наследнику Цесаревичу.

Осмотр продолжен 7 августа в 10 1/2 часов утра.

В левой продольной стене описанной комнаты находится дверное отверстие такого же размера, как и другие, самой двери в нем нет. За ним четырехугольная комната, длиною 7 арш. 8 верш. и шириною 7 аршин 5 вершков. Высота в ней такая же, как и во всех остальных.

Стены комнаты оклеены полосатыми, одноцветными, бледно-палевыми обоями с волнообразным, с цветами, широким фризом.

В правой от входа наружной стене, а равно и в передней, по два окна, причем в обоих первых и в одном, прилежащем к переднему правому углу, окне находятся летние и зимние рамы. /Наружные/ рамы, как и в других комнатах, выбелены масляной краской до верхней фрамуги. В прилежащем к левому переднему углу окне имеется только одна летняя рама, за которой вделана железная решетка.

По словам Т.И. Чемодурова, в этой комнате была спальная Императора, Императрицы и Наследника Цесаревича.

Справа, у косяка входной двери, стоит прислоненная к стене деревянная, полированная с одной стороны доска, длиною 1 аршин 5 вершков и шириною 13 вершков. Этой доской, по словам Т.И. Чемодурова, пользовался Наследник Цесаревич во время болезни, причем ее клали поперек кровати и она служила ему столом, на котором он писал, читал, играл игрушками и кушал.

Рядом с этим столом, в углу, стоит высокая полированная подставка для цветов в виде небольшого столика. На столике стоит красная стеклянная лампадка, наполовину наполненная маслом. Около лампы цветочная пыль. Рядом с этой подставкой свернутый ломберный стол с зеленым сукном.

К простенку между окнами правой стороны придвинут письменный стол конторского образца, с зеленым сукном и такой же пропускной бумагой, на четырех точеных ножках.

На столе электрическая бронзовая лампа с синим самодельным колпаком. Стеклянная коробочка, края которой в серебряной с позолотой оправе, пестрый узкий шнурок и коричневая ленточка незначительной длины. Подушечка из голубого шелка для булавок, двустворчатая шахматная доска с четырьмя внутренними ящиками, задвигающимися деревянными пластинками, и с двумя комплектами игры в шашки. Книги: «Лествица Иоанна, игумена Синайской горы», на первом печатном листе ее сделана пометка: «А. Ф. Ц. С. Март 1906»; книга — в сафьяновом красном красивом переплете; на обороте первого атласного чистого листа наклейка с монограммой «А.Ф.» и над ними корона. «О терпении скорбей» епископа Игнатия Брянчанинова, в синем, с золотым тиснением на лицевой стороне и на корешке, переплете; на оборотной стороне первой корки этой книги приклеена белая, в виде ромба, бумажка с инициалами «А. Ф.» и сверху корона, и на оборотной стороне первого цветного листа имеется собственноручная надпись Императрицы: «А.Ф. Петергоф 1906 г.» «Молитвослов», в синем коленкоровом переплете, издание 1882 года Синодальной типографии; в нем, на обороте первого печатного листа, приклеена круглая с синим ободком бумажная пометка с инициалами «Н.А.» и сверху корона; на обороте последнего белого листа написано чернилами: «6 мая 1883 г.» «Синее с золотом» Аркадия Аверченко, без переплета. «Рассказы для выздоравливающих», того же автора. 2, 8, 13 томы сочинений Чехова, издания Маркса. Медная проволочная подставка для карточек. А под зеленой бумагой оказались листки от стенного календаря. Два внутренних ящика стола пусты.

В правом переднем углу туалетный стол, на двух тумбах, с зеркалом, по той и другой стороне зеркала электрические лампочки. Стол оклеен дубом, и все его ящики пусты, за исключением большого среднего и соответствующего ему в верхней части стола. В ящике находятся эмалированное белое блюдо, два пустых флакона из-под цветочного одеколona фирмы Брокер, 2 черных флакона также из-под одеколona английских фирм; круглый, в виде маленького графинчика, с неболь-

шим количеством одеколона флакон, бока его расписаны под цветок; две небольших стеклянных круглых, без крышек, баночки, в одной из которых имеется небольшое количество каких-то маленьких шариков; небольшой зеленый круглый флакон с притертой пробкой и наклеенной этикеткой «*Lavendel Salz*» и дальше по-немецки напечатан способ употребления; баночка с небольшим количеством кольдкрема и с наклейкой «*Придворной Его Величества Аптеки*»; небольшой флакон с какой-то красноватой ароматической жидкостью, маленькие прямые ножницы для ногтей, огарок стеариновой свечи, размером в половину ее, отвертка с деревянной полированной ручкой и спичка с накрученным на конце ее небольшим кусочком ваты. В верхнем среднем широком ящике оказались три дамских тонких черных шпильки, кусочек ваты и розовый маленький шнурочек.

На столе находятся синий большой флакон эссенции электролитной воды Кобяка с большим количеством жидкости, небольшой круглый аптекарский стакан, две столовые ложки, одна десертная и чайная ложки. В стакане затолканна вата. Тут же лежит распоротая бархатная пуговица и в ней вата.

В простенке, между окнами передней стены, коричневая, с четырьмя полками и резными колонками, этажерка. На верхней ее полке три флакона с какой-то жидкостью, большой стеклянный флакон с водою и засохшей веткой жимолости, две баночки с остатками борного вазелина и кольдкрема и с этикетками «*Придворной Его Величества Аптеки*», белая эмалированная чашка, с находящейся в ней маленькой стеклянной воронкой, и стеклянный футляр с двумя маленькими кисточками. На второй полке стеклянная полубутылка, откупоренная и наполненная наполовину бесцветной жидкостью, и два маленьких обломка булыжника. На третьей полке, считая сверху вниз, пустой большой аптекарский флакон, стакан с небольшим количеством воды, восковая белая свеча, деревянная сосновая палочка, небольшой обрывок старой расплетенной веревки и кусок серой бумаги. На нижней полке складывающийся по-

полам деревянный прибор для снятия обуви и сосновая, с двумя узкими желобками квадратной формы, палочка.

Рядом с этажеркой небольшой круглый столик с расписной полированной круглой крышкой. Возле него, на полу, валяются две целых тонких свечи, одна обломанная и огарок.

Возле той же этажерки стоит оклеенный дубом столик прямоугольной формы с четырьмя точеными ножками, на котором лежат обратная половина обложки от какой-то книги; маленькая, в виде раковины, тарелочка с пейзажем, на обратной ее стороне фабричное клеймо и инициалы «М.И.»; пятнадцать белых тонких восковых свечей, завернутых в бумагу; флакон из-под лекарства с рецептом доктора Боткина «*Pro autore*».

Сбоку этого столика стоит кресло от гарнитура из гостиной с парусиновым чехлом.

В переднем левом углу гардероб с двумя створчатыми дверками, отделанный под ореховое дерево. В нем никакого платья не оказалось, висят лишь на деревянных крючьях двенадцать деревянных вешалок. На десяти из них имеются инициалы «А.Ф.».

Рядом с гардеробом железный экран, выкрашенный зеленой краской, на нем нарисован цветок.

Рядом с экраном, по стене, средних размеров мраморный умывальник с разбитой доской. На верхней полочке умывальника графин с водою, аптекарская стеклянная банка с белым порошком и три флакона с каким-то лекарством. На разбитой доске находятся желтого стекла стакан, пузырек с лекарством для Наследника с рецептом доктора Деревенко, баночка с небольшим количеством козьего жира, два флакона с каким-то лекарством, один из них с рецептом доктора Боткина «*Pro autore*», микроскопический флакончик с каким-то лекарством и семь небольших продолговатых бумажек, в виде закладок, с какими-то цифровыми записями. В нижней части умывальника стоит белое жестяное ведро. На полу, около него, найден маленький очиненный карандаш.

Рядом с умывальником, по той же стене, ночной столик, отделанный под орех, с мраморной верхней доской, на которой стоят пять пустых флаконов из-под одеколona и везеталя, два лампадных стаканчика — красный и синий, банка с калигиперманганикум, белого стекла бутылочка с каким-то ароматическим маслом, большой флакон с сосновым экстрактом с этикеткою «*Придворной Его Величества Аптеки*», белый флакон с жидкостью «*Soluval*», аптекарская баночка с притертой пробкой и незначительным количеством какой-то ароматической жидкости, небольшой флакончик с винтовой нарезкой у горлышка, металлической крышкой и белыми пилюлями, на стенках его выгравировано: «*Cascaarine Leprinse*» и небольшая грязная рюмка из голубоватого стекла.

На второй полочке столика — зеленая чашка с блюдцем и небольшой стаканчик-капельница. Нижний шкафчик пуст.

Около умывальника на полу циновка, а на ней маленький деревянный табурет.

В левом заднем углу небольшой круглый столик.

В комнате три дубовых стула с тростниковым сиденьем и один мягкий с красной кретоновой обивкой от гарнитура, находящегося в комнате великих княжон.

На задней левой стене прибита вешалка для полотенец, в виде трех круглых палочек с металлическими наконечниками.

По словам Чемодурова, все эти предметы, за исключением мебели, принадлежат бывшей царствующей семье.

В столовой, в правом переднем углу, имеется двустворчатая дверь, ведущая в проходную комнату, в которой справа ход вниз, представляющий из себя громадных размеров шкаф с полустеклянной матовой дверью. Перегородки ее выкрашены в коричневый цвет и доходят лишь до высоты двери. Стены и потолок комнаты выкрашены серой масляной краской, пол покрыт коричневого цвета линолеумом с рисунком мелкого паркета. Размер ее 7 арш. 13 вершков ширины, 8 арш. 3 верш. длины.

Посредине, на шнуре, спускается с потолка электрическая лампочка. В левом заднем углу деревянная стоячая вешалка

с железными крючьями, окрашенная в желтый цвет. Она за-
слоняет собою часть окна, которое, как и смежное с ним, имеет
летние и зимние рамы.

На подоконнике второго окна мешок с жареным ячме-
нем, незначительное количество которого лежит на рядом
стоящей белой тарелке с государственным гербом и инициа-
лами «Н.И. 1910» на обороте. Тут же пустая бутылка из-под
лимонада и аптекарский флакон с жидкостью «*Oleum terebin-
thinae gaelie*», три гвоздя, небольшая тряпочка и две, с распис-
ной каймой и серединой, тарелки: на верхней из них сушеный
чай, а нижняя у края разбита.

На подоконнике второго окна стакан, белое блюдечко
с гербом и инициалами «Н.И.», на нем старая зубная щетка
с вытертой щетиной, пузырек с какой-то желтой жидкостью,
грязный большой кофейник, обрывок петроградской газеты от
9 декабря 1916 года, два согнутых гвоздя.

У окна деревянный некрашенный простой стол на четы-
рех ножках с двумя внутренними ящиками. В левом из них ока-
зались расписная тарелка и белое блюдо. На тарелке три бе-
лых сухарика, а на блюде соль. На дне ящика крошки и нес-
колько кусочков сахара. В правом ящике несколько промас-
ленных листов грязной бумаги, гвоздик, два белых обмылка
и кусочки макарон. На столе большая железная кухонная
ложка и стеклянный кувшин для воды. Под столом три пары
деревянных сапожных колодок, принадлежащих, по словам
Т.И. Чемодурова, великим княжнам Ольге, Татьяне и Марии
Николаевнам.

Посреди комнаты стоит громадный, коричневого цвета,
гардероб, в котором сверху и у задней стены набиты крючья
и оказались двенадцать деревянных вешалок. На семи из
них, желтых, инициалы «А.Ф.» и корона. Белые же без инициа-
лов, по словам Т.И. Чемодурова, принадлежат Государю Им-
ператору.

В правом нижнем ящике грязная небольшая салфетка,
несколько разных картонных коробок и крышек к ним и рваная
бумага. Левый ящик пуст.

У задней внутренней стены стоит небольшой старый стол, в ящике которого оказались стакан с выцветшими чернилами, висячий замок, ключ, ручка, кусочек мыла и жестяная пепельница. Возле него, на полу, циновки из ванны, три вкладных отделения из сундука, описанного при осмотре столовой, для серебряной посуды, гладильная доска с ножками и белым чехлом, грубый половик. Из этих вещей циновка, доска, половик и отделения из сундука принадлежат Двору бывшего Императора.

Тут же стоят два дубовых стула и дубовая тумба с мраморной доской, на которой лежит пестрый чехол от спинки складной кровати, на нем видны красные пятна.

На задней стене гардероба набиты крючья, и на них оказались две вешалки для платья, принадлежащие бывшему Императору.

Прямо из описанной комнаты, через створчатую дверь, ход в последнюю комнату верхнего этажа — кухню. В левой наружной стене у нее окно с двумя рамами.

Стены кухни выкрашены серо-сиреневой краской масляной, потолок белой краской, панель темно-сиреневой краской, на полу линолеум коричневого цвета с паркетным рисунком. Размер ее 8 аршин в квадрате.

Слева от входа, на стене, деревянная, коричневого цвета, полка, на которой две пустых стеклянных больших банки, белое блюдо и пять лоскутков батиста, два больших пузырька, один со скипидаром и другой с нашатырным спиртом, на них этикетки «*Придворной Его Величества Аптеки*», большой пузырек с небольшим количеством бензина с этикеткой тобольской аптеки Дементьева, три пустых флакона, флакон с какой-то красной жидкостью, большой флакон с небольшим количеством какой-то жидкости, два синих свертка с каким-то белым порошком, чугунная подставка для утюга, пузырек с чернилами и перегоревшая электрическая лампочка. Под полкой, на полу, волосяная метелка и пустой деревянный ящик из-под чая фирмы Высоцкого.

У окна стоит большой кухонный деревянный, крашеный желтой краской стол с тремя внутренними ящиками и столькими же внизу отделениями, затворяющимися дверками, длина стола 3 аршина 13 вершков и ширина 6 $\frac{1}{2}$ вершков.

На столе три пустых стеклянных банки, бутылка с денатуратом, белая баночка из-под икры, кусок бумаги с квасцами, брусок для точения ножей, жестяная кастрюля, белая тарелка с молотым жареным ячменем, четыре столовых ножа фирмы Фраже с выгравированными на ручках их государственным гербами, кастрюля с остатками манной каши и находящейся в ней ложкой той же фабрики и с гербом, мясорубка и деревянная доска, ведро белой жести с остатками муки.

В ящиках стола рваная бумага, сломанный кухонный нож, мешок с меткой «М.А.», кисточка из мочала для мытья посуды, металлическая ручка для мясорубки, три блюдца и две тарелки с государственным гербом и инициалами «Н. II» сломанное шило и пакетик с каким-то желтоватым порошком в виде муки. Все вышеупомянутые вещи — в правом верхнем ящике.

В находящемся под ним нижнем отделении оказались большая медная луженая кастрюля с государственным гербом, две больших грязных белых скатерти, десять сильно загрязненных салфеток, на некоторых из них также государственный герб, грязный фартук и два полотенца.

Рядом со столом, на полу, медный бидон для молока, деревянный большой ящик с засохшей зеленью и тут же, на полу, тарелка с косточками и государственным гербом.

Недалеко от стола, в левом переднем углу, большой комнатный ледник. В правом переднем углу большой деревянный ящик и в нем два пустых мешка, две палки и кусок мыла.

Посредине кухни белый деревянный, столового типа стол простой работы на четырех ножках, длина его 3 аршина 1 вершок и ширина 1 аршин 4 вершка, с внутренним выдвигающимся ящиком.

На столе маленькая кастрюля, веселка для квашни, кухонный нож и небольшая жестяная коробка из-под карамели «Кетти Босс». Ящик стола пуст.

Против него, у правой внутренней стены, пустой медный таз, большое медное ведро, два медных листа для печения хлеба, медная четырехугольная продолговатая кастрюля, железный лист. Все вещи луженые и имеют на себе государственный герб.

Ближе к правому заднему углу, по той же стене, находится стол с внутренним большим ящиком, закрывающимся дверкой, крашенный желто-красной краской. Ящик пуст. Стол покрыт старой грязной клеенкой, и на нем лежат небольшая медная кастрюля, два медных продолговатых таза, две чугунные сковороды, три пустых жестяных банки из-под пюре томат фабрики Эйнем, две — синяя и белая эмалированные кастрюли, железный совок, большая медная кухонная ложка, большое медное сито, небольшая медная кастрюля с длинной ручкой, большой медный сотейник с решетчатым дном и большая медная крышка от кастрюли. Все медные вещи лужены и имеют на себе государственный герб.

В правом заднем углу обломки кирпичей, две деревянных решетки и небольшой медный продолговатый, прямоугольный бак с краном.

У задней стены громадная плита с духовым шкафом. На плите железный белый большой таз с двумя ручками и медный бидон с государственным гербом. На бидоне выгравировано «п. к. № 178, 1918».

На полу, около топки плиты, вязанка дров. При разборке в них никаких вещей не оказалось. На прилегающей к плите стене — деревянная вешалка из трех палочек, на которой висит дуршлаг (сотейник) и грязный, из мочала, пустой мешок. На полу валяются обрывки разной бумаги. На окне семь пустых бутылок и восьмая наполнена красным ягодным соком. Тут же стоит круглая жестяная пустая банка с крышкой.

При осмотре комнаты, занимаемой великими князьями, из печей было выгребено большое количество золы, в которой

оказались обгорелые металлические остатки от рамок для карточек, медальонов, образков, обгорелая бумага, сплавившиеся стекла и т. п.

Осмотр окончен 8 августа.

И. д. судебного следователя *Наметкин*
Товарищ прокурора *Николай Иванович Остроумов*

Поняты были:
профессор Академии Генерального штаба
генерал-лейтенант *Медведев*,
доктор медицины *Владимир Николаевич Деревенко*
Присутствовал: *Терентий Иванович Чемодуров*

ПРОТОКОЛ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ВЕЩЕЙ

1918 года августа 10 дня Начальник управления Уголовного розыска, на основании 258 ст. уст. уг. суд., предъявил при нижеподписавшихся понятых вещи, отобранные в Сысертском заводе у Вениамина Сафонова, Павла Медведева, Андрея Федорова Стрекотина, Андрея Андреева Стрекотина, Николая Попова, Ивана Андреева Старкова, вещи эти поименованы в протоколе обыска от 9 августа 1918 года, между которыми камердинер бывшего Государя Императора, Терентий Иванович Чемодуров признал:

отобранные у Павла Медведева кожаный чемодан с вырезанной надписью, бинт, запонки золотые, одна круглая, одна продолговатая с этикетками от сигар и выгравированной надписью: «27 июля 1914 г.» и красной кожи кошелек, принадлежащими доктору Царской семьи Евгению Сергеевичу Боткину и находившимися в Доме особого назначения в г. Екате-

ринбурге. А три мельхиоровых вилки — 2 десертные, одна столовая, с выскобленными гербами, принадлежат гофмаршальской части и находившиеся там, где были и вещи доктора Боткина. Два кольца с синей эмалью и надписями: «*свят. преп. мать Ксения моли Бога о нас*», «*Богородица спаси нас*», отобранные от Павла Медведева, принадлежат великим княжнам. Пять рамок — три синих, одна лиловая и одна пестрая с цветным снимком яхты «Штандарт», отобранные от Ивана Андреева Старкова, принадлежат бывшему Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу. Градусник комнатный, две красных с золотыми ободками свечи, овальный подпилоч, кисточка с черной ручкой и флакон духов, наполовину неполный, отобранные от Ивана Старкова, принадлежат бывшему Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу и, наконец, четыре батистовых белых носовых с вырезанными метками и рисунками на каймах платка, отобранные от того же Ивана Старкова, принадлежат великим княжнам. Деревянный же полированный ящик от инструментов принадлежит Наследнику.

ПОСТАНОВИЛ: вещи, отобранные от упомянутых в этом протоколе лиц, приложить к дознанию, не опознанные вернуть под расписку владельцам.

Начальник Уголовного розыска *Кирста*
Вещи мне предъявлены, и я их опознаю как за принадлежащие
б. семье Государя и его доктору.

Т. Чемодуров. Понятые

Министерство Юстиции
Прокурор Екатеринбургского
окружного суда
10 августа 1918 г.
№ 195

Срочно.

Г. судебному следователю по важнейшим делам.
[Наметкину]

Предлагаю ускорить передачу находящегося у Вас на производстве дела об убийстве бывшего Государя Императора Николая II члену суда Сергееву.

И. д. прокурора Кутузов
Секретарь Богословский

Министерство Юстиции
Председатель Екатеринбургского
Окружного суда
12 августа
№ 56

Г. судебному следователю по важнейшим делам
[Наметкину]

Настоящим уведомляю, что в заседании общего собрания отделения суда 25 июля 17 августа с. г. постановлено производство предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II возложить на члена суда И.А. Сергеева, освободив Вас от производства по настоящему делу.

И. д. председателя суда (подпись неразборчива)
Завед. канцелярией М. Белоусова

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

13 августа 1918 года судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, принимая во внимание сообщение председателя Екатеринбургского окружного суда от 30/12 августа с. г. за № 56 о передаче дела об убийстве бывшего Государя Императора Николая II члену суда И.А. Сергееву для дальнейшего производства следствия,

ПОСТАНОВИЛ: дело об убийстве бывшего Государя Императора Николая II передать члену суда И.А. Сергееву со всеми относящимися к нему приложениями, что и исполняется вместе с сим за № 2.

И. д. судебного следователя *Наметкин*
Сдал на 26 пронумерованных полулистах

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1918 года, августа 11, 12 и 14 дня, в городе Екатеринбурге член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев, прибыв в расположенный по Вознесенскому проспекту дом Ипатьева, в присутствии нижеподписавшихся понятых, при товарище прокурора Екатеринбургского окружного суда Н.И. Остроумове, производил осмотр помещений нижнего этажа означенного дома с соблюдением правил, изложенных 315—118 ст. уст. угол. суд.

По осмотру оказалось:

В нижний этаж дома ведут три наружных входа. Два входа — со двора (т. н. черное крыльцо) и один с улицы, со стороны Вознесенского переулка (парадное крыльцо). Осмотр начат с дверей, обращенных во двор.

Первая дверь находится в расстоянии 5 аршин от левого (при входе во двор) угла дома. Дверь деревянная, одностворчатая, шириной 1 арш. 4 верш. и высотой 2 $\frac{1}{2}$ арш. Изнутри запирается на железный крюк. Каких-либо пятен или иных особенностей на двери не замечается. На пороге также не усмотрено ни пятен, ни следов замывки или соскабливания.

Комната, в которую ведет описанная дверь, служит передней. В длину имеет 11 арш. 4 верш. и в ширину 5 арш. 6 верш. В этой комнате, вправо от входа, помещается малый калорифер, заключенный в железный кожух. Двери печи — герметические.

В топке печи обнаружено большое количество пепла от сгоревших бумаг, тканей и других предметов. Все содержимое топки было извлечено с соблюдением необходимых предосторожностей и тщательно рассмотрено, а пепел просеян. При просеивании пепла никаких остатков, заслуживающих внимания, не обнаружено. Уцелевшие от распадаения клочки сожженных бумаг носят на себе следы рукописных букв, но восстановить содержание рукописей оказалось невозможным.

Из сгоревших в печи вещей сохранили свой внешний вид погоны генеральского образца, с вензелями. От действия огня погоны приведены в такое состояние, что при малейшем прикосновении ткань рисунка смещается и рассыпается.

В той же печи найдены совершенно не подвергшиеся действию огня два документа.

Один представляет из себя $\frac{1}{4}$ листа белой бумаги, графленной синими линиями. На одной стороне этой бумаги написан черными чернилами текст следующего содержания (с сохранением орфографии): «20 июля 1918 года получил Медведев денег для выдачи жалованье команде дома особого назначения получил от коменданта дома Юровского десять тысяч восемь сот рублей 10800 рублей получил Медведев»¹. Под этим текстом сделаны синим карандашом размашистым

¹ Документ — Расписка П. Медведева сохранилась в ГА РФ Ф. 1837. Оп. 1. Д. 80. Л. 2.

крупным почерком надписи: «Медведев дурак», «хорошо», «Соловьев», «Егор Максимов» и некоторые другие, недостаточно разборчивые.

На оборотной стороне имеются два мастичных оттиска красного цвета, печати «Областного Исполнительного Комитета Советов Р.С. и К.Д. Урала» и один оттиск штемпеля «Российская Федеративная Советская Республика. Областной Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Армейских Депутатов Урала. Комендант дома особого назначения г. Екатеринбург». На одной же стороне написано черными чернилами: четыре раза — слово «Петр», восемь раз — «Алексей», один раз — «Софья» и три раза — фамилия, изображенная совершенно неразборчиво.

Второй документ представляет собой полулист белой графленой синими линиями бумаги, оборванной по длине настолько, что до полного размера недостает около 1 вершка. На одной стороне этой бумаги серым и синим (химическим) карандашом в четыре столбца сделаны записи фамилий: 1) «Лесников 7 смен двух, Вяткин 6, Проскуряков 4, Дроздов 5, Путилов 3, Скорняков 9, Дерябин 8, Лобытов (эта фамилия зачеркнута), Хохряков, Варакушев внизу, Фомин 2, Логинов 1».

Дальше, синим карандашом, «до двух», а под этим: «Котегов, Русаков, Зотов, Сафонов, Орлов, Талапов, Подкорытов»; 2) «2-ая смена шести», а под этим: «Вяткин пулеме, Корзухин, Дмитриев пулем, Скороходов 9, Пелегов 3, Клещев 4, Котов 5, Устинов 6, Бруслиянин 7»; 3) «до десети», а под этим: «Турыгин пуле, Чуркин, Алексеев, Теткин, Попов, Садчиков, Огарков, Шевелев п»; 4) «Варакушев, Путилов, Лестюков, Смородяков, Хохряков, Устинов, Осокин, Клещев, Мудозвонов, Брус, Прохоров, Романов, Вяткин, Дерябин, Скороходов, Дмитриев, Корзухин, Пелегов».

Каждая фамилия, значащаяся в четвертом столбце, отмечена крестиком.

По окончании осмотра и просеивания извлеченных из печи предметов, бумаг и пепла было приступлено к дальнейшему осмотру прилегающих помещений, причем оказалось:

направо от входа, между описанной печью и стеной, имеется крашеная деревянная дверь, ведущая на площадку лестницы, посредством которой устроено внутреннее сообщение верхнего этажа с нижним. Лестница прямая, деревянная, состоит из 19 крашеных ступенек, освещается полукруглым окном с внутренними раздвижными рамами. Слева лестница отделена от нижней передней комнаты деревянными рамами со стеклами. Лестница выводит в ту комнату верхнего этажа, где расположены уборная и ванная комнаты. При внимательном осмотре ступенек, окна и стеклянных рам никаких пятен, следов замытки, надписей или иных знаков не замечено.

Под лестницей в беспорядке сложены: две рогожи, два мешка из-под углей, две пустых бутылки с этикеткой «Боржом» и эмалированная глиняная кастрюля с отбитой ручкой. Несколько в стороне валяются грязные тряпки. По осмотру тряпок и рогож никаких сомнительных пятен на них не наблюдается.

Против окна, на нижней площадке лестницы, имеется вторая дверь, ведущая в ту же переднюю. Против этой двери находится дверь в теплую кладовую, в которой устроены деревянные полки. Эта кладовая пуста. На полу, под полками, обнаружен большой медный самовар, емкостью в 2 ведра, давно не чищенный.

Влево от входа, в той же стене, которая примыкает к косяку входной двери, имеется дверь, ведущая в холодную кладовую. Эта кладовая представляет из себя пристройку шириной в 2 аршина и длиной в 5 аршин, с одним окном, выходящим во двор. Налево от входа, в кладовой, устроены полки, на которых лежат пустые бутылки от минеральных вод, проволока, электрические лампочки, колпачки и др. принадлежности электрического освещения. У стены под окном стоит корзина, обитая черной клеенкой. В корзине сложено грязное кухонное белье (гофмаршальской части) и одно полотенце из грубого полотна с меткой, изображающей...¹

¹ Пропуск в тексте.

Против двери, ведущей в описанную кладовую, находится двустворчатая дверь, ведущая в жилые комнаты, а у косяка этой последней двери оканчивается лестница из шести ступенек, устроенная для внутреннего сообщения с верхним этажом. Лестница эта непосредственно примыкает к небольшой двери, выходящей на нижнюю площадку вестибюля верхнего этажа. Жилые комнаты нижнего этажа носят (в левой половине) характер полуподвального помещения.

Из описанной передней комнаты, по входе через двустворчатую дверь, нужно спуститься по лестнице в шесть ступенек. Лестница эта ведет в комнату, разгороженную на две половины легкой деревянной перегородкой. В первой половине означенной комнаты (проходной), направо от входа, стоит простой работы деревянная скамейка. На скамейке сложена столовая и кухонная посуда: 21 тарелка (8 глубоких, 7 мелких и 6 малых) с клеймами Екатеринбургского общественного собрания, 5 чайных блюдец, две чашки, два стакана, стеклянный кувшин, две медные кастрюли с императорским гербом и такой меткой: «П.К.Н. 51/VIII», две деревянных ложки и две пустых четвертных бутылки. За скамейкой стоит простой деревянный шкаф. Шкаф пуст.

По сдвинутии шкафа с места, за ним и под ним обнаружено много мусору и разных негодных обрывков печатной и писаной бумаги. По рассмотрению и отбору найдены след. относящиеся к делу документы:

1. Конверт из плотной белой бумаги, представляющий из себя почтовую карту размером 5 3/16 в. х 2 12/16 вершк., перегнутую поперек на три равные части, так что при сложении две крайние доли покрывают среднюю и образуют узкий конверт. На средней доле наклеен рисунок, изображающий южный ландшафт, а на правой крайней — написано черными чернилами: *«Меню 9 Сентября 1907 года. Завтрак. Суп перловый. Пирожки. Майонез из лососины. Филе говядины по-английски. Котлеты из цыплят. Груши в хересе. Пай Брусника».*

2. Прямоугольной формы кусок белого картона размером 4 х 2 1/16 вершка. В верхней части этого прямоугольника

отпечатано изображение двухтрубного морского парохода, а под этим рисунком написано: *«Меню Суп прентаньер с пирожками. Филе камбалы под бешамелью. Барашек с кашей. Цветная капуста. Гурьевская каша. Кофе»*. На оборотной стороне имеется карандашная надпись: *«1 ноября 1909. У мола Ялта»*.

3. Обрывок печатной программы концерта, отпечатанной на таком же картоне, как и писанная карточка. Верхняя часть оторвана. На сохранившейся части значится: *«Вебер. Терцет из оперы “Волшебный Стрелок” 3 Бизе. Вальс “Кармен” 4 Вагнер. Вступление к VII акту из оп. “Лоэнгрин” 5 Сен-Санс. Фантазия “Самсон и Далила” 6 Эйленберг “В лесной кузнице”*».

4. Обрывок почтовой бумаги, на котором сохранились следующие записи. На одной стороне написано карандашом: *«письму от... купить по Вашему ...ля Общ. Рукодел... рецептные бумаги ...нося проценты»*. На другой стороне написано черными чернилами: *«примите увер... ком уважени и искр... (это министру)»*.

5. Обрывок печатного бланка, на коем значится *«...я контора... селева Н-ки... дажа % бумаг...ых денег... с умой № 29—31. Телефон № 708»*.

6. Обрывок почтовой карточки. На наружной стороне сохранился рисунок, изображающий нагруженные снарядами железнодорожные платформы. Наверху надпись: *«Все для победы...»*.

7. Обрывок письма, написанного на почтовой карте с изображением 2-этажного дома. Текст письма написан крупным почерком. Содержание сохранившейся части письма такое: *«Милая и дорогая Ольга Николаевна, получили ли Вы письмо, которое я послала Вам из Царского, когда вернулась из стан... Теперь мы живем уже не...»*. По краям обрывка: *«...Марию Николаевну и Анастасию Николаевну. Любящая Вас Века»*.

8. Вырезанный из белой бумаги кружок диаметром около одного вершка. На нем сделана на одной стороне черными чернилами надпись: *«из Козьмо-Демьянска 23 мая — из Ливадии 31 мая 1914 г.»*

9. Такой же кружок с карандашной записью: «Тобольск 1917 г. 17 авг.»

Отгороженная перегородкой вторая половина описываемой комнаты освещается одним окном, выходящим на первый наружный дворик. В окне — две рамы, а за ними железная решетка. Подоконник на уровне земли. В этой комнате находятся следующие предметы: железная кровать с двумя грязными матрасами, деревянная скамейка и старый венский стул. На стене у косяка двери имеется сделанная карандашом надпись: «*Rudolf Lacher J.J.K Jagr Trient*», тут же другая надпись: «Солдатская 74 лудить-пять». Более ничего заслуживающего внимания при осмотре комнаты не обнаружено.

Из правой половины осмотренной комнаты (проходной) имеется ход в следующую комнату, представляющую собою кухню с расположенной в противоположном входу углу большой русской печью и плитой.

На шестке печи валяются обрывки бумаг. После тщательного отбора бумаг удалось выяснить, что в числе разорванных на мелкие части бумажек находится написанное на бланке коменданта Дома особого назначения требование от 15 июля 1918 года за № 24, обращенное в Военный комиссариат по отделу продовольствия. Восстановить текст этого документа полностью, ввиду отсутствия некоторых частей его, представляется невозможным. Среди обрывков, относящихся, по-видимому, к означенному документу, имеется один, содержащий часть фамилии лица, подписавшего требование: «Юров». Один обрывок, написанный совершенно иным почерком, резко отличающимся от предыдущего, содержит в себе след. записи: «...льн. шкалу ш. красн. портф....оги..аленка..тосьмамогер» — на одной стороне и «полотен..вышит. экран полосат. пи..кусок белп лилов, пол.» — на другой стороне.

Посреди пола имеется люк, ведущий в подполье. При осмотре подполья оказалось, что оно представляет из себя небольшое помещение для хранения домашних запасов. Подполье оказалось пустым, и никаких признаков того, чтобы в нем что-либо складывалось или хранилось, не имеется. Половицы

подполья найдены в таком виде, что с несомненностью можно заключить, что они остались без изменения в том виде и положении, как были и ранее. Доски, покрывающие стены и пол уже подверглись в легкой степени гниению.

Кухня освещается двумя окнами, выходящими на восток (по направлению к Вознесенскому проспекту).

Против первого от входа в кухню окна имеется дверь, ведущая в полутемный коридорчик. В этот коридорчик спускается лестница, ведущая в среднюю проходную комнату верхнего этажа. На первой площадке этой лестницы вход на последнюю площадку забит досками. По удалению этих досок обнаруживается ход, заканчивающийся дверью в виде шкафа с матовыми стеклами, описанной в протоколе от 8 августа с.г. Ни на площадках, ни на ступеньках лестницы никаких пятен не обнаружено. Прямо против двери, ведущей из кухни в коридорчик, имеется дверь, ведущая во вторую половину квартиры нижнего этажа.

Осмотр, начавшийся в 10 $\frac{1}{2}$ час, утра 11 августа, закончен в 4 часа дня.

Осмотр продолжен в 10 часов утра 12 августа 1918 года.

Вторая наружная дверь, ведущая со двора на другую половину квартиры нижнего этажа, отстоит от первой наружной двери в расстоянии 6 $\frac{1}{2}$ арш. Дверь деревянная, двустворчатая. На ней ножом вырезана фамилия «Л. Чижевка».

Из сеней имеется вход на кухню по лестнице из восьми ступенек. Кухня представляет из себя комнату с одним окном, выходящим в сад. Длина комнаты равняется 7 арш. 1 верш, и ширина 7 арш. 3 верш., высота 5 аршин. Параллельно стене, выходящей в сад (западной), в расстоянии около 1 $\frac{1}{2}$ аршин от нее, расположена русская печь с плитой. На плите находятся: три деревянных ложки, глиняная латка, глиняный горшок с остатками каши, две глиняных тарелки, одна сковорода и одно стеклянное блюдо.

Из кухни, прямо против входной в нее двери, имеется дверь в следующую комнату, размерами 7 арш. 11 верш. x 7 арш. 7 верш.

В комнате два окна, выходящие в сад. На первом от входа окне стоит медный, цилиндрической формы самовар с клеймом фабрики Баташева. Самовар до половины наполнен водой. В поперечной стене устроен шкаф с двумя полками. Шкаф пуст.

Стены оклеены желтыми полосатыми обоями. На одной из стен сделаны карандашом след. надписи: «Толстобров Петр. А. Стрежнев. 3/У1 18. А. Стрежнев».

Надписи сделаны крупным писарским почерком. Тут же написаны имена: «Александра... Распутин» и нарисованы грубо-цинические изображения.

Из этой комнаты налево ведет дверь в выше описанный коридорчик, а прямо — дверь в следующую комнату, имеющую в ширину 4 саж. 6 верш. и в длину 7 арш. 11 верш. В ней два окна, выходящие в сад. Одно окно — с выставленной зимней рамой, другое — с двойными рамами. В стене, примыкающей к этому окну, устроен шкаф с пятью полками. Шкаф пуст.

Стены оклеены серыми обоями с золотистым рисунком. Пол выкрашен желтой краской. На левой от входа стене имеются карандашные надписи такого содержания: «по всей по деревне погасли огни Гришка и Танька спать легли». Вторая надпись тождественна с этой по содержанию, но слова «Гришка и Танька» заменены выражением «Гришка с Сашурой». Поблизости от этих надписей имеется пометка: «3 смена 1 пост. К.М.П.» и несколько далее — «Карташев Иван».

Обстановка комнаты состоит из двух простых столов и двух кроватей железных. Из них одна с пружинным матрасом и другая — походного типа. У этой последней одна из спинок отсутствует, на оставшейся спинке — чехол из полосатого тика (полосы желтые, белые и синие). В углу чехла замечается красноватое пятно.

В изголовье кровати у стены прикреплен подзеркальный столик.

В стене, расположенной против окон, имеется дверь, ведущая в соседнюю комнату, выходящую окнами на улицу (Вознесенский проспект). Размеры комнаты — 7 арш. 12 верш. длины и 7 арш. 2 верш. ширины. Окна в уровень с землей, заделаны

железными решетками. Обстановка комнаты состоит из трех железных кроватей с грязными матрасами.

В правом углу комнаты — печь с герметически запирающимися дверцами. В топке печи — мусор и большое количество золы. В золе ничего не обнаружено. Из мусора отобраны обрывки рукописи, написанной серым карандашом мелким убористым почерком. Рукопись представляет собою конспект статьи или доклада о «Новой школе». Найдены также разрозненные обрывки писанного синим карандашом письма, адресованного в «Енисейск, Басейный переулок». Восстановить текст письма не представляется возможным. На куске желтого картона, обнаруженного в том же мусоре, написаны фамилии: «Соколов», «Шуранов». Каких-либо других бумаг, рукописей или иных документов не найдено.

Ни в этой комнате, ни в смежной с ней комнате, описанной выше, на полу никаких особенностей не замечено.

Из большой комнаты, в которой в одном из двух выходящих в сад окон выставлена зимняя рама, против входной двери имеется дверь, ведущая в переднюю, представляющую собой комнату с одним выходящим в сад окном с двойными рамами, заделанными железной решеткой¹. Комната имеет в длину 6 арш. 12 верш. и в ширину 6 арш. 11 1/2 верш. Пол деревянный, окрашен желтой краской, потолок створчатый.

Вдоль стены, под окном, стоит железная кровать с двумя матрасами. В левом от входа углу расположена печь с герметически закрывающимися дверцами.

В топке печи обнаружен мусор, не имеющий значения.

Пол носит на себе явственные следы замывки в виде волнообразных и зигзагообразных полос из плотно присохших к

¹ Железные решетки на окна были поставлены 11 июля 1918 г. Об этом сделали записи в своих дневниках Николай II и Александра Федоровна. См. ГА РФ. Ф.601. Оп. 2. Д. 37. Л. 8 и В.М. Хрусталева. Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г.—16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 259—260.

нему частиц песку и мела. По карнизам — более густые наслоения из такой же засохшей смеси песку и мела.

Против внутренней входной двери имеется выход на парадное крыльцо, выходящее на улицу (Вознесенский переулок). Выходные двери — двустворчатые, шириной 2 аршина. Двери тройные: первая и третья двери — полустеклянные, а средняя — сплошь деревянная. Расстояние между первой и второй дверью — /пропуск/ вершков, между второй и третьей — /пропуск/ вершков.

Пол между дверями деревянный, окрашен желтой краской. На поверхности пола, между второй и третьей (т. е. выходящей непосредственно на улицу) дверями, наблюдается пятно красноватой окраски. Эта часть пола при осмотре отмечена особыми знаками и охранена от внешних влияний. При осмотре дверей и косяков никаких особенностей не замечено.

Парадное крыльцо — каменное. От Вознесенского переулка отгорожено высоким дощатым забором, идущим в расстоянии четырех аршин от дома по боковому и переднему фасадам, обращенным на Вознесенский переулок и Вознесенский проспект. Забор — сплошной: в нем никаких дверей не устроено, и, таким образом, огороженное забором пространство улицы представляет из себя узкий наружный двор с единственным в него входом через описанную парадную дверь нижнего этажа.

Внутри этого дворика, на углу, стоит будка. Дворик выстлан камнем. При осмотре дворика следов нарушения его поверхности не обнаружено. На наружной поверхности стен дома никаких особенностей также не наблюдается.

Осмотр закончен в 3 часа дня 12 августа. Осмотр продолжен в 10 час. утра 14 августа 1918 года.

В передней, описанной в предыдущем протоколе, кроме дверей, ведущих на парадное крыльцо, имеется, налево от внутреннего входа, в стене, противоположной окну, деревянная двустворчатая дверь, окрашенная белой краской. Дверь эта ведет в комнату, освещаемую одним окном с двойными рамами, заделанными железной решеткой. Окно выходит на загорожен-

ный высоким забором наружный дворик и обращено на юг (на Вознесенский переулок). Изнутри находится на высоте одного аршина и 7 вершков от пола, а снаружи на уровне земли. Длина подоконника равняется 2 арш. 2 верш. и ширина (глубина) 1 аршин 3 вершка. Длина комнаты 7 арш. 8 вершков и ширина 6 аршин 4 вершка.

Пол окрашен желтой краской и, в левой от входа половине, носит на себе такие же следы замывки, как и пол передней. По карнизам пола также наблюдается скопление засохшей смеси песку и мела.

Потолок сводчатый и опирается на четыре расположенные по углам комнаты каменные арки. Стены оклеены обоями желтого цвета. Высота их 3 аршина 6 вершков.

В противоположной от входа стене, в правой (считая при входе) ее стороне, имеется примыкающая к арке южной стены двустворчатая дверь, окрашенная белой краской. На обеих половинках двери имеются остатки красной сургучной печати. Ширина двери 1 аршин 12 $\frac{1}{2}$ вершков, высота 2 аршина 11 $\frac{1}{2}$ вершков. На правой створке этой двери, на высоте 2 аршин 7 вершков от пола, имеется сквозное отверстие круглой формы. Такое же отверстие имеется и на левой створке двери, на высоте одного аршина и 6 вершков от пола. Толщина створок двери 1 $\frac{1}{4}$ верш. Диаметр сквозных отверстий с наружной стороны двери $\frac{5}{32}$ вершка, а диаметр тех же отверстий со стороны, обращенной в смежное помещение, куда ведет эта дверь, равняется $\frac{6}{32}$ вершка. Ширина каждого косяка двери равняется 4 вершкам.

Стена, в которой проделана описанная дверь, деревянная, оштукатуренная с обеих сторон. Ширина этой стены от косяка двери долевой арки 2 арш. 13 $\frac{1}{2}$ верш.

На стене имеется шестнадцать углублений в толщу ее, похожие на следы проникновения пуль или на следы ударов каким-либо твердым острым орудием. При обследовании означенных углублений посредством зонда определить направление и длину каналов оказалось невозможным ввиду того, что зонд на пути своего проникновения в каналы углублений

наталкивается на осыпавшиеся частицы штукатурки. В целях удобства описания расположения углублений все они при настоящем осмотре занумерованы в порядке удаления их от угла левой арки к левому косяку двери, примыкающей к правой арке. Измерена также высота, на которой находится каждое углубление (считая от пола). При такой системе результаты измерений могут быть изображены в следующей таблице:

<i>№№ по порядку</i>	<i>Расстояние от арки (в вершках)</i>	<i>Расстояние от пола (в вершках)</i>
1	4	12
2	7	32
3	9	14
4	11	15
5	13	17
6	13 $\frac{1}{2}$	16
7	16 $\frac{1}{2}$	13 $\frac{1}{2}$
8	18	12 $\frac{1}{2}$
9	20 S	28
10	22	20
11	23	5
12	26	14 $\frac{1}{2}$
13	26 S	38
14	32 S	7
15	35	8
16	37	12 $\frac{1}{2}$

По окружности углублений №№ 2, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 15 и 16 обои носят на себе следы замывки: местами из-под стертой бумаги обоев виднеется штукатурка, а в некоторых частях замытого пространства стерт только верхний слой бумаги до уничтожения рисунка обоев. В каждом отдельном случае следы замывки имеют размер от ладони взрослого человека до 15–16 кв. вершков. Начинаются эти следы у самого карни-

за (углубления за №№ 11, 14 и 15) и кончаются на высоте 17 вершков от пола. При обводе параллельными линиями крайних точек замывки получается прямоугольник высотой (от пола) 17 верш. и шириной (от арки до косяка) — два аршина (32 верш.). От арки следы замывки начинаются в $7\frac{1}{2}$ вершках и от косяка — в 6 вершках.

Арочные столбы имеют прямоугольную форму. Ширина каждого столба (считая по линии, параллельной описанной стене) равняется 9 вершкам, а глубина (считая по линии, перпендикулярной к той же стене) равняется $13\frac{1}{2}$ вершкам.

На южной (правой от входа) стене, ниже подоконника и влево от него (если стать лицом к окну), в расстоянии $19\frac{1}{2}$ вершков от арочного столба и в расстоянии 18 вершков от полу, в деревянной обшивке стены имеется круглой формы сквозное отверстие. Такого же вида и формы отверстие имеется ниже в расстоянии $10\frac{1}{2}$ вершков от пола и несколько левее первого отверстия.

В левом, при входе в описываемую комнату, косяке двери, ведущей из передней, на высоте 25 вершков от пола имеется сквозное круглой формы отверстие. Такое же отверстие имеется и на левой створке двери. Если эту створку двери открыть и откинуть к косяку, то отверстие на двери совпадает с отверстием на косяке. Канал отверстия расширяется по мере проникновения изнутри комнаты к откинутой двери (открывающейся наружу, в переднюю комнату) и заканчивается на двери широким отверстием с расщепленными по окружности его частицами дерева.

На левой от входа части пола, в области пространства, носящего на себе следы замывки, замечается шесть углублений с расщепленными слегка краями. При исследовании зондом каналов углублений определить их глубину представляется затруднительным ввиду того, что зонд встречает на пути своего движения частицы расщепленного дерева. В целях удобства описания этих углублений все они, при настоящем осмотре, занумерованы в порядке удаления их от той стены, на которой отмечены вышеописанные 16 углублений (восточной).

Измерены также расстояния, отделяющие означенные углубления от левой, при входе в комнату, стены (северной). По этой системе результаты произведенных измерений выражаются в следующей таблице:

№№ по порядку	Расстояние от восточной стены (в вершках)	Расстояние от северной стены (в вершках)
1	8	12 $\frac{6}{8}$
2	21	16
3	21 $\frac{1}{2}$	16 $\frac{1}{4}$
4	31	17 $\frac{1}{2}$
5	50	38
6	74	56

Углубление за №1 расположено за находящейся в заднем левом углу аркой и отстоит от нее в 2 $\frac{6}{8}$ вершка. Ввиду того что ширина арочного столба (считая от левой стены, к которой этот столб примыкает) равняется 9 вершк., в целях однообразия, в таблицу введено указание расстояния не от арки, а от северной стены.

На лицевой стороне упомянутой арки, на высоте 24 вершков от пола, имеется продолговатой формы углубление в толще штукатурки. Углубление открытое и проникает всего лишь на глубину 1 $\frac{1}{32}$ вершка. На боковой стороне той же арки, на высоте 12 вершков от пола, имеется второе углубление такой же формы. Оба углубления — ладьеобразной формы: широкие в центре и суживающиеся по концам.

На правой от входа стене имеются сделанные карандашом надписи такого содержания: «Николай сказал народам вот вам х... не республика», «Николай он ведь не Романов, а родом чухонец Род дома Романовых кончился Петром III тут пошла все чухонская порода». Ниже этой надписи — неразборчивая подпись, похожая на «Кримников». Правее этих надпи-

сей — две строчки, сделанные неразборчивым почерком латинскими буквами: «*Belsat (zar?) var in selbign Nacht Von schlagen Knechten umgebracht*». При осмотре эта надпись вырезана со стены¹.

На левой от входа стене имеется след карандашной надписи. Самая подпись оказалась вырезанной: часть обоев подрезана ножом и удалена.

На передней стене, примыкающей к косяку входной двери, карандашом изображены рисунки грубо порнографического характера, представляющие фигуры мужчин и женщин с обнаженными, преувеличенными половыми органами.

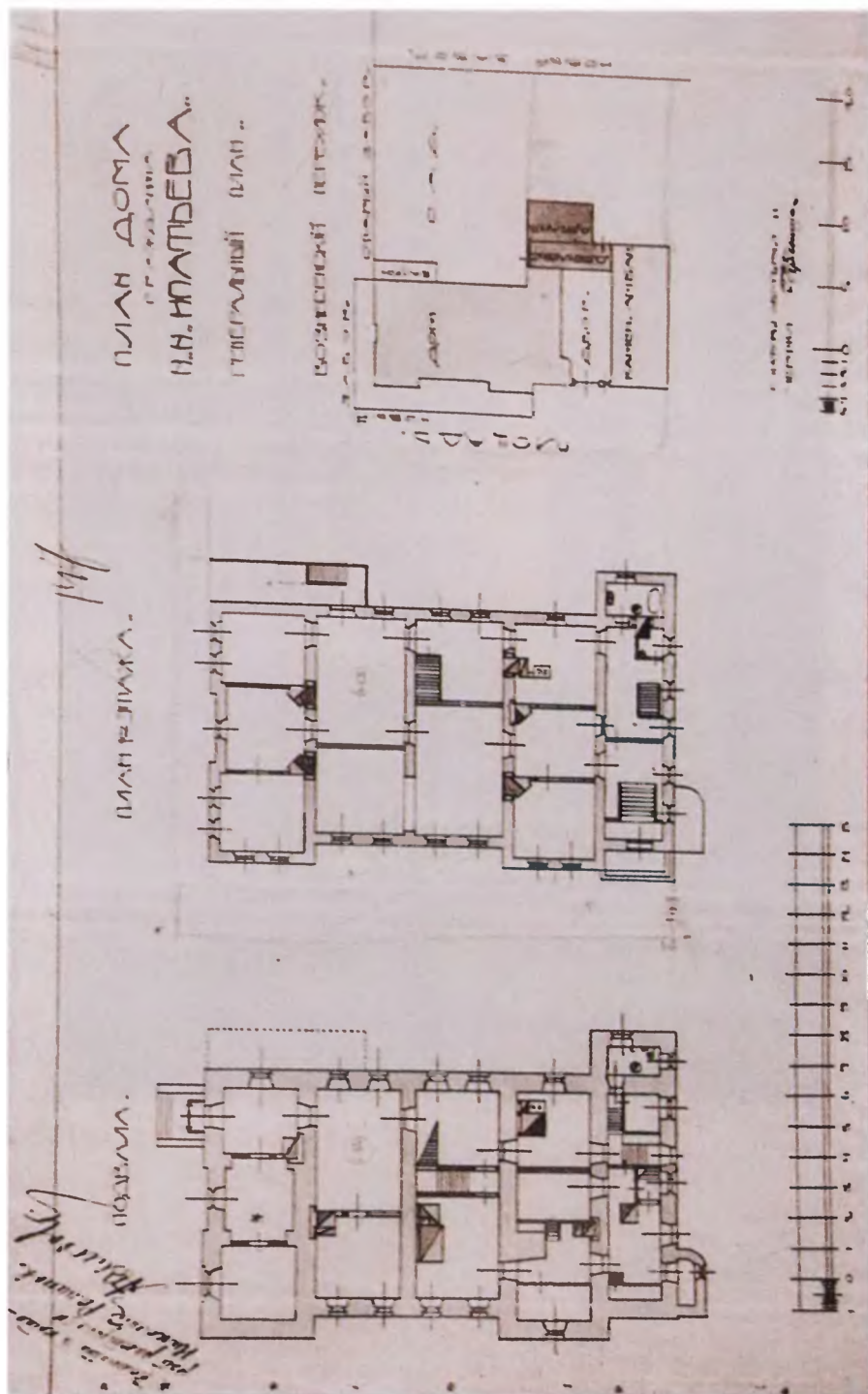
При дальнейшем осмотре стен, подоконника, окна и пола ничего заслуживающего внимания не обнаружено. На потолке никаких особенностей не замечается.

Описанная в настоящем протоколе дверь, носящая на себе остатки сургучной печати, ведет в кладовую, представляющую собою комнату длиной 6 аршин 10 вершков и шириной 6 аршин 4 вершка, с цементным полом и створчатым потолком. В правой от входа стене (южной), на высоте 2 арш. 12 $\frac{1}{2}$ вершков от пола, проделано полукруглое окно с двойными рамами, заделанными железной решеткой. По левой и противоположной входу стенам устроены полки, на которых лежат свернутые ковры, картонки и ящики с имуществом, принадлежащим домовладельцу Ипатьеву.

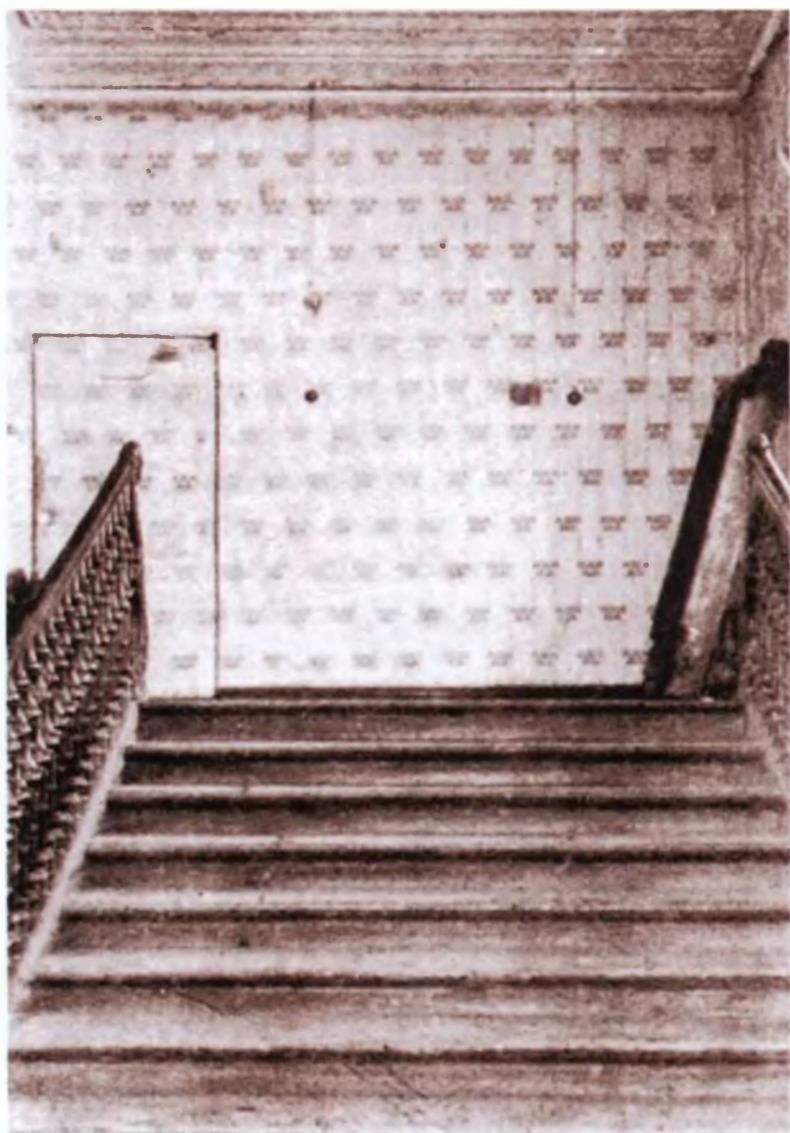
На створках входной двери, по окружности отверстий, описанных выше, частицы дерева отщеплены, образуя вокруг отверстия окружность диаметром в $\frac{4}{16}$ вершка. Частицы дерева отщеплены наружу, по направлению из описанной комнаты в кладовую.

При осмотре стен кладовой (оштукатуренных и забеленных мелом) на них усмотрено одно лишь нарушение верхнего слоя штукатурки в правой боковой стене (в которой

¹ Надпись, вероятно, сделана уже после убийства лицом, хорошо знающим немецкий язык. Кусок обоев с надписью хранится в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1 Д. 57. Л. 1.

План Ипатьевского дома

Интерьер Ипатьевского дома
Парадная лестница. 1918 г.

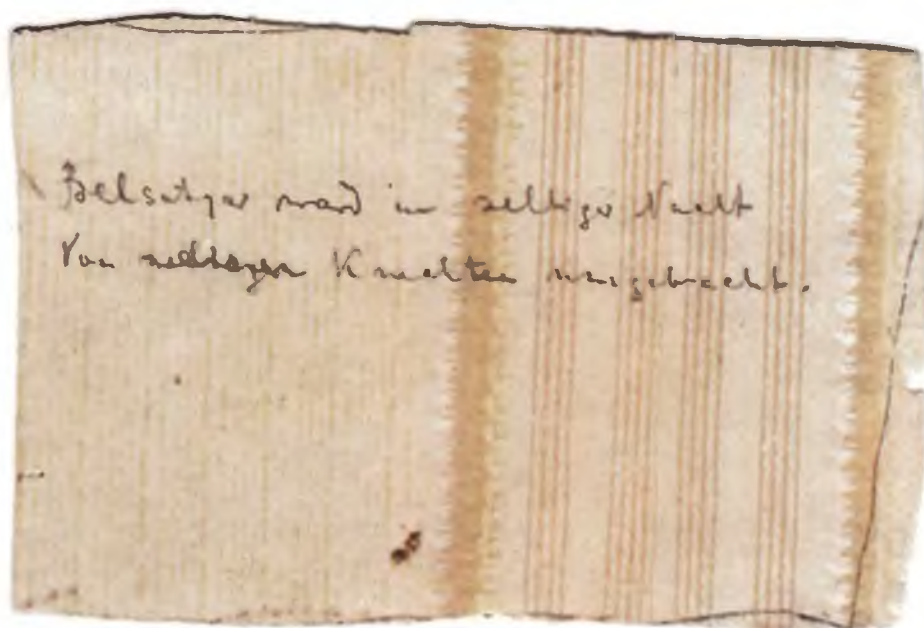
Интерьер Ипатьевского дома
Анфилада. 1918 г.

Интерьер Ипатьевского дома
Столовая. 1918 г.

Стена в полуподвальной комнате дома Ипатьева

Фрагмент обоев с несколько искаженной цитатой
из стихотворения «Валтасар» немецкого поэта Гейне:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

(В эту самую ночь Валтасар был убит своими холопами)

Надпись обнаружил следователь И.А. Сергеев
при осмотре дома Ипатьева
Август 1918 г.

Я.М. Юровский с саквояжем. 1916 г.

М.А. Медведев (Кудрин)

проделано окно). Нарушение это поверхностное, почти конической формы, обращено вершиной к входной двери и основанием — к задней (противоположной двери) стене, от которой находится в расстоянии 5 вершков. Расстояние от пола: 2 аршина 11 $\frac{1}{2}$ вершков. Отверстие в правой створке двери, имеющее направление слева направо, обращено к описанному нарушению стены, длина коего $\frac{3}{4}$ вершка.

Поверхность той стены, на которой описаны 16 углублений, со стороны осматриваемой кладовой нигде не нарушена.

Дальнейшим осмотром кладовой ничего заслуживающего внимания не обнаружено.

Осмотр закончен в 5 часов 15 минут дня 14 августа (н.ст.) 1918 года. Описанные в протоколе вещи и документы приобщены к делу. По окончании осмотра двери комнаты, описанной в протоколе от 14 августа, опечатаны должностной печатью.

Член Екатеринбургского окружного суда *Ив. Сергеев*
Товарищ прокурора *Н. Остроумов*

При осмотре находились понятые:
Капитан в отставке *Николай Николаевич Ипатьев*
Профессор Академии Генерального штаба
генерал-лейтенант *Медведев*
(за выездом в гор. Тюмень протокол
профессором не подписан)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года августа 18 дня, член Екатеринбургского Окружного суда И.А. Сергеев, рассмотрев данные, добытые осмотром комнаты, описанной в протоколе от 14 сего августа, нашел:

1. что при наружном осмотре стен и пола не представилось возможным определить с точностью происхождение обнаруженных на стене и полу углублений;

2. что замытые части стены и пола дают основание предполагать о существовании в замытых местах следов крови, причем не исключена возможность нахождения таких следов в толще стены и пола;

3. что для выяснения этих вопросов, имеющих для дела существенное значение, необходимо вырезать части стены и пола:

ПОСТАНОВИЛ: части стены и пола в местах, соответствующих обнаруженным на поверхности стены и пола углублениям, вырезать, составив о сем особый протокол¹.

Член Екатеринбургского Окружного суда *Ив. Сергеев*.

¹ Сохранился подлинный документ составленный И.А. Сергеевым, где перечислены:

- 1) Девять кусков дерева, вырезанных из стены дома Ипатьева;
 - 2) Четыре куска дерева, вырезанные из пола д. Ипатьева;
 - 3) Три куска досок, оклеенные с различными надписями обоями, вырезанные из стены д. Ипатьева;
 - 4) Пять обрывков обоев с различными надписями;
 - 5) Семь кусков дерева с пятнами крови и засевшими в них пулями;
 - 6) Один кусок дерева вырезанный из пола в д. Ипатьева.
- ГА РФ. Ф., 1837. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

ПРОТОКОЛ допроса свидетеля

1918 года, августа 15–16 дня (2–3), член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев в камере своей в городе Екатеринбурге допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., причем показал:

Я, *Терентий Иванович Чемодуров*, 69 лет, православный, грамотный, под судом не был, по происхождению крестьянин Курской губ., Путивльского у., Крупецкой в., села Крупца, в 1913 пожалован званием почетного потомственного гражданина, временно проживаю в гор. Екатеринбурге по Фетисовской улице в доме № 15.

Первого декабря 1908 года я поступил на службу в дворцовое ведомство, по гофмаршальской части, в качестве камердинера при особе бывшего Государя Императора Николая Александровича и состоял в этой должности до последнего времени. Ранее я служил в течение 19 лет камердинером у великого князя Алексея Александровича¹ и находился при нем до дня его смерти. Камердинеров при б. Государе было трое: я, Петр Федорович Котов и Никита Кузьмич Тетеревятников; каждый из нас дежурил при б. Государе понедельно. В круг обязанностей дежурного камердинера, кроме обычных, входили: исполнение всех личных приказаний Государя и доклад о всех особах, имевших к нему личный доступ; без доклада камердинера никто, кроме супруги Государя и его детей, не имел права входить в кабинет Государя. За время моей почти 10-летней службы при Государе я хорошо изучил его привычки и склонности в домашнем обиходе и по совести могу сказать, что б. Царь был прекрасным семьянином. Обычный порядок дня был таков: в 8 час. утра Государь вставал и быстро совершал

¹ Алексей Александрович — в. кн., пятый сын Александра II, умер 1 сентября 1908 г.

свой утренний туалет; в 8.1/2 пил у себя чай, а от 8.1/2 до 11 часов занимался делами: прочитывал представленные доклады и собственноручно налагал на них резолюции; работал Государь один, и ни секретарей, ни докладчиков у него не было; от 11 до 1 часу, а иногда и долее Государь выходил на прием, а после часу завтракал в кругу своей семьи; если прием представлявшихся Государю лиц занимал более положенного времени, то семья ожидала Государя и завтракать без него не садились. После завтрака Государь работал и гулял в парке, причем непременно занимался каким-либо физическим трудом, работая лопатой, пилой или топором; после работы и прогулки в парке — полуденный чай, от 6 до 8 вечера Государь снова занимался у себя в кабинете делами, в 8 час. вечера Государь обедал, затем опять садился за работу до вечернего чая (в 11 час. вечера). Если доклады были обширны и многочисленны, — Государь работал далеко за полночь и уходил в спальню только по окончании своей работы. Бумаги наиболее важные Государь сам лично вкладывал в конверты и заделывал; для отсылки бумаг по принадлежности Государь приглашал дежурного камердинера. Перед отходом ко сну Государь принимал ванну. Кроме того, Государь аккуратно вел дневник и писал иногда до глубокой ночи. Тетради дневников тщательно сохранялись, и таких тетрадей накопилось очень много. В семейном быту Государь не допускал никакой роскоши и в столе, одежде и домашнем обиходе Государь и его семья придерживались скромных и простых привычек.

Отличительной чертой всей Царской семьи была глубокая религиозность: никто из членов семьи не садился за стол без молитвы, посещение церкви было для них не только христианским долгом, но и радостью. Отношения между членами семьи были самые сердечные и простые, как между Государыней и Государем, так и между детьми и родителями. После Февральской революции, когда отрекшийся от престола Государь был доставлен в Царское Село¹, домашняя жизнь Царс-

¹ В Царское Село император прибыл 9 марта 1917 г.

кой семьи протекала в общем так же, как и до переворота: никаких стеснений и ограничений в привычной обстановке сделано не было; отношение офицеров охраны было вполне корректное; не было каких-либо грубых выходов и со стороны солдат, несших охранную службу при дворце.

Во второй половине июля минувшего года Государю было объявлено распоряжение правительства о том, что ему с семьей предстоит выезд из Царского Села. Распоряжение это было объявлено дней за 10 до отъезда, так что дворцовые служащие имели возможность упаковать и уложить необходимые для Царской семьи и сопровождающих ее придворных и служителей вещи. Сначала предполагалось, что Государя с семьей отправят на юг, но перед самым отъездом, 1 августа с. г., выяснилось, что местом жительства назначен будет один из северных городов. На вокзале Царскую семью встретил председатель Совета министров А.Ф. Керенский; отношение Керенского к Государю и его семье было вполне благожелательное и корректное. Для проезда по железной дороге были предоставлены вагоны международного общества — просторные и удобные, так что путешествие было совершено с полным комфортом; отряд военной охраны помещался в особых вагонах. В пути стало известно, что Государь с семьей будет проживать в Тобольске. По прибытии поезда в Тюмень к пристани был подан пароход, на котором и был совершен дальнейший переезд до Тобольска. К нашему приезду в Тобольск приспособление предназначенного для жительства Царской семьи Губернаторского дома закончено не было; по этой причине Государь с семьей и сопровождавшими его придворными и служащими в течение 6 дней пребывал на пароходе. Иногда, по желанию Государя, на этом пароходе совершались по реке небольшие прогулки. По окончании в Губернаторском доме работ все поселившиеся в нем члены государевой семьи разместились достаточно удобно; доставленная из Царского Села обстановка дала возможность устроить некоторый комфорт, и жизнь Царской семьи протекала в Тобольске почти в таких же условиях, как и в Царском Селе. Начальник военной охраны,

Кобылинский, держал себя вполне корректно и никаких не оправдываемых необходимостью стеснений не делал.

Из придворных особ с Государем проживали здесь: князь В.А. Долгоруков, генерал И.Л. Татищев, графиня Гендрикова, кроме того, тут же находились: лейб-медик профессор Евгений Сергеевич Боткин, учителя иностранных языков — англичанин мистер Гиббс и швейцарец м-сье Жильяр, служителей разных наименований было человек 25; штат служителей был сокращен после октябрьского переворота, когда большевики захватили власть в свои руки. На содержание государевой семьи и всех находившихся при семье лиц стали отпускать лишь по 600 руб. в месяц на каждого члена семьи, т. е. 4200 руб.; генерал Татищев, по распоряжению Государя, уволил 12 человек служителей, выдав им необходимые на проезд суммы. Жалованье оставшимся служащим было уменьшено; я лично отказался получить и те 150 руб., которые были мне назначены, вместо получаемых ранее 400 руб.; генерал Татищев доложил о моем отказе Государю, и мне было разрешено воздержаться от получения жалованья, причем Государь высказал надежду вознаградить меня, если обстоятельства изменятся к лучшему.

Хотя режим, установленный для заключенных в Губернаторском доме особ и сделался несколько более строгим, тем не менее, условия жизни становились довольно сносными, как в смысле обращения со стороны начальствующих лиц военной охраны, так и в отношении стола, занятий и прогулок, в пределах огороженного близ дома пространства. В 6 часов вечера 12/25 апреля совершенно неожиданно объявлено было категорическое распоряжение Центр. Исп. К-та С. К. и Р. Д. о немедленном переселении в гор. Екатеринбург. От комитета прибыл уполномоченный, именовавшийся Яковлевым¹ (был слух, что это Троцкий); протесты Государя и Государыни, указывавших на болезнь сына, оставлены были без внимания. На сборы дано было всего несколько часов. Решено было оставить больного

¹ В.В. Яковлев (наст. фамилия Стоянович).

Наследника Алексея Николаевича на попечение сестер и придворных особ, а в Екатеринбург поехали Государь с Государыней и вел. княжна Мария Николаевна; с ними поехали: кн. Долгоруков, проф. Боткин и служители — я, затем Седнев Иван Дмитриевич (детский лакей) и комнатная женщина Анна Степановна Демидова. До Тюмени переезд был совершен на лошадях, а от Тюмени по железной дороге. Поездка была совершена благополучно и без особых лишений и неудобств. Ввиду того, что мы выехали из Тобольска часа в 3 ночи на 13/26 апреля, я успел уложить и взять с собой лишь самый необходимый багаж. Из вещей Государя я уложил и привез следующие: белья 1 дюжину денных рубаш, 1 1/2 дюжины ночных, 1 1/2 дюж. тельных шелковых рубаш, 3 дюжины носков, штук 150—200 носовых платков, 1 дюж. простынь, 2 дюж. наволок, 3 мохнатых простыни, 12 полотенец личных и 12 полотенец ярославского холста; из одежды: 4 рубашки защитного цвета, 3 кителя, 1 пальто офицерского сукна, 1 пальто простого солдатского сукна, 1 короткую шубку из романовских овчин¹, пять шаровар, 1 серую накидку, 6 фуражек, 1 шапку; из обуви: 7 пар сапог шевровых и хромовых.

Багаж был уложен в четырех небольших чемоданах. На форменной одежде Государя погоны были сняты мною по приказанию самого Государя. Столового белья с собою мы не взяли; не взяли также ни столового, ни чайного сервиза. Какие вещи были взяты для Государыни и вел. княжны Марии Никола-

¹ В Екатеринбурге очевидцы утверждали, что эту шубку носил Парамонов Анатолий Иванович (1891—1970). В феврале 1917 г. был избран в состав Екатеринбургского городского Совета, уездной городской управы, городского комитета РСДРП(б). После Октябрьского переворота — на военной работе в составе дружины Уралобкома РКП(б). Начальник штаба 3-й Уральской дивизии, комиссар 5-й Уральской дивизии. Редактор газеты «Красный воин». В январе 1928 г., будучи председателем окружного Совета, встречался с В.В. Маяковским, отвез его на место захоронения останков царской семьи в Порошенковом логу на Старой Коптяковской дороге.

евны, — я сказать не могу, так как этим я не заведывал. В Екатеринбург мы прибыли 16/29 апреля, где и поместились в приспособленном для государевой семьи доме Ипатьева. Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску; обыск производили некий Б.В. Дидковский и Авдеев — комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание Дидковский резко ответил: «Прошу не забывать, что Вы находитесь под следствием и арестом».

В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый и отношение охраны прямо возмутительное, но Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай; к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня, часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на непокрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь человек обедающих подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только 1 раз в день, в течение 15—20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда /я/ обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имеющим отношения к порядкам, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. Ни Государь, ни кто-либо из членов его семьи лично никаких разговоров с комендантом дома или иными «начальствующими» лицами из представителей советской власти

не вели, а всякие обращения и заявления делались через меня или через проф. Боткина.

Государь помещался в верхнем этаже дома, и в распоряжение всех нас были предоставлены 6 комнат и еще одна комната, служившая гардеробной, и кухня.

День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле и третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение. В комнате направо от входа в переднюю помещался комендант — Александр Дмитриевич Авдеев, человек лет 35—40, блондин с маленькими усами и бритой бородой; одет был в рубаху защитного цвета, шаровары, высокие сапоги и носил при себе казацкую шашку; почти постоянно он был пьян или навеселе; не могу сказать, чтобы он лично чем-либо оскорблял или стеснял Государя и членов его семьи, но в то же время и не шел навстречу, в смысле удовлетворения тех или иных нужд домашнего обихода. Авдеев, по-видимому, из простых рабочих. Седнев Ив. Дм. мне говорил, со слов самого Авдеева, что тот четыре раза сидел в Крестах (в Петроградской тюрьме) и хвастался, что он ни перед чем не останавливался и всех убирал с своего пути. В полном подчинении Авдеева была вся караульная команда во главе с начальником караула; начальники караула менялись еженедельно; всех караульных было до 30 человек; помещались дежурные караульные в нижнем этаже дома. Все сношения с внешним миром и все распоряжения хозяйственные производились через коменданта: закупка провизии или нужных в хозяйстве вещей, отправка белья в чистку и т. п.

Упомянутый в моем показании Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые государевой семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и вел. княжна

Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц.

Еще в Тобольске я начал прихварывать, а в Екатеринбурге мне стало еще хуже; видя мое недомогание, Государь просил проф. Боткина осмотреть меня и затем приказал мне уехать в отпуск к жене моей, оставшейся в Тобольске, впредь до того, как мои силы восстановятся. В конце апреля (по старому стилю) о желании Государя отпустить меня было сообщено коменданту Авдееву; должен сказать, что на мое место предположено было выписать камердинера из Царского Села, но Авдеев передал ответ, что камердинер будет назначен из тех, которые приедут из Тобольска вместе с остальными членами государственной семьи. Числа 6—7 мая (по старому стилю) прибывший в дом Дидковский предложил всем заключенным в доме объявить, у кого и сколько имеется при себе денег; у Государя и Государыни денег не оказалось, у вел. княжны Марии Николаевны оказалось денег 16 руб. 33 коп., у проф. Боткина — 280 руб., у Седнева — 600 руб., у Демидовой — 1800—1900 руб., у меня — 6050 руб.; бывшие у вел. княжны и у проф. Боткина оставлены были в их распоряжении, а у остальных, т. е. у меня, Седнева и Демидовой, были отобраны, причем Демидовой было оставлено рублей 200—300. В том, что у меня были отобраны деньги, Дидковский выдал мне расписку.

9/22 мая прибыли в Екатеринбург и остальные члены государственной семьи: Алексей Николаевич, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны, при мне из числа служителей, вместе с царскими детьми, прибыли в дом старший повар Иван Михайлович Харитонов и помощник повара, мальчик Леонид Ив. Седнев, племянник И.Д. Седнева. Остальных прибывших с семьей лиц я не видел, но знаю, что, одновременно с царскими детьми, прибыли: генерал И.Л. Татищев, учителя Гиббс и Жильяр, официант Журовский, лакей Тюрин, писец Кирпичников, второй повар Кокичев, кухонные служители Терехов и Франц (фамилии не помню), няня Теглева, Эрсберг — девушка вел. княжон, и девушка Государыни — Тутельберг, Алексей Егорович Трупп —

лакей Государыни, и Клементий Григорьевич Нагорнов и А. Андр. Волков — камердинер Государыни. Какова судьба всех этих лиц, я не знаю, так как, повторяю, в дом Ипатьева они при мне не прибывали. Слышал я, что из них Нагорнов расстрелян. Князь В.А. Долгоруков, прибывший в Екатеринбург вместе с Государем, в дом Ипатьева доставлен не был, а, как мне стало потом известно, прямо с вокзала был отправлен в тюрьму¹.

11/24 мая из дома Ипатьева меня доставили не на вокзал, а в тюрьму, где я пробыл в заключении до 5 июля, когда чехословацкие и сибирские войска заняли Екатеринбург и красноармейцы, а равно и все большевистские комиссары и советы бежали. По освобождении из тюрьмы я остался совершенно одиноким; ничего не знаю о судьбе, постигшей моего Государя и его семейство; не знаю ничего также и о судьбе оставшихся при Государе лиц. К тому времени, когда я покинул Ипатьевский дом, в нем находились: Государь с Государыней, Наследник Алексей Николаевич и вел. княжны Мария, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; из придворных — один только проф. Боткин, человек лет 58, из служителей — Седнев И.Д., 32 лет, родом из города Углича, служил ранее мастером на Штандарте, Харитонов И.С., лет 45, коренной придворный повар, мальчик Леонид Седнев и А.С. Демидова — девушка лет 40, из мещанок г. Череповца, окончившая курс Петроградского Демидовского училища.

Как я уже показал Вам, Государь и Государыня отличались особенной набожностью; каждому из детей Государыня дарила образки, с которыми дети не расставались. У Государыни, между прочим, была особо почитаемая ею икона Феодоровской Божьей Матери, та самая, которая мне была предъ-

¹ На вокзале были арестованы А.В. Гендрикова, В.А. Долгоруков, С.К. Шнейдер, И.Л. Татищев, А.А. Волков и К.Г. Нагорный, которые были отправлены в тюрьму. А.В. Гендрикова, С.К. Шнейдер и А.А. Волков были перевезены в Пермь, а остальные были расстреляны в г. Екатеринбурге.

явлена при осмотре дома Ипатьева¹, с иконой этой Государыня никогда не расставалась и всегда ее имела у своего изголовья; куда бы Государыня ни отлучалась, хотя бы на короткое время, всегда брала эту икону с собой, и я не допускаю мысли, чтобы Государыня могла куда-нибудь отбыть, добровольно оставив эту икону. На иконе этой был золотой венец, украшенный бриллиантовой короной; бриллианты были дорогие, каждое зерно более одного карата. Государь носил на безымянном пальце правой руки золотое обручальное кольцо, поддерживаемое другим колечком, украшенным сапфиром². Упомянутые в моем показании тетради государевых дневников в Тобольске были сложены в сундучок и отправлены с багажом, но где этот сундучок — не знаю; в Ипатьевском доме Государь также вел дневник. Государыня и великие княжны также имели и вели свои дневники. Все имущество государевой семьи, находившееся в тобольском доме, было доставлено во двор Ипатьевского дома, куда девалось все это имущество, я не знаю³. Более пока показать ничего не имею.

Показание мне прочитано. Записано верно. *Чемодуров*

Член Екатеринбургского Окружного суда *Ив. Сергеев*
Товарищ прокурора *Н. Остроумов*

¹ Икона Феодоровской Божией Матери была позже внесена в Описи отправленных в Англию вещей, принадлежащих царской семье. Местонахождение иконы сегодня неизвестно.

² Осколки обручального кольца и кольца с сапфиром были найдены в кострище на Ганиной Яме.

³ В архиве Свято-Троицкого мужского монастыря (Джорданвилл) хранится Список вещей и предметов Царской семьи, вывезенных из Тобольска. Часть этого документа была представлена на выставке «Следствие длиною в век. Гибель семьи императора Николая II». М., Выставочный зал Федеральных архивов, 2012 г.

ПРОТОКОЛ

1918 года 17 августа Начальник Управления Уголовного розыска Кирста расспрашивал камердинера б. Государя Императора *Терентия Ивановича Чемодурова*, который объяснил: из тех вещей, что нашли в помойных ямах Ипатьевского дома, где заключен был б. Государь Император, особенно обращают на себя внимание вещи, с которыми б. Государыня Императрица Александра Феодоровна никогда не расставалась, особенно если выезжала куда-либо в дорогу: под № 8 кусок небольшой черной кожи от ридикюля, под № 9 рамка для фотографической карточки (здесь был портрет брата Императрицы); под № 10 брелок с фотографической неясной карточкой (здесь был фотографический портрет родителей Императрицы) и особенно важна найденная в спальне Императрицы икона Феодоровской Божией Матери, без этой иконы Императрица никогда никуда не выезжала, лишить Императрицу этой иконы было равносильно лишению Ее жизни. Икона эта была украшена золотым венцом с короной из крупных бриллиантов.

[Подпись] Чемодуров

Крестьянка Вятской губернии, Полинского уезда, Зыковской волости, деревни Зырина *Мария Григорьевна Стародумова*, жительствующая по Кузнечной улице № 105 и 2 (Яранского уезда, Ильинской волости, деревни Починок Городок *Васса Осиповна Дрягина*, жительствующая по Главному проспекту № 75, объяснили:

от профессионального строительного союза 15 июля н.ст. в понедельник мы были посланы в Ипатьевский дом, где заключен был Государь Император и его семья, мыть полы; полы мы мыли наверху дома Ипатьева и внизу; Государь и его семья: Государыня, 4 великих княжны, Наследник, доктор, старик князь камердинер, лакей в очках, мальчик и женщина моло-

дая были наверху и семья играла в карты, здесь же Юровский сидел на стуле против Наследника и разговаривал с ним, причем Юровский был вежлив, но нам Юровский не позволил разговаривать с Царской семьей, которая была весела, — княжны смеялись, и грусти заметно не было. Моя полы, мы заметили, что караул состоял из каких-то нерусских людей, все они были молодые, причем когда мы опустились мыть полы вниз, то заметили, что этот караул жил внизу, так как там стояли их кровати, причем внизу мы всех комнат не мыли, ибо там были другие женщины. Помыв полы, мы ушли домой, но денег не получили, почему в субботу 19 июля пошли к караульному начальнику Медведеву и, подойдя к дому Попова, где жил караул, застали там несколько красноармейцев, которые собирались уезжать и укладывали вещи; в это время на тройке крестьянских лошадей подъехал пьяный караульный начальник Медведев и спросил укладывающихся красноармейцев, что они делают и, узнав, что они торопятся как можно скорее выехать на фронт, спросил, указывая на Ипатьевский дом, — сказал: я пойду к Юровскому, но красноармейцы ответили, что дом закупорен и там никого нет. Тогда Медведев спросил: «а они?» «они — сказали красноармейцы, — уехали все на Пермь», за сим мы обратились к Медведеву с просьбой уплатить нам деньги, но Медведев ответил нам, что деньги нам уплотят, когда вернутся обратно. Караул, который в этот день дежурил у Государя, были, судя по разговорам немцы или австрийцы, одеты были в форменную одежду, но чисто красиво.

[Подпись] Мария Стародумова, неграмотная, а за нее по ее просьбе расписалась, как равно и за себя, Дрягина

Доктор, бывший при власти Советов комиссаром здравоохранения, *Николай Арсентьевич Сакович*, находящийся ныне в Екатеринбургской тюрьме, объяснил: «...помню я, что перед тем, как перевезти б. Государя Императора из Тобольска в Екатеринбург, меня повесткой пригласили в здание Волжско-

Камского Банка на совещание комиссаров Уральской области по вопросу о переезде Николая II в Екатеринбург. Явившись на собрание, я протестовал против своего присутствия здесь, но это не помогло и я остался и был очевидцем отвратительных сцен: например, был возбужден вопрос, кем не упомяну, о том, чтобы устроить при переезде б. Царя крушение, вопрос этот даже баллотировался, и было решено перевезти из Тобольска б. Государя в Екатеринбург; помню я случайно узнал, что по вопросу о перевозке б. Царя в Екатеринбург была какая-то переписка с Центральной большевистской властью и из центра было ясно сказано, что за целость б. Государя Екатеринбургские комиссары отвечают головой. Судьба б. Государя мне неизвестна, ибо больше я никем по вопросу о б. Государе никуда не приглашался и не был осведомлен. Лично я не верю в расстрел б. Государя, но, сталкиваясь с Голощекиным и Юровским, я могу допустить, что, не считаясь ни с чем, они, циники до мозга и костей, могли совершить любую гнусность. По отношению к б. Царю и его семье у большевиков руководителей было заметно какое-то беспокойство, характер которого я не берусь определить: было ли это беспокойство за жизнь б. Царя или его безопасность как узника. Еще я полагаю, что расстрел бывшего Царя ложь, потому что на объявлениях об убийстве б. Государя была подпись Свердлова, а ее не могло быть потому, что сношений с Москвой до 16—17 июля незадолго не было.

Николай Сакович (Зачеркнуто: «Что»)

С подлинным верно:
Судебный следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Зовут меня *Николай Арсеньевич Сакович*, 36 лет, православный, жил на Госпитальной ул., в доме № 6, кв. 2.

До революции я был старшим врачом в 5-ой артиллерийской бригаде. В июне месяце 1917 года я был переведен старшим ординатором в г. Екатеринбург в 195-й эвакуационный госпиталь. Я ни к какой партии не принадлежал и не принадлежу, но был записан как сочувствующий в партию социалистов-революционеров. Записался я в середине декабря 1917 года. В то время разделений партий не было; я, по крайней мере, не видел и не знал этого разделения. В январе месяце 1918 года я, по предложению партии, пошел на Съезд крестьянских депутатов с целью познакомиться с разницей программы правых и левых социалистов-революционеров, так как на этом съезде должна была разбираться программа партии социалистов-революционеров. На этом собрании выделилась фракция социал-революционеров и сочувствовавших им. Большевики предложили этой фракции 4 места в комиссариатах, а именно земледелия, юстиции, транспорта и здравоохранения. Мне предложили место заведующим отделом здравоохранения (областного). Я знал, что 195-й госпиталь будет закрыт в близком будущем и я останусь без места, кроме того, мне было ясно, если я не займу этой должности, то она будет занята кем-либо из рабочих и здравоохранение будет в неопытных руках неспециалиста. Поэтому-то я решил занять эту должность...

Перед приходом чехословацких войск ко мне пришел уездный комиссар здравоохранения и предложил мне озаботиться эвакуацией перевязочных материалов. Я заявил, что я этого делать не буду и что материалы должны быть оставлены здесь. При этом разговоре присутствовали врачи Васильев и Удинцев, которые в последнее время были на службе в областном отделе здравоохранения, как представители профессионального союза врачей. Об эвакуации аптекарских материалов мне ничего не

известно, и лишь я видел бумагу, подписанную Белобородовым, о том, что все медицинские товары и перевязочные материалы должны быть эвакуированы. Бумагу эту принес уездный комиссар здравоохранения Горохов.

В начале июля 1918 года комендант гор. Екатеринбурга отправил на рытье окопов лиц состоятельных классов. Комендант Некрасов посылал ко мне этих лиц для дачи заключения, годны или нет присылаемые к физическому труду. В один из дней, когда я дал освобождение трем лицам подряд, по телефону, в тот же день, мне сказал Некрасов, что если я буду так широко освобождать, то сам буду послан в окопы. Поэтому мне приходилось очень осторожно давать освобождения.

Областного совета депутатов и исполнительного комитета я не знаю. Не знаю также, из кого состоял городской совет депутатов и городской исполнительный комитет, так как не имел никакого отношения к этим учреждениям. Я только знаю некоторых областных комиссаров, с которыми встречался на некоторых заседаниях совета областных комиссаров, на которые меня приглашали. Председателем был Белобородов, имени и отчества его не знаю, членами президиума были Сафаров и неизвестные мне комиссары, а может быть, больше никого не было. Из комиссаров я знаю: сообщения — Байкова, производства — Кузьмина, труда — Андреева, военного — Голощекина, Анучина и Уфимцева, юстиции — Полякова, земледелия — Котымского /правильно — Хотимский/, транспорта — Меньшикова, финансов — Сыромолотова, и областного управления — Тупстула¹. Имени и отчества их не знаю, так как их называли по фамилии с прибавлением слова «товарищ», о деятельности их мне ничего не известно, так как с ними, кроме общих собраний, не соприкасался и лично знаком не был. Об их деятельности, о расстрелах и т. п. я знаю лишь из газет и обывательских разговоров. От меня и вообще от партии социалистов-революционеров все держалось в большом секрете. Я случайно был приглашен на совещание совета комиссаров перед перевозом Царской фами-

¹ Правильно — Тунтула.

лии в гор. Екатеринбург из Тобольска. Совещание происходило в Волжско-Камском Банке, в маленькой комнатке, исправляю, что совещание было на Коробковской улице, в белом двухэтажном доме на левой стороне, если идти от центра города, кажется, в первом квартале. Это было в марте или апреле. Так как дело не касалось здравоохранения, я не принимал участия в разговорах и читал газету. Я лишь слышал, как говорили о необходимости перевода и о том, подвергнуть ли поезд крушению или охранять его от провокаторского крушения, что-то было в этом роде. Когда стали голосовать, я отклонился от голосования и объяснил, что это к здравоохранению не относится. В этом собрании были все указанные выше комиссары, а может быть, кого-нибудь не было. Я помню хорошо, что были Голощекин, Белобородов, Сафаров и Тунтул, Войков. Всего было человек 7 или 8.

Больше показать ничего не могу; протокол мне прочитан.

После прочтения добавляю, что у меня был произведен обыск и были взяты предъявленные мне теперь оправдательные документы; при приходе чехословаков меня арестовал 25 июля 1918 года какой-то отряд по предписанию Зотова. Тогда я передал Зотову 8000 руб. и получил расписку 8000 руб. — это оставшиеся от аванса деньги. Передал я чековую книжку и расчетную книжку. Потом в тот же день Зотов меня освободил. Предъявляемые мне документы об аресте и освобождении и относятся к этому аресту. Спустя день, 26 июля 1918 года, у меня сделали обыск, отобрали оправдательные документы, австрийский револьвер без пуль, негодный к бою, календари, а затем арестовали.

Прочитано.

Подлинное за надлежащим подписом с подлинным верно.
Товарищ прокурора (подпись неразборчива)

Министерство Юстиции
Прокурор Екатеринбургского окружного суда
20 августа 1918 г.
№ 263

Срочно. Секретно.

Г. члену Екатеринбургского окружного суда
И.А. Сергееву.

При сем препровождаю Вам найденные горным инженером Александром Николаевичем Кузнецовым и унтер-офицером добровольческой армии Александром Андреевичем Шереметевским¹ в шахте близ дер. Коптяков, Екатеринбургского уезда, следующие вещественные доказательства: человеческий палец и два куска человеческой кожи, золотая серьга с жемчугом и бриллиантом, вставная верхняя челюсть, осколки от бомб, поддержка для мужского галстука, птичьи кости, осколки от стеклянного флакона, железка от сапога и пуговицы и железная лопата.

По моему распоряжению палец и два куска кожи врачом А.И. Белоградским залиты спиртом и опечатаны моей печатью².

И. д. прокурора *Кутузов*
Секретарь *Богословский*

¹ См. Протокол допроса Александра Шереметевского.

² Эти вещественные доказательства по «Делу...» будут вложены в синюю шкатулку и переданы Н.А. Соколову. Их местонахождение — в алтарной части храма Иова Многострадального в г. Брюсселе.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

22 августа 1918 г.

Гражданин из Екатеринбургских мещан *Петр Федоров Цецегов*, жительствующий по Васенцовской улице № 55, объяснил: я ночной сторож на Вознесенском проспекте, помню, что в ночь с 16 на 17 июля в 3 часа ночи я услышал стук автомобиля за перегородкой дома Ипатьева, где заключен был б. Государь Император, затем слышал шум того же автомобиля, направляющегося к Главному проспекту, видеть автомобиль мне не пришлось, так как я боялся подойти к Ипатьевскому дому, это нам запрещалось, а стоял на углу Харитоновского дома, ход у автомобиля был легкий без вспышек и грохота.

Я справлялся у других сторожей, видели ли они проходивший автомобиль, но безуспешно. В эту ночь выстрелов я не слышал. Забор дома Ипатьева свету от окон не пропускал.

П. Цецегов

Начальник Уголовного розыска *Кирста*
(Надписано: «Это»)

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

КОМЕНДАНТ СЫСЕРТСКОГО ЗАВОДА

Начальнику Уголовного
розыска г. Екатеринбург
№ 63
Сысертский завод

22 августа 1918 года

При сем препровождаю икону Иоанна Тобольского, найденную в Сысертском заводе на кладбище.

Приложение: Икона.

Штабс-капитан Чуркин

С подлинным верно:

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

ПРОТОКОЛ
предъявления предметов

1918 года августа 24 дня. Начальник Екатеринбургского Уголовного розыска Кирста на основании 258 ст. Уст. Угол. Суд. предъявлял камердинеру б. Государя Императора Терентию Ивановичу Чемодурову икону Св. Митрополита Тобольского, присланную при отношении на оборот сего, в которой Т.И. Чемодуров признал икону, принадлежащую Государыне Императрице Александре Федоровне. В иконе вырезано углубление, — в нем, по словам Чемодурова, были частицы мощей.

Присутствовал: Т.И. Чемодуров
(Надписано: «В иконе»)

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам Н. Соколов

ЗАЯВЛЕНИЕ

Секретно.

Начальнику Уголовного розыска

КОМЕНДАНТ

I-го района гор. Екатеринбурга

29 августа 1918 г.

№ 832

На Ваше отношение от 26 авг. с.г. за № 1865, сообщаю, что содержащийся под арестом при вверенном мне Управлении, курьер бывшего Областного Совета Лылов, препровожден 20-го августа Начальнику Екатеринбургской Народной Милиции. Дознание по делу Лылова не производилось, список же найденных у него вещей, которые в настоящее время хранятся в Екатеринбургском Отделе Государственного Банка, при сем прилагаю.

ПРИЛОЖЕНИЕ: опись вещей, найденных у Лылова, акт осмотра золотосплавочной В(олжско)-К(амского) Б(анка) и опись найденных там вещей.

Прапорщик *Смирнов*Комендантский адъютант прапорщик *Сушков*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Н. Соколов

ЗАЯВЛЕНИЕ

Господину товарищу Прокурора Екатеринбургского
Окружного Суда Остроумову Н.И.
Секретаря 21-го участка
продовольственного Комитета
Трущева Павла Алексеевича

По распоряжению военных властей мною, как продовольств. Старостой и Секретарем 21-го участ. Продовольствен. Комитета, был произведен осмотр и опись имущества Областного Совета Р. И С.Д., причем, при осмотре мною в бумагах Совдепа были обнаружены прилагаемые при сем документы: черновик объявления о расстреле бывшего Императора Николая Второго, написанный карандашом; шесть/6/ телеграмм, за подписью Председателя Совета Белобородова и 1 телеграмма за подписью Юровских.

Об изложенном и уведомляю Вас, как Председателя Участк. Комитета и в то же время как Товарища Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда

Секретарь 21 участ. Продовольственного Комитета *П. Трушев*
г. Екатеринбург, 25 августа 1918 года
Адрес: Усольцевская ул., д. № 21

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

Секретно.

Господину Прокурору
Екатеринбургского Окружного Суда

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

При сем имею честь представить на распоряжение Ваше поступившую на мое имя от секретаря 21 Продовольственного Комитета Павла Алексеевича Трушова переписку с документами, имеющими отношение к делу об убийстве бывшего Императора Николая II.

Августа 30 дня 1918 года гор. Екатеринбург.

Товарищ Прокурора *Н. Остроумов*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

Министерство Юстиции

ПРОКУРОР

Г. Члену Екатеринбургского Окружного суда

При сем имею честь препроводить Вам представленную мне Товарищем Прокурора Остроумовым переписку с документами, имеющими отношение к делу об убийстве бывшего Императора Николая II.

И.д. Прокурора *Кутузов* и секретарь *Богословский*

С подлинным верно:

Судебный следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

к № 832

АКТ

1918 года 30-го июля Председатель 21-го Продовольственного Участкового Комитета Остроумов Николай Иванович совместно с Секретарем Комитета Трущевым Павлом Алексеевичем и Участковым Старостой Соколовым Петром Степановичем в присутствии понятых Одинцова Анатолия Емельяновича, Сарафанова Маврикия Минеевича, Суровигина Федота Никитича и Лопнова Алексея Сергеевича производил осмотр в комнате при золотосплавочной Волжско-Камского Банка, причем оказались в ней ценные вещи, не принадлежащие помещавшемуся в том здании Областному Исполнительному Комитету С.Р. и А. Депутатов, а принадлежащие, как это видно из надписей на некоторых вещах, разным лицам из свиты бывшего императора. Все оказавшиеся при осмотре вещи перечислены в прилагаемой при сем описи

Подлинное подписали: Председатель 21-го Продовольст. Участк. Комитета Н. Остроумов, Секретарь 21-го продовольст. Участк. Комитета Н. Трущев, Участковый Староста П. Соколов

Понятые: М. Сарафанов, Одинцов, Ф. Суровигин, А. Лопнов

Верно:
Комендантский адъютант прапорщик Сушков

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

к № 832

ОПИСЬ

вещам, найденным у сторожа Лылова б. Областного совета:

Рамочки для фотографических карточек ————— 3 штуки

Медальоны: два черные с золотыми крестиками и внутри на одном дата: «20-го января 1888 г.», на другом: «1-го декабря 1891 г.». один золотой на одной половине надпись: «23-го мая 1896 г.». на обратной стороне: «Пожал. Е.И.В. Гос. Импер. Александрой Федоровной», внутри образок Черниговской Богородицы; пять круглых металлических медальонов: один из них с рисунком ————— 8 штук

Пудреница металлическая круглая ————— 1 штука

Карандаш с вензелем А.Ф. на обороте дата: «1915 г.» сиреневая эмаль, 56 проба ————— 1 штука

Обручальное кольцо 94 пробы инициалы: «Г.А.С.Ф. 1856 г.» ————— 1 штука

Головка от шляпной булавки металлическая в середине без камня под эмаль ————— 1 штука

Три крестика, один совершенно гладкий, на другом Распятие Христа и надпись: «IXRI.» на третьем изображение креста с буквами «I.C.X.C.» все три на металлической цепочке, две круглые иконочки для ношения с крестом ————— 6 штук

Брелки: череп с крестообразно-сложенными костями белого металла, круглый металлический с изображением Мадонны, витой с четырьмя подвесками, на них буквы: «*R.O.M.A.*»
Веер золотистого металла и брелок «Божия ко-
ровка» металлический

5 штук

Означенные вещи по заявлению сторожа найдены им на столе у Белобородова¹.

Комендант I района гор. Екатеринбурга штабс-капитан *Триук*

С подлинным верно:

Комендантский адъютант прапорщик *Сушков*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Н. Соколов

к № 832

ОПИСЬ

Золотые дамские часы: из них одни закрытые за № 242085 фирмы «*Dubois Pisseria*», другие золотые открытые с золотой цепочкой фирмы «*Павел Буре*» за № 28387. Третьи тоже открытые на левой стороне крышки монограмма «*Е.Н.*» За № 25814

три вещи

¹ В здании Волжско-Камского банка находился Уралоблсовет, председателем которого был А.Г. Белобородов.

Браслеты: из них один платиновый с 10 камнями, соединенными двумя тонкими цепочками; другой золотой панцирный с датой 1896 г. с тремя круглыми овальными камнями сапфир; третий тоже золотой панцирный с круглым кольцом, в середине которого римская цифра «X» из бриллиантовой осыпи; четвертый панцирный, с одним круглым овальным камнем сапфир; пятый золотой из узких цепочек цветного золота в три ряда соединенных с камнями	_____	пять вещей
Часы дорожные в серебряном футляре	_____	одна вещь
Фрейлинский золотой бриллиантовый знак с монограммой «М.А.» с короной, усыпанной бриллиантами.	_____	одна вещь
Золотой знак Императрицы Александры Федоровны склада Красного Креста	_____	одна вещь
Нагрудной серебряный знак дата 1613—1913 г.	_____	одна вещь
Золотая дамская шляпная булавка, головка из белой эмали осыпана бриллиантовыми мелкими камнями, три круглых ободка	_____	одна вещь
Кольца золотые: одно с жемчугом, кругом осыпано бриллиантами и еще по бокам по одному бриллианту; другое кольцо с двумя бриллиантами и тремя овальными сапфирами; третье кольцо с рубином	_____	три вещи
Булавка золотая с пятью сапфирами и тремя розочками	_____	одна вещь
Броши золотые: 1) с большим граненым сапфиром, кругом 8 мелких бриллиантиков и 8 розочек,		

2) узкая продолговатая из граненых сапфиров, 3) круглая с овальными изумрудами в середине один покрупнее, а кругом семь /одного нет/, осыпь из розочек бриллиантовых, 4) сердце осыпано кругом мелкими бриллиантиками вперемешку с жемчугом; 5) брошь форма сердца, белая эмалевая, кругом эмалевый зеленый ободок и в середине камень овальный рубин; 6) овальная с семью желтыми камнями в промежутках мелкие бриллианты и осыпана кругом бриллиантами; 7) овальная белая эмалевая брошь с короной и монограммой Александры Федоровны; 8) круглая эмалевая, кругом осыпана розочками, в середине крест из пяти камней рубинов; 9) брошь с бриллиантовой звездой; 10) продолговатая с двумя на концах белыми камнями, соединенными бриллиантовой осыпью; 11) бантик с подвешенным сердцем все осыпано бриллиантами; 12) брошь с двумя белыми камнями, осыпанными розочками, между ними сердце из осыпи розочек; 13) золотая в виде колеса ————— 13 вещей

Мужские запонки для манжет с четырьмя овальными аметистами ————— 2 вещи

Медальоны золотые: один круглый розовой эмали с одним в середине маленьким бриллиантиком с золотой цепочкой, другой формы сердца, вверху бантик, в середине большой сердцеобразный лунный камень; кругом его ободок и бантик из осыпи розочек и один бриллиантик, третий медальон — стекло, и кругом золотой ободок с замочком ————— три вещи

Серебряный створной яйцеобразной формы образок, на одной стороне надпись «Христос Воскресе 1916 г.». В середине икона Воскресение Христа и второй створной образок в виде яйца, внутри образок Ангела Хранителя ————— две вещи

Брелки: два яйцеобразной формы, один с бриллиантом; другой эмалевый с розочками и рубинчиками, третий каменный цыпленок в яйце, четвертый костяной прорезанные буквы: «Х.В.», пятый грушеобразный лунный камень в золоченой оправе и брелок серебряный кинжал надпись «Кавказ» ————— шесть вещей

Пять серебряных рублей и один итальянский ————— 6 шт.

Две иконы в серебряных ризах Спаситель и Божия Матерь, круглый образок, три образа Божией Матери ————— 5 вещей

Маленькая эмалевая, зелененькая пудреница, перочинный ножичек, две запонки, металлическая печать с короной, монограмма «Н.А.»; одна булава с золотой головкой и три булавки с белой, одна записная книжка в кожаном переплете ————— 10 штук

Зеркало в серебряной оправе, серебряная мыльница, пудреница серебряная, футляр для зубных щеток, хрустальный флакон с серебряной крышкой ————— 5 предметов

37 круглых образков, серебряная шейная для креста цепочка, две маленькие рамочки овальной формы и один амурик ————— 41 пр.

Одно батистовое саше белое подстежное ————— 1 пр.

Красный футляр от часов ————— 1 пр.

Один кожаный бювар с открытками, конвертами, почтовой бумагой, фотографическая карточка большого размера, чековая книжка № 3332 Учетно-Ссудного Банка Персии на имя графини

Гендриковой Анастасии Васильевны с 10 неиз-
расходованными чеками и прочие письменные
принадлежности _____

1 пр.

Председатель 21-го Продовольст. участков. Комитета
Н. Остроумов, участковый староста *П. Соколов*

Понятые:
А. Одинцов, М. Сарафанов, Ф. Суровигин, П. Лопнов

С подлинным верно:
Комендантский адъютант прапорщик *Сушков*
С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

ТРЕБОВАНИЕ

Следователю по особо важным делам г. Наметкину

По приказанию начальника гарнизона прошу немедленно сдать в штаб гарнизона начальнику штаба или мне взятые Вами на сохранение драгоценные камни, найденные около шахты.

Начальник гарнизонного отделения капитан *Малиновский*

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

РАСПИСКА

2 августа 1918 года получил от судебного следователя по важнейшим делам бриллиантовую подвеску и осколки изумруда и жемчуга. Вещественные доказательства по делу об убийстве бывшего Императора Николая II взял на хранение капитан Малиновский.

С подлинным верно:

Судебный следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

Г. Судебному Следователю
Екатеринбургского Окружного Суда по важнейшим делам
капитана Дмитрия Аполлоновича Малиновского
31 августа 1918 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сообщаю Вам, что принятые мною на хранение 2-го прошлого августа два осколка, по-видимому, изумруда и жемчуга мною переданы при отъезде из гор. Екатеринбурга в папке с другими найденными в селе Коптяках гв. капитану Ярцову.

Д. Малиновский

Заявляю, что папка с вышеупомянутыми вещами при моем отъезде из города Екатеринбурга передана в 20 числах августа с.г. капитану Сотникову.

Капитан Ярцов

8 сентября 1918 года.

С подлинным верно:

Судебный следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

ПРЕДПИСАНИЕ

Коменданту ст. Челябинск
7 сентября 1918 г.
Начальник штаба
Уральского Отдельного корпуса
№ 21002

1. Прошу предоставить купе в классном вагоне на Екатеринбург для следователя по особо важным делам Екатеринбургского Окружного Суда Наметкина направляющегося из Челябинска в Екатеринбург.

2. Назначить охрану из одного вооруженного верного человека для сопровождения следователя до г. Екатеринбурга.

3. Выдать следователю проездные документы и охранные свидетельства.

Печать штаба Уральского Отдельного Корпуса

Генерал-майор Сукин

С подлинным верно:
Судебный следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

ПРЕДПИСАНИЕ

Гв. капитану Малиновскому
Начальник Штаба
Уральского Отдельного Корпуса
№ 21001
г. Челябинск

Предписываю Вам имеющийся у Вас на хранении и найденный Вами в районе д. Коптяков бриллиантовый подвесок, принадлежащий Государыне Императрице Александре Федоровне, передать прибывшему из Екатеринбурга следователю по важнейшим делам Наметкину. Для присутствия при передаче назначаю комиссию под председательством гв. капитана Сумарокова и членов гв. капитана Ярцова и гв. капитана Дурасова. О результатах председателю мне донести. Печать штаба Уральского Отдельного Корпуса.

Генерал-майор Сукин

С подлинным верно:
Судебный следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

1918 года Сентября 8 дня, Судебный Следователь Екатеринбургского Окружного Суда по важнейшим делам в присутствии нижеподписавшихся понятых и экспертов производил осмотр и оценку находящегося у капитана Д.А. Малиновского на хранении камня, причем оказалось:

Бриллиантовый подвесок от колье сердцевидной формы. Оправлен в серебро с розами, оправка «фантази». Вес бриллианта приблизительно 10 карат. Стоимость его в настоящее время не менее сто тысяч рублей. Бриллиант белый, чистой воды.

По осмотре бриллиант был запечатан в бумажный пакет печатями:

1. Судебного Следователя по важнейшим делам,
2. Товарища Прокурора Троицкого Окружного Суда и
3. Штаба 2 Оренбургской Казачьей дивизии и взят Судебным Следователем с собою.

И.д. Судебного Следователя *Наметкин*
Эксперт — Ювелир: *А.Г. Дзялошинский*
Гвар. капитан *Дмитрий Аполлонович Малиновский*

При осмотре присутствовал Товарищ Прокурора Троицкого
Окружного Суда /подпись неразборчива/

Понятые:
Л.Г. 2 артил. бригады капитан *Евгений Николаевич Сумороков*
Л.Г. Гренадерского полка капитан *Г.В. Ярцов*,
Л.Гв. Гренадерского полка капитан *А. Дурасов*

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

14 сентября 1918 года в гор. Екатеринбурге Член Екатеринбургского Окружного Суда *Н.А. Сергеев* в присутствии ни-

жеподписавшихся понятых производил осмотр экспертизу и предъявление свидетелям П. Жильяр и г. Гиббс бриллианта, описанного в протоколе от 8 сентября с.г. По осмотру оказалось: бриллиант заключен в бумажном пакете, опечатанном пятью сургучными печатями, из коих одна — Судебного Следователя Екатеринбургского Окружного Суда по важнейшим делам, две Товарища Прокурора Троицкого Окружного Суда и две Штаба 2 Оренбургской Казачьей Дивизии. Печати целы. По вскрытии пакета в нем оказался вложенный в шелковый мешочек бриллиант грушевидной формы, оправленный в коронку белого металла, украшенную листиками с алмазами. По осмотре камня эксперты — служащий ювелирного магазина И.Е. Нуров и служащая ювелирного магазина В.Ф. Завалина — единогласно признали, что осмотренный камень — бриллиант белый, чистой воды, весом 10—12 карат, редкий по форме и величине, стоимость каждого карата в настоящее время для камня подобной величины и качества можно определить в 10 000 (десять тысяч рублей).

После осмотра, оценки и предъявления поименованным свидетелям описанный камень помещен в коробку, такая завернута в бумажку, перевязана крестообразно шнурком и опечатана печатями Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда и Судебного Следователя 5 участка Екатеринбургского уезда.

Член Екатеринбургского Окружного Суда *Ив. Сергеев*

Присутствовал
И.д. Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда *Кутозов*

Понятые:
Пом. Ст. Адъютанта Штаба 7 Уральской Дивизии
(подпись неразборчива)
Заведующий Счетоводством Суда (подпись неразборчива)

Эксперты:

Иван Емельянович Нуров

В.Ф. Завалина

Описанный бриллиант нам предъявлен *П. Жильяр и С.И. Гиббс*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

ПРЕДПИСАНИЕ

1918 года, сентября 4 дня, инспектор 1 отдела Екатеринбургского уголовного розыска Смоленский, вследствие личного поручения г. начальника Уголовного розыска, по делу о краже вещей, принадлежащих б. Царской фамилии, расспрашивал нижепоименованных лиц, а именно:

1) *Петр Илларионович Лылов*, 42 лет, гражданин Казанской губернии, Чистопольского уезда, Ерыклинской волости, села Титвиль, содержащийся при Верх-Исетской волостной тюрьме, объяснил, что он проживал в Верх-Исетском заводе, по Проезжей ул. в д. № 18 с гражданской своей женой Федосьей Илларионовной Балмышевой, и при большевиках служил в Волжско-Камском Банке при Уральском областном совете сторожем. С ним вместе там служил Назар Харитонович Новоселов. В начале апреля или в мае, точно не помнит, с вокзала было привезено на 12 подводах разного имущества, принадлежавшего б. тобольскому губернатору, что он, Лылов, узнал от сопровождавшего вещи, называвшего себя полковником, фамилии не помнит, кажется, Коряковым, который все время был в д. Паклевского в военном комиссариате, и один чемодан в числе того имущества попал с имуществом бывшего Царя. Вскоре после того из дома Ипатьева было привезено туда же, в нижнее помещение Волжско-Камского Банка, несколько больших и малень-

ких чемоданов с разными царскими вещами и перепиской, и все это было заперто в золотосплавочной комнате, кроме того, много вещей было в комиссарских столах. В то время когда большевики убегали, то из чемоданов было все опорожнено и таковые были заполнены деньгами. Сделали это председатель Совета Белобородов, товарищ его еврей Сафаров и члены — двое братьев Толмачевых, и секретарь — прапорщик Мутных. Эти же лица увезли много тогда ценного и из тех вещей. Те лица, уезжая, предложили ему взять себе из брошенных там вещей. Он и Новоселов действительно взяли белья и женского платья, и он отдал своей гражданской жене Балмышевой. Более ничего не объяснил.

Петр Лылов

2) *Назар Харитонов Новоселов*, 38 лет, гражданин Уфимской губернии, Бирского уезда, Кутеримской волости, дер. Акищевой, содержащийся при Верх-Исетской волостной тюрьме, объяснил, что он проживал в гор. Екатеринбурге по Коробковской ул. в д. № 13 вместе со своей женой Саломеей Архиповой. Отобранные у него вещи были взяты им при бегстве Совета, вместе со сторожем Лыловым, где и он, Новоселов, служил сторожем. Более же он ничего сказать не может.

Назар Новоселов
Инспектор Смоленский

3) *Федосья Илларионовна Балмышева*, 29 лет, гражданка Пермской губ. и уезда. Больше-Буртымской волости, дер. Балмышевой, содержащаяся при Верх-Исетской земской больнице, объяснила, что она и Лылов служили при Совете в Волжско-Камском Банке. Лылов — сторожем, а она — чайницей. Вечером Лылов и Новоселов, во время бегства большевиков, затворили

внизу окна и там в два узла собрали разные разбросанные вещи. Один из узлов с бельем и платьем Лылов отдал ей, и она прибрала к себе, и когда переезжала в Верх-Исетский завод, то перевезла и вещи те. Белье было с коронами, и поэтому она думает, что вещи те — Царской фамилии. При обыске прапорщиком Ермохиным те вещи были все отобраны. Одно платье и пальто ею было продано за 180 руб., но она указала кому, и таковые были Ермохиным отобраны. Более ничего сказать не может. Отозвалась неграмотной.

Инспектор Смоленский

СПРАВКА

6 сентября с.г. при отношении за № 2039, в дополнение к копии дознания представлены Члену Екатеринбургского Окружного Суда г. Сергееву все вещи, переименованные в дознании, принадлежащие Царской семье, доктору Боткину и девице Анне Демидовой, заключающиеся в 12-ти опечатанных местах и одном черном шелковом зонтике.

Верно:

И.д. Начальника Уголовного розыска *Плешков*,
секретарь (подпись неразборчива)

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ТЕЛЕГРАММА

Копия с копии

Телеграф. В 298/12-40

Телеграмма. Екатеринбург генералу Голицыну (печать)

Проверено. Пом. Коменданта почты и телеграфа (подпись красным карандашом) 1 сент. 4 ч.в. (чернилами вскрыл деж. офиц. подп. (подпись))

Из штаба Сиб. Армии № 6178

Принята 1/IX го 1918 г. От Омска № 259/171 принял Тярчу¹

Счет слов 40 подана 1-9-20.

Служебные отметки (подпись)

Омск 1 сентября предоставьте профессору Дилью работать и перевезти в Томск исторические материалы точка просимые Чемодуровым деньги будут ему переведены но желательно, чтобы Диль его использовал в интересах науки 78 Командующий Сибирской Армией генерал-майор Гришин-Алмазов

С подлинным верно: проф. Э. Диль

Подлинник обратно получил Э. Диль

СПРАВКА: подлинная телеграмма, по сличению с ней копии, выдана проф. Диль 5 сентября 1918 г.

Член Екатеринбургского Окружного Суда *Ив. Сергеев*

С подлинной верна:

Судебный следователь по особо важным делам

Н. Соколов

¹ Подпись неразборчива.

Копия

ЗАЯВЛЕНИЕ

Г. Члену Екатеринбургского Окружного Суда
Ивану Александровичу Сергееву,
ведущему следствие по делу Царской семьи
проф. Э.В. Дилья

Основываясь на данном мне ген. Гришиным-Алмазовым поручении и прилагаемой копии его телеграммы № 78, прошу допустить меня ко всему следственному материалу для изучения его с исторической точки зрения. О результатах я подам особое заявление. Проф. Э. Диль.

Екатеринбург, 5 сентября н.ст. 1918 г., гост. Гранд-Отель
ПРИЛОЖЕНИЕ: 1 Копия

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Город Екатеринбург, 6 сентября 1918 года, Член Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеев, командированный для производства предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая Александровича, рассмотрев заявление профессора Томского университета Э.В. Дилья от 5 сентября сего года, нашел:

профессор Диль, основываясь на поручении, изложенном в телеграмме Командира Сибирской Армии генерала Гришина-Алмазова, возбудил ходатайство о допущении его ко всему следственному материалу для изучения с исторической точки зрения /о результатах изучения профессор имеет представить особое сообщение/; при заявлении профессором Диль приложена адресованная начальнику гарнизона гор. Екатеринбурга генералу Голицыну телеграмма следующего содержания: «Омск, 1 сентября. Предоставьте профессору Дилью работать и перевезти в Томск исторические материалы. Просимые Чемодуровым деньги будут ему переведены, но желательно, чтобы Диль его использовал в интересах науки. Командующий Сибирской Армией генерал-майор Гришин-Алмазов».

При обсуждении означенного заявления по существу и с формальной точки зрения прежде всего надлежит установить: что по закону (264—266, 277 и 297 ст. уст. угол. суд) предварительное следствие в отличие от судебного следствия производится в условиях строгой негласности, причем круг лиц, участвующих в деле и имеющих право как присутствовать при следственных действиях, так и знакомиться с следственным материалом крайне ограничен и точно перечислен в законе; участвующими в деле лицами (304, 316, 448, 455 и 456 ст. уст. угол. суд.) являются: обвиняемые, частные обвинители и гражданские истцы. По делам, преследуемым в порядке публичного обвинения, право присутствовать при следственных действиях и рассматривать на месте подлинное производство принадлежит Прокурору или его Товарищу. При исследовании события

преступления, осмотре и освидетельствовании производятся в присутствии понятых или непосредственно Судебным Следователем, или через сведущих лиц, причем сведущие люди (эксперты) приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающихся в деле обстоятельств необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле, или каком-либо занятии (315-325 ст. уст. угол. суд.). Что касается вещественных доказательств, то по закону таковыми признаются все те предметы, на которые направлено действие преступника или которые служили орудием преступления, или сохранили следы преступления, или вообще могут служить средством к обнаружению преступления, или улики преступника; все эти предметы должны быть подробно описаны в протоколах, по возможности, пронумерованы, уложены, припечатаны и приобщены к делу (371-372 ст. уст. угол. суд.).

Помимо вещественных доказательств в собственном смысле этого слова предметом исследования могут быть и вещи, добытые преступлением, т. е. предметы похищенные, или отнятые; вещи этого рода, по отысканию и оценке их, возвращены под расписку тем, у кого были похищены, или отняты, если в приложении их к делу не представляется особой надобности. По настоящему делу предметы обеих указанных категорий представляются имеющими значение и распоряжение относительно выдачи таковых какому-либо лицу или учреждению сделано быть не может.

Сообразив изложенное с обстоятельствами дела производящий следствие Член Окружного Суда приходит к выводу 1) что профессор Диль, командированный командующим войсками Сибирской армии генералом Гришиным-Алмазовым, не является участвующим в деле лицом в законном смысле этого слова; 2) что изложено в телеграмме г. Командующего Сибирской армией поручение профессору Диллю работать и перевезти его в Томск исторические материалы не дает следователю права на допущение каких-либо незаконных мер как по отношению к вещественным по делу доказательствам, так и по от-

ношению к нарушению следственной тайны, ввиду невыясненности содержания данных профессору Дилю полномочий; 3) что вследствие этого заявления профессора Диля следует рассматривать как предложение сведущим в исторической науке лицом своих услуг по выяснению вопроса о том, какие именно из имеющихся при деле документов и других вещественных доказательств могут быть признаны имеющими значение историческое.

Рассматривая заявление профессора с этой точки зрения, я нахожу, что производство экспертизы в этом направлении в настоящее время и при данном положении дела является преждевременным. Рассматривая же заявление профессора Диля как просьбу о предоставлении ему для изучения всех материалов следственного производства исключительно с научной целью, следует признать, что удовлетворение такого ходатайства было бы не только явным нарушением основных требований процессуальных норм, но и деянием, воспрещенным уголовным законом под страхом наказания (434 и 419 ст. улож. о нак.)

Принимая во внимание: 1) что все предметы, осмотренные при следствии и описанные в соответствующих протоколах, являются относящимися к делу, 2) что в настоящее время, когда следствие находится еще в начальной стадии, не представляется возможным признать какие-либо вещи посторонними и не нужными для дел; 3) что окончательное разрешение вопроса о судьбе вещественных доказательств подлежит решению того суда, которым будет вынесено постановление по делу и приговор, я, Член Екатеринбургского Окружного Суда Сергеев, постановил: просьбу профессора Диля о предоставлении ему следственного материала для изучения с исторической точки зрения признать не подлежащей удовлетворению, о чем ему и объявить, с сообщением порядка и срока обжалования; копию настоящего постановления для сведения сообщить Начальнику Гарнизона города Екатеринбурга генерал-майору Голицыну.

Член Екатеринбургского Окружного Суда *Ив. Сергеев*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

1918 г. августа 7 дня. Начальник управления Екатеринбургского уголовного розыска Кирста, в присутствии товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда Белозерского и нижеподписавшихся понятых, на основании 258 ст. уст. угол. суд., произвел обыск в с. Уктус, по Вознесенской улице, в доме Дорошенки у Анны Михайловны Тимофеевой по делу убийства бывшего Государя Императора Николая II и по обыску было обнаружено: старые брюки гвардейского стрелкового полка с несколькими заплатами и надписью, видно на левом кармане: «4 августа 1900 года возобн. 8 октября 1916 года», принадлежащие, по удостоверению камердинера б. Государя, Терентия Ивановича Чемодурова, бывшему Государю Императору Николаю II. Больше относящегося к делу не найдено.

Постановил этот протокол.

Начальник Уголовного розыска *Кирста*
Товарищ прокурора *Белозерский*
Присутствовавший — *Т. Чемодуров*
Понятые

ПРОТОКОЛ

5 сентября 1918 года Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев в камере своей, в присутствии нижепоименованных понятых, производил осмотр документов, присланных при предложении Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда от 31 августа с.г., по осмотру оказалось:

1) отпечатанный на пишущей машинке синей краской отпуск телеграммы след. содержания: *«Москва Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра¹ опасения напрасны точка Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другими точка. — Белобородов»*. В конце текста черными чернилами написана цифра 4558, а внизу теми же чернилами написано: *«4/VII телеграмму принял»*, а после этого следует сделанная серым карандашом надпись: *«комиссар Т...»* (подпись неразборчива). Отпуск напечатан на $\frac{1}{4}$ листа низшего сорта писчей бумаги.

2) Отпечатанный так же и на такой же бумаге отпуск телеграммы след. содержания: *«Три адреса. Пермь Военком Лукоянову Уполномоченному Облсовета Матвееву Королевские Сыромолотову. Если можно заменить безусловно надежными людьми команду охраны поезда всю смените пошлите обратно Екатеринбург² точка Матвеев остается комендантом поезда точка замене сговоритесь Трифиновым Белобородов. 8 июля 1918 г. № 4640»* (цифра написана черными чернилами). Под текстом сделанная черными чернилами надпись: *«Телеграмму принял»*,

¹ Оригинал телеграммы в Коллекции других был передан Правящим Князем Лихтенштейна Хансом-Адамом в ГА РФ в сентябре 1993 г. ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

² Команда поезда понадобилась для охраны дома Ипатьева. В связи с приходом Юровского в Дом особого назначения 4 июля 1918 г. внутренняя охрана была им заменена.

а за ней — сделанная синим карандашом подпись «Комиссар А...» (подпись неразборчива). Ниже подписи Комиссара — оттиск штемпеля: «Екатеринбург. Телеграф 8-7-18». Штемпель — круглой формы; слова расположены по окружности, а дата — в середине.

3) Листок белой бумаги в виде узкого прямоугольника ($6\frac{1}{2} * 4\frac{1}{8}$ вершка) с печатным, черного цвета угловым штемпелем «Российская Федеративная Республика Советов Уральский Областной Совет Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов. Президиум». По левому продольному краю отпечатано: «адрес г. Екатеринбург Облсовет». В правом верхнем углу проведена пунктирная линия, заканчивающаяся печатной цифрой «1918». Ниже этой линии на расстоянии около 0,5 вершка начинается написанный серым карандашом, беглым почерком текст след. содержания: «Ввиду приближения контрреволюционных банд к Красной столице Урала — Екатеринбургу и ввиду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи) Президиум Ур. Обл. Сов. Раб. Кр. и Кр. Арм. Депутатов Урала, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего Царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение. Семья Романова, содержащаяся вместе с ним под стражей, эвакуирована из города Екатеринбурга в интересах обеспечения общественного спокойствия. Президиум областного совета Раб. Кр. и Красноарм. Деп. Урала». В тексте сделаны следующие поправки: слова «Екатеринбургу» и «возможности» вписаны между строк и подчеркнуты красными чернилами: перед скобкой (раскрыт... и т.д) написано черными чернилами «скобка», а после второй скобки — «точка». Слова «Ур. Обл. Сов. Кр. и Кр. Арм. Деп. Урала» зачеркнуты и сверху надписано черными чернилами одно слово «обласовета», цифры «с 16 на 17» написаны так: в каждой цифре карандашом написана только единица 1, а цифры 6 и 7 написаны на оставленных местах красными чернилами; в цифре 17 и единица обведена красными черни-

лами¹. Предлог «с» зачеркнут, а над цифрами 16 и 17 надписано черными чернилами «шестнадцатого» и «семнадцатого». Слова «под стражей» и «из города» зачеркнуты. Слова «Областного Совета» и т.д. после слова «Президиум» зачеркнуты и заменены словом «обласовета». В подписи «Президиум областного совета...» в слове «областного» красными чернилами написаны три первые буквы «обл.», остальные же буквы дописаны черными чернилами¹.

4) Обычного образца телеграфный бланк, на котором в соответственных местах значится: *«Ектб обласовет Председателю из Бисерта. Подана 20/VII 20 ч. 40 м. № 13633 военная. Мною забыт в доме особого назначения бумажник деньгами на столе около двух тысяч прошу первым попутным переслать Трифонову для меня. Юровских»*².

5) Четыре отпуска телеграмм, отпечатанные на машинке; внешний вид их сходен с видом документов, описанных в пунктах 1 и 2-м настоящего протокола. Одна из этих телеграмм адресована в Пермь, Чрезвычайной Комиссии и содержит в себе запрос по поводу побега Михаила. Даты составления телеграммы и отправки ее не имеется. В связи с этим два других отпуска телеграмм говорят: один об установлении после побега Михаила Романова, для Великих Князей, переведенных на

¹ Уральские чекисты предполагали расстрелять узников дома Ипатьева 16 июля, но из-за того, что ждали приказ из Москвы в ответ на телеграмму, отправленную из Петрограда Зиновьевым в Москву, (Кремль, Свердлову, копия Ленину). В Москве была принята в 21 час. 22 мин. 16 июля (в Екатеринбурге было 23 час. 22 мин.). Вот ее содержание: «Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите в Москву что условленного с Филиппом суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства ждать не можем если ваши мнения противоположны, сейчас же вне всякой очереди сообщите Голощекин Сафаров Снеситесь по этому поводу сами с Екатеринбургом Зиновьев». ГА РФ.Ф.130. Оп.2. Д 653. Л.12.

² Подлинник документа находится на хранении в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

жительство в Алапаевск, тюремного режима; другой содержит в себе поручение на имя Алапаевского Совдепа объявить Сергею Романову, что заключение является предупредительной мерой против побега, ввиду исчезновения Михаила из Перми. Первая из этих двух телеграмм значится за № 4265, вторая за № 4249. Датированы обе 22-м июня 1918 года. Четвертый отпуск дословно такого содержания: «Сборная. Москва два адреса Совнарком Председателю ЦИК Свердлову. Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому. Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович Сергей Михайлович и Палей¹. Несмотря сопротивление стражи князья были похищены. Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся. 4853 Преобласовета Белобородов».

Даты не обозначены, но в правом верхнем углу имеется круглой формы оттиск телеграфного штемпеля: «Екатеринбург 18.6.18. телеграф». Под текстом отпуска сделана, по-видимому, химическим карандашом какая-то пометка, написанная неразборчиво; можно предполагать, что пометка эта представляет собою подпись фамилии лица, принявшего телеграмму. Три остальных отпуска снабжены расписками лиц, принявших телеграмму.

Член Екатеринбургского Окружного Суда *Ив. Сергеев*

При осмотре находились понятия:
Зачеркнуто: «документом», «можно предполагать»

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

¹ Подлинник находится на хранении в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1 Д. 54. Л. 1.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

5 сентября 1918 года Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев рассмотрев описанные в протоколе от сего числа документы, нашел, что документы, показанные в 1, 2, 3 и 4 пунктах упомянутого протокола имеют непосредственное отношение к разъяснению события исследуемого преступления и к улике преступников, что же касается документов, описанных в 5 пункте протокола, то таковые имеют весьма отдаленную связь с настоящим делом, и потому вопрос о приобщении их к делу в качестве письменных доказательств должен быть оставлен открытым впредь до дальнейших результатов следствия, могущих пролить свет на другие следы преступления. На основании изложенного и руководствуясь 371 ст. уст. угол. суд **ПОСТАНОВИЛ**: документы, описанные в первых четырех пунктах протокола от 5 сентября с.г. приобщить к делу в качестве вещественных доказательств; вопрос же о приобщении к настоящему делу документов, означенных в 5-м пункте того же протокола, оставить открытым до собрания других доказательств.

Член Екатеринбургского Окружного Суда *Ив. Сергеев*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

³ Пропущены имена великой княгини Елизаветы Федоровны, князей императорской крови — Иоанна и Константина Константиновичей.

ПРОТОКОЛ

1918 года сентября 5 дня. Начальник Екатеринбургского уголовного розыска Плешков производил дальнейшее дознание по делу об убийстве бывшего государя Императора Николая II, для чего спрашивал нижепоименованных лиц, и они мне объяснили:

Спрошенный в присутствии товарища прокурора г. Остроумова гражданин Логиновской волости, Екатеринбургского уезда, села Малый Брусян, *Афанасий Кириллов Елькин* под судом не был, грамотный, проживаю в гор. Екатеринбурге, по Луговой улице, в доме № 64, объяснил:

11 января 1918 года меня за контрреволюцию арестовали и посадили в местную Екатеринбургскую тюрьму. 10(23) февраля революционный трибунал меня осудил к 6 месяцам тюремного заключения за агитацию против советской власти. В тюрьме первое время я возил из леса дрова в тюрьму, а в марте месяце меня перечислили конюхом, где я пробыл до конца моего ареста. В июне меня и второго конюха Данилова, тоже содержащегося в тюрьме, начальник стал посылать в город на лошадях, запряженных в экипажи, для разъездов с комиссарами. Мне очень часто приходилось возить по городу комиссаров тюрьмы Межевского Михаила и Морозова. Несколько раз приходилось ездить с комиссарами Поляковым, Зайд и Юровским. Ранее я их не знал, а когда стал ездить с ними, то узнал многих. С ними я ездил по разным советским учреждениям. Дней за 10 до бегства из Екатеринбурга большевиков конюх Данилов сообщил мне, что Юровский назначен комиссаром в дом Ипатьева, где содержался бывший Государь с семьей, и переехал туда жить. Дом Ипатьева назывался так: «Дом особого назначения». Дорогой комиссары никогда ничего со мной не разговаривали.

В июле месяце, когда Юровский жил в доме Ипатьева, я два раза подавал лошадь для Юровского к дому Ипатьева. Подъезжая к дому, я говорил часовому красноармейцу о том, что из тюрьмы подана лошадь для Юровского, а часовой через ды-

рочку в заборе сообщал дальше. Я хорошо помню, что во вторник последней недели перед бегством большевиков я ездил с Юровским по городу (должно быть, 17 июля)¹, он заходил в Американскую гостиницу и в свою квартиру на 1 Береговую ул., № 6. В этот же день, кажется, с ним больше не ездил. Помню, что днем Юровский, вернувшись в дом Ипатьева, отпустил меня домой.

Через сутки после этого, в четверг², я опять подал лошадь для Юровского к дому Ипатьева и опять так же через часового дал о себе знать. Изменения в карауле я никакого не заметил. Около 11 часов дня я Юровского повез в Волжско-Камский Банк, где он был минут 15–20, и вышел оттуда с каким-то человеком высокого роста, лет 35, по-видимому, с комиссаром, и вместе с ними я поехал, но у гостиницы Атаманова распряглась лошадь и я остановился перепрячь. Комиссар из банка куда-то пошел. Юровский сказал ему: «Оставайтесь здесь и работайте, как следует». Потом Юровский заехал в свою квартиру на 1 Береговую улицу, где пробыл около часа и вернулся в дом Ипатьева. Тут он мне сказал, что я ему буду нужен, и велел красноармейцу увести меня с лошадью в тот дом, где была охрана дома Ипатьева, кажется, дом Попова. Там я видел красноармейцев, более тридцати человек. С ними я не разговаривал, но видел их почти всех, они все были русские, у некоторых были жены. Из разговоров я понял, что они были из Сысертского завода. Часов в 11 вечера красноармеец послал меня съездить в Американскую гостиницу и привезти кого-то, имя и фамилию коего я забыл. Из Американской со мной поехало двое молодых, лет по 20, один из них похож на еврея. Они зашли в дом Ипатьева. В половине двенадцатого часов ночи мне приказали подать лошадь к воротам дома Ипатьева, около старой избы. Красноармеец, кажется, старший по команде, и двое мо-

¹ Вторник — 16 июля. Я.М. Юровский 17 июля приехал с рудника «Ганина Яма» в Екатеринбург, чтобы решить вопрос о перевозе останков на глубокие шахты по Московскому тракту.

² Четверг — 18 июля 1918 г.

лодых, коих я привез из Американской гостиницы, вынесли из дома Ипатьева ко мне в экипаж семь мест багажу, из коих было два кожаных саквояжа, на одном я видел сургучную печать¹. Одно место было с постелью, затем место с провизией. Вскоре вышел Юровский и, сидя в экипаже у меня, приказал молодым людям привести все в порядок, охраны оставить 12 человек, а остальных отправить на вокзал: это распоряжение касалось дома Ипатьева. Юровского с багажом я повез в дом главного начальника, где также были готовы к отъезду другие комиссары, среди коих был Петр Лазаревич, который со сторожем у главного начальника простился за руку. Оттуда некоторые комиссары поехали на ст. Екатеринбург II, а я с Юровским, по его приказанию, поехал на Вознесенский переулок, в дом рядом с лабораторией, где он пробыл недолго, потом заехал еще в Американскую гостиницу, а оттуда поехал также на Екатеринбург II, где он ушел в вокзал. Красноармейцы вынесли багаж Юровского, и меня отпустили домой. Я понял, что все комиссары из города бегут, о чем, вернувшись в тюрьму, сообщил начальнику тюрьмы.

Я перед отъездом из дома Ипатьева Юровского обратил внимание на дом, в коем все было тихо, и предположил, что Царской семьи там уже нет, но спросить об этом никого не смел. Незадолго до отъезда, кажется, во вторник, конюх Данилов вернулся поздно вечером. Я спросил его, где он так долго был. Он ответил, что «от Николая возил ящики», но какие и куда он не сказал, и я его не спросил. Этот конюх, Александр Данилов, ездил с комиссарами часто. Он, кажется, из Н. Уфалейского завода. В эту же ночь, когда я возил Юровского на вокзал, в тюрьму вернулись конюхи Демидов и Писцов. Я спросил их, куда они ездили и что возили. Они сказали, что возили пулеметы из Ипатьевского дома на вокзал. Через сутки после этого, в суб-

¹ Вероятно, в этом саквояже были драгоценности царской семьи, которые Я. Юровский сдал коменданту Кремля П. Малькову. См. Алексеев В.А. Гибель царской семьи: мифы и реальность (новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993.

боту, меня и других начальник тюрьмы освободил, но по чьему распоряжению, я не знаю. Что сделали с бывшим Царем и его семьей, я ни от кого не слышал. Помню, один раз, незадолго до отъезда Юровского, я стоял со своей лошадью у дома Попова, где жила охрана бывшего Царя. Трое красноармейцев между собой говорили, и я услышал такую фразу: «Мы Николку убьем за то, что он нас четыре года мучил».

Показание мне прочитано. *Афанасий Елькин*

И. д. начальника Уголовного розыска *Плешков*
Товарищ прокурора *Н. Остроумов*

10-го сентября

Гражданка Камышловского у., Кунгурской волости, деревни Белейки, *Лидия Федоровна Лоскутова*, 19 лет, православная, проживаю в г. Екатеринбурге, по Успенской ул. в д. № 5, объяснила:

У меня есть двоюродный брат *Афанасий Иванович Руденков*. Откуда он происходил, я не знаю, так как он со своими родными жил не здесь, а в каком-то другом городе, и с ним я встречалась в детстве: мне было лет 12, а ему — лет 14. Ныне летом, кажется в мае, здесь в Екатеринбурге он со мной встретился. Я его не могла сначала узнать, а он узнал меня вперед. Потом когда мы с ним разговорились, то уже узнали друг друга, что мы с ним двоюродные брат и сестра. Он рассказал мне, что служит где-то шофером. Его большевики мобилизовали, и он служит в Екатеринбурге шофером на бронированном автомобиле, числится же в отряде матросов, хотя одет был не в матросскую форму, а в синий костюм и коричневую фуражку. Я в эту неожиданную встречу пригласила его к себе в гости. Пробыл он у меня недолго. После первой встречи он приезжал к моей квартире на бронированном автомобиле предупредить,

чтобы мы береглись, а то нас могут арестовать за то, что к нам ходили реалисты и кадеты. Я хорошо помню, за два дня до объявления в Екатеринбурге о расстреле большевиками бывшего Государя Николая II¹ я встретила в кинематографе Рекорд часа в 4 дня со своим двоюродным братом Афанасием Руденковым, он пошел на вокзал Екатеринбург I, я пошла проводить его. Дорогой, идя против дома Ипатьева, мы увидели вышедший из ворот этого дома бронированный автомобиль. Я спросила своего брата, почему он не на автомобиле. Он ответил мне, что в его отсутствие другой шофер уехал и вывозит у Императора вещи, а потом увезут и самого Императора. Я опять спросила его: «Неужели его (т. е. Императора) расстреляют?», а он на это мне ответил, что его увезут в Верхотурье и заключат в монастырь. Я спросила еще брата о том, что сделают с ним, если заберут город чехи. Брат ответил: «Тогда его, наверно, отправят в Германию, так как большевики за него взяли у немецкого короля много денег и король взял его себе на поруки». О семье б. Государя брат ничего не говорил, и я его не спрашивала. Около Харитоновского дома мы с братом простились, и он ушел на вокзал. Бронированный автомобиль из дома Ипатьева уехал на вокзал.

В тот же день, часов в 7 вечера, я ходила на Глуховскую набережную улицу к знакомому прапорщику Попову, проходила мимо Исетского моста. Мимо меня по мосту прошел опять бронированный автомобиль, на котором ранее ездил брат. Я предполагала, что и в этот раз ехал брат и, увидев меня, остановится, но он не остановился. Я спросила проходящего матроса, почему автомобиль не остановился, он ответил: «Вероятно, некогда». На второй день я спросила у какого-то матроса про своего брата Руденкова. Матрос ответил мне, что он уехал на позицию.

Через сутки или два дня, не помню, в Екатеринбурге большевики объявили, что они Государя расстреляли.

¹ В Екатеринбурге объявили о расстреле Николая II 23 июля на митинге в городском саду.

Все это я показываю правду, большевичкой я не была и им не сочувствовала. Теперь я живу у своей двоюродной сестры Елизаветы Васильевны Скворцовой.

Лидия Лоскутова

И. д. начальника Уголовного розыска *Плешков*
При допросе присутствовал товарищ прокурора *Н. Остроумов*

13 сентября

Гражданин из Костромы *Федор Иванович Иванов*, 40 лет, православный, под судом не был, проживаю по Васенцовской ул. в доме № 29, объяснил:

Я имею парикмахерскую на новом вокзале станции Екатеринбург I. Я хорошо помню, за день или два до объявления в Екатеринбурге большевиками о том, что бывший Царь Николай II ими расстрелян, у меня в парикмахерской был комиссар станции Екатеринбург Гуляев и стал говорить, что у них много было работы. На мой вопрос: «Какой работы?», он ответил: «Сегодня отправляем Николая», но куда — не сказал, а я спросить его считал неудобным, так как в парикмахерской была публика. В тот же день вечером Гуляев опять заходил в мою парикмахерскую. Я его спросил, как и куда отправили Николая, так как на этот вокзал его не провозили. Гуляев ответил мне, что его увезли на Екатеринбург II, но подробностей не рассказывал.

На следующий день утром ко мне заходил комиссар 4 штаба резерва красной армии Кучеров, которого я спросил, правда ли, что Николая II увезли на станцию Екатеринбург II. Кучеров ответил мне: «Правда», а на мой вопрос, куда его отправили, он сказал: «Тебе какое дело?». В этот же день я, встретившись на вокзале с Гуляевым, спросил его о судьбе Николая. Он ответил мне, что уже «халымуз». Я переспросил его, что это значит. Он сказал мне: «Готов!». По его ответу я понял, что

Николай убит, но где — ничего не сказал, а спросить его я боялся. На второй день после этого разговора было выпущено объявление, что Николай расстрелян здесь в Екатеринбурге. После этого объявления я, встретив Гуляева и Кучерова у буфета на вокзале обоих вместе, спросил их, почему объявление о Николае выпущено так, а они говорили иначе. Они сказали: «Мало что пишут!».

Кажется, в тот же день я спросил матроса Григория, отчества и фамилии не знаю, который часто спал в уборной на вокзале: «Правда, что Николая расстреляли здесь?». Он ответил мне: «Едва ли». А на мой вопрос: «Правда ли, что его увезли?», он ответил, что его увезли из города живым, но куда, не сказал.

Вообще между всеми ими о судьбе Николая II была большая тайна, и все они в эти дни были сильно взволнованы. О семье бывшего Государя из них никто ничего не говорил, и я боялся спросить их. Гуляев, Кучеров и матрос уехали в разное время с большевиками до взятия города чехословаками.

Федор Иванов

И. д. начальника управления Уголовного розыска *Плешков*
Товарищ прокурора *Н. Остроумов*

Монахиня Ново-Тихвинского женского монастыря¹ *Агния Григорьевна Елисеева*, 45 лет, проживаю в монастыре, объявила:

¹ Ново-Тихвинский женский монастырь известен с 1796 г. В 1919 г. монастырь был закрыт и разорен. Весной 1918 г. монастырь еще действовал и монахини приносили продукты в дом Ипатьева, последний раз 16 июля 1918 г. по требованию Я. Юровского принесли корзину яиц и недоумевали по поводу необычного заказа. Следствие обнаружило на руднике много скорлупы от яиц, Это была пища царевубийц ночью и утром 17 июля. Подробно см. *Плотников И. Ф.* Указ. соч. С. 108—109.

Я жила в одной комнате с монахинями Агриппиной и Иустинией. К последней приходил иногда, попроведать ее, ее племянник Василий Чертополохов. В последнее время при большевиках Чертополохов служил в красной армии и ходил в солдатской форме, но какую он нес службу, я не знаю, сам он не говорил. В тот самый день, когда Екатеринбург заняли чехословаки, около 4 часов дня, Чертополохов был у своей тетушки монахини Иустинии. Проходя по монастырю в кухню, я слышала от каких-то монахинь, не помню, разговор о том, что заключенный в Екатеринбурге Государь жив, хотя большевики перед этим писали, что они его расстреляли. Я, придя в свою комнату, сказала монахине Агриппине, что Государь жив. Она ответила: «Слава Богу». На это Василий Чертополохов сказал, что «нет, не жив, старикам так не укокошить, как молодые укокошили!». Монахиня Агриппина обиделась на Чертополохова за такое выражение и назвала его молокососом и пригрозила ему, что за это на него только доказать следует, а он ответил: «Ну и доказывайте!»

Послушница Агапия Елисеева

Монахиня того же монастыря Иустиния, в мире Мария Николаевна Чертополохова, 60 лет, объяснила:

Я родиной из Сысертского завода, в монастыре живу около 47 лет. У меня есть племянник, сын брата Василий Андреев Чертополохов. В последнее время племянник служил здесь в сысертской лавке кассиром. В июне месяце сего года его большевики мобилизовали и взяли в красную армию. Какую он нес службу в красной армии, я не знаю, хотя он называл, в какую роту его зачислили, кажется, маршевую. После занятия города чехословаками, не знаю, в какой день, племянник был у меня. Я стала говорить, что такое тяжелое время, и Государя расстреляли. Он на это сказал: «Все возможно, что и расстреляли». Монахиня Агриппина назвала за это племянника молокососом. Племянник Василий стал говорить, что все не порядки в России произошли из-за того, что в 1916 году Го-

сударственная Дума просила у Государя конституцию, а он не дал. Племянника Василия около 15 августа арестовали, и он содержится в Коммерческом собрании.

Монахиня Иустиния

И. д. начальника Уголовного розыска *Плешков*
Товарищ прокурора *Н. Остроумов*

Следственная комиссия
Верх-Исетского района г. Начальнику Уголовного розыска
20 сентября 1918 года
№ 1353

При сем препровождается список вещей, принадлежащих бывшей Императорской фамилии, найденных у гр. Балмышевой, гражданской жены Лылова.

Председатель Комиссии Подпоручик *Ермохин*,
Делопроизводитель (*подпись не разборчива*)

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

2 октября 1918 г.

Гражданин Верхотурского у., Нижне-Салдинской вол., *Григорий Иванов Суетин*, 24 лет, православный, грамотный, не судился, объяснил:

В марте месяце сего года я поступил в особо-караульную конвойную команду в г. Екатеринбурге, начальником которой был какой-то латыш, имя и фамилию его я не знаю. Службу приходилось нести в тюрьме №1, Государственном банке и в других местах. В апреле месяце меня назначили в караул в дом Ипатьева, где содержался б. Царь. Там в карауле я был трое суток, стоял на посту внутри двора у ворот. Каждый день выходил в сад около 12 часов дня сам б. Государь, его жена и все четыре дочери, а б. Наследника Алексея выносил бывший при нем доктор. Выходили они все вместе и гуляли минут 30—40. Во время прогулки б. Государь иногда подходил к кому-нибудь из часовых и разговаривал с ними, некоторых спрашивал, с какого года /они служат/ и, когда получал ответ — с 1911 года, то говорил, что это «мой солдат», а когда часовой отвечал, что с 1917 или 1918 г., то он говорил, что это молодой. Я видел, что часовые к бывшему Государю относились хорошо и жалеючи некоторые даже говорили, что напрасно человека томят. В охране б. Царя я был всего лишь трое суток, после чего я более там не дежурил.

О расстреле б. Царя я узнал тогда, когда об этом объявили в газетах. Со мной в карауле у б. Царя было всех 52 человека и все незнакомые, из коих было два татарина, из них один сейчас служит в караульной команде.

Григорий Иванов Суетин

И. д. начальника Уголовного розыска *Плешков*
Товарищ прокурора *Н. Остроумов*

ПРОТОКОЛ

Город Екатеринбург, 8 октября 1918 года, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, командированный для производства предварительного следствия по делу об убийстве б. Императора Николая Александровича, составил настоящий протокол о нижеследующем.

В 10 1/2 часов утра сего числа ко мне явился дежурный офицер при коменданте города прапорщик Алексеев и от имени коменданта просил меня выдать разрешение на занятие дома Ипатьева под квартиру для командующего Уральским фронтом генерала Гайды¹ и его штаба, а на отказ мой в удовлетворении такого ходатайства ответил, что дом Ипатьева, независимо от моего согласия или несогласия на это, будет занят вследствие категорического приказа генерала Гайды.

Вследствие означенного заявления я, в присутствии прокурора суда В.Ф. Иорданского и председателя суда В.Н. Казем-Бека, прибыв в 11 1/2 часов утра в дом Ипатьева, причем обнаружил, что в верхнем этаже того дома парадная наружная дверь открыта и в комнатах производится очистка и мытье полов чешскими солдатами под присмотром чешских офицеров. На выраженный мною по этому поводу протест было указано, что офицеры действуют на основании приказа генерала Гайды, распорядившегося очистить верхний этаж дома Ипатьева к часу дня.

¹ Генерал Гайда Радола (1892—1948) в 1916 г. зачислен в сформировавшийся Чехословацкий корпус. Командир батальона. Участвовал в антибольшевистском восстании в Восточной Сибири. С октября 1918 г. — командующий Екатеринбургской группой войск. С января 1919 г. — командующий Сибирской армией. Умер в Праге.

Прибывший в то же помещение владелец дома отставной инженер капитан Н.Н. Ипатьев, коему мною было разрешено занять три комнаты в нижнем этаже его дома, с обязательством охранять запертые помещения верхнего этажа, объяснил, что им было своевременно указано представителям чешского военного командования, что все помещения дома находятся в распоряжении следственной власти и без разрешения таковой он никого не может допустить в дом, вверенный его охране.

На заявление это последовало указание, что здесь распоряжается военная власть, и тотчас же было приступлено к уборке помещения. Запертые комнаты, служившие спальными бывшей Царской семьи, до моего прибытия оставались нетронутыми, но мне было предъявлено решительное требование открыть эти комнаты и немедленно очистить их. Прибывший в дом комендант города капитан Блага подтвердил требование об очистке помещения, ссылаясь на приказ генерала Гайды.

На это требование коменданта я, производящий следствие, заявил, что выражаю самый решительный протест по поводу занятия дома Ипатьева, являющегося носителем следов преступления и поэтому необходимого для дела при дальнейшем исследовании его, и, выполняя требование об очистке помещений, я только подчиняюсь насилию со стороны военной власти. При этом мною было разъяснено коменданту, что на основании действующих законов я должен был бы обратиться к начальнику гарнизона, как представителю военной власти, за содействием к устранению насилия, но при сложившихся обстоятельствах считаю использование этого права нецелесообразным.

Вещественные доказательства, хранившиеся в означенных двух комнатах, были уложены и увезены мною на хранение в камеру мою в здание Окружного суда.

Опечатанная моей должностной печатью комната нижнего этажа, носящая в себе следы преступления, оставлена в моем распоряжении.

Член Екатеринбургского окружного суда *Ив. Сергеев*

При составлении протокола находились:
Председатель Екатеринбургского окружного суда *В. Казем-Бек*
Прокурор Окружного суда *В. Иорданский*
Капитан в отставке *Ипатьев*

Секретно. Арестантское.

Управление Уголовного розыска
г. Екатеринбург
13 октября 1918 г.
№ 2039

ДОНЕСЕНИЕ

и.д. начальника Уголовного розыска

Члену Екатеринбургского окружного суда г. Сергееву.

В дополнение к представленной при отношении от 5 сентября сего года №2039 копии, при сем представляю произведенное по сие число дознание по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II и его семьи, и доношу, что содержащийся по этому делу в Екатеринбургской тюрьме Михаил Иванов Летемин при при 3 части городской милиции — Мария Даниловна Медведева, дальнейшим содержанием перечислены с сего числа за Вами.

И. д. начальника Уголовного розыска *Плешков*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

25, 30 октября 1918 г.

Гражданка Сылвинского завода Красноуфимского уезда
Мария Ефимовна Ермакова, 30 л., под судом не была, содержуась

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II,
ЕГО СЕМЬИ И ЛИЦ ИХ ОКРУЖЕНИЯ

теперь в Верх-Исетском арестном доме, до этого содержалась в Екатеринбургской тюрьме с 10 августа.

Мой муж Петр Захарович Ермаков во время существования большевиков, в последнее время, один месяц был военным комиссаром Верх-Исетского завода. Я состояла в партии большевиков. 16-го или 17-го июля я, взяв с собою сына Вячеслава 8 лет, уехала из Верх-Исетского завода, уехала к матери моей в Сылвинский завод, где меня и арестовали 10-го августа. Когда я до отъезда в Сылвинский завод была здесь, муж никогда никаких тайн мне не говорил. Про убийство бывшего Царя и его семьи я положительно ничего не знаю, узнала о расстреле б. Царя из газет на станции Шаля, когда уехала отсюда.

Мария Ефимовна Ермакова

И.д. Начальника уголовного розыска *Плешков*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1918 года, октября 12—14 дня, в камере своей, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда Иван Александрович Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд. и он показал:

Я, *Петр Андреевич Жильяр* (Pierre Gilliard), 39 лет, кальвинист, швейцарский гражданин, уроженец коммуны Ивердон, кантона Во (Commune d, Iverdon Canton de Vaud), временно живу в гор. Тюмени, по Тобольской улице, д. №14/4, а в Екатеринбурге остановился в д. №10 по Солдатской улице. Высшее образование получил в Лозаннском университете, по отделению классической словесности.

В 1904 году я приехал в Россию, по приглашению герцога Георгия Максимильяновича Лейхтенбергского¹, в качестве преподавателя французского языка сыну его Сергею Георгиевичу. Приглашение я получил через ректора Лозаннского университета и по его рекомендации.

В 1905 году осенью, через личного секретаря б. Императрицы Александры Федоровны — графа Ростовцева, я получил приглашение на должность преподавателя французского языка при «Большом дворе». Приглашение это я принял. Вначале я преподавал французский язык б. великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. Затем, по мере достижения учебного возраста, — Марии Николаевне и Анастасии Николаевне и, наконец, б. Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу. До 1913 года я был приходящим преподавателем, а в этом году поселился в Царскосельском дворце в качестве помощника воспитателя б. Цесаревича, хотя воспитателя до самого последнего времени при нем не было.

После Февральской революции 1917 года, когда Государь за себя и Наследника отрекся от престола и был доставлен из Ставки в Царское Село, Царская семья, равно как и все другие обитатели дворца, была подвергнута режиму, установленному Временным правительством². Во дворце была назначена военная охрана под начальством особого коменданта, и сношения с внешним миром могли производиться только через коменданта. Во время прогулок по парку также присутствовали солдаты и офицеры военной охраны. Помимо ограничения свободы, в

¹ Герцог Лейхтенбергский Георгий Максимилианович был сыном старшей дочери Николая I — Марии и герцога М. Лейхтенбергского.

² Была утверждена Инструкция начальнику гарнизона города Царское Село по охране Александровского дворца, утвержденная Петроградским военным округом и подписанная Главнокомандующим войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенантом Корниловым. См. Скорбный путь Романовых. 1917-1918 гг. Сборник документов и материалов. М. РОССПЭН, 2001. С. 68—69.

остальном жизнь Царской семьи протекала в обстановке и условиях, близких к тем, какие были и прежде.

Дворец несколько раз посещал б. председатель Совета министров А.Ф. Керенский. На первых порах его отношение к Государю и Государыне было резким и суровым. Впоследствии, ознакомившись с содержанием отобранных во дворце бумаг и документов, Керенский изменил свое отношение к б. Царю и его супруге и стал очень любезен и внимателен.

Солдаты и офицеры, несшие охранную службу, в общем вели себя сдержанно и прилично, хотя и бывали иногда случаи проявления враждебного настроения. Один из таких случаев произвел особенно тягостное впечатление. У Алексея Николаевича была любимая игрушка — ружье уменьшенного образца. В первых числах июня м. г., когда б. Наследник гулял в парке, офицер караула заявил мне, что ружье у Алексея Николаевича следует отобрать. Я заметил на это, что у Наследника, собственно говоря, не ружье, а игрушка и что нехорошо лишать мальчика той радости, которую ему доставляет обладание этой игрушкой. Офицер настаивал на своем мнении. Находившийся при этом разговоре Алексей Николаевич бросил ружье и, горько рыдая, побежал к отцу и матери. Офицер, отобравший у Наследника ружье, просил меня передать Алексею Николаевичу, что вынужден был так поступить, чтобы избежать насилия, так как солдаты настойчиво требовали отобрания ружья и настроение их по этому поводу было возбужденное и враждебное.

Во второй половине июля месяца м. г. во дворце стало известно, что Врем. правительством принято решение отправить б. Государя и его семью на жительство на юг России, но точных сведений по этому вопросу сообщено не было¹. Стали готовиться к дороге и занялись укладкой и упаковкой багажа. Отъезд был назначен в час ночи на 1 августа. К этому времени вся Царская семья и придворные, уезжавшие вместе с семьей, собрались в Полуциркульном зале. Сюда же был принесен и ба-

¹ См. Протокол допроса Н.А. Соколовым А.Ф. Керенского. Российский архив. Вып. VIII. М., Студия «ТриТэ», 1998. С. 230—245.

гаж. Отъезд, однако, почему-то замедлился и состоялся только около пяти часов утра. Все страшно утомились долгим ожиданием. Перед отъездом Государю было разрешено свидание с б. великим князем Михаилом Александровичем¹. Свидание продолжалось около получаса и происходило в присутствии А.Ф. Керенского, который во время беседы Государя с братом отошел в сторону и занялся разглядыванием альбомов.

В 5 часов утра выехали на ст. Александровка на четырех моторах. На первом: А.Ф. Керенский с В.К. Лебедевым, на втором: б. Государь, Государыня, Алексей Николаевич и Ольга Николаевна, на третьем: Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, графиня Гендрикова и гофлектрисса Шнейдер, на четвертом: кн. В.А. Долгоруков, профессор Боткин и я. Часа за три до отъезда на вокзал прибыл генерал Татищев, приглашенный заменить графа Бенкендорфа, сославшегося на болезнь своей жены. Выяснилось, что поедем мы не на юг, а на север.

В Тобольск мы прибыли 6 августа 1917 года. Переезд был совершен благополучно и с достаточными удобствами. До 13 августа прожили на пароходе, пока не была закончена переделка Губернаторского дома², предназначенного для жительства Царской семьи. Комендантом дома был полковник Евгений Степанович Кобылинский. Офицеры и солдаты военной охраны были из Царскосельских стрелковых полков. Разместились довольно удобно и хорошо, и жизнь потекла здесь довольно ровно и спокойно. Придворный этикет был упрощен, и отношения членов царской семьи, придворных и даже ближних служителей были простые и дружеские. Все требования хозяйственного характера и сношения с внешним миром здесь, как и в Царском Селе, проходили через коменданта.

Стеснений и недостатка почти не испытывали, так как, в большинстве случаев, полковник Кобылинский выполнял

¹ Последнее свидание братьев состоялось 31 июля 1917 г. См. об этом запись в Дневнике Николая II — ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 174.

² Дом принадлежал Ордовскому-Танаевскому.

требования без отказа. Как-то в разговоре со мной полк. Кобылинский сообщил, что Керенский при прощании сказал ему: «Не забудьте, что это бывший Царь и что он и его семья ни в чем не должны нуждаться». Ежемесячный расход на содержание Царской семьи, придворных и слуг выражался в сумме 25–30 тысяч рублей. Книги были привезены из Царского Села в достаточном количестве. Получались газеты и журналы. Дни проходили в чтении, занятиях, прогулках в пределах ограды и беседах. Отношение офицеров и солдат военной охраны в общем было корректное, иногда даже сердечное. Был, однако, небольшой процент и таких, которые держались холодно, сурово и недоброжелательно.

Октябрьский переворот дошел до Тобольска не скоро. Только в марте месяце большевики стали вводить здесь свои порядки и назначать своих комиссаров. Средства, отпускаемые на содержание тобольского дома, были урезаны: на каждого члена Царской семьи было назначено по 600 руб. в месяц, т. е. всего 4200 рублей. Вследствие этого пришлось значительно сократить штат прислуги и многих из слуг уволить.

Кажется, числа 8–9 апреля в Тобольск прибыл уполномоченный московского Центрального исполнительного комитета Яковлев. Явившись к Государю 10-го апреля, Яковлев обошел весь дом и вместе с ним посетил больного Алексея Николаевича. Побыв у его постели, Яковлев долго смотрел на больного и, ничего не сказав, ушел. В тот же день Яковлев пришел еще раз и, с разрешения Государя, еще раз посетил со своим помощником (мне неизвестным) Алексея Николаевича.

12 апреля, часа в 2–3 дня, Яковлев объявил б. Государю, что получил от Ц.И.К. приказание взять Государя с собой¹. Государь выразил протест, указывая, что не может покинуть больного сына, но Яковлев твердо заявил, что приказание должно быть исполнено, и, в случае нужды, он даже прибегнет к на-

¹ В.В. Яковлев имел мандат от В.И. Ленина и Я.М. Свердлова. См. подробно: Авдонин А.Н. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург, 1995.

силию. Яковлев, хотя и проявлял непреклонную решимость, в обращении был вежлив и произвел на б. Государя хорошее впечатление. На расспросы Яковлев объяснил, что берет с собою только одного Государя из-за болезни Алексея Николаевича и что вскоре вернется за всеми остальными членами Царской семьи. К этому Яковлев добавил, что возьмет и сейчас с собою тех, кто пожелает ехать с Государем. Куда именно предполагалось увезти Государя, — никто не знал. Яковлев говорил, что он сам не знает места назначения и что лишь в дороге получит указания, куда ехать. Ввиду таких объяснений, на семейном совете было решено, что с Государем поедут Государыня и в. кн. Мария Николаевна.

Отъезд был назначен на утро 13 апреля и состоялся в назначенное время. Из придворных особ с Государем поехали гофмаршал В.А. Долгоруков и лейб-медик проф. Боткин. Из служителей поехали камердинер Т.И. Чемодуров, лакей И.Л. Седнев и комнатная девушка А.С. Демидова. Багаж был взят только самый необходимый. Князь Долгоруков взял с собой 80 000 руб. денег, принадлежавших Царской семье¹.

Только на восьмой день мы узнали, что Государя увезли в Екатеринбург, откуда было получено несколько писем от Государыни. В письмах сообщалось, что заключенные в Ипатьевском доме были подвергнуты суровому режиму. При входе в дом у всех приезжих были осмотрены вещи и багаж. Осмотрены были даже помещения с лекарствами.

В конце апреля в Тобольском доме появился комиссар Хохряков, приступивший к замене отряда, охранявшего дом, другим отрядом, прибывшим в Тобольск одновременно с названным комиссаром. После удовлетворения солдат и офицеров прежнего отряда жалованьем в охрану вступил новый от-

¹ В Свято-Троицком мужском монастыре сохранился Список, вывезенных из Тобольска в Екатеринбург вещей. Список был представлен на выставке «Гибель семьи императора Николая II. Следствие длиною в век». М., Выставочный зал федеральных архивов. 2012 г., Каталог выставки. М., «Индрик», 2012 г.

ряд под командой вновь назначенного коменданта Родионова. Полковник Кобылинский был смещен. Хохряков первое время относился очень недоверчиво к факту болезни Алексея Николаевича и неоднократно совершенно внезапно врывается в его комнату с целью проверить, не является ли болезнь мальчика выдумкой или притворством. Убедившись наконец, что мальчик действительно болен, Хохряков сделался очень внимательным по отношению к больному и нередко, сидя у постели Алексея Николаевича, занимал его разговором. Алексей Николаевич также выражал чувства симпатии и относился к Хохрякову детски просто и доверчиво.

Отъезд в Екатеринбург был назначен на 7/20 мая. Будучи извещены об этом заблаговременно, обитатели тобольского дома имели возможность уложить и приготовить в дорогу почти все находившееся в доме имущество. Хохряков сказал, чтобы укладывали и везли с собой все имущество, так как он имеет право на провоз до 3000 пудов багажа. Уложена была также мебель, принадлежавшая губернаторскому дому.

Фамильные драгоценности, как-то: ожерелья, цепи, броши, серьги, браслеты и т. п., привезенные из Царского Села в Тобольск, было решено взять с собой, так как из содержания некоторых писем Государыни можно было сделать заключение, что она этого желает. В то же время, опасаясь, как бы драгоценности не попали в руки большевиков, мы на семейном совещании решили провезти драгоценности скрыто и с этой целью, при помощи преданных служительниц — А.А. Теглевой, М.Г. Тутьберг и Е.Н. Эрсберг — зашили все драгоценности в одежде и шляпах б. в. княжон. Наиболее крупные бриллианты (5—6 камней) были зашиты в пуговицах темно-синих суконных костюмов Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, а может быть, и Анастасии Николаевны¹. Разные мелкие вещи и жем-

¹ Вот почему на руднике, в кострищах, в которых сжигали одежду убитых в доме Ипатьева, было найдено много драгоценностей. По рассказу А.А. Теглевой Н.А. Соколову 5—6 июня 1919 г., в лифы великих княжен были зашиты фамильные драгоценности весом по 4,5 фунта.

чуг были зашиты в подбитых ватой «cache-corset»-ах в. княжон. Подробно и точно указать, где именно и какие драгоценности были зашиты, я не могу. Лучше всего Вам об этом могут показать А.А. Теглева (Тюмень, Тобольская ул. № 4) и М.Г. Тутельберг (Камышлов)». У Государыни были дорогие жемчужные ожерелья, бриллиантовая цепь и масса мелких вещей. У каждой княжны также много было всяких драгоценных вещей. Думаю, что стоимость всех драгоценностей превышала один миллион рублей, даже в довоенное время.

Из предъявленных Вами ранее и сегодня драгоценных вещей (предъявлены вещи, описанные в протоколах от 2–8 августа) крупный бриллиант я положительно признаю за принадлежащий Государыне¹. Камень этот, насколько я помню, был зашит в пуговице темно-синего костюма б. в. княжны Ольги Николаевны. Оговариваюсь, что в этом последнем пункте не вполне уверен: может быть, бриллиант был зашит в пуговице костюма Татьяны Николаевны. Если не ошибаюсь, этот бриллиант служил подвеском к другому камню шестиугольной формы. Наиболее точные сведения по этому вопросу может дать М.Г. Тутельберг. С уверенностью могу сказать, что бриллиант я признаю за один из тех, которые были спрятаны в костюмах б. в. княжон.

Предъявленную Вами серьгу с крупной жемчужиной я признаю за вещь, принадлежащую б. Императрице Александре Федоровне. Эти серьги были любимым украшением Государыни, точно так же и длинные жемчужные цепи².

¹ О бриллианте см. док. здесь. А также в Исходящем реестре Н.А. Соколова есть запись, что бриллиант был 10 июля 1922 г. передан вместе с фотографией ее высочеству княгине Надежде Петровне — супруге князя Н.В. Орлова. Запись Н.А. Соколова подписана: «Для доставления получил. Князь Н.В. Орлов. (Автограф) См. ГА РФ. Ф. 1637. Оп. 1. Д. Л. 10а.

² В материалах «Дела...» сохранились снимки этой жемчужины и фотография Александры Федоровны в жемчужных серьгах, которая была передана следователю Н.А. Соколову П. Жильяром.

Возвращаясь к моменту отъезда великих княжон и б. Наследника из Тобольска, должен сказать, что с ними поехали все оставшиеся по отъезде Государя и Государыни лица: генерал И.Л. Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден, Т. Шнейдер, мистер Гиббс и я. Служители: Кокичев, Журовский, Кирпичников (ныне живут в Тобольске), Сергей Иванов (Тюмень, Водопроводная, д. Гусева), А.Н. Дмитриев и Тютин (Тобольск), Терехов (Томск), Смирнов (Тюмень, Водопроводная, д. Гусева), Пюрковский (Томск), А.А. Теглева и Елиз. Ник. Эрсберг (Тюмень, Тобольская, д. № 4), М.Г. Тутельберг (Камышлов). Кроме этих служителей были: Нагорнов, Волков, Трупп и мальчик Седнев (судьба коих мне достоверно не известна) и личная прислуга: гр. Гендриковой — П.Г. Межева, m-le Шнейдер — горничные Катя и Маша, по фамилии мне не известные. С нами же поехал и доктор В.Н. Деревенко, приехавший в Тобольск приблизительно в начале сентября 1917 года.

Когда на пароходе мы приехали в Тюмень, то в поданном для нас составе поезда оказались только вагоны IV класса и один багажный. Комиссар Хохряков, в заботах о больном Алексее Николаевиче, долго хлопотал, волновался и бранился, пока не удалось получить один классный вагон. В этом вагоне поместились б в. княжны, Алексей Николаевич с доктором Деревенко и служителем К.Г. Нагорновым, генерал Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден, Е.А. Шнейдер и Е.Н. Эрсберг. Все остальные, в том числе и я, и мистер Гиббс, поместились в общем вагоне IV класса. Комендант Родионов и в пути, так же как и в Тобольске, был без надобности груб и придиричив.

В Екатеринбург наш поезд прибыл часа в 2 ночи на 10/23 мая. Часов в 8 утра были поданы извозчики, на которых увезли великих княжон, Алексея Николаевича с Нагорным и доктором Деревенко. Для принятия прибывших с поездом на вокзал приехал председатель Екатеринбургского областного совета Белобородов¹. Должен отметить характерную подроб-

¹ На вокзал приехали также Дидковский и Голошекин. См. Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Ека-

ность, не предвещавшую для большевистских пленников ничего хорошего: когда княжны вышли из вагона с багажом в руках, лакей Нагорнов хотел помочь им перенести багаж до извозчика, но его остановили и грубо оттолкнули.

Часа через 2—3 увезли Татищева, Гендрикову и Шнейдер. Отъезд детей б. Царя был обставлен так, что никто из нас не имел возможности с ними проститься. Из служительского персонала увезли Белкова, Харитонову, Нагорнову, Труппа и мальчика Седнева. С этого момента никаких сведений, кроме тревожных и неопределенных слухов, ни о ком из перечисленных лиц я не имею.

Все бывшие в вагоне IV класса (за исключением увезенных) снабжены были приказом местного совета о выезде из пределов Пермской губернии. Бумага была написана общая для всех: «Слугам бывшего Царя в числе 18 человек». С нами же была оставлена и баронесса Буксгевден. Только дней через 10 отправили нас в Тюмень, предоставив свободу дальнейшего передвижения.

Чем был обусловлен перевод б. Государя и его семьи из Тобольска в Екатеринбург, какая участь постигла их здесь — я знаю только по слухам и газетным известиям.

Как гувернер б. Наследника Алексея Николаевича, искренне привязанный к нему, я считаю необходимым удостоверить, что это мальчик с очень хорошими задатками, простой, добрый, доверчивый, живой и шаловливый (когда здоров). Алексей Николаевич — общий любимец всей семьи. Его воспитание и образование шло в соответствии с его возрастом и здоровьем. Способности у него хорошие — но замечалась склонность к лени.

Вообще в домашнем быту Государева семья производила отличное впечатление: все были искренне связаны чувствами простой, бесхитростной любви друг к другу. Как отноше-

ния родителей и детей между собою, так и отношения родителей к детям были самые сердечные, полные взаимной любви и уважения. Могу также отметить, что в семье наблюдалась неподдельная религиозность, с оттенком мистицизма в б. Государыне. Ни в Алексее Николаевиче, ни в в. княжнах не было никакого стремления к почестям, внешнему блеску и могуществу. Вкусы их были простые, отношения к окружающим также отличались простотой и сердечностью. После революции Государь взял на себя преподавание Алексею Николаевичу уроков истории и географии, а Государыня взяла на себя преподавание Закона Божия.

Из жизни в Tobольске я припоминаю случай, когда Государь был очень взволнован и огорчен, прочитав в газетах о Брест-Литовском договоре¹. С этого момента Государь, видимо, еще больше страдал за Россию. Предательство немцев и большевиков возмущало Государя до глубины души. Вообще, по поводу распространенного в России мнения, что под крышей царского дворца свила себе гнездо германофильская партия, должен по совести засвидетельствовать, что за время своего продолжительного пребывания во дворце я ни разу не слышал и не замечал признаков какого бы то ни было влияния немецкого родства Государыни. Правда, в Царском Селе, по условиям своего положения, я не мог вступать в беседы по этому поводу ни с Государем, ни с Государыней, но все же какое-либо определенное настроение не могло бы ускользнуть от моего внимания. Немецкая речь и немецкий язык совсем не были приняты в Царской семье. Алексей Николаевич сов-

¹ Брест-Литовский договор был подписан Советским правительством 3 марта 1918 г. Николай II записал в Дневнике: «12/25 февраля. Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях германского правительства, ввиду того что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем. Кошмар!» Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 667.

сем не знает немецкого языка, в. княжны говорили по-немецки очень плохо и не любили его. Дети между собою всегда почти говорили по-русски. С Государем также говорили только по-русски, а с Государыней — по-русски и по-английски.

В Тобольске, когда Царская семья вела образ жизни по-неволе уединенный и замкнутый, обитатели дома быстро сближались и вели непринужденные разговоры на темы, выходящие из рамок будничного обихода. По поводу немецких интриг и побед в связи с Брестским договором Государыня однажды выразила сожаление, что даже отречение Государя от престола не принесло никакой пользы для России. По поводу газетных заметок о том, что одним из секретных пунктов Брестского договора было предусмотрено перемещение Царской семьи в одну из нейтральных стран, Государыня воскликнула: «*Je préfère mourir en Russie que d'être sauvée par les Allemands*» (я предпочту умереть в России, чем быть спасенной немцами). Такое отношение к германцам, по моему глубокому убеждению, не было рисовкой или притворством, так как было слишком искренним и проявлялось в тесном семейном кругу, когда не было смысла и цели быть неискренним. Не раз также Государыня негодовала на германцев, следя по газетам за тем, как немцы кусок за куском отрывали от России. Приведенную мною фразу Государыни по поводу отречения Государя от престола я, может быть, по несовершенному знанию русского языка передал не вполне точно. Смысл фразы тот, что оказалась бесполезной жертва, которую принес Государь, чтобы избежать внутренней, междоусобной войны во время войны против немцев. Вообще говоря, из всех разговоров и поступков Государыни за время пребывания в Тобольске я вынес впечатление, что она любит Россию, как свою вторую родину.

Никаких решительно догадок по поводу того, могли ли вмешаться в положение Царской семьи представители нейтральных или союзных держав, я не имею основания делать. Мне как-то в январе месяце этого года кн. В.А. Долгоруков

сообщил, что его beau-père¹, обер-гофмаршал граф Бенкендорф, намерен был ходатайствовать через нейтральные государства о разрешении б. Государю и его семье выезда из пределов России в Японию. Были ли сделаны в этом направлении какие-либо шаги, — мне не известно. Вследствие этого я не могу высказать определенного суждения по вопросу о том, в какой мере основательны слухи, дошедшие и до меня, о том, будто некоторые члены б. Царской семьи увезены из Екатеринбурга большевиками, после того как они покинули город перед занятием его чехословаками, казачьими и Народной армии войсками.

Из предъявленных Вами вещей (предъявлены вещи, описанные в протоколе от /пропуск/) я признаю голубой с кистями кушак за принадлежащий Алексею Николаевичу. Металлическую пряжку от пояса в точности признать не могу, но утверждаю, что совершенно с такой же пряжкой пояс у б. Наследника был.

Относительно икон я показать ничего не могу, так как, по своим религиозным взглядам, я не понимаю иконопочитания и потому этим вопросом никогда не интересовался и не обращал внимания, у кого из членов Царской семьи и какие именно имеются иконы. Могу лишь удостоверить, что в комнатах, занимаемых в. князьями и б. Наследником, было много икон.

По поводу предъявленного мне отрубленного пальца я затрудняюсь высказаться даже предположительно, так как в настоящем виде палец утратил какие-либо отличительные особенности. Пальцы на руке Государя были довольно плоские, с грубой кожей, у основания покрыты волосами. Не помню хорошенько вид и форму пальцев д-ра Боткина.

Знаю, что у д-ра Боткина были вставные зубы. Предъявленные Вами две пластинки вставных зубов похожи на те, какие имел Боткин. Пластинки были изготовлены ялтинским зубным врачом Кострицким².

¹ Перевод — «добрый отец», кн. В.В. Долгорукий был пасынком графа Бенкендорфа.

² Кострицкий С.С., бывший придворный зубной врач, приехал в Тобольск из Ялты для лечения царской семьи. Дневники Кострицкого Сергея Сергеевича были получены у его родственника В.Н. Соловьевым и С.В. Мироненко и переданы на хранение в ГА РФ.

По поводу предъявленной Вами серьги с жемчужиной, признанной мною за принадлежащую б. Императрице, я представляю Вам, г. следователь, фотографическую карточку, снятую мною с Государыни в 1913 году в Ливадии. На этой карточке, как это ясно видно, в ушах Государыни вдеты серьги, из которых каждая состоит из одной крупной жемчужины в золотой оправе. Я полагаю, что предъявленная мне серьга тождественна с изображенными на карточке.

Относительно драгоценностей прошу внести следующую поправку: я ошибся, сказав, что все драгоценности были зашиты в шляпах и костюмах б. в. княжон. Таким способом были спрятаны наиболее ценные вещи, часть же вещей была уложена в чемодан. Укладывала вещи М.Г. Тутельберг. Какие именно вещи были уложены в чемодан, каков внешний вид чемодана и какие другие вещи были сложены в том чемодане — не знаю, так как укладка производилась не на моих глазах. При решении вопроса о драгоценностях в. княжны обратились за советом к генералу Татищеву, м-ру Гиббсу и ко мне, и княжны последовали нашим указаниям.

Забыл Вам сказать, что генерал Татищев при выезде из Тобольска в Екатеринбург имел при себе около 30 000 рублей денег (точную цифру теперь не помню).

Относительно предъявленного Вами мальтийского креста я не могу сообщить никаких сведений, так как подобного креста мне видеть не приходилось.

Более по делу показать ничего не имею.

Протокол прочитан. *Петр Андреевич Жильяр*

Член Екатеринбургского Окружного суда *Ив. Сергеев*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1918 года, октября 8—10 дня, в г. Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 и 712 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я — протоиерей *Иоанн Владимирович Сторожев*, 40 лет, нахожусь на службе в действующей армии, в должности благочинного 7-й Уральской дивизии горных стрелков.

По священству показываю:

Я дважды совершал богослужения в доме Ипатьева, в г. Екатеринбурге, когда там находилась под стражей большевистской власти семья бывшего Царя Николая Александровича Романова. Кроме меня, там же совершал богослужения священник Екатеринбургского собора Анатолий Григорьевич Меледин. Как отцу Меледину, так и мне сослужил каждый раз диакон названного собора Василий Афанасьевич Буймиров. Чередовались наши службы так: первое богослужение — светлую заутреню — совершил вечером 21 апреля старого стиля о. Меледин. Второй раз — 20 мая старого стиля, когда прибыла из Тобольска вся семья Романовых, служил я обедницу. Третью службу (обедницу) совершил о. Меледин, но которого числа и месяца, не помню, кажется, это был день рождения одного из членов семьи Романовых. Четвертую службу (литургию) совершил в Троицын день о. Меледин и, наконец, пятое богослужение (обедницу) 1/14 июля совершил я. Почему именно на нас, священнослужителей Екатеринбургского собора (в то время я был настоятелем сего собора), возложена была обязанность совершать богослужения в доме Ипатьева, я не знаю. Обстоятельства, при которых был вызван и совершал службу я, представляются в следующем виде:

В воскресенье 20 мая (2 июня) 1918 г. я совершал очередную службу — раннюю литургию — в Екатеринбургском соборе и только что, вернувшись домой около 10 часов утра, рас-

положился пить чай, как в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата, невзрачной наружности, с рябоватым лицом и маленькими бегающими глазами¹. Одет он был в ветхую телогрейку защитного цвета, на голове — затаस्कанный солдатский фуражка. Ни погон, ни кокарды, конечно, не было. Не видно было на нем и никакого вооружения. На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: «Вас требуют служить к Романову». Не поняв, про кого речь, я спросил: «К какому Романову?»

«Ну, к бывшему Царю», — пояснил пришедший. Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. «Он там написал, чтобы сослужили какую-то обедницу», — заявил мне пришедший. Чинопоследование обедницы обычно служит в войсках, когда по той или иной причине нельзя совершить литургию. По своему составу богослужение это сходно с последованием литургии, но значительно короче его, так как за обедницей не совершаются таинства Евхаристии. Выразив готовность совершить просимое богослужение, я заметил, что мне необходимо взять с собой диакона. Солдат долго и настойчиво возражал против приглашения о. диакона, заявляя, что «комендант» приказал позвать одного священника, но я настоял, и мы вместе с этим солдатом поехали в собор, где я, захватив все потребное для богослужения, пригласил о. диакона Буймирова, с которым, в сопровождении того же солдата, поехал в дом Ипатьева.

С тех пор как здесь помещена была семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором. Около первого верхнего деревянного забора извозчик остановился. Впереди прошел сопровождавший нас солдат, а за ним мы с о. диаконом. Наружный караул нас пропустил. Задержавшись на короткий срок около запертой изнутри калитки, выходящей в сторону дома, принадлежащего ранее Соломирскому, мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было

¹ Это был А.А. Якимов.

много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую — в кабинет (налево), где помещался «комендант». Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней, были часовые — такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей средних лет, помнится, одетых в гимнастерки. Один из них лежал на постели и, видимо, спал, другой молча курил папиросы. Посреди комнаты стоял стол, на нем самовар, хлеб, масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, беспорядочно. В момент нашего прибытия коменданта в этой комнате не было.

Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер. Вид этот человек имел среднего «сознательного рабочего». Ничего яркого, ничего выдающегося, вызывающего или резкого ни в наружности этого человека, ни в последующем его поведении я не заметил. Я скорее догадался, чем понял, что этот господин и есть «комендант Дома особого назначения», как именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем семьи Романовых¹. Комендант, не здороваясь и ничего не говоря, рассматривал меня (я его видел впервые и даже фамилии его не знал, а теперь запомнил). На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: «Они просят обедницу». Никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после богослужения передать Романовым просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого

¹ Это А.А. Авдеев.

раздумья возвратил ее диакону, сказав: «Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было». Я не удержался и ответил, что я вообще разговоров вести не предполагаю. Ответ мой, видимо, несколько задел коменданта, и он довольно резко сказал: «Да, никаких, кроме богослужебных рамок». Мы облачились с о. диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую принес один из слуг Романовых (не Чемодуров — его я ни разу не видал в доме Ипатьева, а познакомился с ним позднее, после оставления Екатеринбурга большевиками). Слуга этот высокого роста, помнится, в сером, с металлическими пуговицами костюме¹.

Пользуюсь моментом, чтобы сделать общее замечание по поводу моих показаний. Исключительные условия, при которых мне приходилось воспринимать все в эти посещения дома Ипатьева, а с другой стороны, совершенно исключительные внутренние переживания за время нахождения там естественно препятствовали мне быть только спокойным наблюдателем, со всею правильностью оценивающим и точно запоминающим все наблюдаемые явления и лица. Тем не менее я употребляю все усилия к тому, чтобы показание мое было точно и оценка наблюдаемого объективна.

Итак, облаченные в священные ризы, взяв с собой все потребное для богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед, со мной шел отец диакон, а последним вошел комендант. Зал, в который мы вошли через арку, соединялся с меньшим по размерам помещением — гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол. Но от наблюдения обстановки залы и гостиной я был отвлечен, т. к. едва переступил порог в зал, как заметил, что от окон отошли трое: это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел узнать. В следующей комнате, отделенной от за-

¹ Это Харитонов Иван Михайлович.

лы, как я уже объяснил, аркой, находились Александра Федоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем, вид он имел до крайности болезненный и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня — нового человека. Одет он был в белую (нижнюю) рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около кровати стояло кресло, в котором сидела Александра Федоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Федоровне, а равно и дочерях, я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Федоровны, манера держаться, манера, которую нельзя иначе назвать, как «величественной». Она сидела в кресле, но вставала (бодро и твердо) каждый раз, когда мы входили, уходили, а равно и когда по ходу богослужения я преподавал «Мир всем», читал Евангелие или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Федоровны, дальше по правой стене, стали обе их младшие дочери, а затем сам Николай Александрович. Старшие дочери стояли в арке, а отступая от них, уже за аркою, в зале стояли: высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это были доктор Боткин и состоящая при Александре Федоровне девушка)¹. Еще позади стояли двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел и не запомнил². Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого ни в зале, ни в комнате за аркой не было.

Николай Александрович был одет в гимнастерке защитного цвета, таких же брюках, при высоких сапогах. На груди

¹ Демидова Анна Степановна.

² Трупп Алексей Егорович.

был у него офицерский Георгиевский крест¹. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый.

Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не заметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. Борода, когда я был в первый раз, была длиннее и шире, чем первого (четырнадцатого) июля: тогда мне показалось, что Николай Александрович подстриг кругом бороду. Что касается Александры Федоровны, то у нее — из всех — вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный.

Я забыл отметить то, что всегда особенно останавливало мое внимание, это та исключительная — я прямо скажу — почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения.

Богослужение — обедницу — мы совершали перед поставленным среди комнаты за аркой столом. Стол этот был покрыт шелковой скатертью с разводами в древнерусском стиле. На этом столе в стройном порядке и обычной для церкви симметрии стояло множество икон. Тут были небольшого, среднего и совсем малого размера складни, иконки в ризах — все

¹ Николай II был представлен Георгиевской Думой Юго-Западного фронта к ордену св. Георгия 4-й степени за посещение Царем передовых позиций. С тех пор Царь никогда не снимал орден. Орден св. Георгия был на нем и в Ипатьевском доме ночью 17 июля 1918 г. См. *Мультатули Петр*. «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. М.: Форум, 2007. С. 147–149. Позже следствие обнаружило в помойной яме дома Ипатьева ленточку от ордена.

это редкой красоты по своему выдержанному древнему стилю и по своей выделке. Были простые без риз иконы, из них я заметил икону Знамения Пресвятой Богородицы (Новгородской), икону «Достойно есть». Других не помню. Заметил я еще икону Богоматери, которая при служении 20 мая занимала центральное место. Икона эта, видимо, очень древняя. Боюсь утверждать, но мне думается, что изображение это то, которое именуется «Феодоровской». Икона была в золотой ризе, без камней. Ни этой иконы, ни складней, ни иконы «Знамения», ни иконы «Достойно есть» я среди Вами мне предъявляемых не вижу — их здесь нет. Та икона, которую Вы мне показываете, без ризы, с одной металлической каймой, с оторванным, видимо, венчиком именуется не «Феодоровской», а «Казанской»: это я утверждаю категорически. Иконы этой ни при первом, ни при втором богослужении ни на столе, ни на стене не было.

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектении, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так он пел, например, «Отче наш» и др.). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный «отпуст» со святым крестом и на минуту остановился в недоумении: подходить ли мне с крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается и тогда бы своим неверным шагом я, может быть, создал в дальнейшем затруднения в разрешении семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды. Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с крестом. Показалось мне, что и Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте, в дальнем углу, и спокойно смотрел на нас. Тогда я сделал шаг вперед и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взгляда, первым подошел к кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Федоровна и все четыре дочери, а к

Алексею Николаевичу, лежавшему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: «Сейчас он непременно что-нибудь да скажет», но Алексей Николаевич молча поцеловал крест. Ему и Александре Федоровне о. диакон дал по просфоре. Затем подошли ко кресту доктор Боткин и названные служащие — девушка и двое слуг.

В комендантской мы разоблачились, сложили свои вещи и пошли домой, причем до калитки в заборе нас мимо постовых провожал какой-то солдат.

Следующие два раза, как я уже сказал в начале моего показания, в доме Ипатьева служил о. Меледин.

30 июня (13 июля) я узнал, что на другой день, 1 (14) июля, в воскресенье, о. Меледин имеет служить в доме Ипатьева литургию, что о сем он уже предупрежден от коменданта, а комендантом в то время состоял известный своей жестокостью некий Юровский — бывший военный фельдшер. Я предполагал заменить о. Меледина по собору и отслужить за него литургию 1/14 июля.

Часов в 8 утра 1/14 июля кто-то постучал в дверь моей квартиры, я только что встал и пошел отворить. Оказалось, явился опять тот же солдат, который и первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева. На мой вопрос: «Что угодно?» — солдат ответил, что комендант меня «требуется» в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. Я заметил, что ведь приглашен о. Меледин, на что явившийся солдат сказал: «Меледин отменен, за Вами прислано». Я не стал расспрашивать и сказал, что возьму с собой о. диакона Буймирова (солдат не возражал) и явлюсь к десяти часам. Солдат распростился и ушел, я же, одевшись, направился в собор, захватил здесь все потребное для богослужения и, в сопровождении о. диакона Буймирова, в 10 час. утра был уже около дома Ипатьева. Наружный часовой, видимо, был предупрежден, так как при нашем приближении сказал через окошко внутрь ограды: «Священник пришел». Я обратил внимание на совершенно необычное для уст красных наименование «священник» и, всмотревшись в говорившего, заметил, что как он, так и вообще постовые на этот раз

как-то выглядят интеллигентнее того состава, который я видел 20 мая. Мне даже показалось, что среди них были ученики Горного училища, но кто именно — не знаю. По-прежнему внутри за забором, на площадках лестницы и в доме было много вооруженных молодых людей, несших караул.

Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский. (Юровского я не знал, видел его лишь как-то раньше ораторствовавшим на площади.) Я успел заметить две особенности, которых не было 20 мая — это: 1) очень много проволочных проводов, идущих через окно комендантской комнаты в дом Ипатьева, и 2) автомобиль — легковой, — стоящий наготове у самого подъезда дома Ипатьева. Шофера на автомобиле не было. На этот раз нас провели в дом прямо через парадную дверь, а не через двор.

Когда мы вышли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати. Войдя в комнату, я сказал Юровскому: «Сюда приглашали духовенство, мы явились. Что мы должны делать?» Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: «Обождите здесь, а потом будете служить обедню» Я переспросил: «Обедню или обедницу?» — «Он написал: обедницу», — сказал Юровский.

Мы с о. диаконом стали готовить книги, ризы и проч., а Юровский, распивая чай, молча рассматривал нас и наконец спросил: «Ведь Ваша фамилия Ссс...» и протянул начальную букву моей фамилии. Тогда я сказал: «Моя фамилия — Сторожев». «Ну да, — подхватил Юровский, — ведь Вы уже служили здесь». «Да, — отвечаю, — раз служил». — «Ну, так вот и еще раз послужите».

В это время диакон, обращая ко мне, начал почему-то настаивать, что надо служить обедню, а не обедницу. Я заметил, что Юровского это раздражает, и он начинает «метать» на диакона свои взоры. Я поспешил прекратить это, сказав диакону, что и везде надо исполнять ту требу, о которой просят, а здесь, в этом доме, надо делать то, о чем говорят. Юровский,

видимо, удовлетворился. Заметив, что я зябко потираю руки (я пришел без верхней рясы, а день был холодный), Юровский спросил с оттенком насмешки, что такое со мной. Я ответил, что недавно болел плевритом и боюсь, как бы не возобновилась болезнь. Юровский начал высказывать свои соображения по поводу лечения плеврита и сообщил, что у него самого был процесс в легком. Обменялись мы и еще какими-то фразами, причем Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами. Одет он был в темной рубаше и пиджаке. Оружия на нем я не заметил. Когда мы облачились и было принесено кадило с горящими углями (принес какой-то солдат), Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: «Что, у вас все собрались?» (поручиться, что именно так он выразился — я не могу). Николай Александрович ответил твердо: «Да — все».

Впереди, за аркой, уже находилась Александра Федоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Федоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая ст. ст. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, что и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что, как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу, в угнетении духа, — но все же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослу-

жения так же, как и 20 мая ст. ст. Только теперь кресло Александры Федоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича — дальше от арки, несколько позади его. Позади Алексея Николаевича стали Татьяна Николаевна (она потом подкачала его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место у правой от арки стены.

За аркой, в зале, стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: (один высокого роста, другой низенький полный (мне показалось, что он крестился, складывая руку, как принято в католической церкви), и третий, молодой мальчик¹. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Больше за богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая «Нерукотворный Спас», обычного письма, без ризы. Я не могу утверждать, но я почти убежден, что это была одна из тех двух одинакового размера икон «Нерукотворного Спаса», которые Вы мне предъявляете².

По-прежнему на столе находились те же образки-складни, иконы «Знамения Пресвятой Богородицы», «Достойно есть» и справа, больших в сравнении с другими размеров, писанная масляными красками, без ризы, икона святителя Иоанна Тобольского. Вы мне показываете две такие иконы святителя Иоанна, причем на одной я вижу небольшую выемку, в виде углубления. Я должен пояснить, что такие выемки обычно делают в иконах для помещения в них металлического (золотого или серебряного) ковчежца с какой-либо святыней (частицей

¹ Седнев Леонид.

² В Описи икон, обнаруженных в доме Ипатьева, значатся эти иконы. См. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6.

святых мощей или одежды святого), сверху этот ковчежец обычно защищен стеклом, вставленным в узенький металлический ободок, который и выступает над уровнем самой иконы. Иногда вокруг этого ковчежца делается сияние в виде звезды или расходящихся лучей. Сияние это устроится из драгоценного металла, иногда осыпанного камнями. Я подробно осмотрел предъявленную Вами мне икону святителя Иоанна, на коей имеется описанная выемка, и полагаю, что выемка эта сделана именно для вложения ковчежца со святыней, каковая, очевидно, и была здесь. Не усматривая никаких следов в виде нажимов, царапин или углублений от шипов и гвоздиков на иконе вокруг этой выемки, я полагаю, что сияния около ковчежца (если таковой был в иконе) не было, и, следовательно, ковчежец имел снаружи обычную узенькую металлическую каемочку и в смысле денежной стоимости едва ли мог представляться ценным. Мне трудно определить, которая из двух предъявляемых мне икон св. Иоанна Тобольского находилась на столе во время богослужения 1/14 июля, но та икона, которая была там, имела такой же вид и размер, как и эти, предъявляемые. Тогда (1/14 июля) я не заметил в иконе ковчежца со святыней, но это могло произойти и потому, что ковчежец был заслонен впереди стоящими иконами.

Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богородице, где в высоко поэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне о. диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было за-благовременно дано). Когда я выходил и шел очень близко от бывших великих княжон, мне слышались едва уловимые слова: «Благодарю». Не думаю, чтобы это мне только показалось.

Войдя в комендантскую, я, незаметно для себя, глубоко вздохнул. И вдруг слышу насмешливый вопрос: «Чего это Вы так тяжело вздыхаете?» — говорил Юровский. Я не мог и не хотел открывать ему мною переживаемого и спокойно ответил: «Досадую, так мало послужил, а весь взмок от слабости, выйду теперь и опять простужусь». Внимательно посмотрев на меня, Юровский сказал: «Тогда надо окно закрыть, чтобы не продуло». Я поблагодарил, сказав, что все равно сейчас пойду на улицу. «Можете переждать», — заметил Юровский, и затем, совершенно другим тоном, промолвил: «Ну вот, помолились и от сердца отлегло» (или «на сердце легче стало» — точно не упомню). Сказаны были эти слова с такой, мне показалось, серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: «Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил». Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: «Я никогда не отрицал влияния религии и говорю это совершенно откровенно». Тогда и я, поддавшись той искренности, которая слышалась мне в его словах, сказал: «Я вам тоже откровенно отвечу — я очень рад, что вы здесь разрешаете молиться». Юровский на это довольно резко спросил: «А где же мы это запрещаем?» — «Совершенно верно, — уклонился я от дальнейшей откровенности, — вы не запрещаете молиться, но ведь здесь, в Доме особого назначения, могут быть и особые требования». — «Нет, почему же...» — «Ну вот, это-то я и приветствую», — закончил я. На прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались.

Молча дошли мы с о. диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг о. диакон сказал мне: «Знаете, о. протоиерей, — у них там чего-то случилось». Так как в этих

словах о. диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. Да так. Они все какие-то другие точно. Да и не поет никто». А надо сказать, что действительно за богослужением 1/14 июля впервые (о. диакон присутствовал при всех пяти служениях, совершенных в доме Ипатьева) никто из семьи Романовых не пел вместе с нами.

Через два дня, 4/17 июля, екатеринбуржцам было объявлено о том, что бывший Государь Император Николай Александрович расстрелян.

5/18 июля я видел Юровского разъезжавшим на автомобиле по городу Екатеринбургу¹. Подъезжал он к зданию Первой женской гимназии, сидел в автомобиле, дожидаясь кого-то около Уральского училища, и затем с неизвестным мне господином проехал к Верхне-Исетскому заводу. Более я его не встречал и сам лично ничего более по настоящему делу не могу показать.

Протоиерей *Иоанн Сторожев*

Член Окружного суда *Ив. Сергеев*

При допросе присутствовал товарищ прокурора *Н. Остроумов*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Копия

1918 года, октября 16 дня. Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев, в камере своей, в г. Екатеринбург, рассмотрев переписку, присланную в предложении Прокурора

¹ В Протоколе от 5 сентября 1918 г. А.К. Елькин рассказывал об этом же.

сего Суда от 9-го сентября 1918 года за № 879, нашел: по обыску, произведенному 11 августа с. г. Заведующим Следственным отделом Верх-Исетского района у проживающих в Верх-Исетском заводе Петра Илларионовича Лылова и Федосьи Илларионовой Балмышевой найдены были разные вещи, значительная часть которых носит на себе гербы и инициалы, свидетельствующие принадлежность этих вещей б. Императору Николаю Александровичу и членам его семьи. Подобного же рода вещи были найдены и у проживающего в г. Екатеринбург Назара Киприановича Новоселова. Из объяснений Лылова, Балмышевой и Новоселова, данных при дознании, видно, что вещи эти взяты были ими из помещения Волжско-Камского Коммерческого Банка, занятого областным Советом Р.С. и К.Д. после бегства большевиков из города Екатеринбурга; по словам Лылова, служившего сторожем в помещении Волжско-Камского Банка, в апреле месяце с. г. из дома Ипатьева, в котором был заключен б. Император со своей семьей, привезено было несколько чемоданов с вещами б. Царской Семьи, и при поспешном бегстве большевиков вещи из чемоданов были выброшены и часть их осталась не забранной, почему Лылов, Балмышева и Новоселов и воспользовались некоторыми из оставленных вещей. Рассмотрев изложенное и принимая во внимание: 1) что стоимость вещей, найденных у Лылова, Балмышевой и Новоселова, превышает 300 рублей, о чем свидетельствует как количество вещей, так и род и качество, 2) что в деянии названных лиц заключаются указания на признаки преступления, предусмотренного 12 и 1655 ст. улож. о нак., 3) что преступление это не имеет существенной связи с исследуемым мною событием — постановил: на основании 314 ст. уст. угол. суд. копии с актов дознания, произведенного по поводу обнаруженных у Лылова, Балмышевой и Новоселова, препроводить на распоряжение Прокурора Суда.

Член Окружного Суда *Ив. Сергеев.*

Исполнено 10 окт. За № 25.

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1918 года, октября 18—19 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда Иван Александрович Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 и 722 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, *Михаил Иванович Летемин*, 36 лет, происхожу из крестьян Сысертского завода, Екатеринбургского уезда, грамотный, под судом был: в 1911 году приговором Екатеринбургского окружного суда за покушение на растление присужден к лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на четыре года. Наказание отбыл, за применением законных льгот, в 1913 году. От военной службы освобожден по болезни. Постоянно живу в месте приписки.

По ремеслу я портной и последние пять лет проживал в Сысертском заводе. В мае сего года в наш завод прибыл комиссар Мрачковский и начал набирать из рабочих команду для охраны дома Ипатьева, в коем был заключен б. Царь со своей семьей. Узнав о цели приезда Мрачковского и осведомившись, что по условию службы полагалось 400 рублей жалованья в месяц, я пошел к Мрачковскому, который производил прием в помещении местного совета, и предложил свои услуги для несения службы по охране б. Царя. Мрачковский тут же справился о моем поведении и зачислил меня на службу с 20 мая 1918 года. Вся команда, в числе 30 человек, была набрана из сысертских рабочих. Из них я могу назвать следующих лиц: братья Стрекотины (старший — Андрей и младший, кажется, — Михаил), Иван Старков, Вениамин Сафонов, Николай Попов, Николай Подкорытов, Таланов Иван, Категов Иван и Садчиков Николай. Других я хотя в лицо и знаю, но фамилий одних совсем не знаю, а фамилии других — забыл.

До нашего прибытия в Екатеринбург дом Ипатьева охранялся, кажется, красноармейцами, но их почему-то призна-

ли негодными для охраны. Сначала всю команду (кроме меня) поместили в здании нового гостиного двора, а затем всех поселили в нижнем этаже дома Ипатьева, и с этого времени мы стали нести при доме караульную службу. Посты мы стали обслуживать числа с 24—25 мая. Из всех караульных только я один, с разрешения коменданта, поселился на частной квартире, так как со мной приехала жить и моя жена. Дом Ипатьева носил название «Дом особого назначения» и находился под начальством коменданта и его помощника. Комендантом дома сначала был Авдеев (имени и отчества его не знаю), а его помощником — Александр Мошкин.

Царь с семьей, служителями и доктором помещался в верхнем этаже дома, где учреждены были два караульных поста: пост № 1 — на площадке, за парадной дверью, и пост № 2 — на другой площадке, где находятся ванная и уборная. За время моей службы мне приходилось дежурить на этих постах раза три, но как протекала жизнь б. Царской семьи, наблюдать я не мог, так как двери из передней комнаты, где стоит чучело медведя, во внутренние покои, где проживала семья, всегда были затворены. В комнате, смежной с передней, налево от входа, помещался комендант со своим помощником. Кроме двух внутренних постов, установлено еще было семь наружных постов: пост № 3 — внутри ограды (двора), у ворот, пост № 4 — у калитки, снаружи двора, по линии парадного крыльца, пост № 5 — на первой будке, снаружи большого забора, пост № 6 — на будке по Вознесенскому проспекту, пост № 7 — на углу дома, внутри малого наружного двора, пост № 8 — в саду и пост № 9 — на заднем дворе. Были еще два пулеметных поста, обслуживаемые теми караульными, которые умели обращаться с пулеметами: пулеметный пост № 1 был устроен на балконе, выходящем в сад, а пост № 2 — внутри дома, в нижнем этаже, в той комнате, где в одном из двух окон, выходящих в сад, выставлена зимняя рама; на подоконнике этого окна и стоял пулемет.

На посту приходилось дежурить по четыре часа, с 12-часовым отдыхом между дежурствами. Наряды на дежурство на-

значал разводящий Павел Медведев. Во время прогулок Царской семьи по саду, кроме дежурного постового, ставился еще добавочный караульный и дежурил один из помощников коменданта. До постройки второго большого забора Царская семья выходила в сад внутренним ходом, по лестнице, ведущей вниз с той площадки, где была уборная. Наследник все время был болен и ходить не мог, так что по лестнице его сносил на руках Государь, а дальше везли на кресле-коляске. После устройства второго забора Царская семья выходила на прогулку через парадные двери. Сначала прогулки допускались один раз в день, а впоследствии, по настоянию доктора, были разрешены две прогулки: первая — около десяти часов утра и продолжалась один час и вторая — после обеда и продолжалась 1 $\frac{1}{2}$ часа. Обед для семьи приносился из советской кухмистерской, а последние две-три недели обед готовили на кухне, устроенной в верхнем этаже дома. Сначала, пока охрана состояла только из сысертских рабочих, нам приходилось дежурить в три смены. Это обстоятельство вызвало среди команды ропот, вследствие чего, недели через две, состав команды был усилен рабочими Злоказовской фабрики. Тогда же для помещения всей команды был занят противоположный дом Попова. В этом доме, разделенном на две половины, поселились: в одной половине — сысертские рабочие, а в другой — злоказовские. Злоказовских рабочих было 16 человек. В нижнем этаже дома Ипатьева поселилось несколько человек охраны, обслуживавших внутренние посты за № 1 и 2; всех было человек 8—10. Имен и фамилий их не знаю, но могу удостоверить, что они тоже были набраны из рабочих Злоказовской фабрики. Говорю это, основываясь на сведениях, сообщенных мне теми злоказовскими рабочими, которые жили в доме Попова.

После удаления от должности коменданта Авдеева, одновременно с ним были удалены и те злоказовские рабочие, которые несли внутреннюю охрану. Новый комендант Юровский нанял для внутренней охраны 10 человек латышей, которые и поселились в комнатах нижнего этажа Ипатьевского

дома¹. Имен и фамилий этих латышей я не знаю. Из злоказовских рабочих я также почти никого не могу назвать по фамилии, так как мне редко приходилось с кем-либо разговаривать, да и в казарму (дом Попова) я заходил только по служебной необходимости. Вами прочитан мне список фамилий, и здесь встречаются фамилии, которые я помню по переключкам: Варакушев, Путилов, Мостиков, Хохряков, Клещев, Прохоров, Логинов — все это фамилии охранников из злоказовских рабочих. Турыгин, Вяткин, Садчиков, Талонов, Русаков, Подкорытов и Шевелев — все это наши сысертские рабочие, служившие в охране. Знакома еще фамилия Котов — это тоже охранник из сысертских рабочих. Из них на пулеметных постах дежурили: Турыгин, Садчиков, Шевелев и Талапов.

Я состоял на службе в команде Дома особого назначения до конца, т.е. до снятия с дома охраны. 16-го июля я дежурил на посту № 3 с 4-х часов дня до 8 часов вечера и помню, что, как только я вышел на дежурство, б. Царь и его семья возвращались с прогулки. Ничего особенного я в этот раз не заметил.

17 июля я пришел на дежурство к 8 часам утра. Предварительно я зашел в казарму и здесь увидел мальчика, состоявшего в услужении при Царской семье. Появление мальчика меня очень удивило, и я спросил: «Почто он здесь?» (почему он здесь?). На это один из товарищей — Андрей Стрекотни, к которому я обратился с вопросом, только махнул рукой и, отведя меня в сторону, сообщил мне, что минувшей ночью убиты Царь, Царица, вся их семья, доктор, повар, лакей и состоявшая при Царской семье женщина. По словам Стрекотина, он в ту ночь находился на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа и видел, как в его смену (а он должен был дежурить с 12 часов ночи до 4 часов утра) сверху привели вниз Царя, Царицу, всех царских детей, доктора, двоих служителей и женщину, и всех их доставили в ту комнату, которая сообщается

¹ Я. Юровский 4 июля 1918 г. заменил внутреннюю охрану на чекистов.

с кладовой. Дверь, ведущая из этой комнаты в кладовую, всегда оставалась запечатанной, и охране строго было приказано не открывать этой двери, так как в ней хранились вещи, принадлежавшие домовладельцу Ипатьеву. В каком порядке следовали Царь, его семья, доктор и слуги, как доставлен был вниз Наследник — ничего этого я не знаю и никого об этом не спрашивал. Стрекотин мне только объяснил, что на его глазах комендант Юровский «вычитал бумагу» и сказал: «Жизнь Ваша покончена». Царь не расслышал и переспросил Юровского, а Царица и одна из дочерей перекрестились. В это время Юровский выстрелил в Царя и убил его на месте, а затем стали стрелять латыши и разводящий Павел Медведев. Сколько было латышей — я не спросил.

Из рассказа Стрекотина я понял, что убиты были решительно все. Поэтому я полагаю, что был убит и Наследник. В каком положении находился Наследник перед расстрелом, т. е. сидел, лежал или его держал кто-либо на руках, — не знаю, никого об этом я не спрашивал. Не знаю также, в какой одежде были приведены на расстрел Государь и его семья. Сколько выстрелов было произведено во время расстрела — не знаю, не спрашивал. Нет, я припоминаю, что в разговоре заметил Стрекотину: «Пуль ведь много должно остаться в комнате», и Стрекотин мне ответил: «Почто много? Вон, служившая у Царицы женщина закрывалась от выстрела подушкой, поди, в подушке много пуль застряло». Тот же Стрекотин, между прочим, сказал мне, что после Царя был убит «черноватенький» слуга: он стоял в углу и после выстрела присел и тут же умер. Других подробностей касательно расстрела я не знаю. Выслушав рассказ, я сказал: «Столько народу перестреляли, так ведь крови на полу должно быть много». На это мое замечание кто-то из товарищей (кто именно, не помню) объяснил, что к ним в команду присылали за людьми, и вся кровь была смыта. В этот раз беседовать дольше мне не пришлось, так как нужно было идти на караул.

Отбыв дежурство, я вернулся в казарму, и тогда мне объяснили, что, вероятно, нам придется идти «на фронт». Я

сказал, что на фронт не пойду, так как не рядился на это, а рядился только служить в караульной команде при Доме особого назначения. Поговорив немного об этом, снова свели речь на убийство Царя и его семьи. Находившийся в это время в казарме шофер Люханов объяснил, что всех убитых он увез на грузовом автомобиле в лес, добавив, что кое-как выбрался: темно, да пеньки на дороге. В какую сторону были увезены убитые и куда девали их трупы — ничего этого Люханов не объяснил, а я сам не спросил. Тогда я заинтересовался еще узнать, как вынесли убитых из дому, полагая, что опять-таки при переноске окровавленных тел должно остаться много кровавых следов. Кто-то из команды (кто именно, не помню) сказал, что вынесли трупы через черное крыльцо во двор, а оттуда — на автомобиль, стоявший у парадного крыльца. Говорили, что тела выносили на носилках. Сверху тела были чем-то закрыты, следы крови во дворе заметали песком. Андрей Стрекотин, который сообщил мне о расстреле, ушел из Екатеринбурга со всеми другими большевиками, и где он теперь находится — не знаю. Шофер Люханов также эвакуировался вместе с Красной армией.

Все то, что я узнал об убийстве Царя и его семьи, меня очень заинтересовало, и я решил, насколько возможно, проверить полученные мною сведения. С этой целью 18-го июля я зашел в ту комнату, где был произведен расстрел, и увидел, что пол был чист. На стенах также никаких пятен я не обнаружил. В задней стене, на левой руке от входа, я заметил три дырочки глубиной с сантиметр каждая. Больше никаких следов стрельбы я не видел. Осмотр я производил уже вечером и торопился, боясь, что кто-либо из начальства заметит, что я интересуюсь этим делом. Следов пуль или штыковых ударов на полу осмотренной мною комнаты я не заметил, хотя, повторяю, что осмотр я делал беглый, наспех. Вообще следов крови я нигде не обнаружил.

В течение 18, 19, 20 и 21 числа июля как из помещений, занимаемых Царской семьей, так и из кладовых и амбаров увозили на автомобилях царские вещи. Увозом вещей рас-

поряжалось два молодых человека — помощники Юровского¹. Вещи увозили на вокзал, так как уже советское начальство решило покинуть Екатеринбург ввиду приближения чехословаков. Часть вещей, представлявших небольшую ценность, просто валялась в разных местах без всякого призора на дворе, на полу в комнатах и в амбаре. Из вещей, предъявленных мне Вами, часть мною подобрана как брошенная, а часть мне разрешил взять комиссар Жилинский, приехавший в дом Ипатьева 22-го июля. Белье мне выдал из кладовой один из помощников коменданта. Отобранные у меня деньги в сумме 575 рублей — мои собственные деньги, заработанные мною своим трудом. Перед отъездом большевиков из города Павел Медведев выдал мне жалованье за полтора месяца вперед — всего 675 рублей. Собачку, принадлежавшую Царской семье, по кличке Джэк², я взял себе, потому что она уже ранее привыкла ко мне, и я просто пожалел ее, опасаясь, что она пропадет с голода.

По поводу убийства Царской семьи мне еще передавал австриец, по имени Адольф³, прислуживавший коменданту, что комендант в ту ночь предупреждал его, чтобы он не боялся, если услышит что-либо ночью. Тот же Адольф говорил, что слышал ночью какой-то плач, а потом окрик: «Тише!» Более показать ничего не могу.

Протокол прочитан. Записан верно.

Михаил Иванов Летемир

Ив. Сергеев

¹ Один из них — Никулин Г.П.

² Джой, спаниель. Любимая собачка в. кн. Анастасии Николаевны.

³ Правильно — Рудольф Лахер.

Министерство Юстиции

Секретно.

Прокурор Екатеринбургского Окружного Суда

21 октября 1918 года

г. Екатеринбург

господину Члену Екатеринбургского Окружного Суда

И.А. Сергееву

При сем препровождаю Вам список вещей, принадлежащих бывшей Императорской фамилии, найденных у гр. Балмышевой в дополнение к дознанию об убийстве бывшего Государя Императора Николая II.

Прокурор *В. Иорданский*Секретарь *Богословский*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Н. Соколов

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1918 года, октября 22 дня, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, *Алексей Андреевич Волков*, 59 лет, происхожу из крестьян Тамбовской губернии, Козловского у. Вышневолоцкой волости, православный, грамотный, не судился, проездом нахожусь в городе Екатеринбурге. В 1911 году пожалован званием потомственного почетного гражданина.

С 1886 года я находился на службе при дворе б. великого князя Павла Александровича¹, сначала в должности рейткнехта, а потом в должности камердинера.

В 1903 году я был назначен официантом при дворе б. Государя Императора, а в 1916 году был назначен на должность камердинера при б. Государыне Императрице. После Февральской революции, когда Государь со своей семьей был заключен под особую охрану в Царскосельском дворце, я продолжал свою службу при семье б. Царя. 1 августа 1917 года Государь с семьей был отправлен на жительство в Тобольск. Я также поехал с Царской семьей.

В Тобольске для жительства Царской семьи был отведен и приспособлен бывший губернаторский дом. Здесь поместилась вся Царская семья, придворные служители и учитель французского языка П.А. Жильяр. Прибывшие в Тобольск придворные: генерал И.Л. Татищев, гофмаршал В.А. Долгоруков, доктор Е.С. Боткин, фрейлина гр. А.В. Гендрикова, гофлектриса Б.А. Шнейдер и доктор В.Н. Деревенко, поместились в расположенном наискось губернаторского дома Корниловском доме. Тут же поселился и учитель английского языка мистер Гиббс. Первое время, до марта 1918 года, условия содержания Царской семьи были вполне удовлетворительными, а затем введено было ограничение в виде определенной суммы ежемесячно: на содержание всей семьи и состоящих при ней лиц стали выдавать по 4200 рублей в месяц.

16 апреля по ст. ст. бывший Государь вместе с Государыней и в. к. Марией Николаевной были отправлены на жи-

¹ Павел Александрович (1860—1919) — в. кн., мл. сын имп. Александра II и императ. Марии Александровны. Генерал-адъютант, с мая 1916 г. — ком. Гв. корп. С 1902 г. вmorganатическом браке с О.В. Карпович (Палей). Павел Александрович был расстрелян большевиками в январе 1919 г. в Петропавловской крепости. Их сын Владимир Палей был сброшен в шахту в ночь на 18 июля 1918 г. Был известен стихами, высокую оценку которым дал в. кн. Константин Константинович.

тельство в город Екатеринбург, а б. в.к. Ольга, Татьяна и Анастасия Николаевны остались пока в Тобольске, вследствие болезни Наследника Алексея Николаевича. Распоряжение об отъезде Царя сделано было прибывшим в Тобольск комиссаром Яковлевым. Недели через две после отъезда б. Царя в Тобольск приехал комиссар Хохряков и сменивший коменданта Кобылинского некто Родионов. По их настояниям стали собираться в дорогу и все другие остававшиеся в Тобольске члены Царской семьи. Выехали из Тобольска в 12 часу дня 7 мая ст. ст. и прибыли в Екатеринбург 10 мая. Все царское имущество было уложено в сундуки и доставлено также в Екатеринбург. По прибытии поезда на ст. Екатеринбург Хохряков и Родионов увезли на извозчиках великих княжон и Наследника. Часа через два после отъезда членов Царской семьи из вагона был вызван я, и вместе с графиней Гендриковой, Е.А. Шнейдер, И.Л. Татищевым, поваром Харитоновым и мальчиком Седневым на четырех извозчиках мы были отправлены в город. На дороге Харитонов и мальчик Седнев были высажены у дома Ипатьева, а все остальные были доставлены в тюрьму под присмотром комиссара Мрачковского.

С этих пор до самого последнего времени я не имел и не имею никаких сведений о судьбе Государя и членов его семьи.

Из Екатеринбургской тюрьмы я, вместе с Е.А. Шнейдер и А.В. Гендриковой, был взят 20 июля нового стиля и доставлен на станцию Екатеринбург, а отсюда в арестантском вагоне нас отправили в Пермскую тюрьму. Генерал Татищев был взят из тюрьмы приблизительно в 20-ых числах мая по ст. ст., но куда его отправили и какова его дальнейшая судьба — не знаю¹. 22 августа ст. ст. я, графиня Гендрикова и Е.А. Шнейдер ночью

¹ Генерал Татищев Илья Леонидович (1897—1918) — из древнего рода Рюриковичей. В 1905—1911 гг. был представителем Николая II при германском императоре Вильгельме. Добровольно сопровождал царскую семью в ссылку. 10 июля был вывезен из тюрьмы под предлогом высылки с Урала и расстрелян чекистом В.А. Сахаровым.

были доставлены в арестный дом и отсюда нас, вместе с другими заключенными, в числе 11 человек (из них я могу назвать жену полковника Знамеровского)¹, повели через город в лес для расстрела. Окружены мы были вооруженным конвоем в числе 22 человек. Конвой состоял из русских и латышей. Когда вступили в лес, я, улучив удобный момент, при повороте дороги между цепью конвойных сделал прыжок в сторону и побежал в лес. Вдогонку в меня были произведены три выстрела, но я остался невредим, а погони за мной не сделали. Благодаря этому мне и удалось спастись от смерти. Убегая, я слышал три залпа: полагаю, что это расстреливали моих товарищей по заключению.

Два дня я шел лесом без пищи и питья, придерживаясь полотна дороги. Скрывался я по деревням и по лесам, одевшись в бедную крестьянскую одежду. 6/19 октября, после полуторамесячных скитаний, я, наконец, вышел на занятую чехословаками ст. Упь и вчера прибыл в Екатеринбург, а сегодня вечером уезжаю в Тобольск к своей семье, где и буду проживать. Я обещаю сообщить Вам свой адрес и известить Вас о перемене такового. Более пока показать ничего не имею.

Прочитано. *Алексей Андреевич Волков*

Член Екатеринбургского окружного суда *Ив. Сергеев*

¹ Полковник Знамеровский Петр Людвигович — б. начальник Гатчинского жандармского железнодорожного управления. Выехал в г. Пермь вместе с в.кн. Михаилом Александровичем. Арестован и расстрелян вместе со своей супругой Верой Михайловной.

ПРОТОКОЛ

22 октября 1918 года и.д. Начальника Екатеринбургского уголовного розыска П. Плешков производил дальнейшее дознание об убийстве бывшего Государя Императора Николая II и его семьи, для чего допрашивал нижеозначенных лиц, и они мне объяснили:

гражданин Соликамского уезда, Александровской волости и завода *Прокопий Владимирович Кухтенков*, 51 г., грамотный, под судом не был, содержится в Верх-Исетском арестном доме, как комиссар, объяснил:

Я с 1906 года работаю в Верх-Исетском заводе, был десятником по постройке каменных работ. В январе 1918 года я вступил в партию большевиков, членский взнос 2 руб. я внес только за январь и более не платил. Кажется, в ноябре прошлого года фабрично-заводской комитет меня выбрал комиссаром к Помощнику Управляющего завода Дунаеву, в какой должности я был месяца 1 $\frac{1}{2}$, а затем отказался. В последнее время пред изгнанием большевиков, с 1 мая и до конца, я на собрании партией большевиков был избран заведующим хозяйственной частью рабочего клуба и жил в особой комнате в помещении клуба. За несколько дней до занятия города Екатеринбурга чехословаками, точно числа не помню, но приблизительно дней за 5—6 или за неделю, в помещении клуба, в комнате под названием «партийный комитет», часа в 4 утра собрались Председатель Верх-Исетского Исполнительного Комитета Малышкин Сергей Павлович, военный комиссар Ермаков Петр и партийные работники-большевики монтер Партин Николай Сергеевич, мастер мартеновского цеха Леватных Василий Иванович, слесаря механического цеха Костусов Александр и Александр Иванович, фамилию последнего не знаю, их было 6 человек и они о чем-то секретно разговаривали, я ходил в соседней комнате тушил электричество, и когда подошел к дверям комнаты, в которой разговаривали вышеозначенные лица, то, увидев меня, они сказали мне, чтобы

я вышел из этой комнаты, что я и сделал, а они остались там и когда разошлись, я не видел. На следующий день тоже коло 4-х час. утра опять в этой же комнате собрались все вышеуказанные лица за исключением Малышкина, меня это заинтересовало, о чем они совещались ночью, и я зашел к ним в комнату, при входе я услышал отрывочную фразу, сказанную Партиным «Всех их было тринадцать человек, доктор был тринадцатый¹, более я ничего не слышал, и они, прекратив при мне разговор, сказали, что у них деловой разговор, попросили меня выйти, а сами пошли в сад, меня это еще более заинтересовало, и я после их ухода незаметно прошел через курятник в огород, они сидели на лавочке, а я был за забором, от них сажень в четырех, причем я услышал фразу, сказанную Василием Леватных «Когда мы пришли и застали их, то они были еще теплые, я сам шупал Царицу, и она была теплая», затем я услышал фразу сказанную Партиным: «Все они были в штанах», потом кто-то из них говорил, что везде у них было зашито золото и камни, а второй кто-то сказал: «Что в поясе смотреть не на что и то были защиты камни», а затем Леватных сказал, что «теперь не грешно и умереть, шупал у Царицы...» в начале же, когда я подошел к забору, то услышал первый разговор этих лиц такой: Костоусов, выругавшись матерной бранью сказал, что вот уже вторую ночь не спим возимся, вчера хоронили, а сегодня перехоранивали, на чей-то, очевидно вопрос Леватных говорил, что были похоронены в двух местах за вторым Екатеринбургом, а кто-то из них говорил, что сегодня увезли их в другое место и зарыли в разных местах². Кроме того, кто-то из этой компании сказал, я думал, что

¹ Число расстрелянных в полуподвальной комнате дома Ипатьева — 11.

² Важное свидетельство о том, что две ночи занимались сокрытием останков и похоронили останки в двух местах. Так и оказалось: большое захоронение, открытое в 1991 г. с 9 останками и открытое в 2007 г. с останками наследника цесаревича Алексея Николаевича и великой княжны Марии Николаевны.

Царь был одет хорошо, а он что наш же брат в пальтишке и выглядит стариком. Кто-то еще задавал вопрос, красивые ли были, и получил ответ, красивых нет, на это Партин сказал, что у мертвых красоту не узнаешь.

В заключение они стали перечислять и считать, кто-то считал и говорил так: Никола, Сашка, Татьяна, наследник, Вырубова, какую-то поминали еще не Царскую фамилию и тринадцатый доктор; в это время стали между собой спорить, кто-то говорил: «Да знаешь ли ты всех-то и кто из них она», Леватных сказал, как не знаю, когда сам шупал, после этой фразы они стали смеяться. Я с самого начала разговора этих лица понял, что разговор у них был про Царскую семью; из разговора было понятно, что вся семья бывшего Царя и все бывшие при нем убиты и что их накануне до этого похоронили за вторым Екатеринбургом, а в эту ночь перехоранивали в другое место и в разных местах и, очевидно, из этой компании разговаривающих или Ермаков или слесарь Александр Иванович не были посвящены в это дело, поэтому остальные им подробно рассказывали, так как сами участвовали в этом деле и, рассказывая, хвастались этим. Показание это я дал без какого было насилия и без всяких угроз и сам об этом хотел заявить властям.

Показание мне прочитано и написано с моих слов.

Прокопий Владимиров Кухтенков

И.д. Начальника уголовного розыска *Плешков*

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

24 октября 1918 года в городе Екатеринбург, Член Екатеринбург. Окружного Суда И.А. Сергеев, при нижепоименованных понятых производил осмотр дневника б. Наследника-Цесаревича Алексея Николаевича¹, найденного, по обыску, в числе других вещей, у караульного охраны при «Доме Особого Назначения» (дом Ипатьева) Михаила Летемина, причем оказалось: памятная книжка на 1917 год, форматом в 1/8 долю листа, заключенная в переплет, покрытый стильного цвета шелком с золотым тиснением и содержащая в себе 369 пронумерованных страниц. На первой незанумерованной странице имеется сделанная черными чернилами надпись: *«Всея твари Создателью времена и лета по своей власти положивый, благослови венец лета благости твоея, Господи, сохраняя в мире Императора молитвами Богородицы, и спаси ны»*. — Наверху этой надписи изображен крест «+». На другой странице теми же чернилами и почерком написано: *«Дорогому Алексею от Мама. Царское Село»*, а на обороте — другим почерком (детским) *«№ 2»*. Записи в дневнике начинаются с 11/24 марта (стр. 74) и идут непрерывно 31 мая (стр. 155) включительно; сделаны все записи детским почерком и имеют своим предметом краткое описание прожитых дней (встал тогда-то, тогда-то играл, читал, учился, молился и т. п.). За 1/14 июня записи нет, а со 2-го июня (стр. 157) идут непрерывно до 2/15 августа (стр. 208); за 1-ое августа (стр. 217) имеется следующая запись: *«Приехал Керенский и сказал, что надо ехать. В 6 ч. 10 м. утра уехали из Царского села в поезде. Когда тронулся поезд, все легли спать и спали до завтрака. Завтракал, пил чай и обедал с мамой в купе. Играл в карты»*. За 2-ое августа (стр. 218) записи нет. За 3, 4, 5, 6 и 7 августа (стр. 219—223 включительно) имеются

¹ В 2013 г. Дневник Цесаревича Алексея был передан Г. Вишневской в Музей музыкальной культуры (г. Москва) в числе других документов архива М. Ростроповича.

записи, относящиеся к поездке из Царского села в Тобольск. Содержание их таково: «3 авг. На станциях закрывали занавески на окнах, чтобы нас никто не видел. Обедал в 8 ч. с мамой в купе и с ней же завтракал. В $\frac{1}{2}$ 8-го гуляли около реки Сылвы¹ с массаами солдат. Играл в карты. 4 авг. Проснулся поздно. Завтракал у мамы в купе с ней. Играл в карты и гадал на себя и на других. Гуляли $\frac{1}{2}$ часа около железной дороги. В 11 ч. мы все сели на пароход “Русь”. Я скоро лег. 5 авг. Смотрели, как дрова грузят. Утром “Русь” сел на мель и мы простояли около 2 ч. Завтракал со всеми в столовой. У мамы болит сердце и поэтому она лежала целый день в постели. Пил чай и обедал со всеми в столовой. Я и сестры играли с маленькими детьми машинистов. Вечером “Русь” пристала к берегу; гулял, собирал цветы. 6 авг. — утром играл с детьми машинистов. Завтракал и пил чай в столовой со всеми. Днем грузили дрова, а я с сестрами гулял на берегу. В 10 ч. пришли в Тобольск. Солдаты таскали вещи на пристань; сказали нам, что выехать нельзя, потому что дом в котором мы должны жить, еще не вычищен. Мы спали в наших каютах на пароходе. 7 авг. утром играли с детьми. Завтракал в столовой со всеми. Днем шел дождь. Играл в карты и гадал на себя и на других. “Русь” стоит все время у пристани. Толпа все время стоит и смотрит. За нами шел корабль с 300 человек солдат и 6 офицеров. Он называется “Кормилец”». Далее за 8—13 авг. (стр. 224—229) записи отсутствуют; за 14 авг. (стр. 230) записано: «утром гулял на палубе и играл с Машей. В $\frac{1}{2}$ 11-го Папа, О.М. и А. и я пошли пешком по улице в губернаторский дом жить. Мама и Т. уехали на извозчике за нами. За мамой шли офицеры, а по бокам стояли солдаты. Мы все смотрели весь дом, сад, кухню, караульное помещение.» Далее за 15—23 августа идут записи обычного характера (стр. 231—239). За 24—26 авг., (стр. 240—242) записи отсутствуют. С 27 авг. по 24 сентября (стр. 243—271) записи следуют непрерывно и носят обычный характер. За 1-ое сентября (стр. 248),

¹ Река Сылва от г. Перми за ст. Кунгур идет вдоль железнодорожных путей.

между прочим, отмечено: «*Приехал комиссар Панкратов*». За 25–27 сентября записи отсутствуют (стр. 272–274); нет записей и за 30-ое сентября (стр. 277) и за 3–4 октября (стр. 280–281). За 5-ое октября (стр. 282) имеется след. запись: «*В 11 час. Был молебен потому что не позволили обедню и идти в церковь. Дураки. За 6-ое октября (стр. 283): «Холодно и скучно. Все так же». За 7-ое октября (стр. 284) «Весь день провел, как вчера. От 9 до 10 часов была всенощная». За 8-ое октября (стр. 285) записи нет. Краткая запись за 9 октября (стр. 286). За 10–11 октября записей нет. За 12 октября (стр. 287): «Первый раз гулял утром и вечером. Занимался по расписанию. Весь день провел». За 15-ое октября (стр. 292) записи нет. За 16-ое октября (стр. 293) — краткая запись: «Весь день прошел как вчера». За 17-ое октября (стр. 294) записи нет. За 18 октября (стр. 295) отмечено: «Весь день прошел незаметно. Начинаю немного ходить». За 19-ое окт. (стр. 296) — «Весь день прошел веселый». За 20–24 октября (стр. 297–301) записей нет, за 25-ое октября (стр. 302) — краткая запись: «Весь день провел как вчера». За 26–28 октября (стр. 303–305) записей нет. За 29 октября (стр. 304) — «В 8 ч. были в церкви у ранней обедни. Коля не приходил ко мне, т. к. у него кашель и насморк». За 30-ое октября — 6-ое ноября (стр. 315): «Наконец я гулял утром и днем. Днем я с папой и сестрами носили дрова в сарай. Сегодня первый раз 16° морозу» За 8-ое ноября (стр. 316) записи нет; а за 9-ое ноября (стр. 317) последняя запись: «Весь день прошел как вчера и так же скучно». Остальные страницы дневника не заполнены. В верхней части страниц, содержащих записи с 14 августа (стр. 230) и далее имеются отметки «2-ой полк», «4 полк», «1 полк»; записи полков чередуются. За некоторые числа после слова «полк» значится фамилия; фамилии или прозвища повторяются следующие: «Малышев», «Зима», «Боби», «Сергеев», «Меснянкин», «Семенов». Других записей и отметок, имеющих значение для разъяснения обстоятельств дела, не имеется.*

Член Екатеринбургского Окр. Суда *Сергеев*
Понятые: *Игорь Владимирович Богословский*
Пом. Секретаря Екатеринбург. Окр. Суда (подпись неразборчива)

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

1918 года, ноября 9—10 дня, в гор. Екатеринбурге, в камере своей член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и она показала:

Я, *Мария Даниловна Медведева*, 26 лет, жительница Сысертского завода Екатеринбургского у., православная, не судилась, в настоящее время содержусь при 3 части милиции города Екатеринбурга.

Уже около 10 лет я состою в супружестве с жителем нашего завода Павлом Спиридоновичем Медведевым и имею от него троих детей. Муж мой — человек грамотный, непьющий и не буян, так что жили мы с ним очень дружно и хорошо. Меня и детей он очень любил и заботился о нас. Осенью 1914 года Павел был призван на службу в ополчение, но через два месяца был от службы освобожден, как горнозаводской рабочий. Живя дома, муж работал на заводе в сварочном цехе, а в свободное время занимался сапожным ремеслом. После революции, до масленицы нынешнего года, муж продолжал работать на заводе, а незадолго перед масленой записался в красную гвардию и уехал на службу в город Троицк. Сколько получал Павел за свою службу, не знаю, а я на себя и детей получала ежемесячно 175 руб. Деньги я получала от сысертского Совета раб. кр. и солд. депутатов. На Страстной неделе, за четыре дня до

Пасхи, муж вернулся домой и прожил дома около трех недель. В Троицке муж ходил на войну с каким-то Дутовым¹. По словам мужа, на Дутовском фронте он участвовал в боях. Кто это такой Дутов, с которым воевали красноармейцы, — не знаю. Не знаю также, почему был отпущен Павел домой. Из разговоров мужа я знаю, что начальником красногвардейцев на Дутовском фронте был комиссар Мрачковский.

В начале мая (считая по ст. стилю) муж записался в команду, набранную для охраны того дома, в котором была помещена Царская семья. Для найма охранников в наш завод приезжал комиссар Мрачковский. Записались из нашего завода 30 человек рабочих, и все уехали в Екатеринбург. Жалованья было положено по 400 р. при готовой квартире и столе. Недели через две после отъезда муж мой снова приехал в Сысертский завод с поручением набрать среди рабочих еще 20 человек для пополнения команды. Поручение было дано моему мужу комиссаром Голощекиным. Набор производился по записи, а записываться приходили в помещение местного Совета Р.К. и С.Д. Муж мой жил в той же казарме, в которой помещались и другие охранники, но у него была отдельная маленькая комнатка, так как он был разводящим. В городе я навещала мужа четыре раза: останавливалась и жила я в отведенной мужу комнате. Из наших сысертских рабочих, служивших в команде, я могу назвать следующих: два брата Стрекотины (старший — Андрей и младший — Алексей), отец и сын Старковы (Иван Петрович и Иван Иванович), Николай Садчиков, Котов (имени его не знаю), Егор Столов, Константин Степанович Добрынин, Николай Зайцев, Сафонов «Файка» (а настоящее имя его не знаю), Иван Талапов, Катетов Иван, Турыгин Семен, Русаков

¹ Дутов Александр Ильич (1879—1921) — участник 1-й Мировой войны. В июне 1917 г. избран Председателем Совета Всероссийского союза казачьих войск. После Октября начал вооруженную борьбу против большевиков. Депутат Всероссийского учредительного собрания. В 1918—1919 гг. — главный начальник Южно-Уральского края. В марте 1920 г. ушел с остатками войск в Китай, в марте 1921 г. убит в г. Суйдин.

(имени не знаю). Других не припомню. Вы спрашиваете меня про Михаила Летемина — и я вспомнила, что он тоже служил в команде по охране Царской семьи. Про службу с мужем я разговаривала мало, больше толковали о своих домашних делах, и потому я ничего не могу Вам сказать о том, как жила Царская семья в Ипатьевском доме.

Последний раз я приехала к мужу в город в первых числах июля с./г. (считая по старому стилю). Время я высчитываю вот как: 22 июля я бываю именинницей, после моих именин, на четвертый день, меня арестовали и увезли в город, т. е. это произошло 26 июля, до дня ареста со дня возвращения моего домой из Екатеринбурга я прожила дома три недели. К мужу своему я явилась по его сообщению, переданному мне по телефону. Пошла я пешком вместе с женой Егора Столова — Марией Тимофеевной Столовой. От Сысерти до Екатеринбурга 45 верст. Вышли мы из дому в 2 часа ночи и пришли в город к 1 часу дня. Придя в казарму, я мужа здесь не застала: он ходил куда-то к начальству. Дожидаясь мужа, я обратила внимание на то, что дом, в котором содержался Царь с семьей, оставлен почти без охраны: всего только на двух постах были дежурные, остальные же посты были свободны. Заинтересовавшись этим, я спросила: «Почему постов-то мало занято, где Государь у вас?» На это один из служащих в команде (Иван Ив. Старков) отвечал: «Увезли». Кто и куда увез, я не спросила. Служившие в команде говорили тогда, что их теперь будут отправлять на фронт. Вскоре пришел муж и объяснил, что команду велено отправить не на фронт, а на вокзал ст. Екатеринбург I, где и будут жить до сдачи города. Оставшись наедине со мной, муж объяснил мне, что несколько дней тому назад Царь, Царица, Наследник, все княжны и слуги Царской семьи, всего 12 человек, убиты. Подробности убийства в этот раз муж мой не передавал. Вечером муж отправил команду на вокзал, а на другой день мы с ним уехали домой, так как начальство уволило его в отпуск на два дня, для раздачи денег семьям красногвардейцев.

Уже дома Павел Медведев рассказал мне несколько подробнее о том, как было совершено убийство Царя и его семьи.

По словам Павла, ночью часа в 2 ему велено было разбудить Государя, Государыню, всех царских детей, приближенных и слуг. Павел послал для этого Константина Степановича Добрынина. Все разбуженные встали, умылись, оделись и были сведены в нижний этаж, где их поместили в одну комнату. Здесь вычитали им бумагу, в которой было сказано: «Революция погибает, должны погибнуть и Вы». После этого в них начали стрелять и всех до одного убили. Стрелял и мой муж¹. Он говорил, что из сысертских принимал участие в расстреле только один он, остальные же были не «наши», т. е. не нашего завода, а русские или не русские — этого мне объяснено не было. Стрелявших было тоже 12 человек. Стреляли не из ружей, а из револьверов: так, по крайней мере, объяснял мне муж. Убитых увезли далеко в лес и бросили в ямы какие-то, но в какой местности, ничего этого муж мне не объяснил, а я не спросила.

Рассказывал мне муж все это совершенно спокойно. За последнее время он стал непослушный, никого не признавал и как будто свою семью перестал жалеть. Прожив дома два дня, муж уехал в город, и с тех пор я никаких сведений о нем не имела и не имею. Говорят, что он находился вместе с комиссаром Мрачковским. Из вещей, отобранных у меня, саквояж привез с собой мой муж, сказав, что эту вещь ему дал комендант. В саквояже были какие-то вещицы. Два серебряных кольца с какими-то надписями муж прислал мне из города с Елизаветой Зайцевой, женой Николая Зайцева. После занятия города Екатеринбург чехами и казаками большинство рабочих Сысертского завода ушло с красной армией. Из рабочих, бывших в охране дома Ипатьева, большинство ушло с остальными красноармейцами, некоторые разбежались, и я не знаю, остался ли дома хоть один. До убийства Государя я от мужа не слышала никаких намеков на то, как поступят с Царем и его семьей в случае приближения чехов к Екатеринбургу. Повторяю, что при свиданиях с мужем я не расспрашивала его о его служебных делах, да это и дело не моего ума. Припоминаю, что

¹ П. Медведев отрицал это.

последний раз я пришла к мужу в пятницу, а уехали мы с ним домой в субботу. Дома муж пробыл до понедельника, а в понедельник утром уехал в город. Впоследствии от Елизаветы Зайцевой я слышала, что муж приехал в город в «веселом виде».

Более по делу показать ничего не имею. Протокол мне прочитан.

Мария Медведева,
неграмотная, а за нее, по ее доверию и просьбе, расписался
Игорь Владимирович Богословский

Член Екатеринбургского окружного суда *Ив. Сергеев*
При допросе присутствовал товарищ прокурора *Н. Остроумов*

ПРОТОКОЛ

18 ноября 1918 года нижепоименованный допрошенный в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд. показал:

Я, *Афанасий Кириллов Елькин*, 42 лет, крестьянин села М. Брусян, Логиновской волости, Екатеринбургского уезда. Православный, грамотный, не судился, живу в Екатеринбурге, по Луговой ул. в д. № 64.

Я Вам показал, что я не судился, разумея под этим, что не находился под судом в учреждениях, существовавших до большевистской власти, а при большевиках я был отдан на суд «революционного трибунала» по обвинению в контрреволюционной агитации против советской власти. Трибунал приговорил меня к тюремному заключению на шесть месяцев; суд состоялся 23/10 февраля с.г. В тюрьме я выполнял различные работы и, наконец, в конце мая месяца меня стали посылать на тюремных лошадях в качестве кучера при поездках по городу различных комиссаров. Приходилось мне ездить и с Юровским, назначенным впоследствии на должность комен-

данта «Дома особого назначения», в котором был заключен б. Государь со своей семьей. Последний раз я подал Юровскому лошадь в пятницу, 19-го июля с.г., к дому Ипатьева. Караульные были на своих местах. Обычным порядком, через часовых дали знать Юровскому, что лошадь для него подана; часов в 11 дня я повез Юровского в помещение, принадлежавшее ранее Волжско-Камскому банку и занятое Областным Советом; пробыв здесь около четверти часа, Юровский вышел из помещения вместе с каким-то человеком высокого роста, лет 35 на вид, с русыми волосами, горбоносый; бороду этот человек брил, а носил лишь короткие усы. Мне сдается, по некоторым приметам, что человек этот последнее время служил комиссаром в Окружном Суде после бегства комиссара Зайда. Только что мы отъехали, как у меня распряглась лошадь; пока я возился с запряжкой, спутник Юровского вылез из коляски и ушел пешком; куда он направился — не знаю, но хорошо слышал, что Юровский на прощанье сказал ему: «Оставайтесь здесь и работайте как следует». Думаю, что если бы я увидел этого человека, то мог бы его признать. Расставшись с упомянутым блондином, Юровский приказал ехать на 1-ую Береговую улицу, где была его квартира; зайдя на короткое время к себе на квартиру, Юровский приказал ехать в дом Ипатьева и, зайдя в дом, велел мне ждать его; посланный Юровским красноармеец велел мне ехать во двор дома Попова, где помещалась команда, охранявшая Ипатьевский дом. В 12-ом часу ночи, по приказанию Юровского, я подал лошадь к Американской гостинице и привез оттуда к дому Ипатьева двух молодых людей; один из них по виду был еврей. Вскоре из дома вышли те же самые молодые люди и с помощью старшего красноармейца (как его звали — не знаю) вынесли и положили ко мне в экипаж семь мест багажа; на одном из них, представлявшем из себя средних размеров чемодан черной кожи, была сургучная печать. После этого вышел из дома Юровский и, садясь в экипаж, сказал молодым людям: «Приведите все в порядок, охраны оставьте 12 человек, а остальных отправьте на вокзал». От Ипатьевского дома я повез Юровского в дом Главного На-

чальника Уральских заводов¹; здесь уже были готовы к отъезду разные комиссары. Один из этих комиссаров, по имени Петр Лазаревич², при мне прощался со сторожами за «ручку». От дома Главного Начальника двинулся поезд на пяти лошадях. Петр Лазаревич по дороге заехал к себе на квартиру в дом рядом с Лабораторией (по Клубной ул.), а Юровский, не вылезая из экипажа, ждал его у подъезда. Через несколько минут Петр Лазаревич вышел из дому и поехал вперед нас, а я повез Юровского к Американской гостинице; Юровский забежал на короткое время в помещение. Через несколько минут к гостинице подъехали комиссары Голощекин и Сафаров и также зашли в гостиницу. Юровский же вскоре вышел из гостиницы и велел мне ехать на Екатеринбург II. Красноармейцы вынесли на станцию багаж, и Юровский велел мне ехать домой. Более я никого из комиссаров не видел. Никаких разговоров с комиссарами у меня не было. О судьбе б. Императора Николая II и членов его Семьи я также ничего ни от кого не слышал и знаю об убийстве Государя только из газет и объявлений.

Протокол мне прочитан. Записано правильно.

Афанасий Кириллов Елькин

Член Екатеринбург. Окр. Суда *Ив. Сергеев*.

(Зачеркнуто: «лошадей»)

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Н. Соколов

¹ Дом гл. начальника Уральских заводов занимал П.Л. Войков.

² Войков Петр Лазаревич (1888–1927) — жил в эмиграции, окончил Женевский университет, по специальности — химик. С осени 1917 г. на Урале, в Екатеринбурге. С октября 1917 г. — комиссар продовольствия. Входил в «тройку» по делу о судьбе царской семьи. Присутствовал при расстреле и захоронении останков. Позже — в Москве на партийной и государственной работе. С 1924 г. — полномочный представитель СССР в Польше. Убит в 1927 г. в Варшаве 19-летним учащимся Русской гимназии Б.С. Ковердой.

ПРОТОКОЛ

30 ноября 1918 года, в городе Екатеринбурге, Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 статьи уст. угол. суда и он показал:

Я, *Николай Николаевич Ипатьев*, 50 лет, капитан инженерных войск в отставке, православный, не судился, живу в городе Екатеринбург, по Вознесенскому проспекту, в собственном доме, купленном мною в 1918 году у И.Г. Шаравьева¹. Верхний этаж дома занимал я сам, а нижний — в последнее время был сдан мною для помещения конторы, агентства по черным металлам. Владение мое домом до конца апреля с.г. никем не нарушалось, а 27-го апреля ко мне явился комиссар Жилинский (имени и отчества его не знаю) и, объявив, что дом мой будет занят для надобностей совета, предупредил меня о необходимости очистить весь дом к 29 апреля. Услышав такое распоряжение, моя жена спросила, между прочим, Жилинского, будет ли нам гарантирована целостность тех вещей, которые нами будут оставлены в квартире; Жилинский ответил на это, что в нашем доме будут жить такие люди, которые вещей не испортят. 28-го апреля 1918 года мне вручен был приказ Жилищного Комиссариата от 27 апреля 1918 г. за № 2778 очистить занимаемый мною дом к 3 часам дня 29 апреля; приказ этот находится у меня, и я его вам представляю (свидетелем представлен к делу приказ № 2778). Ввиду категоричности требований и краткости срока, данного мне на очистку дома, я увез из квартиры лишь самую небольшую часть принадлежавшего мне имущества. Все оставленное мною в доме имущество было описано советской комиссией в составе Товарища Председателя Екатеринбургского Исполнительного Комитета Совета Раб. и Кр. Деп. Загвоздкина (имени и отчества его не знаю, но мне известно, что ранее он служил техником на электрической

¹ Ипатьев купил дом в 1908 г.

станции) и Члена того же Исп. Комитета Павла Михайловича Быкова. Опись имущества, составленная названной комиссией, за подписями Загвоздкина и Быкова была выдана мне в подлиннике, и я ее Вам сейчас представляю (свидетелем представлена к делу опись). В верхнем этаже дома помещавшийся в кабинете книжный шкаф был заперт мною на ключ; заперта была также и посуда в среднем отделении помещавшегося в столовой буфета. В нижнем этаже дома, в кладовой, смежной с той комнатой, которая на полу и на стенах носит следы выстрелов, мною были сложены ковры и другое домашнее имущество; кладовая эта также была заперта мною. Ключи от запертых помещений оставлены были при мне, а сами помещения Члены Комиссии опечатали Советской печатью. Относительно надворных построек мне было сказано, что нужды в них нет, и потому ключи от них также были оставлены при мне; в каретнике у меня была сложена кухонная и столовая посуда и сундуки с платьем и бельем. Через некоторое время Председатель Исп. Комитета Чуцкаев потребовал от меня ключи от всех запертых помещений, чтобы проверить, что в них находится и, по осмотре помещений, наложил на них печати. Днем 29 апреля в мой дом были доставлены б. Император Николай Александрович с супругой и одной из дочерей (кажется, Марией Николаевной); о приезде Государя я узнал от одного из своих соседей. Приблизительно через месяц от меня потребовали ключ от каретника для помещения Царских вещей; я видел сам, что имущество было привезено на 28 подводах. Об условиях жизни Государя и его Семьи в моем доме я ничего не знаю, так как вскоре уехал из города в с. Курьинское, откуда вернулся в город лишь в августе месяце. 22-го июля я получил от моей *belle soeur*¹ Евгении Федоровны Поппель условную телеграмму: «жилец уехал», означавшую, что дом мой свободен. За несколько дней до занятия Екатеринбурга чехословацкими и казачьими отрядами мой дом был передан во владение мне, а ключи от дома были вручены вышеупомянутой родственницей

¹ Кузина.

моей Е.Ф. Поппель, которая и вошла в него прежде меня. О том, какая судьба постигла б. Государя и его Семью — лично мне ничего не известно и более по настоящему делу я показать ничего не имею.

Протокол прочитан.
Капитан в отставке *Николай Николаевич Ипатьев*
Член Суда *Ив. Сергеев*

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПРОТОКОЛ осмотра вещественных доказательств

30 ноября 1918 года, в городе Екатеринбурге, Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев при нижеподписанных понятых производил осмотр документов представленных к делу свидетелем Н.Н. Ипатьевым.

По осмотру оказалось:

1) Напечатанное на пишущей машинке синей краской, на восьмушке белой бумаги предложение Жилищного Комиссариата от 27 апреля 1918 года за № 2778 на имя Н.Н. Ипатьева; в левом верхнем углу имеется синего цвета оттиск мастичного штампа «*Российская Федеративная Советская Республика Екатеринбургский Совет Рабочих и Солдат. Депутатов. Жилищный Комиссариат*». Текст этого предложения дословно следующий:

Гражданину Николаю Николаевичу Ипатьеву. Вознесенский пр[оспект], с[обственный] д[ом]

Вследствие распоряжения Исполнительного Комитета Екатеринбургского Совета Р. и Арм. Депутатов, предлагаю Вам в течение 48-ми час. (срок следует исчислять с 3-х ч. дня сегодня) освободить занимаемый Вами по Вознесенскому проспекту дом, имея при этом в виду, что в означенном доме не должно оставаться ни одного человека. Дом отводится для одного из советских учреждений и с 3-х час. дня 29-го сего апреля поступает в полное распоряжение Совета.

Если Вами не будет подыскана для себя квартира в семьях Ваших знакомых, то Жилищным Комиссариатом Вам будет отведено соответствующее количество номеров по составу Вашей семьи и живущих в доме в одной из местных гостиниц. Неисполнение сего повлечет за собой крайние меры.

Жилищный Комиссар Е. Коковин

(Подпись «Е. Коковин» сделана черными чернилами)

ПРОТОКОЛ

5 декабря (22 ноября) 1918 года, в гор. Екатеринбурге, Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюд. 443 ст. уст. угол. суд. И он показал:

Михаил Владимирович Томашевский. Коллежский асессор из дворян Воронежской губернии, 31 год. Православный. Под судом не был. Посторонний участвующим в деле лицам. Проживаю в городе Екатеринбург по Александровскому проспекту в д. № 16.

Содержание 443 ст. уст. угол. суд. мне известно. Показание записываю собственноручно. С 22 мая с.г., находясь в городе Екатеринбурге и интересуясь судьбой Царственной Семьи, заключенной в доме Ипатьева, я получал сведения об образе ее жизни и тех условиях существования, в которых она на-

ходила. В начале июня с.г. — после событий в Челябинске — я получил сведение, что большевиками решено, в случае необходимости эвакуации Екатеринбурга, убить или всех, заключенных в доме Ипатьева, или лишь троих из них, а именно Отрекшегося Императора, Супругу его и Сына. Это сведение впервые сообщил мне Член Исполнительного Комитета Уездного Совдепа, Уездный Комиссар Финансов Николай Кузьмин Чуфаров, выразившийся, дословно, так: «Если чехословаки идут освобождать Николая, то они ошибутся в расчетах: нами решено расстрелять Николая, но в руки контрреволюционеров не отдавать». Следует заметить, что Чуфаров, как представитель партии, нес дежурства при окарауливании заключенных в Ипатьевском доме, кроме того играл видную роль в большевистских кругах и компетентность его в намерениях большевиков была для меня очевидна. Поспешив тем не менее проверить слова Чуфарова, я получил подтверждение таких намерений большевиков от некоего Григория Тихонова Агафонова, служившего секретарем в Уездном Комиссариате Юстиции и (в настоящее время проживает в Екатеринбурге по Васнецовской ул. в д. № 116 в квартире врача Федорова). Этот Агафонов, чиновник Пермской Казенной (или Контрольной) Палаты, уволенный большевиками «За неподчинение советской власти» от прежней должности — личность довольно бледная, вполне беспартийная, — был особенно полезен мне в смысле получения сведений; так как шурином его состоял едва ли не Начальником стражи заключенных и делился с Агафоновым своими впечатлениями. Затрудняюсь назвать фамилию этого шурина, мне помнится, Агафонов называл его Авдеевым; во всяком случае он часто поминал эту фамилию, но называл ли он его своего шурина — Начальника стражи или другое лицо, имевшее отношение к окарауливанию заключенных, не могу сказать точно. Неполноту моего показания в данном вопросе следует отнести к тому, что Агафопова опрашивать я мог только вскользь. Тем не менее мелких подробностей Агафонов сообщал мне достаточно и сообщения его следовало считать достоверными, если принять во внимание источник, из коего он их

получал. Обстоятельства привели к скорбному концу, к чему и перехожу. Часов в 9 (по советскому исчислению времени — 11) утра 17 июля нов. ст., когда я находился в Юридическом Отделе уездного Комиссариата Юстиции, там же находившийся Агафонов вышел в коридор; вскоре туда по какой-то надобности вышел и я. Агафопова я увидел разговаривавшим шепотом с неизвестною мне молодой женщиной. Кончив с ней разговор Агафонов, крайне взволнованный подошел ко мне уже возвратившемуся за свой письменный стол и прерывающимся голосом сказал: «Какой ужас. Они убили всех...» На мои расспросы он объяснил, что дама, с которой он только что разговаривал — его жена, — сообщила ему, что к ней только что приходил вне себя от потрясения, рыдающий их родственник (начальник стражи), о коем помянуто выше. По словам этого человека, он был очевидцем убийства, совершенного при следующей обстановке: 1 (3) часа ночи находившийся в Ипатьевском доме (или прибывший туда) отряд латышей, заменивший прежнюю стражу, набранную из жителей Сысертского завода, получил предписание Юровского (мне помнится, Агафонов говорил «записку») расстрелять всех заключенных. Отрекшийся Император, его жена, сын, дочери и фрейлина были вызваны из спален под предлогом немедленной эвакуации из Екатеринбурга. Когда все они вышли к латышам, им объявили, что все немедленно будут расстреляны. По словам рассказчика, при этом известии все «позеленели». Раздались беспорядочные выстрелы; Государь и Великий Князь Алексей Николаевич были убиты сразу, упали первыми, в остальных же стреляли многократно и кололи штыками; фрейлина металась по тому помещению, где производилось убийство, прикрываясь подушками; она получила будто бы (32) раны. Сопоставляя такие данные, я тогда пришел к выводу, что убийство совершено в жилом помещении, я и имею в виду упоминание о подушках. Впоследствии эта часть рассказа Агафопова (касательно подробностей убийства фрейлины) была для меня несколько сомнительна; мне непонятно, кто так тщательно и для чего считал раны на ее теле и о какой фрейлине рассказывалось — по сведениям, опуб-

ликованным большевиками, состоявшая при Царственной Семье фрейлина гр. Гендрикова (вернее, статс-дама) расстреляна в Перми и не летом, а осенью с.г. Продолжаю передачу рассказа Агафонова: когда все избиваемые упали, начался осмотр, не остался ли кто-нибудь жив. Великая Княжна Анастасия Николаевна оказалась лежавшей в обмороке, кажется, даже совсем не раненной или раненной легко; когда до нее дотронулись, она пришла в себя и «страшно завизжала» (слова рассказчика) — ее добили прикладами. Установив смерть всех, приступили к уборке трупов, которые были вывезены в закрытом автомобиле и где-то погребены. Помещение, в котором происходило избиение, спешно привели в порядок; стараясь, главным образом, скрыть следы крови, которую по буквальному выражению рассказчика «мели метлами». К 3 (6) часам утра все в этом отношении было закончено. Мне, Томашевскому, неизвестно место погребения убитых, я не могу принять на себя обязательства довести о нем до сведения властей, если оно станет мне известным: тела замученных республиканцами узников Ипатьевского дома не могут при моем содействии быть переданными в распоряжение республиканских властей. По словам Агафонова, наружные караулы при этом доме предполагалось оставить на несколько дней, чтобы проходящая мимо публика была уверена, что заключенные еще находятся в нем. Однако, вечером 17 июля, отправившись к дому Ипатьева, я обратил внимание на то, что дом не освещен, тогда как ранее замечал в нем освещение ежедневно. В правдивости рассказа Агафонова, по крайней мере в сущности его, я не могу сомневаться во-первых потому, что видел тогда Агафонова необычайно взволнованным, а во-вторых потому, что кончив свой рассказ, он как бы спохватился и стал упрашивать меня не делать слышанному огласки, так как, по мнению Агафонова, его шурина также могут поставить в вину даже то обстоятельство, что он был очевидцем злодеяния. Я не мог исполнить просьбы Агафонова, так как преступность такого недонесения была для меня очевидна, потому, приняв меры к сохранению полученных сведений на случай возможных случайностей со мной, при первой

же возможности сообщил их двум районным комендантам капитанам Новицкому и кн. Кугушеву, а в августе месяце также и Прокурору Екатеринбургского Окружного Суда. 18 июля Агафонов дополнил свой рассказ сообщением, что через несколько дней большевики опубликуют расстрел отрекшегося Императора, относительно же остальных членов Его Семьи ложно сообщат во всеобщее сведение, будто бы они эвакуированы. Как известно, числа 21 июля по Екатеринбургу было расклеено объявление в таком именно смысле и составленное, хотя не помню упоминалось ли об эвакуации остальных в этом объявлении или же в газетном. Еще говорил мне Агафонов, что из всех заключенных в доме Ипатьева оставлен в живых лишь мальчик, помощник повара или сын его; этого будто бы «пожалели» по его малолетству. От Агафопова же слышал я, будто бы в подушках, находившихся в доме Ипатьева, большевиками найдено много денег и ценных вещей. Следственные власти могут ожидать от меня и в дальнейшем сообщения по сему делу всевозможного рода сведений, которые только могут быть у меня и посильного содействия мной к установлению личности всех причастных к совершенному преступлению, однако же предусматривая все случайности, я выражаю надежду, что ни при каких условиях сведения, мною данные, не попадут в распоряжение большевиков.

Томашевский

Член Окружного Суда *Ив. Сергеев*

Протокол продолжен 6 декабря (23 ноября) 1918 года, причем нижепоименованный допрошенный в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд. показал:

Я, *Григорий Тихонович Агафонов*, 28 лет, помощник столоначальника Пермской Казенной Палаты, правосл. Окончил курс высшего городского училища, живу в Екатеринбурге по Васнецовской ул., в д. № 116.

До большевистского переворота я жил в Перми, состоя на службе в Казенной Палате. Чины Пермской Казенной Палаты (а в их числе — и я) не пожелали служить при власти большевиков, и все служащие были уволены от должностей. После этого первые четыре месяца, оставаясь без всякой работы, я жил на скудные средства, выручаемые от продажи вещей, и наконец дошел почти до полной нищеты. В Екатеринбурге в то время жил брат моей жены Капитолины Александровны Анатолий Александрович Якимов, рабочий Злоказовской фабрики, состоявший в то же время и в рядах красной армии. Имея знакомства и связи в среде служащих в Советских учреждениях, Якимов написал моей жене письмо, в котором предложил мне принять должность секретаря в уездном комиссариате Юстиции. Под давлением нужды я согласился принять это предложение и 26/13 апреля приехал с женой в Екатеринбург. Уездным Комиссаром Юстиции был тогда некто Маленкин (имени и отчества его не знаю), а Юридическим Отделом заведывал бывший Судебный Следователь Томашевский. С шурином Анатолием Якимовым никаких близких отношений у меня не было: до приезда своего в Екатеринбург я его видел только один раз; в Екатеринбурге же он у меня бывал иногда в качестве родственника. Приблизительно в половине июня с.г. шурин мой поступил на службу в команду при «доме особого назначения»; так назывался отряд красноармейцев, охранявших дом Ипатьева, в котором был заключен б. Император Николай Александрович со своей семьей. Какую именно должность занимал Якимов в команде — я не знаю, но мне известно, что на дежурство на внешних он не назначался. Хотя и жил в казарме (дом Попова); кажется, он был разводящим. Комендантом дома особого назначения был Авдеев, также из рабочих Злоказовской фабрики, а последние полторы недели Авдеев был смещен и его место занял Юровский. Хорошо помню, что утром 17 июля ко мне в комиссариат пришла жена в крайне взволнованном состоянии со слезами на глазах сообщила мне по секрету: «Сейчас Анатолий сказал мне, что сегодняшней ночью расстрелян б. Император со всей его семьей,

доктор Боткин, фрейлина и еще кто-то». Передав мне об этом, жена просила меня никому о случившемся не говорить, так как брат пригрозил ей, что если она выдаст тайну, то может подвергнуться расстрелу. Тем не менее я по секрету же сообщил о полученных от жены сведениях заведующему отделом Томашевскому. Придя со службы домой, я подробнее расспросил жену, и она мне рассказала со слов своего брата следующее: «В три часа ночи (по солнечному времени — в 1 ч. ночи) б. Царя и Его Семью разбудили, сказав им, что дом окружен толпой, готовящейся их освободить, привели всех заключенных в нижний этаж дома; здесь им объявили, что их родственники пытались их освободить, а потому по постановлению Областного Совета они должны быть расстреляны; тотчас же после этих слов раздался залп; Государь, Государыня и Наследник были убиты сразу; женщина, которую называли фрейлиной Вырубовой, защищалась подушкой. По окончании расстрела одна из Царских дочерей (кто именно — не указывалось) оказалась живой и ей размозжили голову прикладом. К этому жена добавила, что по словам брата Анатолия, после убийства в теле «фрейлины» оказались 32 пулевых раны; царская дочь, которую добили прикладом, по выражению Анатолия, «дико завизжала». Кроме Членов Царской Семьи были тогда же расстреляны доктор Боткин, повар и еще кто-то из слуг. Всех убитых перенесли в закрытые автомобили и увезли в лес, но в каком направлении и куда дели трупы — этого шурин не объяснил. Жена далее говорила мне, что на месте злодеяния была такая масса крови, что ее «заметали метлой», пол был замыв и вообще все следы преступления были уничтожены. Из всех находившихся в доме Ипатьева лиц оставлены были в живых только два человека: камердинер, которого увезли в Пермь, и мальчик, прислуживавший на кухне; мальчик этот был переведен в казарму, где жили красноармейцы. Часу в 6-ом вечера в тот же день Якимов пришел к нам проститься; вид его меня прямо поразил: лицо осунувшееся, зрачки расширены, нижняя губа во время разговора трясется; взглянув на шурина, я без слов убедился в правдивости всего того, что мне передала

с его слов жена: ясно было, что Анатолий за минувшую ночь пережил и перечувствовал что-то ужасное, потрясающее. Будучи связан обещанием жены держать все в секрете, я не посмел предлагать шурина вопросов о событиях минувшей ночи. Я только позволил себе спросить: «Ну, что, как дела» — «Все кончено», — ответил Анатолий. В тот же день Анатолий уехал на вокзал, и я его более не видел. Где он находится в настоящее время — не знаю. Дня через 2—3 после того, как шурина сообщил моей жене о расстреле Царской Семьи, комиссар Голощекин объявил на митинге о расстреле Царя, а затем появились и печатные объявления о том же. Помню, что приблизительно за неделю до убийства Государя я, между прочим, спрашивал шурина, как поступят с Царем, если придут чехословаки; на это шурина мне сказал: «Вероятно, их расстреляют»; «Как, всех?» — спросил я. «Нет, не всех, а троих-то, наверное, и расстреляют: Государя, Государыню и Наследника». К показанию своему я могу еще добавить, что по словам шурина в подушках, принадлежавших членам Царской Семьи, были найдены пачки крупных кредитных билетов и бриллианты. Более показать ничего не имею.

Прочитано. Григорий Тихонович Агафонов

Член Суда Ив. Сергеев

Г. прокурору Екатеринбургского окружного суда.
от Товарища прокурора
Екатеринбургского окружного суда Н.Н. Магницкого

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Вследствие личного предложения доношу Вашему высочородию: в начале августа сего года мне было предложено исполняющим обязанности прокурора товарищем прокурора Кутузовым наблюдать за производством дознания по делу об убийстве Государя Императора Николая II.

Ознакомившись с этим делом, я пришел к заключению, что производство дознания по нему распадается на две части, а именно: расследование и выяснение лиц, убивших Императора и его семью, и розыски их трупов.

Ввиду того, что к наблюдению за дознанием, кроме меня, был еще прикомандирован другой товарищ прокурора, я, с разрешения прокурора¹, взял на себя наблюдение за второй частью дознания — за розыском трупов, не теряя связи с первой частью и знакомясь с данными, добытыми вне моего наблюдения.

К моменту моего вступления в дело уже было предположение, что трупы Царской семьи и самого Государя Императора находятся в 14 верстах от города Екатеринбурга в лесу, в шахтах, расположенных неподалеку от дороги на деревню Коптяки. Предположение это возникло отчасти по показаниям свидетелей, а отчасти потому, что жителями деревни Коптяков около упомянутых шахт найдены были два костра, в которых сохранились остатки от сожженных царских вещей, подробно перечисленных в протоколе осмотра. Костры эти находились в так называемом урочище «Четыре Брата», около старых рудничных разработок, именуемых «Ганин рудник». Около ко-

¹ Остроумов Николай Иванович.

стров обнаружена была шахта, заброшенная ветками, причем при поверхностном ее осмотре, а детального произвести было невозможно, ибо шахта эта была наполнена водою глубиной до 28 аршин, найдены были осколки брошенных туда бомб и лопата, вымазанная свежей глиной. На эту-то шахту и было обращено главное внимание, ибо, как я уже изложил выше, из показаний свидетелей устанавливалось, что трупы Государя Императора и его семьи были отвезены в лес и брошены в шахты. Еще до моего вступления в дело там же начаты были работы под наблюдением штабс-капитана Андрея Андреевича Шереметевского. Работы эти заключались, главным образом, в откачке воды из шахты.

Первое, что я сделал по этому делу, — это поехал и осмотрел работы, причем зная, что работы эти идут уже около двух недель и что убыль воды в шахтах самая незначительная — несколько вершков в день, а при порче насосов — немедленное пополнение воды в шахте до прежнего уровня. Я, не будучи специалистом по горному делу, с разрешения прокурора Кутузова, пригласил помочь нам горного инженера, заведующего маркшейдерской частью при Горном управлении Валериана Сергеевича Котенева. Как раз перед нашей поездкой началось наступление большевицких войск на Екатеринбург. Рабочие из шахт сбежали, ибо место, где производилась работа, было в сфере боевых действий, а с прекращением работы, конечно, шахта немедленно наполнилась водою до первоначального уровня. По ликвидации наступления Котенев произвел детальный осмотр шахты, профиля местности и производящихся там работ, причем пришел к заключению: «Вся произведенная работа пока что бесплодна и шахту, при тех малых средствах водоотлива и отсутствия на месте кузницы, откачать не представляется возможным». Надо сказать, что в саженях 60 от залитой шахты находилось озерко, явившееся на месте старой рудничной разработки, и тогда же возникла мысль, что озерко это по штрекам и штольням и питает шахту водою, а потому откачать шахту без одновременной откачки озера невозможно, и вся работа будет непроизводительна.

По возвращении в город Екатеринбург мною было созвано совещание, состоящее из двух горных инженеров, вышеупомянутого Котенева и Кузнецова, заведующего механической частью чугунно-плавильного Верх-Исетского завода Соловьева, командированного от военного ведомства капитана Ярцева и наблюдающего за работами, вместо выбывшего на фронт штабс-капитана Шереметевского, его родного брата Александра Андреевича Шереметевского. После того как Котенев познакомил всех с результатами осмотра, мною было предложено высказаться инженерам, что надо сделать, чтобы так или иначе, а шахту откачать хотя бы в недельный срок. По обмену мнений было решено: шахту можно откачать лишь при наличии хороших водоотливных средств, причем тут же, как необходимое условие, ставилась полная откачка озера. По подсчету, прибыль воды в шахту равнялась от 200 до 300 ведер в час, каковое количество максимум могли брать поставленные там насосы, а при порче хоть одного из насосов, которые для исправления посылали в город, вода становилась на прежний уровень. Надо немедленно было найти водоотливное средство для шахты и для озера. Должен сказать, что в то время в городе как со стороны должностных, так и частных лиц сочувствия по этому делу не встречалось, и только благодаря энергии начальника гарнизона генерала Голицына, любезности Верх-Исетского заводууправления и труда добровольцев — я позволяю себе так выразиться — удалось кое-что сделать.

При помощи Котенева удалось кое-как, чуть не силой, добыть несколько старых, порченных, заржавевших, совершенно не действующих насосов Альвейлера. Новых в то время достать в городе не было возможности. Верх-Исетский завод в суточный срок отремонтировал эти насосы и отослал, вместе с походной кузницей, на место работы. К озерку тот же завод поставил паровую машину. И по прошествии 6 дней и шахта, и озерко были откачаны. Находившийся все время неотлучно при работах Александр Шереметевский подал мысль промыть на вашгерде весь ил из шахты и из озера, равно и нахо-

дящийся около шахты грунт, сняв его на пол-аршина. Таковая промывка и была произведена Шереметевским, который, работая в невозможных условиях, был единственным человеком, относящимся к делу серьезно и с любовью.

В то время около 10 дней шли дожди. Ночевка в лесу под дождем, в местности, находящейся невдалеке от происходящих боев (верст 20), подчас совершенно без горячей пищи — не ослабляли энергии этого человека, а я скажу — усиливали.

В особенности это ярко бросалось в глаза, когда человек, работающий безвозмездно, переносит лишения и не ропщет, и с другой стороны, я приведу пример: должностное лицо, ныне уже уволенный начальник Уголовного розыска Кирста, которому специально было поручено это дело, которому отпускали средства на ведение его, совершенно игнорировал эту часть дознания, и лишь с трудом пришлось привезти его на место работ, и он тут же, в разговоре со штабс-капитаном Шереметьевским, позволил себе возмущаться добровольцами, работающими по этому делу, а равно удивляться, для какой надобности военные власти командировали офицера, в котором, по его мнению, не было нужды.

Надо сказать, что командировка эта возникла так: натываясь всюду на препятствия, отчасти благодаря общей инертности к этому делу, отчасти из-за отсутствия средств, я возбудил перед исп. об. прокурора товарищем прокурора Кутузовым ходатайство об оказании мне содействия. Тотчас же Кутузов отвез меня к генералу Голицыну, изложил ему наше безысходное положение и просил помощи. Генерал Голицын тогда же распорядился для постоянного содействия командировать какого-либо офицера, каковым и явился капитан Ярцев, слушатель Академии Генерального штаба. С этой поры работать стало легче, ибо такие мелочи, как охрана для рабочих и военнопленных, теперь устраивались просто, а ранее на это уходила масса времени, а иногда так и бесплодно.

При промывке грунта найдены были пряжки от дамских подвязок, кусочек жемчуга от серьги Императрицы, пуго-

вицы и другие мелкие вещи, а на дне шахты, в иле, оказался отрубленный палец и верхняя вставная челюсть взрослого человека. По высказанному тогда же мнению придворного врача Деревенко, палец этот и челюсть принадлежат доктору Боткину. Итак, шахта нового, кроме вышесказанного, ничего не дала.

По всему же ходу дознания видно было, что именно тут же где-нибудь около шахты и закончилась та кровавая трагедия, расследованием которой мы занимались. Поэтому, посоветовавшись с прокурором, я решил обследовать всю близлежащую местность. Показаниями свидетелей удалось установить, что с 17 по 19 июля 1918 года так называемым «отрядом особого назначения» охранялось как раз то место, где находилась обследуемая нами шахта, охранялась местность эта на протяжении около двух квадратных верст. Никого туда не пропускали, ездили туда автомобили грузовики и красноармейцы, но что они там делали, не было известно. Границы охраняемого места удалось установить точно, а потому и было решено обследовать всю эту местность, именуемую урочище «Четыре Брата». В этом урочище когда-то, лет 10—12 тому назад, производилась добыча железной руды при помощи шахт. Когда разработку бросили, то шахты от времени частью обвалились, частью сохранились, как, например, та, которую мы обследовали, а частью остались в полуобрушенном состоянии. Всех старых шахт в этом урочище имеется до 60-ти. Благодаря дождям, которые были в конце июля и августе, все следы, которые могли бы остаться, конечно, оказались замытыми, ибо все шахты окружает глина, легко расплывающаяся при дождливой погоде. Таким образом каких-либо следов около шахт не было вероятия найти, могли лишь оказаться какие-нибудь случайные, на которые мы главным образом и рассчитывали.

Исследование таких полуразрушенных шахт сопряжено с большой опасностью, и поэтому для исследования пришлось организовать небольшой отряд, состоящий из специалистов горных работ — штейгеров и местных уроженцев Урала, по пре-

имуществу охотников, привыкших ходить по такого рода местам и сознающих опасность такого хождения. Мне удалось найти двух штейгеров, как раз ранее заведовавших разработкой этих шахт, и им-то я и поручил быть руководителями при осмотре.

В конце августа, под личным наблюдением и. д. прокурора Кутузова, этот отряд обошел все шахты, обследуя их по мере сил и возможности, но существенных результатов достигнуто не было. Это объясняется тем, что обследовать полужасыпанную шахту можно только при помощи «крепей», а на таковые у нас не было ни сил, ни средств. Отряд этот мог только сказать, по наружному виду, что ничего указывающего на то, что в эти шахты бросили трупы, — не найдено, а есть ли внутри ее что-либо — сказать нельзя. Не надо упускать из вида дождей, которые, конечно, наружные-то следы и смыли. Предположение, что из шахты, если там находятся трупы, будет запах — неосновательно, так как в большинстве шахт все лето есть лед и разложение трупов произойдет не скоро, а тем более в глинистой почве.

Признавая, что так или иначе место это все-таки обследовать надо, я решил сделать еще попытку, прибегнув к помощи имевшейся в городе Екатеринбурге организации бойскаутов и охотников-добровольцев. Тогда же, по приказанию генерала Голицына, в мое распоряжение было откомандировано 50 бой-скаутов под начальством капитана Березовского. В помощь им пошел летучий отряд Уголовного розыска и любители-охотники. Пройдя цепью всю местность, которая охранялась «отрядом особого назначения», удалось лишь найти одну винтовку и шинель. В этот же день я повторил обследование шахт, и опять безрезультатно.

Надо сказать, что все производимые нами обследования могли только при счастливой случайности дать хорошие результаты, но мы не отчаивались и искали, ибо другого выхода не было. Как я уже излагал, средств у нас не было, кругом инертность, а подчас даже и недовольство. При этих условиях производить обследование старых шахт — это значит иметь 3% на ус-

пех. Обратиться к воинским чинам мы не могли, ибо Екатеринбург в то время переживал тревожное время, ввиду происходивших неподалеку боев, и каждый солдат был на счету. Рабочую силу у нас составляли военнопленные, которые, находясь все время под землей в шахте, ибо откачку снаружи, по техническим соображениям, производить не представлялось возможным, выйдя наружу, не имели возможности обсушиться, ибо шли дожди, и даже было такое время, когда эти военнопленные в течение четырех дней, кроме хлеба и чая, ничего не видели. Охрана их состояла из 4—5 человек, а кругом бродили банды красноармейцев. Только благодаря Верх-Исетскому заводууправлению и самоотверженной деятельности Шереметевского была возможность продолжать работу.

Часто получались сведения, что там-то и там-то должны находиться трупы Царя и его семьи. Все эти сведения проверялись опять-таки по мере сил и средств. Так проверены были: «Мокрый лог», «Березовая избушка», «Старые шахты» и т. п. И нигде ничего найдено не было. Правда, в «Старых шахтах» нашли пять трупов, но все они принадлежали австрийцам. Чистосердечно скажу, что обследованная нами местность — не обследована, ибо, если мне зададут вопрос: «Где царские трупы?», я прямо скажу: «Я их не нашел, но они в урочище Четыре Брата¹.» Что могли сделать — сделали. Ведь это место, сплошь покрытое лесом и болотами с топкой почвой, надо обследовать не через мальчиков бойскаутов, к ним мы прибегли по нужде, а людьми взрослыми и подчас даже специалистами. У нас не было средств иметь таковых, а без них на успех имелось не более 3%. Ведь если сравнить картину убийств великих князей в городе Алапаевске с убийством Императора и его семьи, то невольно надо сказать, картина совершенно тождественна. Такие же шахты, такие же костры и такая же охрана местности. А разве найденный отрубленный палец и челюсть доктора Боткина, который был убит вместе с Царской семьей, не указы-

¹ Магницкий высказал правильное предположение о том, что останки находятся в урочище «Четыре брата».

вают на нахождение где-нибудь вблизи трупов. А серьги Государыни, а зашитый у нее в корсете бриллиант, а следы от сожженных в костре корсетов и прочей одежды. Вот все эти и еще масса других данных приводят меня к выводу, что искали мы именно там, где надо искать, и, ничего не находя, все-таки работали, ибо надеялись хотя бы на те 3%.

При наступлении холодов работу я прекратил, с твердой уверенностью, что настанет время, когда дадут и средства, и силы продолжать работу и тем самым откинут всякие сомнения и предположения.

30 декабря 1918 года. Город Екатеринбург

Товарищ прокурора *Н. Магницкий*

СПРАВКА

31 декабря за № 94 послано Прокурору Пермского Ок-
ружного Суда врученное под его личную расписку требова-
ние о наблюдении за появлением в Перми и ее окрестностей
деятелей Советской власти и в частности за появлением ко-
миссаров: Юровского, Голощекина, Белобородова, красноарм.
Медведева, Стрекотина, «партийных» Малышева, Костоусова
и др. значащихся по делу лиц и о снятии с них первоначаль-
ных показаний с уведомлением меня о том по телеграфу.

Член Суда *Ив. Сергеев.*
(Надписано: «съ»)

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

1919 год

Совершенно секретно.

ПРОТОКОЛ

11 января 1919 года. Я, начальник Екатеринбургского военного контроля, штабс-капитан Белоцерковский, производил опрос машиниста Пермской жел. дороги *Логинова Павла Ивановича*, проживающего в гор. Екатеринбурге на ст. Екатеринбург I, который показал:

Я был вынужден большевиками эвакуироваться при занятии Екатеринбурга чехами в направлении на Пермь, причем мне большей частью поручались, как машинисту высшего класса, ответственные поезда, а потому не один раз приходилось возить комиссаров. Все машинисты были эвакуированы на Пермь, и многие из них остались там, а в том числе и я. При ведении поездов к нам, машинистам, большею частью представлялись не менее двух красноармейцев, наблюдающих за нашей работой.

Однажды мне пришлось пооткровенничать с товарищем председателя Екатеринбургской Чрезвычайной следственной комиссии Сахаровым, который мне рассказал под большим секретом, что он был на заседании, решавшем вопрос о расстреле бывшего Царя и всей Царской фамилии. Этот же Сахаров рассказывал, что было решено расстрелять 14 человек, а в том числе и бывшего Царя. На пальце у Сахарова, во время моего с ним разговора, я заметил кольцо с бирюзой и спросил, откуда у него такое красивое кольцо, на что получил ответ, что оно английской работы, ибо снято с руки Анастасии Николаевны.

Разговаривая на эту тему с другим комиссаром, фамилии коего я не знаю, я слышал точно такую же версию о расстреле бывшего Царя и всей Царской фамилии, причем, насколько помню, он рассказывал мне даже некоторые детали, а именно: после того как был вынесен всей Царской семье

смертный приговор, было решено тотчас же всех их расстрелять, а потому команда красноармейцев при комиссаре Голощекине отправилась в дом Ипатьева и, так как прибывших было больше, чем предназначенных к расстрелу, то был брошен жребий, кто должен принимать непосредственное участие в расстреле. На расстрел бывшего Царя жребий пал комиссару Ермакову.

По прибытии в Ипатьевский дом была собрана вся Царская семья, и им было объявлено о состоявшемся постановлении Областного совдепа. На это объявление все присутствующие заплакали, кроме бывшего Царя. После объявления приговора приговоренным предложили приготовиться к расстрелу, на что бывший Царь ответил: «Я готов». Тотчас после этого Ермаков собственноручно убил бывшего Царя.

Этот же комиссар мне рассказывал, что трупы убитых вывезены в направлении ст. Богдановичи по Сибирскому тракту, где были вырыты две могилы, из которых одна была фиктивная, а другая действительная. Для того чтобы нельзя было откопать эту действительную могилу и разыскать там тела расстрелянных, тотчас после того, как эти тела были сложены, они были залиты цементом и известью, дабы представлять из себя в случае откопок общую глыбу. У Сахарова здесь в Екатеринбурге живет мать Татьяна Ивановна. Подписал: Павел Логинов.

Верно:

Начальник Екатеринбургского отделения
Военного контроля штабс-капитан *Белоцерковский*

ПРОТОКОЛ

15 января 1919 года в гор. Екатеринбурге Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд. И он показал:

Николай Николаевич Магницкий, 36 лет, православный, Товарищ Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда, живу в городе Екатеринбурге по Офицерской улице в доме № 24, не судился.

В августе месяце 1918 года исполняющим обязанности Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Товарищем Прокурора Кутузовым мне было поручено наблюдать за производством дознания об убийстве Государя Императора Николая II. Кроме меня¹, по этому делу вел наблюдение еще Товарищ Прокурора, и наша работа по взаимному соглашению была разделена — я наблюдал за розыском трупов, а он за обнаружением и выяснением лиц, совершивших преступление.

К моменту моего вступления в дело уже было предположение, что трупы Царской Семьи и Самого Государя Императора находятся в 14 верстах от города Екатеринбурга в лесу в шахтах, расположенных неподалеку от дороги на деревню Коптяки; предположение это возникло отчасти по показаниям свидетелей, а отчасти потому, что жителями деревни Коптяки около упомянутых шахт найдены были два костра, в которых сохранились остатки от сожженных царских вещей. Эти остатки, как мне известно, приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Костры находились в так называемом урочище «Четыре брата» около старых рудничных разработок, именуемых «Ганин рудник». Около костров обнаружена была шахта, забросанная ветками, при чем при поверхностном ее осмотре, а детально произвести было невозможно, ибо шахта эта была заполнена водой, глубиной до 28 аршин, найдены были

¹ Остроумов Николай Иванович.

осколки брошенных туда бомб и лопата, вымазанная глиной. На эту шахту и было обращено главное внимание, ибо, как я уже сказал выше, из показаний свидетелей устанавливалось, что трупы Государя Императора и его семьи были отвезены в лес и брошены в шахты. Еще до моего вступления в дело там уже начаты были работы под наблюдением штабс-капитана Андрея Андреевича Шереметевского. Работы эти заключались, главным образом, в откачке воды из шахты. Первое, что я сделал по этому делу, — это поехал и осмотрел работы, причем, зная, что работы эти уже идут около двух недель и что убыль воды в шахтах самая незначительная — несколько вершков в день, а при порче насосов вода поднимается до первоначального уровня, я, будучи специалистом горного дела, с разрешения исполняющего обязанности Прокурора Кутузова пригласил помочь нам горного инженера Котенева. Котенев, ознакомившись с производимыми работами, высчитал прибыль воды и сообразно этому повел откачку воды интенсивнее. В результате по прошествии 6 дней шахта была откачана, а равно откачано было при помощи паровой машины и близлежащее озерко, именуемое «Ганиной Ямой», которое, по предположению, подземными путями питало шахту водой. На дне шахты найден был человеческий палец и вставная верхняя челюсть взрослого человека. Палец этот и челюсть, по мнению придворного врача Деревенко принадлежали доктору Боткину, жившему с Царской Семьей. В то время за работами уже наблюдал вместо выбывшего на фронт штабс-капитана Шереметевского, его родной брат Александр Андреевич Шереметевский, по предложению которого был промыт на вашгерде ил из Ганиной Ямы и находившаяся кругом шахт и костров почва. Промывка эта ничего особенного не дала. Найдены были кое-какие мелочи вроде пряжек от дамских подвязок и тому подобное. На дне шахты кроме пальца и челюсти еще обнаружены осколки от бомб, часть серьги Государыни Императрицы и мелочи вроде разбитых с царской короной флаконов.

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

16 января 1919 года, в городе Екатеринбурге, Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Я, *Кенсорин Сергеевич Архипов*, 32-х лет, Екатеринбургский Городской Санитарный врач, православный, не судился, живу по Васнецовской ул., д. № 159.

В 1915 году я поступил на должность младшего ординатора местного военного лазарета; вскоре же в мое заведывание было передано хирургическое отделение; среди фельдшерских учеников местного лазарета находился, между прочим, и командированный из 698 Пермской пешей дружины солдат Яков Михайлович Юровский. По получении звания ротного фельдшера, Юровский был откомандирован в мое отделение и проявил себя как дельного, честного и добросовестного работника. Ранее я Юровского совершенно не знал и оценил его я как работника только по занятии им фельдшерской должности; он был достаточно развит и начитан, так что резко выделялся из среды своих товарищей по званию. На почве общей работы и вышеуказанных качеств Юровского у меня возникли с ним довольно хорошие отношения; бывал он в моем доме и в качестве гостя. За мое доброе отношение Юровский относился ко мне так же хорошо, и когда я заболел крупозным воспалением легких, он очень часто навещал меня за время моей болезни. В декабре 1916 года я покинул службу в лазарете и отправился на фронт; в Екатеринбург я окончательно вернулся только в апреле 1918 года и за этот период времени никаких сношений с Юровским не имел. По прибытии в Екатеринбург, я в мае месяце поступил на должность санитарного врача; Юровский уже занимал в это время должность, кажется, помощника комиссара юстиции. Ввиду расхождения моего в политических убеждениях со взглядами и деятель-

ностью большевиков, я уже ни в какие отношения с Юровским не вступал и виделся с ним всего раза три, да и то исключительно по делу: я хлопотал об освобождении арестованных — врача Онуфриева и присяжного поверенного Синелышкова. О судьбе б. Императора Николая II и членов Его Семьи я ни с Юровским, ни с кем-либо из других деятелей Советской власти разговоров не имел и ничего не знаю и не слышал о том, как, кем и при каких обстоятельствах было совершено убийство. Более по делу показать ничего не имею.

Прочитано. *Кенсарин Сергеевич Архипов*

Член Окружного Суда *Ив. Сергеев*

При допросе присутствовал Товарищ Прокурора *Н. Остроумов*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам *Н. Соколов*

ПРЕДПИСАНИЕ

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

И

ВЕРХОВНЫЙ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Совершенно секретно

Врид. Главнокомандующему

Западным Фронтом

Генерал Лейт. Дитерихс ¹

«17» января 1919 г.

№ 36

г. Омск

Приказываю Вам собрать и вывезти из городов района театра военных действий все, что имеется как в Правительст-

¹ Слова — «Врид» и «Генерал Лейт.» вписаны рукой Колчака. Оригинал хранится в ГА РФ. Ф.1837. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

венных Учреждениях, так и что окажется возможным найти у частных лиц, относящееся до членов бывшей Царской Семьи.

Все Правительственные и Общественные Учреждения сим обязуются выдать Вам как вещи, принадлежавшие бывшей Царской Семье, так и документы, относящиеся до следственного производства.

Адмирал Колчак

Адъютант старший лейтенант (подпись неразборчиво)

ПРЕДПИСАНИЕ

Министерство Юстиции
Прокурор Екатеринбургского
Окружного суда
19 января 1919 г.
№ 198
Екатеринбург

По делу об убийстве бывшего Государя Николая II¹
Г. начальнику уголовного розыска А.Ф. Кирсте

1) Предварительным следствием по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и Его Семьи устанавливается, что большинство охранников дома «особого назначения» были из рабочих Сысертского завода. В числе таковых, например, были Андрей и Алексей Стрекотины, Иван Петров и Иван Иванов Старковы, Николай Садчиков, Егор Столов, Константин Степанов Добрынин, Николай Зайцев, Сафронов,

¹ Заголовок — рукопись М.К. Дитерихса.

по прозвищу «Файка», Иван Таланов, Иван Котегов, Семен Турыгин и другие. По данным следствия, многие из числа охранников являются соучастниками по делу, а некоторые из них принимали и весьма видное и деятельное участие в преступлении. Ввиду сего является безусловно необходимым иметь в заводе Сысертском постоянного опытного агента уголовного розыска, который бы имел наблюдение, производя по сему делу розыски в заводе Сысертском.

2) При производстве осмотра дома Ипатьева в одной из комнат его оказались написанными на стенах следующие надписи: «Анучин военный комиссар 967, председатель Чудскаев, Жилинский 626, завед. 704, квар. Голощекин 977, 6 район Р.К.А. 551», «Гоголев. 38 Шейнбаум, Жилинский 677, 204, Бурдак. 305. 321». На одной из стен написано: «967, 278, 26, 904, 448, 409».

Необходимо установить дознанием, что означают эти цифры, и если они являются номерами телефонов, — то кому таковые принадлежали.

3) Из дознания, препровожденного Вами 5 сентября 1918 года за № 2039 члену суда Сергееву и позднее, видно, что целый ряд свидетелей утверждал о том, что бывший Император Николай II увезен, свидетельствуют, что видели поезд, в котором был увезен бывший Государь по направлению к Перми. Так, свидетель, парикмахер на ст. Екатеринбург I, Федор Иванов показал, что дня за два или накануне до объявления о расстреле бывшего Государя к нему в парикмахерскую пришел комиссар станции Гуляев и сказал, что «сегодня отправляем Николая II».

О том же на другой день он слышал от комиссара 4 штаба резерва Красной армии Кучерова. Далее, кондуктору Омской железной дороги Александру Самойлову красноармеец Александр Варакушев, передавая о решении увезти бывшего Государя Николая II на Пермь, показывал поезд, в котором он, якобы, был уже помещен. Поезд этот, состоявший из вагонов I и II класса, находился на 5 или 6 пути под особой охраной; в одном из вагонов окна были завешаны черной материей.

Сообщая об изложенном, предлагаю Вам закончить это дознание дальнейшим расследованием, т.е. путем опроса подлежащих агентов железной дороги, бывших на службе в период времени середины июля месяца, выяснить, действительно ли был такой поезд, проверить полученные сведения по станционным документам и книгам, а в случае, если сведения эти подтвердятся — выяснить маршрут этого поезда.

4) Безотлагательно опросить семью сторожа переездной будки по горнозаводской линии на пути из г. Екатеринбурга к дер. Коптяки. На глазах членов его семьи красноармейцами была оцеплена местность, где впоследствии были найдены около шахты и на дне последней предметы, принадлежащие Царской Семье. На их глазах, по негласным сведениям, проходили грузовые автомобили. Надлежит подробным опросом их выяснить, кто из комиссаров распоряжался в этой местности, что было перевозимо на автомобилях, в какой именно стороне таковые были сосредоточены, не проезжали ли автомобили с бочками бензина и какими-либо баллонами и т.п.¹

Прокурор *Иорданский*
Секретарь *Б. Богословский*

С подлинным верно.
Секретарь при прокуратуре Екатеринбургского окружного суда
Б. Богословский

¹ Распоряжение прокурора В.Ф. Иорданского будет выполнено Н.А. Соколовым. Лишь 10 июля 1919 г. следователь допросил отца и сына Лобухиных. Времени на следственные действия уже не было, т.к. Н.А. Соколов 11 июля 1919 г. получил от М.К. Дитерихса предписание выехать из Екатеринбурга.

Прокурору Иорданскому
Судебному следователю Сергееву
23 января 1919 г.

ПРИКАЗ

На основании повеления Верховного Правителя от 17-го января сего года, за № 36, приказываю Вам выдать мне все подлинное следственное производство по делу убийства бывшей Царской Семьи и членов Дома, а равно все документы, вещи и материалы, принадлежавшие членам Семьи и состоявшим при них приближенным лицам, также убитым. Передачу произвести по описи.

Один экземпляр описи, скрепленный подписями г. прокурора, г. следователя и моей, должны быть заготовлены для передачи Верховному Правителю.

Настоящая передача мне всего материала и вещей не прекращает продолжения Вами следственного производства, для чего Вы имеете право сохранить у себя копии необходимых документов.

Генерал-лейтенант *Дитерихс*

ПРОТОКОЛ

1919 года января 23 дня, г. Екатеринбург. Член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев, командировавшийся для производства предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Императора Николая Александровича, составил настоящий протокол в следующем:

Сего числа, прибыв совместно с прокурором суда В.Ф. Иорданским в дом Ипатьева по приглашению уполномоченного на распоряжения по делу повелением Верховного правителя адмирала Колчака, главнокомандующего армиями Западного фронта генерал-лейтенанта Дитерихса для дополнительного осмотра комнаты, в которой было совершено убийство бывшего Государя Императора Николая II и Его Семьи, получил от генерала Дитерихса распоряжение о том, чтобы все надписи и изображения на стенах этой комнаты, имеющие порнографический характер, были частью совсем уничтожены, частью же вырезаны и вручены ему при общей сдаче всех относящихся к делу документов.

Во исполнение такового распоряжения генерал-лейтенанта Дитерихса и по его указанию, мною, членом суда Сергеевым, в присутствии прокурора суда Иорданского и понятых: начальника штаба Сибирской армии генерал-майора Богословского и полковника Тюнегова были совершены следующие акты:

1) на правой от входа в эту комнату стене был вырезан кусок обоев на пространстве в длину около двух аршин и шириной около четверти, с надписью на нем: *«Николай сказал народам вот вам х... не республика», «Николай он ведь не Романов, а родом чухонец. Род Романовых кончился Петром III тут пошла все чухонская порода».*

2) на той же стене под самым подоконником на пространстве длиной в один аршин и шириной около двух четвертей уничтожена надпись *«Распутин»* и изображенная здесь фигура мужчины скрайне грубыми чертами лица и обнаженной женщины.

3) на передней стене, примыкающей к косяку входной двери, были уничтожены начерченные карандашом порнографические изображения, представляющие фигуры мужчин и женщин с обнаженными и преувеличенными половыми органами.

4) в углу, противоположном от входной в комнату двери, вырезана часть стены на пространстве длиной 9 вершков и шириной 1 и $\frac{1}{2}$ четверти с изображением головы женщины, а также фигурами ребенка и надписями: «немецкий снаряд и друг».

5) на стене влево от входа были уничтожены около вырезанного уже куска обоев окончания каких-то слов: «тин» и «индра», «лежа через».

Член окружного суда Ив. Сергеев, Прокурор суда В. Иорданский, Генерал-лейтенант Дитерихс, Генерал-майор Богословский.

Настоящая копия с подлинным актом верна, что удостоверяю своим подписом и приложением казенной должностной печати.

Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Николай Алексеевич Соколов.

Настоящая копия снята с подлинного акта, представленного к следствию генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом и приобщенного к делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и Его Семьи, и выдана девятнадцатого мая тысяча девятьсот девятнадцатого года генерал-лейтенанту Дитерихсу.

Судебный следователь по особо важным делам
при Омском окружном суде
Н. Соколов

РАСПОРЯЖЕНИЕ

23 января 1919 г.

№ 118

Прокурору

Всех задерживаемых по подозрению в участии и в причастности к убийству бывшей Царской Семьи и прочих членов Дома приказываю содержать в тюрьмах закованными.

Генерал-лейтенант *Дитерихс*

Господину Главнокомандующему
Западным фронтом М.К. Дитерихсу

Министерство Юстиции
Прокурор Екатеринбургского окружного суда
24 января 1919 г. № 66
Екатеринбург

Согласно приказания от 23 января 1919 года за № 120, основанного на повелении Верховного правителя, подлинные следственные производства по делам об убийстве бывшего Государя Императора Николая II, Его Семьи и других членов Царского Дома должны быть выданы Вашему превосходительству, причем, однако, розыскная и следственная деятельность должна продолжаться по «копиям необходимых документов». Считаю своим долгом доложить, что успешное продолжение розыскной и особенно следственной работы по этим делам может быть только при условии, если в руках следователя будут находиться копии со всего следственного производства по каждому из упомянутых дел. Между тем, снять таковые копии в столь краткий срок времени сдачи дел не представляется возможным.

По первому из упомянутых дел — об убийстве бывшего Государя Императора Николая II в самом ближайшем времени предстояло составление постановления о привлечении в качестве обвиняемых целого ряда изобличенных в этом преступлении лиц, каковой акт может быть выполнен при наличности копии с следственного производства. Что касается второго дела — об убийстве в гор. Алапаевске членов бывшего Царского Дома — Великих Князей, — то дело это, находящееся в производстве того же члена суда И.А. Сергеева, согласно определения общего собрания отделений Екатеринбургского окружного суда от января 1919 года, основанного на требовании господина министра юстиции, подлежит передаче для дальнейшего следствия члену окружного суда Ф.И. Михновичу, каковое распоряжение исходило из тех соображений, чтобы каждый

из членов суда, производящих следствие по этим делам, мог сосредоточить на них неослабное внимание.

Между тем, продолжение следствия по этому последнему делу без наличности у производящего таковое члена суда Михновича, который не знаком с этим делом, копии со всего следственного производства, представляется особенно затруднительным.

Ввиду сего, продолжая свою дальнейшую деятельность по расследованию этих дел, я, вместе с тем, считаю своим долгом ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о том, чтобы последовало распоряжение о безотлагательном снятии копий со следственных производств по этим делам на предмет передачи их производящим следствие членам суда.

Прокурор *В. Иорданский*
Секретарь *Богословский*

Министерство Юстиции

Прокурор Екатеринбургского окружного суда
Господину Главнокомандующему Западным фронтом
генерал-лейтенанту Дитерихсу

25 января 1919 г.

№ 624

Екатеринбург

Согласно личного распоряжения Вашего, представляю Вам в копиях те сделанные мною в порядке дознания поручения по делам об убийстве бывшего Государя Императора Николая II и Его Семьи, а также членов бывшего Царского Дома, кои до настоящего времени еще не исполнены.

Кроме того, по делу об убийстве бывшего Государя Николая II мною 28 января 1919 года было передано лично находившемуся в городе Екатеринбурге прокурору Пермского окружного суда перед отъездом его в Пермь официальное требование мое о принятии мер к розыску и арестованию с учреждением особого строгого караула нижеследующих лиц:

- 1) Сергея Павлова Малышкина;
- 2) Петра Ермакова;
- 3) Николая Сергеева;
- 4) Василия Иванова Леватных;
- 5) Александра Костоусова;
- 6) Павла Спиридонова Медведева;
- 7) Якова Михайлова Юровского;
- 8) Мрачковского;
- 9) Андрея Федорова Стрекотина;
- 10) Люханова;
- 11) Никифорова;

- 12) Константина Васильева Коневцева;
- 13) Ивана Колотова;
- 14) Исаея Голощекина;
- 15) Файка Софонова;
- 16) Ивана Котегова;
- 17) Стрекотина;
- 18) Александра Семенова Варакушева;
- 19) Гуляева;
- 20) Кучерова;
- 21) Василия Григорьева Гоникевича;
- 22) Александра Авдеева;
- 23) Александра Мошкина;
- 24) Александра Соловьева;
- 25) Николая Корякина;
- 26) Леонида Лабушева;
- 27) Ивана Степанова Сафикова;
- 28) Ивана Шулина;
- 29) М.Зайда; и
- 30) Николая Кузьмина Чуфарова.

Прокурор В. Иорданский

ПРОТОКОЛ

25 января 1919 года, Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев при участии эксперта заведующего Городским Санитарным Отделом врача И.Г. Упорова в присутствии нижеподписавшихся понятых, произвел из отреза половой доски, описанной в протоколе от 18 августа 1918 года, вырезку части поверхности, пропитанной кровью. Вырезанная часть размером приблизительно в шесть квадратных сантиметров является по мнению эксперта достаточной для производства анализа и заключена в особое помещение, опечатанное должностной печатью Окружного Суда.

Член Суда *Ив. Сергеев*

Заведующий Врачебно-Санитарным Отделом Городской Управы
врач *Упоров*

Понятые: *Игорь Владимирович Богословский*
Помощник Секретаря (подпись неразборчива)

С подлинным верно:
Судебный Следователь по особо важным делам
Н. Соколов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

25 января 1919 года, в гор. Екатеринбурге, Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев, рассмотрев основанное на повелении Верховного Правителя от 17 января сего года за № 36 распоряжение вр. и.д. Главнокомандующего Западным фронтом генерала Дитерихс о передаче ему всего следственного производства по делу об убийстве всей бывшей Царской семьи и членов дома Романовых, а равно всех документов, вещей и материалов, принадлежавших семье и состоявшим при них приближенным лицам и принимая во внимание, что означенное повеление, исходящее от носителя Верховной власти, должно быть признано имеющим силу и значение специального закона, постановил: на основании повеления Верховного Правителя от 17 января 1919 года, данного на имя генерала Дитерихс, передать все следственное производство по делу со всеми относящимися к нему вещами и документами генералу Дитерихс.

Член Суда *Ив. Сергеев*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Н. Соколов

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1919 года, января 28 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев, при нижеподписавшихся понятых, производил осмотр телеграмм, присланных к делу при сообщении начальника Екатеринбургской телеграфной конторы от 26 сего января за № 369. По осмотру оказалось:

53 телеграммы, часть коих написана чернилами, а большинство — отпечатано на пишущей машинке. Одни из них написаны на особых листиках бумаги и наклеены на обычного образца телеграфные бланки синего цвета, другие — написаны (или отпечатаны) на телеграфных бланках розового цвета, собранных по верхнему краю печатной подписью: «Областной Исполнительный Комитет Советов Урала».

По ознакомлению с содержанием текста всех 53-х телеграмм оказывается, что непосредственное отношение к настоящему делу имеет лишь одна телеграмма, отпечатанная на обрывке серого телеграфного бланка и наклеенная на синий телеграфный бланк, на коем имеются следующие отметки: *«Телеграмма 487. Москва из Екатеринбурга шт. фронта № 3 1901а. Подана 27/VI-го О час. 5 мин. Военная. Три адреса. Москва Совнарком, Нарком военн бюро печати, ЦИК».*

Текст телеграммы дословно таков:

«Мною полученных Московских газет отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде от Екатеринбурга красноармейцами. Официально сообщено, что 21/6 мною с участием членов военной инспекции и военного комиссара Ур. военного округа¹ и Члена всерос след. комиссии² был произведен осмотр помещений как содержится Николай Романов с семьей и проверка караула и охраны все члены семьи и сам Николай жив и все сведения о его убийстве и т. д. провокация точка.

Далее следует также отпечатанная на машине подпись: *«198 Главнокомандующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Берзин³.*

¹ Ф.И. Голошкекин.

² М.А. Медведев (Кудрин).

³ Телеграмма Берзина — это ответ на две телеграммы из Москвы, от Старка (комиссара Почтово-Телеграфного Агентства) в Екатеринбург, Воробьеву следующего содержания: «Срочно сообщите достоверность слухов убийства Романовых» и «Прошу срочно сообщить достоверность слухов Николая Романова очень важно». См. ГА РФ. Ф.1837. Оп. 1. Д. 42. Л.1–2.

Член Екатеринбургского окружного суда *И. Сергеев*

Понятые

Член Суда *Ив. Сергеев*

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Н. Соколов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, января 29-го дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Я, *Павел Иванович Логинов*, 43-х лет, гражданин гор. Слободского, Вятской губ., правосл., грам., не судился, живу в гор. Екатеринбурге, по Северной ул., д. № 43.

Я служил и служу паровозным машинистом на Пермской жел. дороге. При бегстве своем из Екатеринбурга комиссары и другие советские начальники силою оружия и угрозами принудили служащих ж. д. эвакуироваться вместе с ними. По службе тяги было забрано до 40 паровозных бригад. В числе эвакуированных оказался и я. Последние 2—3 дня я должен был находиться на своем паровозе под присмотром вооруженных матросов и красноармейцев. 23 июля (н. ст.) 1918 года мой паровоз был прицеплен к одному из штабных поездов. Этот поезд простоял на станции до 12 часов ночи на 25-ое июля (Петрогр. время, нов. ст.) и лишь часов за 5—7 до занятия Екатеринбурга чешскими и народными войсками был отправлен на Пермь через ст. Богдановичи — Егоршино — Алапаевск — Н. Салда — Сан-Донато. Семья моя, состоящая из жены и троих малолетних детей, осталась в Екатеринбурге.

В составе поезда, который я повел, было шесть пассажирских вагонов, несколько платформ и цистерна. Кто именно из советского начальства ехал в вагонах I—II класса — не знаю, не видел. Комендантом поезда назывался какой-то «комиссар Сибири», по фамилии Волков. Приметы его следующие: лет 28—30, высокий, черный, с длинными волосами, падающими на плечи (как у студентов давнего времени), с черными усами и небольшим пучком волос над нижней губой. Одет был во «френч» и брюки «галифэ» Ранее я этого человека никогда не видал. В голове поезда (ближе к паровозу) следовал вагон III класса. В этом вагоне помещалась телеграфная рота¹.

Во время остановок на станциях ко мне на паровоз иногда заскакивал кто-либо из матросов или красноармейцев. На первой за Алапаевском станции (Ясашная) зашел ко мне на паровоз человек лет 30—32-х, среднего роста, плотный брюнет с густыми черными волосами и небольшой круглой бородкой. Одет он был в защитного цвета гимнастерку и брюки, вооружен был «наганом». Судя по акценту, это был латыш. Был он слегка «навеселе» (выпивши), но не пьян. По этой или иной какой-либо причине, латыш был очень словоохотлив и пустился в пространные беседы со мной о разных злободневных вопросах (по преимуществу вели разговор об оставлении Екатеринбурга, о разных случаях, бывших при поспешной эвакуации, и т. п.). Восстановить в своей памяти содержание всех этих разговоров я не могу. Не помню уже теперь, как и с чего зашел у нас разговор и о судьбе б. Императора. Твердо помню, что, когда разговор коснулся этого вопроса, латыш мне сказал: «Это дело покончено», и пояснил далее, что Николай Романов и вся его

¹ В этом поезде № 11 выехала команда Я.М. Свикке, сотрудники походной типографии Уральского военного округа. См. Скутанс Г.Ю. «Латышские списки» и внутренняя охрана дома Ипатьева. Четырнадцатые Романовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург — Алапаевск, 17—19 июля 2013 г.). Екатеринбург. С. 290—298.

семья расстреляны. Заинтересовавшись этим заявлением, я попросил латыша сообщить мне, как и кем был произведен расстрел, и тот, взяв с меня слово держать в секрете все им сказанное, объяснил, что б. Государь и его семья были расстреляны в доме Ипатьева, согласно постановлению Областного совета. Исполнители казни бросили между собой жребий о том, кому и кого расстреливать. Убийство Государя выпало, по жребию, на долю б. Верх-Исетского военного комиссара Петра Ермакова¹. По словам латыша, осужденных на казнь приводили и расстреливали по одиночке². Когда на место казни был доставлен б. Император Николай II, комиссар Петр Ермаков объявил ему, что по постановлению Совета Уральской области он приговорен к расстрелу. Государь сначала как будто не расслышал сказанного и спросил: «Что, что?», а затем на вопрос Ермакова: «Готовы ли Вы?» ответил: «Я готов». Вслед за этим раздался выстрел, и Государь упал мертвым, сраженный пулей, выпущенной из револьвера Петром Ермаковым. Как и кем был произведен расстрел членов Царской семьи — латыш мне не сообщил, но мне удалось узнать от него, что расстреляно всего будто бы 14 человек, в том числе Вырубова и доктор Боткин³.

После расстрела тела убитых были завернуты в палатки и увезены на двух грузовых автомобилях по Сибирскому тракту в направлении ст. Баженово — Богдановичи. В районе этой местности были вырыты две ямы: одна — ложная, оставшаяся пустой и вновь засыпана, а в другую яму сложили тела убитых и залили раствором извести и цементом, так что все тела заключены в одной глыбе и по одному их вырыть нельзя. Сделано это было с той целью, чтобы «контрреволюционеры» не могли, в случае нахождения трупов, устроить никаких похорон. Вот все, что мне удалось узнать от латыша.

¹ Стреляли в б. царя Ермаков П.З., Медведев (Кудрин) М.А. и Юровский Я.М.

² В полуподвальную комнату спустились одновременно вся семья императора Николая II и их слуги.

³ Ошибка, не Вырубова А.А., а Демидова Анна Степановна.

Когда именно состоялось постановление о казни б. Императора и членов его семьи, кому было поручено выполнение задуманного убийства, когда, где и какие именно лица метали жребий о жертвах злодеяния — ничего этого я не знаю: латыш мне не сказал, а я настаивать на подробностях опасался. Не знаю также, в каком из помещений дома Ипатьева совершено было преступление и не получил таких сведений о месте, где были вырыты описанные мною ямы, одна из которых послужила могилой убитых. Латыш называл себя комиссаром телеграфа и, насколько помню, говорил, что он состоял членом Областного совета. У меня сохранилась в памяти промелькнувшая тогда мысль: «Латыш вхож в совет, значит ему известно, что там делается».

На вопрос Ваш о том, не вынес ли я из рассказа латыша такого впечатления, что он сам был очевидцем или участником расстрела, — ответить затрудняюсь: с тех пор прошло уже шесть месяцев и за это время было столько пережито, что многое изгладилось из памяти, едва ли я даже задавался подобным вопросом. Беседа моя с латышом велась урывками, во время хода поезда, когда внимание мое отвлекалось управлением движения паровоза и наблюдением пути. Помню, что большая часть разговора о судьбе б. Царя и его семьи происходила у паровозного окна. Состав паровозной бригады был тогда следующий: помощник машиниста Афанасий Васильевых и кочегар Филипп Васильевых (брат Афанасия) и Петр Пиго. Все эти лица также ныне вернулись в Екатеринбург. Так как они были заняты своим делом, а я и латыш вели беседу в стороне, то, ввиду этого и за шумом движения поезда, они едва ли могли слышать что-либо из нашей беседы. Помню, что латыш угощал меня и моих сослуживцев папиросами «Ада» и в это время болтали о всяких пустяках.

Встречался я также в Перми с б. товарищем председателя Екатеринбургской Чрезвычайной следственной комиссии Валентином Сахаровым¹. С отцом В. Сахарова, служившим в ле-

¹ Сахаров Валентин Аркадьевич (1894—?) — после Февральской революции вступил в партию большевиков, в составе красно-

сопромышленных предприятиях, я был близко знаком. В. Сахаров окончил курс четырех классов реального училища и после смерти отца вышел из училища. По моей рекомендации В. Сахаров был определен на службу писцом в контору депо, но здесь он учинил подлоги и мошенничество и за это был смещен на должность табельщика, намошенничал и тут (вошел в сделку с рабочими и отмечал им лишние часы работы) и был вовсе уволен от службы. По слезным просьбам матери, Валентина устроили поденно – рабочим при ремонте паровозов. Кажется, в 1915 году В. Сахаров поступил на службу в Невьянск на снарядный завод, и с тех пор я редко встречал его. Помню, что у нас в депо он объявился на некоторое время в качестве слесаря. Слышал, что он сделался большевиком и ходил с комиссаром Сергеем Витальевичем Мрачковским (также служившим ранее в конторе депо старшим табельщиком) на Дутовский фронт. В Екатеринбурге я Сахарова более не встречал.

Бывая иногда в Перми у В. Сахарова, я вел с ним разговоры на разные темы и, между прочим, спросил его, правда ли, что семья Романовых убита. При этом я передал Сахарову содержание моего разговора с латышом, комиссаром телеграфа. Слушая мой пересказ, Сахаров поддакивал, утверждая, что все происходило так, как мне передавал латыш. Из дальнейших разговоров с Сахаровым я узнал, что он, как товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии, принимал участие в том совещании, которое вынесло решение о казни б. Императора. Состав совещания Сахаров поименно мне не указывал. Помню, что он назвал Белобородова и Голощекина

гвардейского отряда под руководством С.В. Мрачковского сражался против атамана Дутова на Южном Урале. Работал в ЧК г. Перми, переведен в г. Екатеринбург в состав формирующейся Уральской областной ЧК. Был назначен заместителем УралоблЧК и комендантом «Американской гостиницы», где разместились УралоблЧК. Участник расстрела И.Л. Татищева и группы священников, прибывших из Тобольска. Дальнейшая судьба неизвестна.

(этого последнего по-русски называли Филиппом). Из слов того же Сахарова я вынес впечатление, что руководящая роль в этом деле принадлежала Голощекину. Подробно выяснить от Сахарова обстоятельства убийства было невозможно: с одной стороны, сам он был довольно сдержан, а с другой — настойчивые и подробные расспросы мои могли возбудить подозрение и навлечь на меня преследование. В Перми Сахаров состоял в военно-полевом контроле под начальством латыша Музыканта (так называли его фамилию). В Кушве и Тагиле Сахаров, будучи при штабе военно-политического комиссара Мрачковского, занимался зверскими расстрелами интеллигентов и «буржуев». Приметы его следующие: лет 25—26, высокого роста, худощавый, блондин, болезненного вида, с правильными чертами лица, усов и бороды не имеет. В Верх-Исетске у него живет мать Татьяна Ивановна. Младший брат его (имени не помню) был офицером и, кажется, находится в Москве.

Бывая с поездом в г. Кунгуре, я встречал здесь верх-исетских большевиков Александра Егоровича Костоусова, братьев Николая и Алексея Сергеевых Партиных, Василия Васильева Семеновских и Ивана (отчества не помню) Петухова. Они состояли при контрразведке и занимались расстрелами. Начальником их отряда был (Алексей) Партин. О судьбе б. Императорской семьи я с ними разговора не имел и об участии их в этом деле ничего не слышал и не знаю. Все они уехали, кажется, на Вятку. Из числа в.-исетских «коммунистов», как я слышал, возвратились: Илья Болотов и его брат (имени не знаю), Николай Сивков, Егор Антонин. Илья Болотов участвовал в отобрании имущества у в.-исетских граждан, а Егор Антипин состоял помощником комиссара при «Штабе 1-го района» (Арсеньевский проспект, дом Чететкина), ведавшем охрану железной дороги. О деятельности Сивкова я ничего не слышал.

После взятия Перми Сибирскими войсками я получил возможность вернуться домой благодаря тому, что за два дня до этого по врачебному бюллетеню был помещен в больницу,

где и укрывался от глаз советского начальства. Родители мои живут в В.-Исетском заводе, по 2 Ключевской ул., собствен. дом. Мой двоюродный брат — спичечный фабрикант Степан Васильевич Логинов, умер летом прошлого года. Вернувшись в Екатеринбург, я зашел к племянникам (сыновья Степ. Вас.) и рассказал им, между прочим, все то, что слышал от латыша и Валентина Сахарова. Один из племянников сообщил полученные от меня сведения Военному контролю, где я и дал первоначальные показания. Более по делу показать ничего не имею.

Протокол мне прочитан. Добавляю, что какие именно шоферы управляли автомобилями, на которых были увезены тела убитых, латыш мне не говорил, и я о том не спрашивал. Фамилии «Ляханов» я ни от кого не слышал. О том, что близ деревни Коптяки были найдены какие-то костры, я узнал лишь недавно, по возвращении в Екатеринбург. По этому поводу я здесь наводил разговор на тему об убийстве Романовых с прибывшим из Перми и служившим у большевиков шофером Мельниковым (имени и отчества его не знаю, живет в Мельковке, дом Дружинина). Он объяснил мне, что в ночь расстрела семейства Романовых он ездил по Ключевской дороге в сторону д. Коптяков — возил каких-то комиссаров. Тот же Мельников говорил мне, что туда привозили бочку керосина. Доехав до известного пункта, комиссары приказали Мельникову остановиться, а сами пошли дальше пешком. В отдалении находилась пешая и конная стража. Более подробных сведений от Мельникова получить мне не удалось, так как разговаривали мы с ним на ходу, проходя по улице города.

Прочитано. Павел Иванович Логинов

Член Екатеринб. Окружного суда Ив. Сергеев

Господину и.д. Главнокомандующего Западным фронтом
Генерал-лейтенанту Дитерихс
Члена Екатеринбургского
Окружного Суда И.А. Сергеева
1 февраля 1919 г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Вследствие личного распоряжения Вашего Превосходительства при сем представляю надлежащие сведения и соображения мои об условиях, в каких протекало производимое мною предварительное следствие по делу об убийстве б. императора Николая II и членов его семьи, и о том, какие меры должны быть приняты для организации расследования в том объеме, каковой соответствует высоко государственной и исторической важности дела» 31 января 1919 г. И.А. Сергеевым была составлена докладная записка по делу об убийстве бывшего императора Николая II и членов его семьи¹. Ее содержание следующее:

«Об учиненном в ночь с 16 на 17-е июля 1918 г. (нов. ст.) убийстве бывшего императора Николая II-го население города Екатеринбурга было осведомлено словесным заявлением бывшего военного комиссара Уральской области Ф.И. Голощекина, сделанным в помещении городского театра на устроенном для этой цели митинге.

21-го июля о том же событии были расклеены по городу печатные объявления, извещавшие, что казнь бывшего императора совершена по постановлению президиума областного совета² и что это постановление одобрено в состоявшемся 18-го июля заседании президиума ВЦИК; в том же объявлении было сообщено, что жена и сын бывшего императора направлены в надежное место³.

¹ См. в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² Черновик объявления сохранился в материалах следствия. См. РГАСПИ. Ф. 588. Оп.3. Д. 8 Л. 185–186.

³ Протокол заседания Президиума ВЦИК РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6643. Л.1.

Дом Ипатьева, в котором содержался в заключении бывший император со своей семьей, был передан в распоряжение владельца лишь 22-го июля; таким образом в течение 5-ти дней после совершения злодеяния дом Ипатьева находился в ведении советской власти, и за этот период времени ее агентами были приняты все меры к возможно полному уничтожению и сокрытию следов преступления.

25-го июля 1918 г. в г. Екатеринбург вступили передовые отряды Сибирских, Чехословацких и казачьих войск, и на третий день после занятия города, офицерами, состоявшими при штабе начальника гарнизона полковника Шереховского, было приступлено к расследованию дела об убийстве бывшего императора. Внимание и труд г.г. офицеров были направлены на обследование той местности близ дер. Коптяки, где случайно были обнаружены следы сожженных костров и найдены в пепле драгоценные вещи и мелкие негорючие части от принадлежностей одежды и обуви (пуговицы, крючки, планшеты и т. д.).

29-го июля расследованию был придан официальный характер путем поручения следствия судебному следователю по важнейшим делам А.П. Наметкину, уже ранее приглашенному военными властями для содействия при расследовании.

Судебный следователь, приступив к следствию, продолжал осмотр и обследование вышеупомянутой местности, допросил свидетелей, установивших некоторые обстоятельства, относящиеся к разъяснению факта сожжения костров, и затем приступил к осмотру дома Ипатьева.

По определению общего собрания отделений окружного суда от 7-го августа дальнейшее производство следствия было возложено на меня.

Ознакомившись с данными дела, я признал важнейшей очередной задачей выяснить, насколько возможно, действительно ли совершилось самое событие преступления, и, в этих целях продолжая через особую экспедицию, под наблюдением лиц прокурорского надзора, обследование местности близ дер. Коптяков и откачивание шахты находившейся там

же, приступил к тщательному осмотру всех помещений дома Ипатьева¹.

Результаты осмотра во всей их совокупности дали мне основание признать событие преступления достаточно установленным, и в дальнейшем необходимо было принять все доступные меры к обнаружению тел убитых и уже затем к выяснению обстоятельств совершения преступления, его вдохновителей и участников².

Ввиду исключительной сложности обстановки исследуемого преступления успех следствия в значительной мере обусловлен возможно наилучшей и широкой постановкой дознания и розыска, ибо результаты работы органов дознания являются основой предварительного следствия, устав уголовного судопроизводства возлагает на судебного следователя собирание доказательств события преступления, обстоятельств его совершения и виновности, или невиновности подозреваемых в нем лиц, причем это собирание доказательств должно быть выполнено указанными в законе приемами и облечено в предписанные законом формы.

Указанные в законе приемы и способы собирания доказательств сводятся к следующим действиям: осмотры, освидетельствования, через сведущих лиц, обыски, выемки, истребования письменных сведений и документов и допрос свидетелей и обвиняемых. Каждое следственное действие должно быть составлено в форме протокола, подписанного участвующими при составлении его лицами, каждое распоряжение следователя, затрагивающее права и интересы участвующих в деле лиц, должно быть обосновано особым мотивированным постановлением.

¹ Прокурорский надзор по обследованию местности близ деревни Коптяки осуществлял Н.Н. Магницкий.

² И.А. Сергеев определил первостепенную задачу следствия — поиск останков расстрелянных в полуподвальной комнате дома Ипатьева.

Вследствие указанной сложности форм и приемов следственная власть не может действовать с такой быстротой и подвижностью, как органы дознания и розыска, не связанные в своей работе никакими формальностями.

Помимо особой сложности и ответственности задач, подлежащих выполнению органами дознания и розыска, следует принять во внимание и высокое государственное и историческое значение работ по исследованию настоящего дела¹, и потому, кроме опытности и знаний, к агентам розыска должны быть предъявлены особые требования: необходимы люди безупречно честные, с известными принципами и нравственными устоями, способные работать не только “за страх, но и за совесть”

К сожалению, в первые три месяца работ круг лиц, коим можно было бы доверить дело розыска, был крайне ограничен: милиция находилась в стадии формирования и по своему составу была совершенно неудовлетворительной; в силу этого пришлось пользоваться услугами Екатеринбургского Управления уголовного розыска, во главе которого стоял достаточно способный и образованный начальник (А.Ф. Кирста), но, к сожалению, не обладавший качествами, о которых сказано выше.

Еще до принятия мной дела к своему производству А.Ф. Кирста от бывшего начальника гарнизона генерал-майора В.В. Голицына были переданы на расходы по розыску 4000 рублей, быстро и в значительной мере непроизводительно им израсходованные. Названный начальник розыска, увлекаясь своей ролью, пытался действовать независимо от судебной власти, что, конечно, отражалось на ходе и успешности работ; состав остальных чинов розыска, хорошо мне известных по моей прежней службе в прокурорском надзоре, также был далеко не на высоте своих задач.

¹ И.А. Сергеев первым подчеркнул, что расследование обстоятельств гибели царской семьи имеет государственное и историческое значение.

Независимо от этого чины уголовного розыска были обременены исполнением своих прямых обязанностей по раскрытию общеуголовных преступлений, а по отсутствию средств и сил не представилось возможным освободить их от несения этих обязанностей.

Трудность работы усугублялась еще рядом следующих неблагоприятных условий: отсутствием денежных средств, потребных на расходы по розыску (только в начале октября в мое распоряжение поступило от генерала Голицына 3 000 рублей и затем в начале января сего г. 6 000 рублей).

Ограниченность территории, отсутствие налаженных аппаратов власти на местах, затруднительность сообщений, близость фронта и разрозненность действий отдельных представителей власти (по преимуществу военной), имевших то или иное отношение к делу.

Местная высшая гражданская власть в лице коалиционного Уральского областного правительства стояла совершенно в стороне от дела, проявляя к нему полное безразличие¹. Бывали случаи, когда действиями представителей власти причинялся серьезный ущерб интересам дела (истреблялись свидетели, от которых можно было ожидать полезных для дела сведений, захватывались вещи и документы, имевшие для дела значение доказательств, и тому подобное).

К числу неблагоприятных факторов надлежит отнести и косность, запуганность не только широких масс населения, но его интеллигентных кругов: свойственное и ранее русскому народу чувство опасения “попасть в свидетели” по судебному делу проявилось в данном случае с особой силой, обусловленное, с одной стороны, боязнью возвращения большевиков и опасением ответственности перед новой властью — с другой.

¹ А.Н. Авдонин отметил, что Временное областное правительство Урала, возглавляемое П.В. Ивановым, в июне—августе 1919 г. создало своим постановлением следственные группы по выяснению обстоятельств убийства царской семьи. См.: Авдонин А.Н. Тайна старой Коптяковской дороги // Источник. 1994. № 5. С. 64.

Показателем такого настроения является следующий факт: в начале октября минувшего г. мною через прокурора суда были произведены троекратные публикации в местных газетах, извещавшие население о том, что на меня возложено производство следствия по делу об убийстве бывшего императора Николая II, и приглашавшие всех граждан, могущих сообщить относящиеся к делу сведения, явиться ко мне для дачи показаний, но до сего времени ни один гражданин не явился ко мне добровольно для дачи показаний.

Вредно отражалось на ходе расследования также и то распространенное в населении, на основании различных слухов, убеждение в том, что бывший император и его семья живы и увезены из Екатеринбурга и что все опубликованные советской властью сведения по этому поводу, провокация и ложь, это убеждение было усвоено и большей частью представителей военной власти, и под влиянием этого создавалось отношение к производимому следствию как делу, в лучшем случае, бесполезному¹.

В заключение следует отметить, что работа по исследованию преступления осложняется необходимостью уделять массу времени и труда собиранию и осмотру такого материала (вещи, документы), который не имеет значения вещественных или письменных доказательств, в законном смысле этого понятия, тем не менее требует принятия целого ряда мер в интересах государственных, исторических и культурных.

По сему поводу позволяю себе обратить внимание на то, что следствие ведется в условиях полной оторванности от центра и без руководящих указаний в отношении его объема задач и пределов, тогда как по данному делу, ввиду его исключительности и важности, эти границы должны бы быть строго и точно очерчены.

¹ В документах следствия сохранились протоколы допросов свидетелей, которые рассказывали об увозе царской семьи в Пермь, Верхотурье и др. См.: Росс Н. Указ. соч. С. 85, 86, 89.

Ввиду того что при выполнении преступления, как это явствует из дела, виновники злодеяния в план своих действий включили тщательное сокрытие тел убитых, чтобы лишить своих врагов возможности устроить “демонстративные похороны” бывшего Императора и членов его семьи, трудность открытия местонахождения тел может быть преодолена только методическим и планомерным розыском, если не рассчитывать на какую-либо счастливую случайность.

Вследствие этого должны быть приняты, между прочим, следующие меры: надлежит обследовать все связи и отношения служивших в команде по охране дома Ипатьева, по имеющемуся в деле списку их; установить систематическое собрание сведений от лиц, прибывших из стана большевиков, наблюдение за этими лицами и выяснение их связей и отношений; провести через всю сеть должностных лиц и учреждений (военно-следственные комиссии комендатуры, милицейские управления, военный контроль, уголовный розыск и т.д.) списки лиц, подлежащих опросу и задержанию до требования следственной власти; организовать в некоторых пунктах (Сысертский и Верх-Исетский заводы, по мере надобности, Надеждинский и Мотовилихинский заводы) наблюдение через особо благонадежных лиц из среды местного же населения; обращать самое серьезное внимание на все более или менее вероятные указания на место сокрытия тел убитых и проверять эти указания, не считаясь с возможными неудачами и расходами, установить связь со всеми учреждениями, могущими располагать какими-либо сведениями и документами, относящимися к делу.

Для выполнения всей этой грандиозной работы по собранию сырого материала необходим достаточный штат сотрудников, обладающих всеми вышеуказанными качествами, причем сотрудники (чины розыска) должны быть поставлены в такое положение, чтобы могли отдаться исключительно только делу розыска по исследуемому преступлению.

В настоящее время в моем распоряжении имеется лишь один сотрудник, достаточно опытный, вполне благонадеж-

ный — известный мне по прежней своей службе б. становой пристав Кушвинского завода С.И. Алексеев¹; имеются в виду еще двое — таких же опытных и благонадежных, лично мне известных. Само собою разумеется, что штат сотрудников в числе троих является недостаточным.

Соответственно с обширностью и разносторонностью материала, подлежащего следственной разработке, надлежит увеличить и число представителей следственной власти, так как успешное выполнение всей предстоящей работы превышает силы одного человека.

Резюмируя изложенное, беру на себя смелость высказать следующие предположения о наилучшей организации дальнейшей работы по исследованию преступления.

1) В зависимости от объема, задач и пределов исследования, соответственно государственной и исторической важности дела должна быть образована особая следственная Комиссия из трех—пяти человек, причем во главе Комиссии должно быть поставлено достаточно авторитетное лицо; с моей точки зрения, наиболее целесообразным представляется учреждение Комиссии наподобие Сенаторских Ревизий;

2) в распоряжение Комиссии должен быть предоставлен достаточный по количеству и совершенный по качеству штат агентов розыска, причем означенные сотрудники должны быть поставлены в такое положение, чтобы могли, не заботясь о завтрашнем дне, отдать все свои силы на служение делу;

3) в соответствии с приведенными положениями в распоряжение Комиссии должны быть представлены достаточные материальные средства;

4) члены Комиссии при разработке добытого чинами розыска материала (сведений о доказательствах) должны руководствоваться общими началами Устава уголовного судопроизводства, но ввиду исключительных условий, порожденных переживаемым нами смутным временем, и ввиду особенностей

¹ С.И. Алексеев помогал И.А. Сергееву, задержал в Перми и допросил П.С. Медведева 11—12 февраля 1919 г.

данного дела, Комиссии следует предоставлять право выработать в руководство при исполнении возложенных на нее задач Особый Наказ;

5) в “Наказе” Комиссия имеет определить, согласно предначертаниям Правительства, объем, задачи и пределы исследования, порядок действий и полномочий своих членов и отметить те особые правила, которые для данного случая полезно установить, в изъятие из общего закона; такой Наказ, в случае утверждения его верховной властью в установленном порядке, будет иметь силу специального закона и, как таковой, отменяя или приостанавливая действия той или иной группы общих законов, даст Комиссии необходимую свободу действий, диктуемых требованиями разумной целесообразности».

ПРОШЕНИЕ

Министерство Юстиции
3 февраля 1919 года
№ 236. г. Омск

Прошу об ассигновании в мое распоряжение 15 000 рублей на уголовные розыски по делу об убийстве бывшего императора Николая II и на усиление средств по производству следствия по тому же делу, ввиду невозможности испрашения этого кредита в общем сметном порядке.

Министр юстиции С. Старынкевич

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

1919 года, февраля 4 дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев при нижеподписавшихся понятых производил осмотр документов, найденных по обыску у свидетеля Н.Ф. Дубовика и представленных по делу при сообщении Екатеринбургского управления уголовного розыска от 25 января 1919 года за № 2039.

По осмотру оказалось:

1) Вырезка из печатной книги размером 3 x 3 вершка с изображением б. Государя Императора Николая Александровича и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. На левой стороне вырезки, на чистом участке бумаги сделана черными чернилами надпись следующего содержания: «Казнен через расстрел в городе Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 по приговору Президиума Областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, во главе которого стоял Белобородов, Голощекин, Анучин, Уфимцев, Чуцкаев, Юровский, Сыромолотов, Войков, Успенский, Краснов, Сакович. Место расстрела и могилы неизвестны, есть предположение, что трупы сожжены и что этой же участи не миновали наследник с матерью». На оборотной стороне вырезки имеется печатный текст, представляющий (судя по содержанию) отрывок из жизнеописания Государя Александра III-го.

2) Отпечатанный на желтой бумаге газетного формата № 144 (241) газеты «Уральский Рабочий» за 23 июля 1918 года. Газета эта, как явствует из заголовка, является органом «Уральского Областного и Екатеринбургского Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)».

На первой странице газеты помещена статья: «Казнь Николая Кровавого».

Содержание этой статьи дословно следующее:

«В ночь с 16 на 17 июля по постановлению президиума Областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноар-

мейских Депутатов Урала расстрелян бывший царь Николай Романов. Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца.

Рабочие и крестьяне, поглощенные гигантской творческой работой и великой революционной борьбой, как будто не замечали его и оставляли его жить до народного суда. — Историей ему давно был вынесен смертный приговор. Своими преступлениями Николай Кровавый прославился на весь мир. Все свое царствование он безжалостно душил рабочих и крестьян, расстреливал и вешал их десятками и сотнями тысяч. Расстреливал он бедняков и тогда, когда они просто поднимались против своих хозяев, тогда, когда они шли к нему за помощью...

Николай Второй был самым настоящим помещичьим царем, другом банкиров и грабителей. Когда февральская революция опрокинула приказно-помещичий строй, он остался жить “по недоразумению” Имя этому “недоразумению” — коалиция, Гучковы, Милюковы и Керенский, отъявленные монархисты и политические прохвосты; вступив в управление страной, уберегли героя расстрела 9 января 1905 и Ленской бойни 1912 года¹ от народного суда и помешали рабочим и крестьянам, уничтожившим царскую монархию, уничтожить и коронованного палача.

Октябрьская революция вышибла из седла либеральных помещиков, реакционных буржуа и социал-предателей. Власть перешла рабочим и крестьянам. Но самое горячее время для суда было пропущено. Николай должен был быть казнен вместе с царской монархией, социалистической же революции он не представлялся опасным претендентом на власть...

Социалистическая революция натолкнулась на отчаянное сопротивление имущих классов. Постепенно это сопро-

¹ Имеется в виду Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в Петербурге перед Зимним дворцом и расстрел рабочих на Ленских приисках 7 апреля 1912 г.

тивление перешло — при содействии иностранных империалистов — в открытое контрреволюционное восстание против Советской власти, в ожесточенную борьбу за восстановление буржуазно-помещичьего самодержавия в полном объеме до императорской короны включительно. Под крылышком Скоропадского, ныне казненного¹, объявилась б. императрица, вдовствующая разбойница Мария Федоровна с целой сворой бывших “великих князей и князьков”².

Крупнейшая партия российской империалистической буржуазии (кадеты) — громко и во всеуслышание заявила, что вне царской монархии нет спасения от рабоче-крестьянской революции, и публично прокляла свою “ошибку” — невольное пособничество февральской революции.

Кадеты, потеряв надежду спастись с помощью царской монархии в России, бросились на Украину искать помощи у немецкого императора.

В то же время возвратная тяга к монархии вспыхнула с небывалой силой в стане контрреволюционеров союзной масти. Появились очень показательные слухи о том, что Михаил Романов встал во главе Сибирского Правительства, хотя и отказался от восшествия на престол до Учредительного Собрания.

В местах, захваченных чехословацкими и белогвардейскими бандами в Сибири и на южном Урале, власть очутилась в руках черносотенных погромщиков самой чистейшей марки, монархистов по профессии. — Истинные намерения белогвардейцев четвертого согласия обнаружили уже из того, что во главе всех их — (верховным полководцем) встал царский генерал Алексеев, преданнейший слуга Николая Кровавого, сам

¹ Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) 29 апреля 1918 г. был избран гетманом Украины. После поражения немцев, оккупировавших тогда юго-западную часть России (в декабре 1918 г.), эмигрировал.

² Вдовствующая императрица Мария Федоровна жила в Крыму и оттуда эмигрировала в Данию, где скончалась в 1928 г.

палач по убеждению. Империалисты обеих враждующих коалиций вполне доказали на деле, что они сознательно стремятся к восстановлению монархии в России и им нужна коронованная голова, нужен палач “Божией милостью”

Царская буржуазно-помещичья монархия, социалистическая, или диктатура рабочих и крестьян бедняков — так поставила перед народами история вопрос о их жизни и смерти.

Вокруг Николая все время плелись искусные сети заговоров. При переезде из Тобольска в Екатеринбург был открыт один из них. Другой был раскрыт перед самой казнью Николая¹. Участники последнего заговора свои надежды на освобождение убийцы рабочих и крестьян из рабоче-крестьянского плена определенно связывали с надеждами на занятие красной столицы Урала чехословацко-белогвардейскими погромщиками.

Генерал Алексеев хотел заполучить к себе в главную ставку своего царя. Его расчеты не оправдались. Народный суд над всероссийским убийцей опередил замыслы контрреволюционеров. Воля революции была исполнена, хотя при этом и были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни “коронованных особ” Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключений для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником. Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: Вы поставили ставку на императорскую корону? Она бита. Получите сдачи — одну пустую коронованную голову...»

¹ Документы о заговоре были сфальсифицированы П.Л. Войковым и И.И. Родзинским. См. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 18—27. Подробный источниковедческий анализ этих документов дан в кн. Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. С.76—90.

Под статьей подпись автора — «Г. Сафаров».

На третьей странице той же газеты, в рубрике «телеграммы», под заголовком «Казнь Николая Кровавого», значится:

«Москва. 19 июля. На состоявшемся 19 июля первом заседании президиума ЦИК Советов, Председатель Свердлов сообщает полученное по прямому проводу сообщение от Областного Уральского Совета о расстреле бывшего Царя Николая Романова. За последние дни столице красного Урала — Екатеринбург — серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имеющий целью вырвать из рук Совета — власти коронованного палача. Ввиду всех этих обстоятельств президиум Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре посланы в Москву со специальным курьером¹.

Сделав это сообщение, Свердлов напоминает историю перевода Романова из Тобольска в Екатеринбург, когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев, в целях устройства побега Романова. За последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа, только развернувшиеся сейчас события помешали осуществлению этого суда. Президиум, обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановил признать решение Уральского Областного Совета правильным. Затем председатель сообщил, что в распоряжении ЦИК находится сейчас важный материал: документы Николая Романова, его собственноручные дневники, которые он вел до последнего времени, дневники его жены, детей, переписка Романова. Имеются между прочим письма Григория Распутина Романову и его семье. Все эти материалы будут разобраны и опубликованы в ближай-

¹ Специальным курьером был Я.М. Юровский.

шее время¹. Опубликован декрет о конфискации имущества, принадлежавшего низложенному рево.../пропуск/ и членов императорского дома². Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому императору Николаю Романову, Александре и Марии Федоровне Романовым, всем членам бывшего российского императорского дома, объявляется достоянием Российской социалистической республики. Под членами бывшего российского императорского дома подразумеваются лица, внесенные в родословную книгу императорского дома: бывший наследник “Цесаревич”, бывшие великие князья, великие княгини, великие княжны, бывшие князья, княгини и княжны императорской крови».

Других сведений, относящихся к настоящему делу, в газете не усмотрено.

Обычной подписи редактора и издателя в газете не имеется, но в заголовке указаны адреса: конторы (Екатеринбург, Главный пр., дом № 49. «Уральская жизнь») и редакции (угол Покровского и Тихвинской, дом 23) .

Член суда *Ив. Сергеев*

¹ Была создана специальная комиссия, председателем был назначен М.Н. Покровский, который передал американскому журналисту в ноябре 1919 г. фотокопии дневников Александры Федоровны для публикации за рубежом. Переписку императора Николая II и императрицы Александры Федоровны в 20-е гг. XX столетия фрагментно публиковали советские архивисты. См. «Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг.», т. III и IV (М., Л., 1923—1927) и журнальный вариант Дневников Николая II («Красный архив», 1927, № 1—3).

² Декрет Совета Народных Комиссаров о конфискации имущества Всероссийского Императора Николая II и Членов Российского Императорского Дома был принят Советом Народных Комиссаров 13 июля 1918 г.

Министр юстиции
7 февраля 1919 года
№ 28 а. 2623
г. Омск

Члену Екатеринбургского
окружного суда Сергееву

ПРЕДПИСАНИЕ

Поставляю Вас в известность, что Вы освобождены от производства следствия по делам: 1. об убийстве бывшего Императора и его семьи, 2. об убийстве великих князей Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича и великой княгини Елизаветы Федоровны, а равно графа Палей, и предлагаю Вам означенные дела сдать судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколову¹.

Министр юстиции *С. Старынкевич*
Директор 1 департамента *Кондратович*
Исп. об. начальника 2 отделения *Лукин*

¹ Это том № 1 следствия по делу об убийстве бывшего императора Николая II и его семьи хранится в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 4, передано В.Н. Соловьевым, следователем Следственного комитета РФ.

ПРОТОКОЛ

1919 года февраля 7 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, прибыв лично к бывшему Главнокомандующему Западным фронтом генерал-лейтенанту Дитерихсу, предъявил ему ордер господина министра юстиции от 7 сего февраля за № 2437 и просил его выдать находящееся у него дело об убийстве бывшего Императора Николая Александровича и членов Его Семьи.

Генерал-лейтенант Дитерихс предъявил подлинное следственное производство члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева, озаглавленное: «Дело об убийстве бывшего Императора Николая II и членов Его Семьи». В деле этом оказалось двести шестьдесят шесть пронумерованных, прошнурованных, припечатанных сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда и скрепленных подписью Сергеева листов. Все листы дела, шнур и печать оказались целыми. В деле, кроме того, оказалось вшитым и непронумерованным отношение начальника Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы от 20 января 1919 года за № 374 на имя Сергеева.

На нахождение у себя дела генерал-лейтенант Дитерихс предъявил предписание Верховного правителя от 17 января 1919 года за № 36.

Судебный следователь *Н. Соколов*
Генерал-лейтенант *Дитерихс*

Министерство Юстиции
Судебный следователь по особо важным делам
Омского Округного Суда
Н.А. Соколов
7 февраля 1919 г.
№ 41
Гор. Омск Дело № 20

РАСПИСКА

Выдана мною эта расписка генерал-лейтенанту Дитерихсу в том, что 7 сего февраля мною получено лично от него дело члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева об убийстве бывшего Императора Николая Александровича и членов Его Семьи на двести шестидесяти шести листах, вслед за которыми вшито непронумерованное отношение начальника Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы на имя Сергеева от 20 января 1919 года за № 374. Вышеизложенное подписал и печатью удостоверяю.

Судебный следователь по особо важным делам.
Николай Соколов

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 8 дня, в гор. Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюден. 443 ст. У. у. с., и они показали:

Я, Александр Андреевич Шереметевский, 30 лет, православный, грам., сын чиновника, не судился, живу в В.-Исетске, по Ключевской ул., № 22.

До Октябрьского переворота я служил фельдфебелем нестроевой команды 126 полка, а затем, уже при большевиках, служил некоторое время в интендантской команде. Уволен я был от службы 11 марта 1918 года и жил при отце.

По освобождении Екатеринбурга от власти большевиков я был назначен на охрану в распоряжении коменданта 9-го района. По распоряжению коменданта мне было поручено ближайшее наблюдение за ведением работ по откачиванию одной из шахт, расположенной в лесистой местности, верстах в 14—15 от города, по Исетской дороге, верстах в четырех от дер. Коптяков. На место работы я прибыл 2-го августа.

Близ этой шахты, саженьях в трех от нее, было пепелище от сожженного костра, а саженьях в десяти от шахты — следы другого костра. Костры были, по-видимому, небольшие, так как каждое пепелище занимало пространство не более девяти квадратных четвертей. Пепел этих костров был просеян до моего пребывания, и что там было найдено, — доподлинно сказать не могу.

Шахта, которую предстояло откачивать, была уже открыта. Устье шахты имело размеры, приблизительно, аршина три в длину и столько же в ширину. Стены шахты закреплены бревенчатым срубом. На стенах сруба кое-где были обнаружены осколки разорвавшихся ручных гранат. Глубина шахты до поверхности воды, или вернее — до поверхности льда, равнялась 8 аршинам, лед — толщиной около $\frac{1}{4}$ аршина, в одном из углов шахты оказался пробитым, образовав отверстие, достаточное для прохождения человеческого тела. По удалении льда глубина шахты в части, заполненной водой, оказалась, по измерению, равной 13 аршинам. Откачка воды все время производилась ручными насосами. 11 августа работы по откачке пришлось приостановить ввиду того, что эта местность сделалась театром войны. 15-го августа наступила возможность продолжения работ, каковые и были закончены 19 августа. Дно

шахты оказалось покрыто деревянным полом, а на поверхности пола скопился слой ила толщиной около $\frac{1}{2}$ аршина. Весь ил был извлечен со дна и промыт на вашгерде, при чем найдены были: человеческий палец от руки, вставная верхняя челюсть, дамская серьга с жемчужиной, застежка для галстука, шанцевая лопата и несколько осколков ручных гранат. Все эти вещи были переданы и. д. прокурора Окружного суда А.Т. Ку-тузову.

Сажень в 40 от описанной шахты находился прудок, образовавшийся от почвенной воды, заполнившей старые выработки¹. Прудок этот имел, приблизительно, сажень 10 в ширину, столько же сажень в длину и глубиною (в середине) до 4-х аршин. Работа по откачке воды из прудка производилась с 20 по 30 августа. На дне прудка оказалось большое количество ила. Верхний слой ила был промыт, а все дно было прошупано багром. Никаких решительно вещей обнаружено при этом не было. В откачанной ранее шахте на $\frac{1}{2}$ аршина выше пола был пробит коридор (также закрепленный), где собственно и производилась в свое время добыча руды. Коридор этот был высоты около двух аршин. Я сам заходил в этот коридор и проник вглубь его сажени на три, а далее пройти было нельзя, так как произошел обвал. Дно этого коридора твердое земляное, ничего заслуживающего внимания в коридоре замечено не было.

Верстах в $1\frac{1}{2}$ от описанной шахты находится еще шахта, обнесенная загородкой из тонких жердей и закрытая короткими бревнами. Одно из бревен было как будто пошевелено, а все остальные бревна сохранили свое прежнее положение. В шахту эту на воротке спускался штейгер Ерыкалов и багром прошупал ее дно, но ничего заслуживающего внимания не обнаружил, да и трудно было ожидать что-либо найти там, так как едва ли можно было спустить в шахту через то отверстие, которое могло образоваться по удалении одного бревна, человеческое тело. Прилегающая к шахтам местность

¹ Это «Ганина яма».

была обыскана, но ничего относящегося к делу найдено не было. Более показать ничего не имею.

Прочитано. *Александр Андреевич Шереметевский*

Член Окружного суда *Ив. Сергеев*

ПРЕДПИСАНИЕ

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
И ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Состоящему в моем распоряжении
Генерал – Лейтенанту Дитерихсу¹

«8» февраля 1919 г.
№ 86
г. Омск

Приказываю Вам, собранные на театре военных действий вещи бывших Членов Дома Романовых и состоявших при них лиц, с соответственными по Вашему усмотрению мерами охраны, перевезти специальным поездом в город Владивосток, где поступить с вещами согласно преподанных мною Вам указаний.

Документы, имеющие следственный характер – передать Следователю по Особо Важным делам при Омском Окружном Суде Соколову.

Адмирал *Колчак*
Адъютант Поручик *Матвеев*

¹ Оригинал хранится в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 8. л. 1. На бланке Верховного Правителя с печатью.

ПИСЬМО

Господину управляющему делами Совета министров
Г.Г. Тельберг
Срочно! Секретно!
Совершенно доверительно

Милостивый государь Георгий Густавович!

В настоящее время по политическим соображениям выяснилась необходимость сообщить материалы по делу об убийстве бывшего Государя Императора и его семьи не только английскому Высокому Комиссару сэру Элиот, но и заместителю Французского Высокого Комиссара г. Мартель. Последний намерен передать их шифром в Париж, а также французским посольствам в Вашингтоне и Лондоне, после чего эти материалы будут опубликованы в заграничной печати.

Таким образом, информация по столь деликатному и важному вопросу будет носить характер сведений, полученных самим французским правительством и его заграничными представителями.

Находя такой способ опубликования материалов более предпочтительным, нежели официальное правительственное сообщение, имею честь просить Вас о представлении этих материалов в, по возможности, обработанной форме. г. Мартель.

Примите уверение в отличном к Вам уважении и такой же преданности.

11 февраля 1919 года №322
г. Омск

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, февраля 11 дня, г. Пермь, чиновник Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев, согласно поручению члена Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеева от 6 февраля за № 114, производя расследование по делу об убийстве быв. Императора Николая II и его Семьи и имея в виду, что в этом деле, по выяснившимся данным, принимал видное участие скрывшийся с большевиками из гор. Екатеринбурга гражданин Екатеринбургского уезда, Сысертской вол. и завода Павел Спиридонов Медведев, который сего числа мною разыскан в г. Перми, руководствуясь 2 пун. 257 ст. уст. угол. судопроизв.

ПОСТАНОВИЛ: вышеупомянутого Медведева, 31 года, для пресечения способов уклоняться от следствия подвергнуть личному задержанию и доставить под стражей в г. Екатеринбург в местную тюрьму, где и содержать его впредь до распоряжения члена Окружного суда И.А. Сергеева, производящего следствие по данному делу, с выдачею кормового довольствия, а впредь до отправки содержать в Пермской губернской тюрьме, в особой камере от других заключенных, о чем ему и объявить с распискою на сем же.

Чиновник Екатеринбургского уголовного розыска
С. Алексеев

Постановление объявлено.
Павел Спиридонов Медведев

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 11 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, *Иосиф Никитич Мельников*, 24 лет, правос., грам., не судился, происхожу из кр-н Тульской губ., Алексинского уезда, Варфоломеевской вол., д. Никулино, ныне живу в гор. Екатеринбурге, по 1-ой Мельковке, в д. № 40.

В 1915-м году я был призван на действительную военную службу и был назначен в 126 пехотный запасный батальон, а в феврале 1916 года я уже отправился на австрийский фронт, где и был ранен в левую руку. Случилось это 4 августа 1916 года. Выписавшись из лазарета, я, по освидетельствовании, был признан негодным к военной службе. После этого я уехал к своим родителям, проживавшим в с. Киргишанах, Красноуфимского уезда, где отец мой служил бухгалтером на постройке линии Казань—Екатеринбург ж.д. Отсюда мы переехали в Ревдинский завод. Здесь я работал в снарядном цехе до Пасхи 1917 г., а затем переехал в Сарапул. Тут мой отец поступил машинистом на той же строящейся Казань—Екатеринбург линии, а я определился помощником машиниста. В этой должности я прослужил почти ровно год и к Пасхе 1918 года приехал в Екатеринбург. Оставил я службу по той причине, что условия ухудшились в смысле оплаты труда и недостатка продовольствия.

В Екатеринбурге я сначала работал в городских учреждениях по исправлению колодцев и ключей для питьевой воды, а затем поступил на электрическую станцию в качестве слесаря, но пробыл здесь недолго и наконец поступил слесарем в советский автомобильный гараж, так как мне давно хотелось изучить автомобильное дело. Гараж помещался там же, где и теперь (в д. Ларичева). Заведующим гаражом был тогда какой-то техник или инженер, Георгий Николаевич Штейман,

делопроизводителем был пожилой человек — Иван Федорович Молотков. Звали его «старым полковником», но был ли он в действительности офицером — не знаю. В гараже было всего около 50 машин, из них легковых было всего машин 10—12, а остальные — грузовые. Поступил я в гараж 28 мая и, за недостатком помощников шофера, меня назначили также помощником шофера Василия Фадеевича Ефимова, управлявшего легковым автомобилем, предназначенным для разъездов начальнику военных сообщений полковнику Стогову, проживавшему на вокзале. Некоторые из служащих гаража жили в общежитии, помещавшемся в здании Горного училища, а другие — на частных квартирах. Я жил на частной квартире вместе с братом Сергеем, служившим помощником машиниста на Пермской ж.д. Когда именно было объявлено населению г. Екатеринбурга об убийстве б. Императора — я не знаю, и об убийстве я слышал только почти перед самой эвакуацией.

Вы спрашиваете меня, не возил ли я кого-либо на автомобиле в сторону дер. Коптяков, и я теперь припоминаю вот какой случай: месяца и числа не упомяну, часов в 10 вечера, в воскресенье, за мной на квартиру заехал шофер Василий Ефимов и сказал мне: «Садись, поедem, требуют машину». Я сказал: «Только что мы Стогова отвезли — опять машину требуют». Ефимов ответил: «Что поделаешь. Велели подать в Американские номера». Я поехал с Ефимовым к Американской гостинице. Отсюда вышел какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, и спросил: «Кому подана машина?» Мы ответили, что машину требовали в Американские номера. Тогда молодой человек ушел в номера и вернулся вместе с двоими другими «комиссарами», из коих один был также молодой, а другой — пожилой, с черной бородой и усами, среднего роста, толстый, одет в кожаную тужурку и черные брюки, заправленные в сапоги¹. Что у него было на голове — фуражка, шляпа или шапка — не помню, не заметил. Этот господин спросил нас: «Хватит ли у вас

¹ Я.М. Юровский.

бензину, чтобы проездить всю ночь?» Узнав, что бензину у нас мало, он велел нам съездить в гараж и добавить бензину.

Исполнив приказание, мы вновь подали машину. В автомобиль сели указанные мною два молодых человека и пожилой господин. Помню, что один из молодых был без усов и бороды, довольно высокого роста, беловатый, одет в солдатскую шинель¹, другой — пониже ростом, с пробивающимися черненькими усиками, одет в штатскую черную одежду (пиджак вроде френча)². Этот молодой человек сел в середину сиденья, а другие двое сели по краям сиденья. Дорогу нам указывали наши пассажиры. По их указаниям мы доехали до В.-Исетского, проехали некоторое расстояние по селению, выехали на помост, поднялись в гору, проехали через линию жел. дороги и поехали почти вдоль полотна ж. д., имея его по левую сторону. Проехали мы таким образом более 10 верст (сколько именно — в точности сказать не могу) и, по приказанию одного из комиссаров, остановились около ж. д. будки³. Здесь комиссары вылезли и пошли в лес по какой-то лесной дороге. Проехали мы не более часу. Уходя, комиссары приказали: «Ждите нас здесь».

После ухода комиссаров мы с Ефимовым пошли по той же дороге, куда ушли наши пассажиры, чтобы полюбопытствовать, куда и зачем они пошли. Едва мы отошли сажен 15, как увидели стоявший возле дороги грузовой автомобиль. На автомобиле был только один шофер — мужчина лет за 30, с рыжеватыми усиками и бородкой, одетый в гимнастерку. Шофер этот, хотя и служил в нашем гараже, но я до этого случая его не видел и не знал. Имени и фамилии его не знаю. Я спросил этого шофера: «Ты зачем сюда приехал?» Тот мне ответил: «Вот, привез бочку керосину, да бак с водой». Действительно, около автомобиля находилась большая бочка с керосином и медный бак с водой (ведер в 5—6). На машине лежали железная лопатка и кирка. Далее шофер объяснил, что с ним ехал ка-

¹ Медведев (Кудрин) М.А.

² Никулин Г.П.

³ Это переезд № 184.

кой-то солдат, который ушел в лес, передав ему приказание дожидаться здесь. Задолго ли до нас прибыл грузовик, по чьему приказанию и где нагрузили на него бочку с керосином и бак — ничего этого я не знаю, не спрашивал.

Поговорив с упомянутым шофером, мы вернулись на будку. Я забыл Вам сказать, что, когда мы подъехали к будке, здесь находились какая-то дама, молодой человек и кучер, проезжавшие на лошади. Дама подошла к комиссарам и, сказав, что ей не позволяют ехать дальше, попросила у них разрешения проехать. Но комиссары велели ей подождать. С этой дамой и ее спутниками мы с Ефимовым пили на будке чай и молоко¹. Прождали мы своих пассажиров часа три. Стало уже совсем темно. Вернувшиеся к нам пассажиры приказали везти их по той дороге, по которой они пошли от нас пешком. Тут мы путались по всяким дорогам до тех пор, пока у нас не погасло электричество. Потратили много времени на исправление фонаря и затем поехали в сторону Екатеринбурга.

Зачем нас водили комиссары по лесу, — сказать не могу: то ли они сами заблудились, то ли нас хотели сбить с пути. Знаю только, что мы нигде не останавливались и никаких людей не встречали. Не видели также и огней от разведенных костров и не знаю, зажигались ли там где-либо костры. Должен оговориться, что к нам вернулись только два комиссара — молодые, а пожилой остался в лесу. В Екатеринбург мы приехали часу в 5-м утра, завезли комиссаров в Американские номера и, по их приказанию, опять поехали в гараж за бензином для своей машины и вновь подали машину к Американской гостинице. На этот раз с нами поехал один комиссар, с черненькими усиками. Поехали мы в том же направлении, откуда только что вернулись и, свернув с большой дороги в лес, подождали здесь немного и затем к нам вышел пожилой комиссар (тот самый, которого мы привезли в числе троих), с которым мы вернулись в город уж часу в 10-м утра.

¹ Об этом см. рассказ А.П. Суслопаровой, агенту Уголовного розыска Алексееву 3 июня 1919 г.

Зачем была сделана описанная мною таинственная поездка — положительно не знаю. Была ли оцеплена стражей местность, куда уходили комиссары, — не знаю, не видел. Когда вернулся грузовик, на котором были привезены бочка с керосином и бак с водой, — не знаю, никого об этом не спрашивал. Повторяю, что я совершенно не помню месяцам числа, в какие была совершена поездка. Не могу Вам даже сказать, было ли это до того, как пошли разговоры об убийстве б. Царя, или же после. Возможно, что это было и в июле месяце, за несколько дней до эвакуации, но скорее я склонен думать, что поездку в лес мы совершили приблизительно за неделю до занятия города чешскими и Сибирскими войсками. Помню также, что после этой поездки наша машина стояла дня 3—4 в ремонте. К дому Ипатьева, где содержался б. Царь, я ни разу не подавал ни для кого своей машины. Требовались ли к этому дому грузовые и легковые автомобили — не знаю, не слышал.

Наряды на подачу автомобилей получал заведывающий Штейман, и уже он отдавал распоряжения шоферам — кому и куда ехать. Никаких разговоров о том, были ли какие-либо автомобили попорчены во время поездок по лесным малоезжим дорогам, были ли окровавлены, я ни от кого не слышал. Шофера по фамилии «Никифоров» я не знаю. Не знал я также шофера Сергея Люханова. Шофер Василий Ефимов эвакуировался с красными и уехал на родину в гор. Нарву. Я также был эвакуирован принудительно и был увезен в Пермь, где служил в том же гараже. При занятии Перми правительственными войсками я, в числе многих других эвакуированных, остался в городе, не желая следовать за красными. Ныне я служу добровольцем автомобильной команды при штабе 7-ой Уральской дивизии горных стрелков. Штейман и Молотков, как мне известно, остались в Перми, а где находятся в настоящее время — не знаю. Более показать ничего не имею.

Мельников

Ив. Сергеев

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 12 дня, в городе Перми, в губернской тюрьме. Чиновник Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев, производя расследование по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его семьи, расспрашивал в порядке производства дознания, в присутствии и под наблюдением прокурора Пермского окружного суда, гражданина Екатеринбургского уезда, Сысертской волости и завода, Павла Спиридонова Медведева, задержанного мною в городе Перми, который показал, что он имеет 31 год от роду, принадлежит к числу постоянных жителей Сысертского завода, где и родился. В месте приписки у него осталась жена Мария Данилова и трое детей, а именно: дочь Зоя — 7 лет, сыновья Андрей — 6 лет и Иван — 1 года. В Сысертском заводе у него свой дом и небольшое хозяйство по Сомовой улице № 36. По ремеслу он заводской рабочий — работал подмастерьем прокатного цеха на мелкосортной машине и, кроме того, знает отчасти сапожное ремесло.

Во время русско-германской войны был мобилизован как ратник ополчения 1 разряда, но был от военной службы освобожден, как работающий в заводе. При большевистском перевороте в числе других рабочих вступил в партию большевиков и вносил в эту партию установленный членский взнос до 1% с рубля, но платил взнос лица в течение трех месяцев, а затем прекратил, не желая состоять в партии большевиков. Человек он малограмотный, учился всего два года в сельской школе и курса не окончил. За уголовные преступления не судился.

В мае месяце минувшего 1918 года в Сысертский завод прибыл комиссар Мрачковский Сергей Витальев, родом из Уфалейского завода — зять диакона Сысертского завода Кузовникова, командир Уфалейского фронта. Он начал приглашать рабочих Сысертского завода, состоящих в партии большевиков, на охрану дома в г. Екатеринбурге, где помещался бывший Император Николай II с семьей. До этого времени охрана этого дома состояла из других лиц, которые советской власти пока-

зались ненадежны, и поэтому Мрачковский прибыл нанимать людей для этой охраны в Сысертский завод, где организация партии большевиков считалась лучшей. Наем этой охраны состоялся 19 мая н. ст., в нее записалось 30 человек, желающих вступить, и в числе их записался он, Медведев.

Запись лиц, желающих вступить в охрану, делал гражданин Сысертского завода Николай Иванов Чуркин, который состоял помощником военного комиссара Сысертского завода. Жалованье вступившим в охрану было назначено 400 рублей в месяц при готовом продовольствии и обмундировании.

По прибытии в г. Екатеринбург они до 24 мая в охрану не вступали и жили в особом помещении с красноармейцами, а 24 числа мая приняли охрану означенного дома. Дом этот назывался при охране «Домом особого назначения», находится он в г. Екатеринбурге по Вознесенскому проспекту, принадлежит какому-то Ипатьеву.

Когда они вступили на охрану дома, то комендантом этого дома был Александр Авдеев, рабочий Злоказовского завода, а помощником Мошкин — тоже рабочий названного завода. Ранее дом охранялся какими-то красноармейцами — местными жителями, но никого из них по имени и фамилии он не знает. Первоначально на охрану дома вступили только лишь 30 человек нанятых рабочих Сысертского завода, а потом прибавили к ним еще 15 человек рабочих Злоказовской фабрики близ г. Екатеринбурга и вскоре еще прибавили латышей-коммунистов 10 человек, из партии коммунистов, находившихся в г. Екатеринбурге. Фамилии и имена этих латышей, а также и место приписки их он не знает.

Из своей среды охранниками избирались разводящие. Первыми разводящими были избраны он, Медведев, и Алексей Никитин Никифоров — рабочий Сысертского завода, а потом был избран третий — Константин Степанов Добрынин — гражданин Сысертского завода, и затем избрали еще Ивана Андреева Старкова — тоже Сысертского завода. Старкова избрали вместо вышеупомянутого Никифорова, который заболел и уволился домой, так что последнее время на охране этого дома не состо-

ял. Из среды злоказовских рабочих был тоже избран свой разводящий по имени Леонид¹, фамилию его не знает. Всего разводящих было 4 человека. Исполняли они обязанность на две смены, поочередно днем и ночью наблюдая за исправностью караула и сменой постов. Внутри самого дома караул несли латыши, а остальные лица занимали караул в разных местах в ограде дома, в саду и на чердаке дома, где стоял пулемет. Всего было при доме 4 пулемета.

В охрану означенного дома поступили и состояли в этой охране вместе с ним, Медведевым, следующие лица — граждане Сысертского завода:

1) вышеупомянутый Алексей Никифоров — бывший разводящий, 2) Константин Степанов Добрынин — разводящий, 3) Иван Андреев Старков — разводящий, 4) Андрей Андреев Стрекотин, 5) Александр Андреев Стрекотин, 6) Михаил Павлов Котов, 7) Филипп Полиевктов Проскуряков, 8) Егор Алексеев Столов, 9) Александр Григорьев Орлов, 10) Роман Теткин — из Наварной улицы, 11) Николай Иванов Подкорытов, 12) Семен Михайлов Турыгин, 13) Виктор Луговой — из-за реки, 14) Василий Егоров Семенов, 15) Николай Иванов Попов, 16) Иван Семенов Талапов, 17) Николай Степанов Садчиков, 18) Григорий Александров Кесарев, 19) Николай Степанов Зайцев, 20) Андрей Алексеев Старков, 21) Семен Николаев Беломонин, 22) Михаил Иванов Летемин, 23) Вениамин Яковлев Сафонов (Файка), 24) Семен Степанов Шевелев, 25) Алексей Иванов Чуркин, 26) Александр Кронидов Алексеев, 27) Степан Вяткин из Поварной улицы и 28) Иван Павлов Котегов. Кто еще был 29-й — не может припомнить. До конца охраны дома не остались Иван Катетов, Виктор Луговой, Андрей Старков, Григорий Кесарев и Василий Семенов, которые уволились по болезни. Из числа злоказовских рабочих он ни одного по имени и фамилии не знает, были они из разных мест.

¹ Среди охранников был Леонид Брусьянин, но разводящими были трое из рабочих Сысертского завода — В.Е. Семенов, которого заменил И.А. Старков и К.С. Добрынин.

Вышеупомянутый Авдеев был комендантом дома при нем только первое время, также и его помощник Мошкин, а затем был уволен от обязанности за пьянство и кражу каких-то царских вещей. С ними были уволены еще каких-то четыре лица. Люди эти жили вместе с Авдеевым и Мошкиным в самом доме, где помещалась канцелярия.

После Авдеева вступил комендантом дома Юровский, лично которого он до той поры не знал. Помощником его вступил какой-то молодой высокий мужчина, на вид лет 30—32, темно-русый, бороды не имеет, усы маленькие, лицо чистое, говорит «буторовато», на вид русский¹. Однажды он видел, как человек этот гулял с барышней, пришедшей к тыну, окружавшему дом. Барышня была роста среднего, темно-русая, полная. Юровский и его помощник жили все время в доме, причем занимали канцелярию, помещавшуюся в верхнем этаже дома.

Караул при доме первое время также находился в самом доме внизу, а потом был переведен рядом с этим домом в дом Попова и помещался в верхнем этаже. В самом «Доме особого назначения» помещались тогда только одни латыши. Из посторонних лиц, не состоящих в охране, никого при доме не было.

В «Доме особого назначения» были помещены следующие лица из Царской семьи: сам бывший Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери: Татьяна, Анастасия, Ольга и Ксения². Вместе с ними находился доктор Боткин и прислуга их: повар, официант, горничная и еще трое мужчин. Последние трое мужчин прибыли в дом уже при них, кажется, из Тобольска, с царским имуществом, привезенным на лошадях на 20-ти, и пробыли в этом доме по нескольку дней³. Из них одного потом отправили в тюрьму и двух в под-тюремек (арестный дом), за солдатскими казармами. За исключением этих трех последних лиц, в «Доме особого назначения» оставалось под этой охраной всего 11 лиц, которых и перечис-

¹ Помощник Я.М. Юровского Г.П. Никулин.

² Ошибка, правильно — Мария Николаевна.

³ Это были — Нагорный, Седнев и Чемодуров.

лил. Кроме них, был еще мальчик, племянник официанта, как его звать — не знает.

Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад. Сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его выносили в сад на руках. Выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще всегда сам ходил за ним. Супруга Царя в сад не выходила никогда, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, и иногда сидела возле сына, который обычно сидел в коляске. Царь по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было. А супруга Царя начинала седеть и была худошава. Дети вели себя «обыкновенно» и улыбались при встрече с караульными. Разговаривать с ними запрещалось.

Доводилось ему, Медведеву, разговаривать с Царем при встрече в саду. Однажды он спросил его: «Как дела, как война, куда ведут войско?» На это он ему ответил, что «война идет между собою, русские с русскими дерутся между собою». Также однажды Царь увидал, что он, Медведев, рвет лопушки в саду и спросил его, на что это он рвет. Он сказал ему: «Для табаку». Вообще много говорить не приходилось, так как все время следил за ними комендант Юровский и помощник его.

Пищу для Царской семьи первое время носили из советской столовой, находившейся на Главном проспекте. Носили эту пищу из столовой женщины и девушки, от коих принимал караул у парадного крыльца. В дом они не входили и затем носили молоко из монастыря. На пищу приносили суп, котлеты, белый хлеб и молоко. После разрешено было варить пищу в доме повару их, который и приготавливал пищу.

Неоднократно приглашался в дом священник для богослужений.

За все время охраны дома при нем, Медведеве, никакого издевательства над Царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось.

Спала Царская семья в двух комнатах, где устроены были у них кровати, в третьей комнате спал доктор и в четвертой прислуга. Царь и его семья, а также прислуга, зани-

мали верхний этаж дома, состоящий из семи комнат, считая в том числе коридор и канцелярию коменданта.

16 июля 1918 года по новому стилю, под вечер, часов в 7, комендант Юровский приказал ему, Медведеву, собрать у всех караульных, стоящих на постах при охране дома, револьверы. Револьверов у охраны дома было всего 12 штук, все они были системы Нагана. Собрав револьверы, он доставил их коменданту Юровскому в канцелярию при доме и положил на стол. Еще утром в этот день Юровский распорядился увезти мальчика, племянника официанта, из дома и поместить в караульном помещении при соседнем доме Попова. Для чего все это делалось, Юровский ему не говорил, но вскоре после того, как он доставил Юровскому револьверы, последний ему сказал: «Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство все» и велел предупредить команду караула о том, что если команда услышит выстрелы, то не тревожилась бы. Предупредить об этом команду он предложил часов в 10 вечера. В указанное время он, Медведев, команду предупредил об этом, а затем снова находился при доме.

Часов в 12 ночи комендант Юровский начал будить Царскую семью. Сам Николай II и все семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись, и приблизительно через час времени все 11 человек вышли из своих комнат. Все они на вид были спокойные и как будто никакой опасности не ожидали. Из верхнего этажа дома они спустились вниз по лестнице, ведущей из ограды дома. Сам Николай II на руках вынес сына Алексея. Спустившись вниз, они вошли в комнату, находящуюся в конце корпуса дома. Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки. Затем комендант Юровский приказал принести стулья. Принесли 3 стула.

К этому времени в «Дом особого назначения» уже были два члена Чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как он узнал впоследствии, был Ермаков, как звать его, не знает, родом из Верх-Исетского завода, и другой, ему совсем неизвестный. Первый из них, Ермаков, невысокого роста, черноватый, на вид лет 30, бороду бреет, усы черные, говорит —

«приярыкивает», второй — роста высокого, белокурый, на вид 25—26 лет¹.

Комендант Юровский, его помощник и эти два лица спустились в нижний этаж, где уже находилась Царская семья. Из числа охраны находились внизу в той комнате, где была Царская семья, 7 латышей, а остальные три латыша были тоже внизу, но в особой комнате. Револьверы были розданы Юровским уже по рукам и находились у 7 латышей, бывших в комнате, двух членов следственной комиссии, самого Юровского и его помощника: всего было роздано по рукам 11 револьверов, а один револьвер Юровский разрешил взять обратно ему, Медведеву. Кроме того, у Юровского был при себе револьвер Маузер. Таким образом в комнате внизу собралось всего 22 человека: 11 подлежащих расстрелу и 11 человек с оружием, которых он всех и назвал.

На стульях в комнате сели супруга Николая II, сам Николай II и сын его Алексей, остальные стояли на ногах около стенки, причем все время были спокойны.

Юровский, спустя несколько минут, вышел к нему, Медведеву, в соседнюю комнату и сказал ему: «Сходи, Медведев, посмотри на улице, нет ли посторонних людей, и послушай выстрелы, слышно будет или нет». Он, Медведев, вышел за ограду и тотчас по выходе услышал выстрелы из огнестрельного оружия и пошел обратно в дом сказать Юровскому, что выстрелы слышно.

Когда вошел в комнату, где находилась Царская семья, то они все уже были расстреляны и лежали на полу в разных положениях. Около них была масса крови, причем кровь была густая — «печенками». Все, за исключением сына Царя Алексея, были, по-видимому, уже мертвы. Алексей еще стонал. Юровский еще раза два или три при нем, Медведеву, выстрелил в Алексея из нагана, и тогда он стонать перестал. Вид убитых настолько повлиял на него, Медведева, что его начало тошнить, и он вышел из комнаты.

¹ Это — М.А. Медведев (Кудрин).

Затем Юровский тогда же приказал ему бежать в команду и сказать, чтобы команда не волновалась, если слышала выстрелы. Когда он пошел в команду, то еще в доме последовало два выстрела, а навстречу ему попали бегущие из команды разводящие Иван Огарков и Константин Добрынин. Последние, встретясь с ним еще на улице у дома, спросили его: «Что лично ли застрелили Николая II? Вместо его чтоб другого не застрелили, то тебе отвечать придется, ты принимал его». На это он им ответил, что хорошо лично видел, что они застрелены, т. е. Николай II и его семья, и предложил им идти в команду и успокоить, чтобы не волновалась охрана.

Видел он, Медведев, что таким образом расстреляны были: бывший Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери Татьяна, Анастасия, Ольга, Ксения, доктор Боткин и прислуга: повар, официант, горничная.

У каждого было по несколько огнестрельных ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех также была в крови.

Покойные, видимо, ничего до самого момента расстрела о грозящей им опасности не знали. Сам он, Медведев, участия в расстреле не принимал¹.

Когда он, Медведев, вернулся к Юровскому в комнату, то Юровский приказал ему привести несколько человек из охраны и перенести тела убитых на автомобиль. Он созвал больше 10 человек из караульных, а кого именно, теперь не упомнит. Сделали носилки из двух оглобелей саней, стоявших во дворе под сараем, к ним привязали веревкою простыню и таким образом перенесли все трупы на автомобиль.

Со всех членов Царской семьи, у кого были на руках, сняли, когда еще они были в комнате, кольца, браслеты и двое золот/ых/ час/ов/. Вещи эти тут же передали коменданту Юров-

¹ П. Медведев говорит неправду. Участие его в расстреле подтвердили Летемин, А. Стрекотин, и его жена Мария Даниловна.

скому. Сколько было снято с умерших колец и браслет/ов/, он не знает.

Все 11 трупов тогда же увезли со двора на автомобиле. Автомобиль с трупами был особый грузовик, который был доставлен во двор под вечер. На автомобиле этом с трупами уехали два члена следственной комиссии, один из коих был Ермаков, а другой, вышеописанных примет, ему неизвестный. Шофер на этом автомобиле был, кажется, Люханов по фамилии. Человек он среднего роста, коренастый, на вид более 30 лет, лицо бугреватое (угреватое). Трупы убитых были положены на автомобиль на серое солдатское сукно и сверху прикрыты тем же сукном. Сукно было взято в том же помещении дома, где оно хранилось куском.

Куда были увезены трупы, он, Медведев, достоверно не знает и никого об этом тогда не расспрашивал. Лишь позднее в городе Алапаевске он встретился с членом Чрезвычайной следственной комиссии, названным выше Ермаковым, и спрашивал его, куда девали трупы. Ермаков говорил, что он отвез их в шахту за Верх-Исетским заводом, там свалили все трупы в шахту и затем будто бы взорвали эту шахту, бросая туда бомбы, чтобы она засыпалась землею. Так ли было на самом деле, он, Медведев, не знает.

После увоза трупов из дома комендант Юровский приказал позвать команду и вымыть пол в комнате, где был произведен расстрел, а также замыть кровь в ограде, на парадном крыльце двора и где стоял автомобиль, что и было исполнено тогда людьми, состоящими на охране. Когда это все было сделано, Юровский ушел из двора в канцелярию при доме, а он, Медведев, удалился в дом Попова, где было помещение для караульных, и до утра из помещения не выходил.

Караулы же при доме оставались на своих местах и не снимались до 20 июля, несмотря на то, что в доме уже никого не было. Это делалось для того, чтобы не вызвать волнение в народе и показать вид, что Царская семья жива.

Утром на следующий день, 17 июля, он, Медведев, вошел в дома, придя в верхний этаж, нашел в доме большой беспорядок.

рядок. Вещи царские были все перерыты и разбросаны в разных местах, а разные золотые и серебряные вещи — кольца, браслеты и другое, лежали в канцелярии на столах. Вещей золотых и серебряных было очень много, завалены все столы. В канцелярии в то время был помощник коменданта и латыши: рассматривали вещи. Самого коменданта Юровского где-то не было.

Обходя по комнатам дома, он, Медведев, подошел к одному столу, где лежала книжка «Закон Божий», взял эту книжку в руки и увидел под ней деньги: 60 рублей, десятирублевыми кредитными билетами. Деньги эти он взял себе, не объяснив никому. Тогда же он взял валявшиеся на полу три серебряные кольца, на коих написаны какие-то молитвы, несколько носовых платков и, кроме того, ему дал бывший помощник коменданта Мошкин носки мужские (одну пару) и одну женскую рубашку. Больше никаких вещей он не брал. На другой же день к нему, Медведеву, приехала его жена Мария Даниловна, и он передал ей упомянутые вещи и сам уехал вместе с нею домой. Комендант Юровский дал ему тогда 8000 рублей для раздачи семьям лиц, бывших в охране.

Вернулся в г. Екатеринбург 21 июля. Охрана при доме тогда уже была снята. До 24 июля пробыл в г. Екатеринбурге, причем уходил ночевать к своей сватье Марии Прокопьевой, урожденной Гуськовой, фамилию по мужу не знает, живущей по Колобовской улице, № дома не знает.

24 июля отправился на вокзал ст. Екатеринбург II, где разыскал комиссара Мрачковского и с ним уехал на поезде до Нижнего Тагила. Затем комиссар Сысертского завода Алексей Яковлев Сафонов взял его к себе помощником по выпечке хлеба для армии, и он пробыл при нем до октября месяца. После этого его послали в числе других на «формировку» в г. Пермь, где он, Медведев, увидел областного комиссара Голощекина, который знал его лично ранее по городу Екатеринбургу, когда он состоял разводящим по охране «Дома особого назначения». Попросил Голощекина дать ему какую-нибудь службу, и Голощекин послал его с запиской своей в «отдел форми-

рования». Из этого отдела с той же запиской, написав что-то на ней, комиссар Гольдберг послал его к вагону за известным номером на ст. Пермь II.

Вагон он нашел и в нем он застал трех неизвестных ему людей, которые спросили его, специалист ли он к этому делу, причем показали ему аппарат «ометр» /омметр/. Он ответил им, что в первый раз в жизни видит такой аппарат и не знает, для чего он идет. Затем они повели его на Камский мост через реку Каму, близ города Перми. Прийдя к мосту, они спустились с ним на 3-й бык и показали сооружения, устроенные для взрыва моста. К стенкам этого быка были привязаны мины, и от них шли проводники на правый берег реки. Показали ему способы соединения с «ометром» и, передав ему «ометр», велели находиться в помещении, устроенном на правом берегу Камы, и хранить «ометр», наблюдая за целостью проводов и в случае замеченной порчи исправлять их.

При мосте был особый комендант Колегов, и охраняли его мадьяры. Комендант и охрана помещались на правом берегу. Приняв таким образом на себя охрану сооружения для взрыва Камского моста, он жил некоторое время один в помещении на правом берегу Камы. Затем выхлопотал себе помощника, и ему назначили в помощь гражданина Сысертского завода Петра Васильева Алексеева, с которым он жил в этом помещении до занятия г. Перми правительственными войсками, т. е. до 24 декабря н. с.

Накануне этого дня вечером ему пришло письменное приказание взорвать мост. Присланы были ему 4 капсюля и подрывная машинка. Адресовано все это было не на его имя, а какому-то Бобылеву. Комендант Колегов объяснял, что они всегда так делают для «секретности». Капсюли и машинка доставлены были вечером 24 декабря. По соглашению с комендантом решили отложить взрыв моста до утра, а затем вновь отложили до вечера. Но часа в 4 дня пришел комиссар путей 5 участка Яковлев и приказал ему взорвать мост, объявив это приказание под расписку. Сам он, Яковлев, и комендант Колегов тотчас бегом побежали от него к разъезду железной до-

роги. Товарищ его, Алексеев, убежал еще раньше, а в это время к мосту со стороны правого берега подошли уже правительственные войска и уже начали стрелять из винтовок с моста в убежавших Яковлева и Колегова.

Он, Медведев, в это время сидел в своей избушке с аппаратом и ничего не предпринимал, решив не взрывать мост и перейти на сторону правительственных войск. Пробыв в избушке минут 20 времени, он вышел из избы, взяв с собой аппараты для взрыва и имевшийся при нем револьвер Нагана. В это время было уже темно. Когда он отошел значительное расстояние от моста, направляясь к Балашевскому заводу на правом берегу реки, откуда хотел на другой день прийти в г. Пермь и явиться к властям, его увидали с моста часовые правительственных войск и окликали его, спросив: «Кто идет?» Он ответил, что красноармеец. Они приказали ему идти к ним.

Он вернулся и пошел к ним на оклик, и они его около самого моста задержали. Обыскав его, они отобрали у него деньги 415 рублей, оставшиеся от жалованья, и отправили на левый берег. Затем привели на ст. Пермь II, где у него аппараты для взрыва и наган взяли, а также сняли сапоги и, в числе других добровольно сдавшихся красноармейцев, отправили его в «Красные казармы» близ г. Перми. В этих казармах он пробыл с неделю времени и его, в числе других, откомандировали в 139 эвакуационный пункт в санитарную команду, где он и находился до сего времени.

По поводу расстрела бывшего Императора Николая II и его семьи он рассказывал на эвакуационном пункте одной сестре милосердия в перевязочном отделении, как ее звать и фамилию не знает — рыженькая она, одна находится в том отделении. Более никому относительно расстрела Царской семьи не говорил.

Из числа его однообщественников, бывших на охране дома, где жила Царская семья, как ему известно по слухам, убиты на фронте Андрей Стрекотин, Николай Попов и Иван Старков. Остальные лица остались от него в следующих ме-

стах: Никифоров заведует хозяйственной частью в отряде Жебенева, во время расстрела он на охране не был. Добрынин был сначала в строю, затем ранен в ногу, вылечился и поступил в Левшино на пароход. Котеков в строю в отряде Жебенева. Стрекотин Александр — не знает где, кажется, тоже в Левшино на пароходе. Котов — не знает где. Проскуряков находится в строю. Столов — в Левшино. Вяткин и Орлов — в Левшино. Теткин — не знает где. Подкорытов, Турыгин, Талапов, Сафонов, Шевелев и Чуркин — в Левшино на пароходах. Какие обязанности исполняли они на пароходах, он не знает. Алексеев состоял в Перми вестовым при воинской части в гимназии на углу Сибирской и Петропавловской улиц. Луговой — неизвестно ему где. Семенов и Кесарев — в строю Красной армии. Сысертские рабочие вошли преимущественно в 1 крестьянский полк, сформированный в Режевском заводе. В том же полку состоят Катетов, Семенов, Стрекотин и другие.

Припоминает и последнего — 30-го — бывшего на охране «Дома особого назначения». Это был гражданин Сысертского завода Александр Котеков из Задней улицы. Во время расстрела он был на охране. Где Котеков сейчас находится — не знает. Более ничего по делу не знает.

Чиновник Уголовного розыска С. Алексеев
При допросе присутствовал и. д. прокурора суда П. Шамарин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, февраля 20 дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев, рассмотрев настоящее дело, нашел:

21 июля 1918 года, расклеенными по городу печатными объявлениями, население города Екатеринбурга было из-

вещено о состоявшейся в ночь с 16-го на 17-ое июля, по постановлению президиума Областного совета, казни б. Императора. В тех же объявлениях было сообщено, что жена и сын б. Императора отправлены в надежное место.

На возникшем по этому поводу 29 июля 1918 года, по освобождении города Екатеринбурга от советской власти, предварительном следствии установлены, между прочим, следующие данные:

30-го апреля 1918 года, по распоряжению Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов, доставлены были в город Екатеринбург на жительство находившиеся в заключении в городе Тобольске б. Император Николай Александрович, супруга его Александра Федоровна и дочь Мария Николаевна. 24 мая того же года были доставлены и остальные члены б. Царской семьи: Наследник Цесаревич Алексей Николаевич и великие княжны Ольга, Татьяна и Анастасия Николаевны. Для жительства Царской семьи и состоявших при ней лиц был отведен реквизированный для этой цели двухэтажный дом Ипатьева, находящийся на углу Вознесенской улицы и Вознесенского переулка. Из семи комнат верхнего этажа (не считая кухни и проходных комнат) шесть были предоставлены в пользование семьи, а одна была занята комендантом дома и его помощником, назначенными Уральским областным советом раб. и крест. депутатов. Коменданту была вверена охрана Царской семьи, ему же принадлежало заведывание условиями ее содержания, согласно с указаниями Областного совета.

Первое время охрана дома Ипатьева выполнялась нарядами красноармейцев, а затем, во второй половине мая месяца, для несения службы по охране дома была сформирована особая команда из рабочих Сысертского завода, Екатеринбургского уезда, в числе 30 человек. Состав команды впоследствии был дополнен еще 15 рабочими екатеринбургской фабрики Злоказовых и 10-ю латышами.

До конца июня 1918 года комендантом дома Ипатьева состоял рабочий Злоказовской фабрики Александр Авдеев, а по-

мощником его рабочий той же фабрики Мошкин, а затем означенные лица были уволены, и в должность коменданта вступил один из видных агентов «советской власти» бывший фельдшер местного военного лазарета Яков Михайлович Юровский. Ко времени вступления Юровского в должность коменданта в доме находились: б. Император, Императрица, Наследник, в. княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а из приближенных и слуг — лейб-медик Е.С. Боткин, комнатная девушка Анна Демидова, повар Харитонов, лакей Трупп и 14-летний мальчик Седнев. Охранная команда из рабочих помещалась в доме Попова, расположенном напротив дома Ипатьева, а отряд латышей помещался в нижнем этаже дома Ипатьева и нес караульную службу на постах внутри дома. Всего было учреждено одиннадцать караульных постов, из них два пулеметных. Один из пулеметных постов был установлен на нижнем этаже дома Ипатьева, на окне, выходящем в сад. Дом Ипатьева охранялся до 21 июля, а этого числа охрана была снята, и 22 июля дом был передан в распоряжение владельца.

Произведенным при следствии осмотром дома Ипатьева добыты следующие данные. В помещениях, занимаемых Царской семьей, в беспорядке разбросаны остатки малоценных вещей, принадлежавших членам семьи. В топках печей обнаружено присутствие большого количества пепла и обгорелых остатков от различных сожженных бумаг, документов и вещей. В одной из комнат нижнего этажа, выходящей окном на Вознесенский переулок, смежной с кладовой, обнаружены в стене следы проникновения пуль. Такие же следы выстрелов обнаружены и в толще пола, с явственными признаками крови, пропитавшей ткань дерева по ходу пулевых каналов. Найдены и застрявшие в стене и в полу револьверные пули. На полу комнаты и на стене обнаружены явственные следы замывки. Все имущество, принадлежащее Царской семье, за исключением немногих оставшихся вещей, расхищено.

При осмотре местности, расположенной верстах в 15 от города, близ деревни Коптяков, найдены следы сожженных

костров и в пепле обнаружены: бриллиант весом около 12 каратов, признанный свидетелями за принадлежавший б. Императрице, осыпанный изумрудами крест, признанный за принадлежащий одной из дочерей Государя, и разные остатки от сожженных принадлежностей обуви и одежды. В одной из находящихся в той местности шахт обнаружены осколки разорвавшейся бомбы, оторванный человеческий палец, вставная челюсть, признанная за принадлежащую лейб-медику Боткину, и жемчужные серьги, признанные за принадлежащие б. Императрице.

Показаниями свидетелей Михаила Летемина и Марии Медведевой установлено, что старшим в охранной команде (разводящим) был Павел Спиридонович Медведев, принимавший непосредственное участие в расстреле Царской семьи. Это участие Медведева удостоверял Летемин, стоявший в ночь убийства на пулеметном посту, и Александр Стрекотин. Те же свидетели удостоверяли, что накануне убийства Царской семьи мальчик Седнев был переведен в помещение команды. Свидетель Владимир Кухтенков удостоверял подслушанный им разговор в.-исетского военного комиссара Петра Ермакова и деятелей партии коммунистов-большевиков Александра Костоусова, Алексея Партина и Василия Леватных. Содержание разговора сводится к тому, что эти лица принимали участие в сокрытии трупов убитых Царя, Царицы, Наследника, вел. княжон, доктора Боткина и некоторых царских слуг. Тела убитых до сего времени обнаружить не удалось.

Задержанный 11 февраля сего года в городе Перми Павел Спиридонов Медведев объяснил при дознании, что в ночь на 17-ое июля, действительно, были расстреляны б. Император, его супруга, Наследник, четыре царских дочери, доктор, служанка, повар и лакей. Расстрелом руководил комендант Юровский, а он, Медведев, доставил для этой цели оружие и распоряжался переноской трупов убитых на грузовой автомобиль и уничтожением следов преступления путем смывания и стирания крови как в месте расстрела, так и во дворе. Объяснение Медведева вполне совпадает с установленными

следствием объективными данными и показаниями свидетелей.

Обсудив изложенное и обращаясь ныне к разрешению вопроса об ответственности лишь одного задержанного Медведева, надлежит признать:

1. что по собранным следствием данным событие преступления представляется доказанным,

2. что б. Император Николай II, б. Императрица Александра Федоровна, Наследник Цесаревич, в. княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны убиты одновременно, в одном помещении, многократными выстрелами из револьверов,

3. что тогда же и при тех же обстоятельствах убиты состоявший при Царской семье лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, комнатная служанка Анна Демидова и слуги Харитонов и Трупп,

4. что убийство задумано заранее и выполнено по выработанному плану, что сопровождалось оно такими действиями, которые носили характер жестокости и особенных мучений для жертв преступления, причем убийцы завладели имуществом убитых,

5. что соучастие Павла Спиридонова Медведева в совершении означенного преступления по уговору и сообщая с другими лицами представляется доказанным

я, производящий следствие член окружного суда Сергеев, руководствуясь 396 ст. уст. уг. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: крестьянина Пермской губ., Екатеринбургского уезда, Сысертской волости и завода Павла Спиридоновича Медведева, 31 года, привлечь по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого в том, что по предварительному уговору с другими лицами, задумав заранее лишить жизни заключенных в городе Екатеринбурге в доме б. Императора Николая II, супругу его Александру Федоровну, Наследника Алексея Николаевича и в. княжон Ольгу, Марию, Татьяну и Анастасию, а также состоявших при них лейб-ме-

дика Боткина, служанку Демидову Анну и слуг Харитонову и Труппа, он с этой целью в ночь на 17-ое июля 1918 года (н. ст.) заманил их в уединенную комнату нижнего этажа и здесь многочисленными выстрелами из револьверов причинил им смерть, после чего он и его соучастники завладели принадлежавшими убитым вещами и ценностями, т. е. в преступлении, предусмотренном 13 ст. и 2 и 4 ч. 1453 ст. Ул. о наказ.

Член Окружного суда *Ив. Сергеев*

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 21—22 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского Окружного суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 403—405 ст. уст. уг. суд., предъявив ему обвинение в преступлении, предусм. 13 и 1453 ст. Ул. о нак., формулированное в постановлении моем от сего февраля, причем допрашиваемый показал:

Я, Павел Спиридонович Медведев, 31, православный, грамотный, не судился,

происхожу из кр. Сысертского завода, Сысертской волости, Екатеринбургского уезда. Пермской губ., женат, имеют жену Марью Даниловну и дочь Зою — 8 лет, сына Андрея — 6 лет и сына Ивана — 1-го года, в Сысерти имею свой дом и хозяйство; занимался работой в сварочном цехе Сысертского завода, а в свободное время прирабатывал сапожным мастерством.

В народной школе я проучился только два года и вышел из школы, не окончив курса. В сентябре 1914 года я был мобилизован в качестве ратника ополчения 1-го разряда и был зачислен в ополченскую дружину № 2, расположенную

в гор. Верхотурье. В дружине я пробыл всего два месяца и затем от военной службы был освобожден, как рабочий завода, работавшего на оборону.

После Февральской революции, кажется, в апреле 1917 года, я, как и большинство рабочих завода, записался в партию большевиков и в течение трех месяцев вносил в кассу партии денежное отчисление в размере одного процента от заработка, а затем уплату денег прекратил, так как в партийной работе участия принимать не пожелал.

После октябрьского переворота, в январе 1918 года, меня записали в красную армию, а в феврале я уже был отправлен на Дутовский фронт. Начальником отряда, в котором я был назначен, состоял комиссар Сергей Витальевич Мрачковский. Воевали мы за городом Троицком, но война была для нас неудачной, и мы больше «плутали» по степи, чем сражались. В апреле месяце я с фронта вернулся домой и отдыхал здесь недели три.

Во второй половине мая месяца в наш завод прибыл названный мною комиссар Мрачковский и стал набирать из среды рабочих команду для охраны дома, в котором содержался б. Император Николай II со своей семьей. Условия службы мне показались подходящими, и я записался в эту команду. Всего набрано было 30 человек: 1) Алексей Никитич Никифоров, 2) Константин Степанович Добрынин, 3) Иван Андреевич Старков, 4) Андрей Андреевич Стрекотин, 5) Александр Андреевич Стрекотин, 6) Михаил Павлович Котов, 7) Филипп Полиевктович Проскуряков, 8) Егор Алексеевич Столов, 9) Александр Григорьевич Орлов, 10) Роман Теткин, 11) Николай Иванович Подкорытов, 12) Семен Михайлович Турыгин, 13) Виктор (отчества не помню) Луговой, 14) Василий Егорович Семенов, 15) Николай Иванович Попов, 16) Иван Семенович Талапов, 17) Николай Степанович Садчиков, 18) Григорий Александрович Кесарев, 19) Николай Степанович Зайцев, 20) Андрей Алексеевич Огарков, 21) Семен Николаевич Беломонин, 22) Михаил Иванович Летемин, 23) Вениамин Яковлевич Сафонов (по прозвищу «Файка»), 24) Семен Степанович Щевелев, 25) Алек-

сей Иванович Чуркин, 26) Александр Кронидович Алексеев, 27) Степан Вяткин (отчества его не помню), 28) Иван Павлович Котегов, 29) Александр Котегов и 30) я — Павел Медведев.

Вы спрашиваете меня, не было ли еще в составе команды Егора Дроздова, Федора Емельянова, Николая Русакова и Петра Ладейщикова, и я теперь припоминаю, что Егор Дроздов и Федор Емельянов состояли в команде, а о Русакове и Ладейщикове я что-то утвердительно сказать не могу: то ли были, то ли нет. Дело в том, что состав команды отчасти изменялся. Так, за уходом (по болезни) Никифорова, Лугового, Кесарева и Семенова, были одновременно приняты Добрынин, Андрей Огарков и Николай Зайцев. Сформированная Мрачковским команда прибыла в Екатеринбург 19-го мая (н. ст.).

Сначала нас поселили в здании нового Гостиного двора, где мы прожили до 24 мая. За это время, по распоряжению председателя Областного совета Белобородова, мы выбрали из своей среды двоих «старших». Избранными оказались я и Алексей Никифоров. 24 мая команда была переведена в новое помещение — в нижний этаж дома Ипатьева. Как раз в этот день, насколько помню, прибыла вся семья б. Императора. Император с семьей помещался в верхнем этаже дома. В их распоряжении был весь верх, за исключением одной комнаты (налево от входа), отведенной для коменданта и его помощника. Комендантом дома был тогда рабочий Злоказовской фабрики Александр Авдеев, а помощником его — Мошкин (имени и отчества не знаю). Находились в комендантской еще два-три человека, но я их имен и фамилий не знаю, а известно мне, что это были также злоказовские рабочие. Вы спрашиваете, не знал ли я братьев Василия, Ивана и Владимира Логиновых, и я припоминаю, что в числе находившихся при коменданте лиц были братья Логиновы, но по именам я их не знаю.

По вселении нас в дом Ипатьева комендант Авдеев повел меня, как старшего, принимать заключенных. Я с Авдеевым и Мошкиным прошел в угловую комнату (царская спальня), где находились следующие лица: Государь, его жена, сын,

четыре дочери, доктор Боткин, повар, лакей и мальчик (имен и фамилий их не знаю). Пересчитав всего 12 человек, мы ушли. Ни в какие разговоры ни с кем не вступали. В соседней с царской спальней комнате помещались царские дочери. Первые два-три дня кроватей в этой комнате не было, а потом были поставлены кровати. Внутренним распорядком дома заведовал комендант, а служащие охранной команды только несли караульную службу. Сначала караул дежурил на три смены, а потом — на четыре.

В доме Ипатьева мы прожили 2—3 недели, а затем нам отвели помещение в расположенном насупротив доме Попова. Через несколько дней после этого состав команды был дополнен рабочими Екатеринбургской фабрики Злоказовых в числе 15 человек. Имен и фамилий этих рабочих я не помню. Злоказовские рабочие из своей среды также избрали «старшего» (разводящего) по фамилии Якимов, а по имени, кажется, Леонид, по крайней мере его звали Ленькой. Караульных постов было всего 11, из них два внутренних, два пулеметных и четыре наружных.

Царская семья выходила ежедневно на прогулку в сад. Наследник был все время болен, и его выносил на руках Государь в кресло-коляску. Обед для семьи сначала приносили из советской столовой, а затем разрешено было готовить обед в устроенной в верхнем этаже кухне.

Обязанности разводящих заключались в заведывании хозяйством и вооружении команды, назначении дежурных на посты и в наблюдении за дежурными. Во время своего дежурства разводящий должен был находиться при канцелярии коменданта. Разводящие дежурили сначала по 12 часов, а затем был выбран третий разводящий — Константин Добрынин, и мы стали дежурить по восьми часов.

В конце июня или начале июля, хорошенько не помню, комендант Авдеев и его помощник Мошкин были смещены (они, кажется, попались в краже царских вещей) и был назначен новый комендант по фамилии Юровский, тот самый, который изображен на предъявленной Вами фотографии.

ческой карточке (предъявлена фотографическая карточка Юровского). С ним же прибыл новый помощник коменданта, имени и фамилии которого положительно не могу припомнить¹. Приметы его следующие: лет 30–32-х, плотный, выше среднего роста, темно-русый, с небольшими усиками, бороду бреет, говорит как-то в нос (гнусавит).

Вечером 16-го июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в 8-м того же вечера приказал мне отобрать в команде и принести ему все револьверы системы Наган. У стоявших на постах и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта. Тогда Юровский объявил мне: «Сегодня придется всех расстрелять. Предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы». Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей Царской семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем было постановлено решение о расстреле. Должен Вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра, по распоряжению Юровского, был переведен в помещение караульной команды (дом Попова). В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из «латышской коммуны», поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта. Было их человек 10². Ни-

¹ Г.П. Никулин.

² В Списке Я.М. Свикке — командира Отряда особого назначения 14 человек, которые работали под его руководством: 1. Цельмс Ян Мартинович (Подробно о нем см. Сысоев Н. Телохранитель, ставший палачом. «совершенно секретно, 2001, № 7. С. 34.) 2. Каякс Янис, 3. Сникер Ян Мартинович, 4. Индриксон Янис, 5. Круминьш Николай Петрович, 6. Круминьш Карл Бертович, 7. Озолиньш Эдуард — заместитель Цельмса, 8. Сирупс Эдуард Францевич, 9. Юровский Яков Михайлович — комендант здания инж. Ипатьева, 10. Никулин Григорий Петрович — заместитель коменданта здания, 11. Цинит Петр Петрович — секретарь комиссара Свикке, 12. Пратниэк Карл, 13. Кованов Михаил Михайлович — бывший шифровальщик и казначей, 14. Рубенис Эдвин Альфредович. См. Статья Светланы Ильичевой «Сенса-

кого из них я по именам и фамилиям не знаю. Часов в 10 вечера я предупредил команду, согласно распоряжению Юровского, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. О том, что предстоит расстрел Царской семьи, я сказал Ивану Старкову. Кто именно из состава команды находился тогда на постах — я положительно не помню и назвать не могу. Не могу также припомнить, у кого я отобрал револьверы.

Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую семью. Объявил ли он им, для чего он их беспокоит и куда они должны пойти, — не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась Царская семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал. Приблизительно через час вся Царская семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись. Еще прежде чем Юровский пошел будить Царскую семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, — Петр Ермаков, а другой — неизвестный мне по имени и фамилии, высокого роста, белокурый, с маленькими усиками, лет 25–26¹. Валентина Сахарова я знаю, но это был не он, а кто-то другой. Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царских дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника Царь нес на руках. Государь и Наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами. Впереди шел Государь с Наследником, за ними — Царица, дочери и осталь-

онный список: Юровский не был главным цареубийцей!». Из них — 12 латышей и сам Свикке Я.М. — пятнадцатый. Вот фамилии латышей, которые участвовали в расстреле царской семьи, надо помнить, что двое из них отказались стрелять, их Я. Юровский заменил на Ермакова и Медведева Павла. Исследователь из г. Риги Г.Ю. Скутанс приводит аргументы, констатирующие неучастие латышей в расстреле царской семьи. См. его доклад в Материалах международной научно-практической конференции (Екатеринбург—Алапаевск, 17–19 июля 2013 г.).

¹ М.А. Медведев (Кудрин).

ные. Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена Чрезвычайной комиссии. Я также находился тут.

При мне никто из членов Царской семьи никаких вопросов никому не предлагал. Не было также ни слез, ни рыданий. Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вышли во двор, а оттуда через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа. Дорогу указывал Юровский. Привели /их/ в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел подать стулья: его помощник принес три стула. Один стул был дан Государыне, другой — Государю, третий — Наследнику. Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки. За ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так /как/ каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них). Наследник и Государь сели рядом, почти посреди комнаты. За стулом Наследника встал доктор Боткин. Служанка (как ее зовут — не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую. С ней встала одна из царских дочерей (четвертая). Двое слуг встали в левом (от входа) углу, у стены, смежной с кладовой.

У служанки была с собой в руках подушка. Маленькие подушечки были принесены с собою и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула Государыни, другую — на сиденье стула Наследника. Видимо, все догадывались о предстоящей им участи, но никто не издал ни одного звука. Одновременно в ту же комнату вошли 11 человек: Юровский, его помощник, два члена Чрезвычайной комиссии и семь человек латышей. Юровский выслал меня, сказав: «Сходи на улицу, нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы?» Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло всего 2—3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены Царской семьи: Царь, Царица, четыре дочери и Наследник уже ле-

жат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла потоками. Были также убиты доктор, служанка и двое слуг. При моем появлении Наследник еще был жив — стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих. Картина убийств, запах и вид крови вызвали во мне тошноту. Перед убийством Юровский раздал всем наганы, дал револьвер и мне, но, я повторяю, в расстреле не участвовал. У Юровского, кроме нагана, был маузер.

По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате. По дороге в дом Попова мне попали навстречу бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последний из них спросил меня: «Застрелили ли Николая II? Смотри, чтобы вместо него кого другого не застрелили: тебе отвечать придется». Я ответил, что Николай II и вся его семья убиты. Из команды я привел человек 12—15, но кого именно — совершенно не помню, и ни одного имени назвать Вам не могу. Приведенные мною люди сначала занялись переноской трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль. Трупы выносили на носилках, сделанных из простыней, натянутых на оглобли, взятые от стоящих во дворе саней. Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна, взятый из маленькой кладовой, находящейся в сенях нижнего этажа. Шофером автомобиля был злоказовский рабочий Люханов. На грузовик сели Петр Ермаков и другой член Чрезвычайной комиссии и увезли трупы. В каком направлении они поехали и куда дели трупы, не знаю. Кровь в комнате и на дворе замыли и все привели в порядок. В три часа ночи все было окончено, и Юровский ушел в свою канцелярию, а я — к себе в команду.

Проснулся я часу в 9-м утра и пришел в комендантскую комнату. Здесь уже были председатель Областного совета Белобородов, комиссар Голощекин и Иван Андреевич Старков, вступивший на дежурство разводящим (он был выбран на эту должность недели за три до того). Во всех комнатах был полный беспорядок: все вещи разбросаны, чемоданы и сунду-

ки вскрыты. На всех бывших в комендантской комнате столах были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали и драгоценности, отобранные у Царской семьи перед расстрелом и бывшие на них золотые вещи: браслеты, кольца, часы. Драгоценности были уложены в два сундука, принесенных из каретника. Помощник коменданта находился тут же.

Вы спросили меня, не знакома ли мне фамилия «Никулин», и я теперь припомнил, что такова именно фамилия того помощника. На предъявленной мне Вами фотографической группе я хорошо признаю вот этого человека за помощника коменданта Никулина (обвиняемый на предъявленной ему фотографической группе, присланной из Уголовного розыска, указал на одно лицо, отметив его карандашом). Со слов Никулина я знаю, что он ранее находился также в Чрезвычайной следственной комиссии. Вы говорите, что по имеющимся у Вас сведениям, на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа находился Александр Стрекотин, и я теперь припомнил, что, действительно, А. Стрекотин стоял тогда у пулемета. Дверь из комнаты, где стоял пулемет на окне, в парадную переднюю была открыта, открыта была и дверь в ту комнату, где производился расстрел. Разводящего Якимова при самом расстреле не было. Фамилия «Стрежнев» мне совершенно незнакома. Бажов состоял в команде из злоказовских рабочих. Фамилия «Курочкин» мне незнакома.

Обходя комнаты, я в одной из них под книжкой «Закон Божий» нашел шесть 10-рублевых кредитных билетов, и деньги эти присвоил себе. Взял я также несколько серебряных колец, еще кое-какие безделушки.

Утром 18-го ко мне приехала жена, и я с ней уехал в Сысертский завод, получив поручение раздать деньги семьям служащих в команде. Вернулся я в Екатеринбург 21-го июля. Все вещи царские из дома уже были увезены и караул был снят.

24-го июля я уехал из Екатеринбурга вместе с комиссаром Мрачковским. В Перми комиссар Голощекин назначил меня в охрану приспособлений для взрыва Камского моста, в случае появления «белогвардейцев». Подорвать мост согласно

полученного приказа я не успел, да и не хотел, решив добровольно сдаться. Приказание о взрыве моста пришло мне тогда, когда уже Сибирские войска стали обстреливать мост, и я пошел и сдался добровольно. Вскоре я поступил санитаром в эвакуационный пункт № 139, в г. Перми, где и находился до момента задержания. Здесь как-то я разговорился с одной из сестер милосердия и по поводу замечания ее, что в газетах пишут о дурном обращении с Царской семьей, сказал ей, что это все неправда. При этом я ей, так же подробно, как и Вам, рассказал, что я ранее служил в команде по охране дома Ипатьева, рассказал, как там жила Царская семья и как был произведен расстрел. Объяснил я ей все про Юровского, его помощника, двух членов Чрезвычайной комиссии и латышей, говорил, кто расстреливал, как замывали кровь и выносили на автомобиль трупы. Разговор этот происходил вскоре после поступления моего в пункт. Сестру эту потом издали мне предъявлял посланный Вами чиновник¹.

О том, куда скрыты трупы убитых, я знаю только вот что: по выезде из Екатеринбурга я встретил на ст. Алапаевск Петра Ермакова и спросил его, куда они увезли трупы. Ермаков объяснил мне, что трупы сбросили в шахту за В.-Исетским заводом и шахту ту взорвали бомбами, чтобы она засыпалась. О сожженных близ шахты кострах я ничего не знаю и не слышал. Более никаких сведений о месте нахождения трупов я не имею. Вопросом о том, кто распоряжался судьбой Царской семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а исполнял лишь приказание тех, кому служил. Из советского начальства в доме часто бывали Белобородов и Голощекин. Я не видел и не слышал, чтобы перед расстрелом Юровский вычитывал Царю какую-нибудь бумагу или говорил что-либо по поводу предстоящей казни. Из числа названных мною служащих сысертской команды в день расстрела в команде отсутствовали: Иван Котов, Виктор Луговой, Андрей Огарков, Григорий Кесарев и Василий Семенов. Алексей Никифоров уволился по болез-

¹ Агент Уголовного розыска Алексеев.

ни еще недели за три до этого. Где теперь находятся все упомянутые в моем показании лица — точно не знаю. Некоторые из команды находились до взятия Перми на пристани Левшинской, некоторые служат в красной армии.

Вот все, что я могу Вам объяснить по поводу предъявленного мне обвинения. Повторяю, что непосредственного участия в расстреле я не принимал. Предъявленный Вами Филипп Проскуряков до самого последнего времени находился в команде, но принимал ли он участие в уборке комнаты и переноске трупов — не помню.

Припоминаю, что перед отъездом моим в Сысерть Юровский разрешил мне взять принадлежавший Боткину чемоданчик. Более объяснить ничего не имею.

Прочитано. Записано верно. *Медведев*
Член Екатеринбург. Окружного суда *Ив. Сергеев*

ПОВЕЛЕНИЕ А.В. Колчака

3 марта 1919 г.

Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно и точно все законные требования Судебного Следователя по особо важным делам Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него по моей воле обязанностей по производству предварительных следствий об убийстве бывшего Императора, его семьи и Великих Князей.

Адмирал Колчак¹

¹ Оригинал хранится в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Документ на бланке Верховного Правителя за № 588 и с личной печатью.

Министерство Юстиции
Судебный следователь по особо важным делам
При Омском Окружном Суде
Н.А. Соколов
марта 19 дня 1919 года
№45
Екатеринбург

Уполномоченному командующего
Сибирской армией генерал-майору
С.А. Домонтовичу

По имеющемуся в моем производстве делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и членов Его Семьи в настоящий момент развития предварительного следствия установлена виновность и причастность к этому злодеянию лиц:

- 1) Коменданта дома Ипатьева, где содержался в заключении Государь и Его Семья, еврея Якова Михайлова Юровского;
- 2) Его помощника Прокофия Александрова Никулина;
- 3) Председателя Уральского областного совета Белобородова;
- 4) Военного комиссара Голощекина;
- 5) Военного комиссара Сергея Андреева Анучина;
- 6) В.В. Дидковского;
- 7) Комиссара Сафарова;
- 8) Председателя Екатеринбургской Чрезвычайной следственной комиссии Лукоянова;
- 9) Товарища председателя этой же комиссии Валентина Сахарова;
- 10) Члена этой же комиссии Горина;
- 11) Члена этой же комиссии Родзинского;
- 12) Члена этой же комиссии Кайгородова;

- 13) Секретаря этой же комиссии Яворского;
- 14) Делопроизводительницы этой же комиссии и любовницы Никулина Сивелевой;
- 15) Начальника отряда латышей, исполняющих обязанности палача при казнях в Екатеринбурге, Шиндера;
- 16) Комиссара Петра Лазарева Войкова;
- 17) Комиссара 1-й Уральской боевой дружины Сергея Васильева Мрачковского;
- 18) Комиссара Жилинского;
- 19) Комиссара Е. Коковина;
- 20) Члена Екатеринбургского исполнительного комитета совета депутатов Павла Михайлова Быкова;
- 21) Председателя этого комитета Чуцкаева;
- 22) Товарища председателя этого комитета Загвоздкина;
- 23) Комиссара финансов Сыромолотова;
- 24) Комиссара здравоохранения Краснова;
- 25) Комиссара производства Кузьмина;
- 26) Комиссара труда Андреева;
- 27) Комиссара юстиции Полякова;
- 28) Комиссара земледелия Хотымского;
- 29) Комиссара областного управления Тупстула или Тундула;
- 30) Тюремного комиссара Михаила Можевского;
- 31) Тюремного комиссара Морозова;
- 32) Комиссара Зайда;
- 33) Комиссара Петра Лазарева;
- 34) Комиссара снабжения фронта Горбунова;
- 35) Комиссара ст. Екатеринбург Гуляева;
- 36) Комиссара 4 штаба резерва Красной армии Кучерова Георгия Данилова;
- 37) Уездного Екатеринбургского комиссара финансов Чуфарова Николая Кузьмича;
- 38) Верх-Исетского военного комиссара Ермакова;
- 39) Комиссара Леватных Василия Иванова;
- 40) Видного большевистского партийного деятеля Костусова Александра Егорова;

- 41) Такого же деятеля Малышкина Сергея Павлова;
- 42) Такого же деятеля Партина Николая Сергеева;
- 43) Его брата Алексея;
- 44) Такого же деятеля Кривцова Александра Иванова;
- 45) Такого же деятеля Сибрина Ивана;
- 46) Такого же деятеля Фролова Ивана Федорова;
- 47) Комиссара, руководившего действиями на Дутовском фронте, Малышева;
- 48) Верх-Исетского большевистского деятеля Семеновского Василия Ивана;
- 49) Такого же деятеля Петухова Ивана;
- 50) Большевика Броницкого;
- 51) Большевика Желтова;
- 52) Уполномоченного ЦИКА комиссара Яковлева, увезшего Августейшую Семью из Тобольска;
- 53) Начальника караула, конвоировавшего Августейшую Семью при перевозке ее из Тобольска, Родионова;
- 54) Главнокомандующего Северо-Уральским фронтом Берзина;
- 55) Председателя Тобольского Совдепа матроса Хохрякова;
- 56) Начальника военных сообщений полковника Стогова;
- 57) Помощника его Бирона Петра Николаева;
- 58) Члена военного совета 3-ей армии латыша Смилга;
- 59) Помощника командующего 3-й армией еврея Белицкого;
- 60) Члена высшего военного совета еврея Лашевича;
- 61) Уполномоченного Облсовета Матвеева;
- 62) Большевика Трифонова;
- 63) Большевика Ременникова Семена Павлова;
- 64) Командира Интернационального полка Оржеховского;
- 65) Шофера Ефимова Василия Фадеева;
- 66) Шофера Лазарева Сергея;
- 67) Шофера Личкова Якова;
- 68) Шофера Крутикова Константина;

- 69) Шофера Теплова Павла;
 - 70) Шофера Руденкова Афанасия Иванова;
 - 71) Шофера Спирика;
 - 72) Заведующего Екатеринбургским гаражом еврея Штеймана Георгия Николаева;
 - 73) Его помощника Молоткова Ивана Федорова;
 - 74) Комиссара Сысертского завода Сафонова Алексея Яковлева;
 - 75) Сысертского большевика Алексеева Петра Васильева;
 - 76) Сысертского большевика Чуркина Николая Иванова;
 - 77) Сысертского большевика Грудина Алексея Аркадьева;
 - 78) Екатеринбургского уездного комиссара юстиции Маленкина;
 - 79) Коменданта Екатеринбурга Некрасова;
 - 80) Комиссара здравоохранения <Сакович>;
 - 81) Члена Екатеринбургской следственной комиссии Каневцева Константина Васильева;
 - 82) Комиссара Сысертского завода Старкова Александра Иванова;
 - 83) Большевика из Сысертского завода Дианова Ивана;
 - 84) Большевика из Сысертского завода Романова Николая;
 - 85) Большевика Моисеевского Степана;
 - 86) Военного комиссара Уфимцева;
 - 87) Красноармейца Садчикова Ивана Степанова;
 - 88) Красноармейца Колотова Ивана;
 - 89) Гущина Ивана Сергеева.
- Рабочих и красноармейцев, составляющих караул дома Ипатьева:
- 90) Никифорова Алексея Никитина;
 - 91) Добринина Константина Степанова;
 - 92) Старкова Ивана Андреева;
 - 93) Старкова Андрея Алексеева;
 - 94) Стрекотина Андрея Андреева;
 - 95) Стрекотина Александра Андреева;
 - 96) Котова Михаила Павлова;

- 97) Столова Егора Алексеева;
- 98) Орлова Александра Григорьева;
- 99) Подкорытова Николая Иванова;
- 100) Турыгина Семена Михайлова;
- 101) Турыгина Александра;
- 102) Семенова Василия Егорова;
- 103) Попова Николая Иванова;
- 104) Талапова Ивана Семенова;
- 105) Садчикова Николая Степанова;
- 106) Кысарева Григория Александрова;
- 107) Зайцева Николая Степанова;
- 108) Сафонова Вениамина Яковлева;
- 109) Шевелева Семена Степанова;
- 110) Беломонина Семена Николаева;
- 111) Чуркина Алексея Иванова;
- 112) Алексеева Александра Кронидова;
- 113) Котегова Ивана Павлова;
- 114) Котегова Александра;
- 115) Вяткина Степана;
- 116) Теткина Романа;
- 117) Лугового Виктора;
- 118) Шукина;
- 119) Дроздова;
- 120) Русакова Николая;
- 121) Емельянова Федора;
- 122) Ладейщикова Петра;
- 123) Авдеева Александра Дмитриева;
- 124) Мошкина Александра;
- 125) Соловьева Александра Федорова;
- 126) Гоншкевича Василия Григорьева;
- 127) Путилова Николая Васильева;
- 128) Пермякова Ивана Николаева;
- 129) Люханова Сергея Иванова (шофер);
- 130) Шулина Ивана Степанова;
- 131) Петрова Василья Григорьева;
- 132) Петрова Аксентья Ильина;

- 133) Логинова Василия Петрова;
- 134) Логинова Ивана;
- 135) Логинова Владимира;
- 136) Корякина Николая;
- 137) Тимофеева Ивана;
- 138) Крашенникова Ивана;
- 139) Сидорова Алексея;
- 140) Комендантова Алексея;
- 141) Украинцева Константина;
- 142) Лобашева Леонида (шофер);
- 143) Мишкевича Николая (матрос);
- 144) Мишкевича Станислава (матрос);
- 145) Варакушева Александра Семенова;
- 146) Корзухина Андрея;
- 147) Хохрякова (матрос);
- 148) Клешева;
- 149) Прохорова;
- 150) Мостикова;
- 151) Якимова Анатолия Александрова;
- 152) Лесникова или Лестникова;
- 153) Дерябина;
- 154) Лобитова;
- 155) Фомина;
- 156) Зотова;
- 157) Дмитриева;
- 158) Скороходова;
- 159) Пелегова;
- 160) Устинова;
- 161) Бруслянина;
- 162) Осокина;
- 163) Мудозвонова;
- 164) Романова.

Задержание указанных выше лиц, оставивших Екатеринбург перед занятием его правительственными войсками, представляется настоятельно необходимым в интересах дела.

Ввиду изложенного и на основании 270 ст. уст. угол. суд. я прошу Ваше превосходительство дать теперь же по телеграфу срочные указания надлежащим воинским частям, дабы жизнь всех указанных лиц была сохранена, и они по их задержанию были бы препровождены в тыл с уведомлением о том Вас для последующего извещения меня.

Судебный следователь *Соколов*

Верно.

Подполковник *Кононов*

Верно.

Заведующий разведкой штаба

1-й Сибирской стрелковой дивизии подпоручик *Сабашников*

С подлинным верно. За полкового адъютанта *Иванов*

Начальнику команды конных разведчиков.

Препровождаю для исполнения.

За полкового адъютанта 2-го Барабинского сибирского
стрелкового полка прапорщик *Иванов*

14 апреля 1919 г. № 614/с. Д. Армия Верно.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, апреля 1 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, рассмотрев предварительное следствие по настоящему делу об убийстве отрекшегося от престола Российского государства Государя Императора Николая Александровича, членов его семьи и других лиц, находившихся при Высочайшей семье, нашел следующее:

В ночь с 3/16 на 4/17 июля 1918 года в г. Екатеринбурге, в одной из комнат дома Ипатьева, был убит отрекшийся от престола Государь Император Николай Александрович, его супруга Александра Федоровна, сын Наследник Алексей Николаевич, дочери великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия и находившиеся при них лица: доктор Евгений Сергеевич Боткин, лакей Алексей Егорович Трупп, повар Иван Михайлович Харитонов и служанка Анна Степановна Демидова.

Как установлено данными предварительного следствия, это убийство, непосредственно выполненное деятелями «советской власти» Яковом Михайловым Юровским, Прокофием Александровым Никулиным¹, Павлом Спиридоновым Медведевым и другими, следствием не выясненными еще лицами, было предметом предварительного обсуждения названных лиц как между собою, так и с рабочими, фактически несшими дежурство по заточению Царской семьи в доме Ипатьева. Следствием установлено, что 3/16 июля вечером Юровский, обсуждивший к этому времени с другими лицами самый план убийства, послал Медведева объявить об этом рабочим, находившимся в своей казарме вблизи дома Ипатьева, и взять от них револьверы, нужные для совершения убийства.

Медведев исполнил это приказание. Он объявил рабочим о предстоящем расстреле Царской семьи и отобрал от них в нужном количестве револьверы.

Самое убийство было совершено между 12 и 3 часами ночи. После этого Медведев позвал рабочих-охранников в дом Ипатьева, где произошло самое злодеяние, и последние уничтожили бывшие там следы преступления: замыли кровь убитых на полу и на стенах и вынесли самые трупы в грузовой автомобиль, на коем Юровский и увез их по неизвестному направлению.

В числе рабочих-охранников был кр-н Сысертского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, Филипп Полиевктов Проскуряков. Бежавший из Екатеринбурга вместе с

¹ Имя и отчество правильно Григорий Петрович.

большевиками, по взятии его правительственными войсками, Проскуряков, после взятия Перми, возвратился в Екатеринбург и был задержан агентом уголовного розыска Алексеевым. При допросе его Алексеевым он сначала объяснил, что он был «мобилизован» в охрану Царской семьи и фактически ее не нес, так как дорогой убежал. Изобличенный же во лживости своих объяснений задержанным Медведевым, Проскуряков изменил свое показание. Он признал факт нахождения своего в составе охраны до самой смерти Царской семьи и объяснил, что действительно перед совершением убийства Медведев приходил к ним в казарму, где он находился вместе с другими охранниками, и говорил им о предстоящем расстреле Царской семьи. Факт же уничтожения им следов преступления он отрицает. Впоследствии он снова изменил свое объяснение и показал, что он в ночь убийства находился под арестом в особом помещении и по делу ничего не знает.

Обсудив вышеизложенное и приняв во внимание: 1) что данными дознания и следствия Проскуряков достаточно изобличается как соучастник вышеописанного злодеяния, 2) что преступление его предусмотрено 13 и 2 ч. 1454 ст. улож. о нак., на основании 396 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: кр-на Сысертского завода, Сысертской волости, Екатеринбургского уезда, Филиппа Полиевктова Проскурякова привлечь по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого в том, что в ночь на 4/17 июля 1918 года в г. Екатеринбурге, по предварительному уговору с Яковом Михайловым Юровским, Прокофием Александровым Никулиным, Павлом Спиридоновым Медведевым и другими, следствием не установленными лицами, с заранее обдуманном намерением лишить жизни отрекшегося от престола государства Российского Государя Императора Николая Александровича, его супругу Александру Федоровну, сына Наследника Алексея Николаевича, дочерей великих княжон Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию и бывших при Высочайшей семье лиц: доктора Евгения Сергеевича Боткина, лакея Алексея Егоровича Труппа, повара Ивана Михайловича Харитонова и

служанку Анну Степановну Демидову, согласился на учинение вышеуказанными лицами сего злодеяния и, по выполнении ими такового, принял участие, вместе с другими лицами, в уничтожении следов преступления: замывал кровь на полу и стенах дома Ипатьева, где произошло убийство, и переносил трупы убитых в грузовой автомобиль, на коем они и были увезены Юровским и другими лицами в неизвестном направлении, т. е. в преступлении, предусмотренном 13 и 2 ч. 1454 ст. улож. о нак.

Судебный следователь *Н. Соколов*

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 1—3 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге допрашивал, в порядке 403—409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованного в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по содержанию постановления своего от 31 марта сего года, и он объяснил:

Имя, отчество, фамилия *Филипп Полиевктов Проскуряков*. Возраст во время совершения преступления 17 лет. Состояние крестьянин. Место рождения Сысертский завод, Сысертской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии. Место приписки Сысертский завод. Место жительства Сысертский завод. Рождение брачное. Народность русский. Религия православный. Образование учился 3 года в Сысертской пятиклассной школе. Семейное положение холост. Родители Полиевкт Михайлович и Евдокия Степановна. Занятие во время совершения преступления электромонтер по профессии. Имущественное положение не имею. Особых примет не имею. Привычному пьянству не подвержен. Отношение к потерпевшим чужой. Прежняя судимость не судился. Виновным себя в предъ-

явленном мне Вами, г. судебный следователь, обвинении я не признаю. Могу, на Ваши вопросы, рассказать следующее.

Отец мой — Полиевкт Михайлович Проскуряков, житель Сысертского завода. Мать мою зовут Евдокия Степановна. Кроме них, в семье у нас есть еще вот кто: старший брат Александр, 31 года, брат Андрей, 28 лет, брат Степан, 27 лет, сестра Пелагея, 25 лет, сестра Таисия, 21 года, сестра Клавдия, 19 лет, я и брат Василий, 13 лет.

Старший брат Александр служит сейчас старшим милиционером в 3-й части г. Екатеринбурга, Андрей — в красной армии и находится, вероятно, где-нибудь на фронте, Степан — в германском плену, Пелагея — замужем за Петром Зотовым Коряковым и живет в Сысерте, Таисия и Клавдия находятся в услужении в Екатеринбурге (у кого именно, — не знаю), Василий — дома при родителях.

Отец многие годы состоял мастером по железоделательной работе, все время проживал в Сысертском заводе. Там я и родился. 3 года я учился в Сысертской школе, но курса не кончил. Грамота мне плохо давалась, и отец тут как раз заболел. Он меня и взял из школы. Отдал он меня сначала там же на заводе в кузницу к Василию Афанасьевичу Белоносову в ученье. Проработал я у него с год и ушел: очень тяжелая работа. Старший брат устроил меня в художественный театр в «Палероаль». Там я стал учиться «электрическому делу» — на моторе работать. Владел этим театром Владимир Михайлович Имшенецкий. Машинистом был некто Альман. А помощником у него был Михаил Иванов Цепенников. Здесь я прослужил с год, выучился электрическому делу и стал работать самостоятельно: проводить электричество по городу. Материалы я брал у монтера Ивана Андреева Старкова, с которым я тогда и познакомился. Потом я поступил на службу в Центральную электрическую станцию в Екатеринбурге, проработал здесь, приблизительно, с месяц и перед Пасхой 1918 года уехал домой.

Хорошо помню — 9 мая на базаре я встретил своего товарища Ивана Семенова Талапова. Он мне сказал, что к нам на завод приехал какой-то комиссар Мрачковский и производит

набор среди наших заводских рабочих для охраны Царя. Мрачковского я сам лично не знал. Слышал только я, что он командовал на Дутовском фронте и вернулся оттуда. О словах Талапова я передал своему отцу. И отец и мать не советовали мне идти в охрану. Отец говорил мне: «Не ходи, Филипп. Одумайся». Но мне охота была посмотреть Царя. Я не послушался их совета и на другой же день отправился записываться в охрану. Запись происходила в доме Василия Еркова на Церковной улице, где помещался совдеп. Ее принимал наш сысертский рабочий Павел Спиридонов Медведев. Я хорошо помню, что именно он принимал запись. В то время, когда я пришел записываться, там же был и помощник военного комиссара Николай Иванов Чуркин. Медведев сказал мне, что жалованья охране будут платить 400 рублей в месяц, что надо будет стоять на посту и не спать. Вот только эти условия он мне и сказал. Я тут же и записался. На собрании, которое устраивал по поводу набора рабочих в охрану Мрачковский, я сам не был и не могу Вам рассказать, что именно говорил там Мрачковский.

Было принято в охрану, как тогда говорили, ровно тридцать человек наших сысертских рабочих. Потом некоторые из них уволились. Таких было очень немного, и вместо них нанимали других из наших же рабочих. Я точно, определенно не могу сказать, кто именно был принят с самого первого раза, кто именно заболел и кто именно был принят впоследствии в охрану, взамен заболевших. Но я хорошо помню, что в охране состояли следующие лица: 1) Талапов Иван Семенов, 2) Летемин Михаил Иванов, 3) Луговой Виктор Константинов, 4) Сафонов Вениамин Яковлев, 5) Никифоров Алексей Никитин, 6) Столов Егор Алексеев, 7) Котегов Иван Павлов, 8) Дроздов Егор Алексеев, 9) Емельянов Федор Васильев, 10) Вяткин Степан Григорьев, 11) Беломоин Семен Николаев, 12) Котегов Александр Алексеев, 13) Алексеев Александр Кронидов, 14) Подкорытов Николай Иванов, 15) Шевелев Семен Степанов, 16) Садчиков Николай Степанов, 17) Турыгин Семен Михайлов, 18) Семенов Василий Егоров, 19) Стрекотин Александр Андреев, 20) Стрекотин Андрей Андреев, 21) Котов Михаил Павлов,

22) Русаков Николай Михайлов, 23) Медведев Павел Спиридонов, 24) Теткин Роман Иванов, 25) Огарков Иван Андреев, 26) Старков Андрей Алексеев, 27) Орлов Александр Григорьев, 28) Чуркин Алексей Иванов, 29) Попов Николай Иванов, 30) Кесарев Григорий Александров, 31) Добрынин Константин Степанов, 32) Зайцев Николай Степанов и я. Из числа этих названных мною лиц уволились впоследствии Кесарев и Семенов. Кто именно был нанят вместо них, я не могу припомнить.

Из числа названных мною людей Сафонов, Вяткин, Стрелкотин Андрей, Огарков Иван, Добрынин, Летемин, Котов, Котегов Иван, Шевелев, Беломоин, Медведев состояли в партии большевиков-коммунистов у нас на заводе, как они мне сами говорили.

Все вместе мы и прибыли в город Екатеринбург во второй половине мая месяца. Поселились мы сначала в Новом Гостином Дворе, где находились красноармейцы. Прожили здесь мы несколько дней, а в конце мая нас переселили в дом Ипатьева, где находилась Царская семья. Поселили нас всех в нижних комнатах этого дома.

Главным начальником над домом и над нашим караулом был рабочий со Злоказовской фабрики Александр Мошкин. В нашей же команде был главным начальником Медведев. Он именно был начальником. Никто его на это не выбирал, а так, просто, с самого начала он принимал охрану. Он нам раздавал жалованье, он ставил на посты и вообще был у нас как начальник. Мы все получали 400 рублей жалованья, а Медведев получал 600 рублей. Авдеев был весь день в доме, помещаясь в комендантской комнате. Он приходил с утра часов в 9 и уходил домой часов в 9 вечера. Мошкин все время находился в комендантской комнате, жил там. Медведев при них также находился все время в этой же комнате и ночевал даже там.

Караульные посты были следующие: 1) пост наружный у будки около ворот, 2) пост наружный у будки вблизи часовенки, 3) между заборами у окон дома, 4) в переднем дворе у дверей в дом, 5) в заднем дворе, 6) в саду: внутри дома было два

поста: 7) у парадной двери в верхнем этаже около комендантской комнаты, 8) около уборной, где находился клозет и ванная комната; кроме того, было еще три пулеметных поста: 9) на чердаке дома у окна, 10) на террасе, выходящей в сад и 11) в нижнем этаже дома в средней комнате.

Приблизительно с неделю пронесли мы охрану, и Авдеев привел еще 15 человек, приблизительно, рабочих со Злоказовской фабрики. Вышло это, надо думать, потому, что нам было тяжело: приходилось дежурить по 4 часа, пошли дожди, а мы — народ непривычный. Из рабочих Злоказовской фабрики я помню вот кого: отца и сына Смердяковых, имени отца я не знаю, а сына звали, кажется, Александр; Путилова, кажется, Николая; Пермякова, кажется, Ивана; Люханова, кажется, Сергея; братьев Логиновых; Сидорова Алексея, Варакушева Александра, Корзухина Андрея; Клещева, имени не знаю; Хохрякова, имени также не знаю; Прохорова, имени также не знаю; Якимова, имени не знаю; Дерябина, Лабышова, Фомина; Дмитриева Семена, кажется, по имени; Скороходова, Пелегова; Бруслянина, по кличке — Мудозвонов; Осокина, кажется, Александра; Романова, имени не знаю. Фамилий Соловьева, Гоншкевича, Шулина, Петровых, Корякина, Тимофеева, Крашенинникова, Украинцева, Комендантова, Мишкевичей, Зотова и Устинова не помню. Может быть, они и были, но я не могу припомнить их в числе злоказовских рабочих. «Лесникова» или «Мастикова» не было среди охранников. Был «Мясников», но это не фамилия, а кличка Алексея Чуркина.

Злоказовские рабочие стали жить вместе с нами же внизу дома Ипатьева.

Женщин никаких у нас в охране не было. У нас были свои повара, которые и готовили на всех. Сначала был поваром Иван Котегов, а потом Андрей Огарков.

Приблизительно в самых последних числах июня или в первых числах июля месяца Авдеев арестовал Мошкина за то, что он украл что-то из царских вещей, кажется, какой-то золотой крестик. Но тут же был уволен и сам Авдеев. Вместо него заступил в начальники Юровский, этот самый, которого Вы

мне сейчас показываете на карточках (предъявлены имеющиеся в распоряжении судебного следователя фотографические карточки Якова Михайлова Юровского). Раньше Юровского я не знал и никогда его не видел. Помощником его был Никулин. Я вижу предъявленную мне Вами фотографическую группу (была предъявлена фотографическая группа разных лиц — деятелей советской власти), и положительно удостоверяю, что на этой группе, в числе других, изображен именно Никулин. Я прекрасно знаю его наружность и положительно удостоверяю, что это и есть именно он.

Кто именно такие были Юровский с Никулиным, я положительно не знаю.

Появились они в доме одновременно. Находились они все в той комендантской комнате. Юровский приходил с утра, часов в 8—9 и уходил вечером в 5—6. Никулин же жил в комендантской, ночевал тут. Медведев также продолжал ночевать в этой комнате. Спустя, приблизительно, с неделю после назначения Юровского и Никулина, нас, рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, перевели в дом Попова или Обухова против дома Ипатьева, а вместо нас внизу дома Ипатьева поселились латыши. Их было, приблизительно, человек 10.

До появления латышей охрану в доме несли мы, рабочие Сысертского завода. После появления латышей охрану в верхнем этаже дома, где жила Царская семья, стали нести исключительно латыши. Нас, русских рабочих, туда уже не впускали. Таково было приказание Юровского.

Пулеметчиками, которые стояли исключительно у пулеметов, были из наших сысертских рабочих следующие лица: Талапов, Александр Стрекотин, Семен Турыгин, Сафонов, Николай Садчиков, Добрынин, Летемин, Иван Котегов и Шевелев. Из злоказовских рабочих я могу назвать только одного Андрея Корзухина. Эти рабочие всегда стояли только у пулеметов. На остальных постах стояли при Авдееве все остальные рабочие. При Юровском же, со времени появления латышей, мы, рабочие, стали нести охрану исключительно наружную. Внутри дома находились исключительно латыши.

До появления их мне приходилось, как и другим, несколько раз стоять на постах внутри дома и у комендантской, и у уборной, так всего, примерно, раз шесть на обоих постах. Стоял я на этих постах и утром, и днем, и вечером, и ночью. Я видел за это время всю Царскую семью: самого Государя, Государыню, Наследника и дочерей: Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию. Мне приходилось хорошо их видеть, когда они шли на прогулку, в уборную или проходили из одной комнаты в другую. Гуляли они все, кроме Государыни. Я никогда не видел, чтобы она ходила гулять в сад. Наследника я, правда, видел только один раз, когда его несла на руках на прогулку старшая дочь Государя Ольга. Наследник все время был болен.

Жизнь свою они проводили так. Рассказываю я об этом со слов Медведева, который видел их, конечно, больше меня. Вставали они утром часов в 8—9. У них была общая молитва. Они все собирались в одну комнату и пели там молитвы. Обед у них был в 3 часа дня. Все они обедали вместе в одной комнате, т. е. я хочу сказать, что вместе с ними обедала и вся прислуга, которая была при них. В 9 часов вечера у них был ужин, чай, а потом они ложились спать. Время дня они проводили, по словам Медведева, так: Государь читал. Государыня также читала или вместе с дочерьми вышивала что-нибудь или вязала. Наследник, если мог, делал из проволоки цепочки для своих игрушек-кораблечиков. Гуляли они в день час-полтора. Никаким физическим трудом им не позволялось заниматься. Помню, Пашка Медведев сказывал, что Царь Николай Александрович просил раз позволения у Юровского чистить сад. Юровский ему этого не позволил.

Их пение я сам не один раз слышал. Пели они исключительно одни духовные песни. По воскресеньям у них служил священник с дьяконом, кажется, из Верхне-Вознесенской церкви.

Пищу им сначала приносили из советской столовой. Носили ее какие-то две женщины. Повар их ее разогревал. Но потом им позволили готовить у себя дома.

Кроме Царской семьи, в доме, в верхнем этаже, с ними жили еще следующие лица, которых я сам лично видел. Был доктор, из себя полный, седой, лет так, примерно, 55. Он носил черный пиджак, крахмальное белье, галстук, брюки и ботинки. Я хорошо помню, что он носил пенсне, как мне помнится, в золотой оправе (оба стеклышка были в оправе). Затем был лакей, лет 35, высокий, худощавый, смугловатый, волосы у него на голове были русые. Собственно голова у него была лысая, и волосы на голове были только по бокам. Бороду он брил, а усы он подстригал на английский фасон. Носил он черную тужурку-френч, брюки и ботинки. Был при них повар. Ему было лет 40, он был низенький, худощавый, несколько плешивый. Волосы на голове были черного цвета, усы маленькие черные, бороду брил. Носил он черный пиджак и брюки, заправленные в сапоги. Еще была при них горничная, лет 40, высокая, худая, смуглая. Цвета волос я не видел, потому что голову она повязывала платком. Еще был при них мальчик. Мальчику было лет 15. Волосы у него были черные, носил он их косым рядом. Нос у него был длинный, глаза черные. Ходил он в черной однобортной тужурке, брюках и ботинках, хотя носил и сапоги.

Были еще при Царской семье каких-то два человека, как мне объяснял Медведев, тоже слуги¹. Один из них был высокого роста, худощавый, лет 35, светло-русый, коротко стриженный, бороду брил, усы подстригал. Нос средней величины, прямой. Остальных примет не помню, но лицо у него было чистое, как у женщины. Другой, также высокого роста, лет 30, волосы на голове были черные, косым рядом, усы и борода бритые. Первый носил черную тужурку, брюки и ботинки. Второй ходил в пиджаке, в крахмальном белье с галстуком, брюках и ботинках. Я еще видел, как первый выносил резиновую подушку с мочей Наследника. Этих двоих людей я видел только один раз, когда впервые же дни стоял на посту внутри дома. Больше их я не видел. Медведев сказывал мне, что обоих их отвезли в

¹ Нагорный Климентий Егорович и Седнев Иван Дмитриевич.

тюрьму № 2, но за что, собственно, их отвезли в тюрьму, он мне не сказал, а я не интересовался.

Только один человек с воли допускался к Царской семье. Кто такой был этот человек, я не знаю. Из себя он был роста высокого, полный, лет около 50, с рыжеватой бородой, подстриженной клинышком, небольшими темно-рыжеватыми усами, в пенсне. Приходил он несколько раз¹.

Несколько раз я видел большевика Белобородова, который приходил в дом, должно быть, для проверки, как живет Царская семья. Мне по крайней мере Медведев рассказывал, что для этого приходил он в дом. Белобородова этого я хорошо разглядел. Ему было на вид лет 25, из себя он был роста среднего, худощавый, лицо бледное, нос прямой, тонкий, усы и борода бритые. Больше никаких примет его указать не могу. Голоса его я не слышал. Этот Белобородов ходил в дом и при Авдееве и при Юровском.

Вместе с Белобородовым приходил в дом еще какой-то человек. Ему было лет 35, роста он был невысокого, среднего, коренастый, плотный, волосы на голове черные косым рядом, усы маленькие, черные кверху, бороду брил, щеки после бритья всегда отливали синей чернотой, нос длинный, тонкий, глаза черные. Отличался этот человек большим брюхом. Фамилии его я не знаю. Медведев мне его фамилии не называл. Но оба они (и Белобородов, и этот мне неизвестный) жили в Американской гостинице. Об этом мне рассказывал Медведев. Еще я забыл сказать, что неизвестный волосы имел на голове курчавые. Всегда я видел их обоих входящими вместе. И ходили, как я уже говорил, оба они в дом

¹ Деревенко Владимир Николаевич (1879–1936). Окончил Петербургскую Военно-медицинскую академию, с 1912 г. врач Цесаревича Алексея. В Екатеринбург приехал из Тобольска вместе с детьми, был допущен в дом Ипатьева, по просьбе царской семьи навещал Наследника Алексея. После разгрома белых служил в советских медицинских учреждениях, руководил поликлиникой Пермского университета. Многократно арестовывался, был осужден и погиб в тюрьме.

всегда вместе. Должно быть, они были оба «главные» какие-нибудь.¹

Про порядки в доме и про отношение к Государю и к его семейству со стороны начальства и охраны я могу по сущей совести объяснить следующее. Авдеев был простой рабочий, мало развитой. Бывал он и пьяненький иногда. Но ни он сам, ни охранники при нем ничем как есть Царской семьи не обижали и не утесняли.

Юровский с Никулиным держали себя самих совсем по-другому. При них Царской семье было хуже. Оба они выпивали у себя в комендантской, и Юровский и Никулин. Бывало, напьются в комендантской, и начнется у них пение. Никулин мог на пианино играть — в комендантской оно стояло. Вот, бывало, Никулин играет, а Юровский свои «шары» (глаза) нальет и начнут оба орать: «Отречемся от старого мира, отрясем его прах с наших ног. Нам не нужно золотого кумира, ненавистен нам царский чертог» и т. д. Или, бывало, все поют: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Мошкин тоже позволял себе иногда петь эти песни, но всегда в отсутствие Авдеева, и Авдеев этого не знал. А эти не стеснялись. При Авдееве никогда женщины не ходили к нам в дом. А Никулин имел, должно быть, любовницу, и она постоянно к нему шаталась, оставаясь у него после ухода Юровского. Она была лет 20, низенькая, полная, блондинка, глаза карие, нос маленький, прямой. Фамилии ее не знаю. Откуда она приходила и где жила, не знаю. Про нее Медведев ничего не сказывал. Также и богослужения при Юровском стали совершаться реже.

Ну, и охранники при Юровском стали себя вести много хуже. Файка Сафонов сильно стал безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся Царская семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова. Писал он, например, «хуй» и разные другие слова, совсем неподходящие. Как он писал эти слова на стенах около уборной, ви-

¹ Ф.Н. Голошкеин приходил в дом Ипатьева с А.Г. Белобородовым.

дел Алексеев, стоявший тогда вверху дома вместе с Файкой (Файка стоял около уборной, а Алексеев около комендантской), и, вернувшись с охраны, он рассказывал нам всем об этом. Залез раз Файка на забор перед самыми окнами царских комнат и давай разные нехорошие песни играть.

Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломоин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше надо нарисовать. Это я сам видел, как Стрекотин эти вещи рисовал.

А раз я иду по улице мимо дома и вижу, в окно выглянула младшая дочь Государя Анастасия, а Подкорытов, стоявший тогда на карауле, как увидел это, и выстрелил в нее из винтовки. Только пуля в нее не попала, а угодила повыше в косяк.

О разных этих безобразиях Юровскому было известно. О поступке Подкорытова ему, я знаю, докладывал Медведев, но Юровский сказал: «Пусть не выглядывают».

Как я уже говорил, с того времени как в охрану поступили латыши, они стали жить внизу Ипатьевского дома, а мы, рабочие, все были переведены напротив в дом Попова или Обухова. Там наверху мы занимали все комнаты, а внизу жили какие-то квартиранты. Со мной вместе в одной комнате помещался Столов. Медведев жил вместе с Александром Стрекотиным, Семеном Турыгиным и Иваном Котеговым. Все остальные размещались где придется. В этих же комнатах жили и злоказовские рабочие.

В последний раз я видел всю Царскую семью, кроме Государя, за несколько дней до их убийства. Они тогда все выходили гулять в сад и гуляли как есть все, кроме Государыни. Значит, тут были сам Государь, сын, дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Тут же был доктор, лакей, повар, горничная и мальчик. Я хорошо тогда разглядел, что Наследник был одет в рубаху и был подпоясан кожаным черным поясом с металлической небольшой пряжкой, на которой был изображен герб. Это я хорошо тогда разглядел, потому что Ольга Николаевна пронесла его близко от меня. Пряжка эта очень похожа на ту, карточку которой Вы мне сейчас показываете (предъяв-

лен фотографический снимок с пряжки, описанной в пункте 4-м протокола 15—16 февраля сего года). Наследник и тогда был болен и его катал в колясочке живший при них мальчик. Теперь я вижу и самое пряжку и удостоверяю, что она очень похожа на ту, которая была на Наследнике. Доктор был в пенсне. Пенсне очень похоже на это стеклышко по величине и по форме, которое Вы мне сейчас показываете (предъявлены части пенсне, описанные в пункте 13 протокола 15—16 февраля сего года). В какой именно это было день, когда я видел их гуляющими в саду, я не могу припомнить, но было это незадолго до их смерти.

Убийство их произошло в ночь со вторника на среду. Числа я не помню. Я помню, что в понедельник мы получили жалованье. Значит, это было 15 числа в июле месяце, считая по новому стилю. (Нам жалованье платили два раза в месяц — 1-го числа и 15-го числа каждого месяца.)

На другой день после получки жалованья, значит, во вторник 16 июля, до 10 часов утра я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда, в эти же часы, на посту в нижних комнатах дома. Кончив дежурство, мы со Столовым пошли попойнствовать на Водочную улицу в дом № 85. В доме № 85 жил милиционер 2-й части по имени Адольф. Он был ранен в войне с Германией, и левая рука у него была сухая поэтому. Жил он с женой и матерью. Как их звать — не знаю. Какой он национальности, не знаю, но он русский подданный и участвовал, как я уже сказал Вам, в войне с Германией. С Адольфом я познакомился через старшего брата милиционера Александра. К этому Адольфу мы со Столовым и пошли, потому что, как мы это знали от него самого, у него был денатурат. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить от 5 часов. Медведев увидел, что мы пьяны, и посадил нас под арест в баню, находившуюся во дворе дома Попова. Мы там и уснули. Спали мы до 3 часов ночи. В 3 часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: «Вставайте, пойдем-

те». Мы спросили его: «Куда?» Он нам ответил: «Зовут, идите». Я потому Вам говорю, что это было в 3 часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа¹.

Мы встали и пошли за Медведевым. Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие-охранники, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль особенно было много (не самих пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной мне Вами фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка, имеющаяся при деле, полученная при фотографировании дома, видимо, членом суда Сергеевым), но были следы пуль и в других стенах. Штыковых ударов нигде в стенах комнаты не было. Там, где в стенах и в полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь. На стенах она была брызгами и пятнами. На полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева из этой комнаты, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях. Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой, незадолго до нашего со Столовым прихода, расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Александра Стрекотина, — что произошло? Они мне сказали, что только что расстреляли всю Царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика.

Медведев приказал нам со Столовым убирать комнаты. Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже штуки 4—5 метел. Кто именно их принес, я не знаю. Думаю, принесли их со двора, где я их раньше видел. По приказанию Медведева, Кронидов принес из-под са-

¹ Время, когда узники дома Ипатьева были уже убиты и их останки вывезены.

рая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых. И в той именно комнате, где была побита Царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два латыша, сам Медведев, отец и сын Смердяковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл. Таким же образом, т. е. водой, мы смывали кровь во дворе и с камней. Пуль при уборке я лично никаких не находил. Находили ли другие, я не знаю.

Когда мы со Столовым пришли в нижние комнаты, тут никого, кроме нескольких латышей, Медведева и наших и злоказовских рабочих, больше не было. Юровского при этом не было. Никулин же, как говорил тогда Медведев, был в верхних комнатах, куда дверь из нижних комнат была заперта со стороны верхних комнат. Золотых вещей или каких-либо драгоценностей, снятых с убитых, в нижних комнатах я нигде не видел.

В то время, когда происходило убийство Царской семьи, на постах, как мне помнится, были следующие лица: Александр Стрекотин стоял тогда у пулемета в нижних комнатах, Садчиков — у пулемета на террасе, Шевелев — у пулемета на вышке, Кронидов — на улице у будки. Орлов — в переднем дворе, Андрей Стрекотин — на заднем дворе, Сафонов — у окон между заборами, Добрынин — в саду. Я хорошо помню, что именно Андрей Стрекотин стоял у пулемета в нижних комнатах. Это я очень хорошо помню. Он все обязательно видел. Относительно других могу кое-кого и спутать, особенно не ручаюсь. Стрекотин на самом деле все и видел. Когда я ходил за водой, я останавливался около него и расспрашивал, как же это их побили? Спрашивал я и Столов также и Медведева. Оба они со Стрекотиным говорили согласно и рассказывали следующее.

Во вторник утром, когда я стоял на посту, я сам видел, что Юровский пришел в дом часов в 8 утра. После него, спустя несколько времени, в дом прибыли Белобородов

с пузатым¹. Это я сам видел. Как я уже говорил, я тогда ушел с поста в 10 часов утра. Медведев же сказывал мне, что они втроем, т. е. Юровский, Белобородов и этот пузатый, спустя несколько времени, поехали кататься на автомобиле. Дома в это время оставался Никулин. Перед вечером они втроем вернулись. Значит, вернулись Юровский, Белобородов и этот пузатый. Вечером Юровский сказал Медведеву, что Царская семья ночью будет расстреляна, и приказал ему предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы. Вот этого я толком понять не могу. Правда это была или нет, я этого доподлинно не знаю, потому что никого из рабочих об этом я спросить не догадался, отбирал ли на самом деле у них Медведев револьверы. Для чего это нужно было, я сам не понимаю: по словам Медведева, расстреливали Царскую семью латыши, а они все имели наганы. Я тогда еще не знал, что Юровский еврей. Может быть, он, руководитель этого дела, и латышей для этого нагнал, не надеясь на нас, на русских? Может быть, он для этого и захотел постовых русских рабочих обезоружить? Пашка Медведев приказание Юровского в точности исполнил: револьверы отобрал, передал их Юровскому, а команду предупредил о расстреле Царской семьи часов в 11 вечера.

В 12 часов ночи Юровский стал будить Царскую семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский будто бы такие объяснения привел Царской семье: ночь будет «опасная», т. е., как я понимаю, он им сказал, в верхнем этаже будет находиться опасно на случай, может быть, стрельбы на улицах, и поэтому потребовал, чтобы они все сошли вниз. Они требование Медведева исполнили и сошли в нижние комнаты в сопровождении Юровского, Никулина, Белобородова и этого курчавого, пузатого. Здесь были сам Государь, Государыня, Наследник, все четыре дочери, доктор, лакей, горничная и повар. Мальчика же Юровский, суток, кажется, за полтора приказал увести в помещение нашей команды, где я его видел до убийства сам.

¹ Ф.И. Голощекин.

Всех их привели в ту самую комнату, где в стенах и в полу было много следов пуль. Встали они все в два ряда и немного углом вдоль не одной, а двух стен. Ни про какие стулья при этом Пашка мне не сказывал. Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу. Государь не дослышал и спросил Юровского: «Что?» А он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил Государю, показывая ему револьвер: «Вот что». И будто бы при этом добавил: «Ваши родственники не велят Вам больше жить». Что означали эти слова, я не понимаю. Хотя я не понимаю этих слов, но я не просил у Медведева никаких объяснений этим непонятным словам. Я не могу также точно удостоверить, что именно так мне передавал слова Юровского Пашка. Может быть, Юровский и по-другому сказал Государю: «Ваш род не должен больше жить». Пожалуй, что так оно и будет. Пожалуй, что вот так он и сказал.

Хорошо я еще помню, что, передавая мне про бумагу, которую Юровский вычитывал Государю, он называл ее, эту бумагу, «протоколом». Именно так ее называл Пашка. Это я хорошо помню. Как только это Юровский сказал, он, Белобородов, пузатый, Никулин, Медведев и все латыши (их было, по словам Пашки, 10, а не 11 человек) выстрелили все сначала в Государя, а потом тут же стали стрелять во всех остальных. Все они пали мертвыми на пол. Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули две-три в Государя и в других лиц, кого они расстреливали. Показываю сущую правду. Ничего вовсе он мне не говорил, что он будто бы сам не стрелял, а выходил слушать выстрелы наружу: это он врет. Ничего он мне также не говорил ни про подушки, ни про то, что семья Царская сидела на стульях, когда ее расстреливали.

Когда их всех расстреляли, Александр Стрекотин, как он мне сам это говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх. После этого их всех навалили на грузовой автомобиль, кажется, один, и куда-то увезли. Шофером был на этом автомобиле рабочий Злоказовской фабрики Люханов. Об этом я Вам передаю со слов Медведева. Люханова я сам хорошо знал. Он никогда караульной службы не нес,

потому что он был шофер и целый день находился, если не ездил на автомобиле, в комендантской комнате. Ночью он уходил на свою квартиру (не знаю, где он жил). Ездил он всегда с нашими комендантами, т. е. с Авдеевым и Юровским. Из себя он такой: лет ему не больше 40, роста среднего, среднего телосложения, лицо худощавое и несколько нечистое: или от угрей или от оспы. Усы небольшие, черненькие, бороду брил и немного оставлял спереди под нижней губой, нос тонкий, прямой. Волос на голове не помню, глаз также и других его примет указать не могу. Носил он, кажется, френч, сапоги, а на голове кепку, кажется, суконную. По словам Медведева, на этом грузовом автомобиле с трупами убитых уехали: Юровский, Белобородов, пузатый и несколько человек латышей. Из наших же рабочих-охранников не попал ни один.

Я ни от кого не слыхал, чтобы у кого-нибудь из убитых был бы обрублен палец. Об этом мне никто не говорил. Сам я трупов убитых не видел. По какому направлению они уехали, не знаю. Этого тогда не знал, должно быть, и сам Медведев, потому что обставил это дело Юровский тайной.

После уборки комнат мы со Столовым пошли было в наше помещение в дом Попова, но нас Медведев посадил опять в баню досиживать арест. Пошли мы в баню и проспали там часов до 10 утра. Это, значит, было уже в среду. В 12 часов я стал на пост снаружи у будки на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Простоял я два часа. Тут мы со Столовым пошли в город и прошатались до вечера. Знакомых мы никого не видели и никому про убийство не говорили. Вечером мы пришли в казарму, поели и спали.

В четверг 18 июля с 6 часов утра меня Медведев поставил на пост внутри дома у комендантской. До этого времени ни один рабочий, как только появились латыши, в доме не ставился, когда была жива Царская семья, а тут, как их убили, опять поставили нас. Около уборной никого не было. А меня, помню, сменил тогда Александр Котегов. Когда я в этот день 18 июля вступил на пост, в доме были уже Юровский, Никулин, Медведев и латыши. Из наших рабочих и из злоказовских

не было никого. Я хорошо помню, что Юровский, когда я пришел становиться на пост, был уже в доме. Должно быть, он и ночевал тогда тут. У них шла уборка царских вещей, и они все очень торопились. Укладывали вещи все положительно, какие только можно было уложить. Но доподлинно сказать, какие именно вещи укладывались, я не могу, потому что сходить с поста я не мог. Видел я издали, что укладывались в чемоданы сапоги, вообще обувь и платье. О чем разговаривали в это время между собой Юровский, Никулин и Медведев, я не слышал. Были они все спокойные и, как мне тогда казалось, Никулин и Юровский были несколько пьяные.

В этот день вещи еще никуда не вывозились, а только укладывались. Сойдя с поста, я пошел в караульное помещение, поспал, поел и пошел со Столовым к брату Александру во 2-ю часть милиции. Брату я ничего про убийство не рассказывал. До вечера мы со Столовым проболтались по городу и к вечеру пришли в караульное помещение. Тут нам Медведев объявил, что мы все должны уезжать из Екатеринбурга.

19 июля утром нас отправили на станцию Екатеринбург 1. Но нас не всех враз отправили на станцию. Которые из наших и остались. Я помню, что в нашей партии были тогда со мной вот кто: Столов, Теткин, оба Турыгина, Талапов, Вяткин, Котов Михаил и из злоказовских Андрей Корзухин. Несколько суток мы терлись на станции без всякого дела. Нашу партию прикомандировали для охраны штаба 3 красной армии. Штаб тогда был уже в вагонах. Около штаба мы и находились. В это время я видел, что на вокзал в автомобилях привозили царские вещи, которые раньше укладывались в чемоданы и в сундуки. Их привозили и складывали в несколько вагонов. Вагонов было, приблизительно, три. Они были американские: большие, окрашенные в темно-коричневую краску. Я не совсем точно Вам сказал: вагоны я видел, но я не видал, как привозили вещи и как их складывали в вагоны. Об этом мне передавал Талапов. Он же говорил мне, что шофером был на том автомобиле, на котором вещи возились, Люханов, а таскали вещи в вагон латыши. Как уезжал Юровский, я видел сам. Он уехал, как

мне кажется, в ночь на 21-е июля по направлению к Перми. С ним уехала его семья и Никулин. Я это сам видел. С Юровским же уехали и все латыши, которые жили в Ипатьевском доме внизу и убивали семью Государя и его самого. Это я также сам видел. Мы все, которых я Вам указал, уехали из Екатеринбурга со штабом 3-й армии в то время, когда, как говорили, город уже занимался. Уехали мы в Пермь.

Когда я еще находился в Екатеринбурге, я слышал от Медведева, что Юровский должен уехать в Москву. В Перми я Юровского ни разу не видел. Не видел там я также и Никулина, Авдеева и Мошкина, а также и не видел других рабочих-охранников, которые остались тогда в Екатеринбурге.

Кроме названных рабочих, с нами же уехал и Александр Стрекотин. Мы все в Перми несли охрану штаба 3-й армии. Про убийство Царской семьи мы со Стрекотиным разговаривали и в Перми. Нового он мне ничего не говорил. В частности, я, например, его спрашивал, куда же увезли трупы убитых, но Стрекотин этого не знал. Это должен бы знать, по-моему, Люханов, но я его не видал ни разу, как уехал из Екатеринбурга. Люханов же уехал из Екатеринбурга вместе с Юровским. Это я хорошо помню. Я его видел тогда, когда он садился в вагон. Я не видел его семьи, чтобы она уезжала с ним. Он, равно как, один уезжал, без семьи. С Юровским же уехала и его семья. Любовницы Никулина я тогда не видел в поезде, и уехала она или же нет, не знаю. Вся наша партия в Перми сначала жила в вагонах, а потом нас перевели в какую-то, кажется, гимназию на углу, кажется, Екатерининской и какой-то другой улицы. Все вместе мы нашей партией жили в одной комнате. Про убийство Царской семьи мы вели со Стрекотиным разговоры в вагонах, когда ехали в Пермь. Потом мы уже больше с ним об этом деле не говорили.

Когда войска генерала Пепеляева стали брать Пермь, штаб 3-й армии и все рабочие нашей партии уехали из Перми куда-то по направлению к Вятке. Я же один отстал от них. Около Перми есть Новая Деревня (с полверсты от Перми), там живет мой двоюродный брат Матвей Иванович Проскуряков. Я у него

бывал и с ним стал советоваться, как мне быть, уходить с красными или остаться в Перми? Он мне советовал остаться. Я и не поехал, а вернулся в Екатеринбург, когда Пермь была взята. Матвею Ивановичу я тоже ничего не говорил про убийство Царской семьи.

Приехав в Екатеринбург, я поселился у брата Александра. Он меня повел к этапному коменданту штабс-капитану Ваулину. Так как брат меня взял на поруки, то Ваулин меня под стражу, как красноармейца, не взял. Я стал находиться у брата и искать себе здесь в городе должности, но про меня узнали в уголовном розыске и, когда мы с братом были в отсутствии, за нами приходили из розыска. Тогда мы с братом сами пошли в 4-ю часть, куда нам велено было прийти. Там меня забрал седенький чиновник (Алексеев) и стал допрашивать. Я напугался и стал ему врать, что я на охране вовсе не был. Потом я сознался, что был на охране, но стал говорить, что ничего не знаю. Но потом я сказал, что ничего не знаю потому, что был в бане, куда был заперт Медведевым. Теперь Вам я рассказал все, что знал про это дело.

Я вполне сам сознаю, что напрасно я не послушался отца и матери и пошел в охрану. Я сам теперь сознаю, что нехорошее это дело сделали, что побили Царскую семью, и я понимаю, что и я нехорошо поступил, что кровь убитых уничтожал. Я совсем не большевик и никогда им не был. Сделал я это по глупости и по молодости. Если бы я теперь мог чем помочь, чтобы всех тех, кто убивал, переловить, я бы все для этого сделал.

Куда выкидывались опилки, пропитавшие кровь, и тряпки, я не знаю. Выкидывал ли кто и какие именно вещи в помойную яму во дворе дома Ипатьева, я тоже не знаю. Также я не видел, кто и какие именно вещи убитых сожигал в печах.

Когда я видел Государыню проходящей в уборную, я не замечал, были ли на ней серьги.

Я вижу предъявленный мне Вами снимок фотографический с надписи, сделанной на обоях, и самый кусок обоев с этой надписью (предъявлены фотографический снимок и самый кусок обоев с надписью, описанный в пункте 1-м прото-

кола 24 февраля сего года, л. д. 82, том 2-й) и положительно удостоверяю, что эта надпись означает слово «Кронидов», т. е. расписался на обоях рабочий-охранник Кронидов.

Я вижу кусок дерева с обоями и надписью на них «Стрежнев» Кто написал это слово, не знаю. Никакого Стрежнева я не знал и не знаю. (Обвиняемому был предъявлен кусок дерева с обоями с надписью на них, описанный в пункте 22-м протокола 17–18 февраля сего года, л. д. 55 об., том 2-й).

Я вижу предъявленный мне Вами снимок с кольцом и частями гранаты (предъявлены части гранаты с кольцом, описанные в пункте 12-м протокола 12 февраля сего года, л. д. 12 об., том 2-й) и показываю: гранаты с такими кольцами были в доме Ипатьева и находились в особом ящике на террасе и на вышке при пулеметах. Брали ли их, когда совершалось убийство, я не знаю. Таких гранат, снимок с частей которой Вы мне показываете сейчас (предъявлен снимок частей гранаты, описанных в пункте 14-м протокола 10 февраля сего года, л. д. 13, том 2-й), в доме Ипатьева не было.

Человек, фотографические карточки которого Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические карточки Петра Захарова Ермакова, представленные при дознании агентом Алексеевым, л. д. 11 об., т. 3-й), сильно похож на того самого, которого я называл пузатым и курчавым и который приходил во вторник с Белобородовым в дом Ипатьева¹. Действительно ли у него такое брюхо, как мне казалось, я не могу сказать. Может быть, он так одет был, что брюхо у него казалось мне большим, а на карточке этого как будто бы не заметно. Я припоминаю, что и Медведев, кажется, также называл его по фамилии «Ермаков» и говорил про него, что это комиссар, но какой именно комиссар и откуда именно, он не сказывал.

У всех рабочих, которые стояли на посту, револьверы были Нагана. Раньше постовые имели только одни винтовки, а за несколько дней до убийства откуда-то появились у нас

¹ Ошибка, Ермаков не был толстым и курчавым. В дом Ипатьева вместе с Белобородовым приходил Ф.И. Голощекин

револьверы Нагана. Кто и откуда их принес, я не знаю. Раздавал их тогда по рукам Медведев. Было их всего 7 штук. У латышей же все время были наганы. У самого Юровского был револьвер среднего размера, системы Браунинга или Маузера, без барабана, черного цвета. У Никулина был большой револьвер, кажется, на 25 патронов, с барабаном. У Медведева был револьвер Нагана¹.

Куда девался мальчик, который прислуживал Царской семье и которого до убийства перевели в нашу казарму, я не знаю. Я видел его после убийства. Он спал на моей койке, и я с ним разговаривал. Знал ли он про убийство Царской семьи, не знаю. Он не плакал, и ничего про это мы с ним не говорили. Он мне сказал, что комендант хочет его отправить домой, и называл какую-то губернию, но я забыл название ее. При этом он мне жаловался, что Юровский отобрал у него одежду. Одет он в то время был в черную со стоячим глухим воротничком туужурку из сукна, черные суконные брюки и сапожки. На нем сверху было одето старенькое черное пальто, с петличкой сзади, фасона гимназического. Какая у него была фуражка или шляпа, я не помню.

Я хорошо помню Виктора Лугового. Он нашего Сысертского завода. Из себя он такой высокий, худой. Я прекрасно помню, что он до самого убийства был в охране. Я очень хорошо помню, что он был в числе других рабочих, убравших комнаты после убийства, когда мы пришли туда со Столовым. Я очень хорошо помню, что он, например, заметал метелкой опилки в комнате, где произошло самое убийство.

В нижних комнатах жил пленный мадьяр по имени, кажется, Рудольф, а не Адольф. Он был невысокого роста, коренастый, лет 26, волосы на голове черные, длинные, усы светло-

¹ У Юровского был «Маузер», у Никулина «Наган», у Медведева (Кудрина) «кольт» и браунинг», у П. Медведева «Наган». См. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 48. Воспоминания М.А. Медведева (Кудрина) о расстреле семьи Романовых.

русые, бороду брил, нос прямой небольшой. Рудольф прислуживал и Авдееву с Мошкиным, и Юровскому. Он, очевидно, был в доме, когда шло убийство Царской семьи, потому что я видел его потом в поезде уезжавшим вместе с Юровским.

Из баб к нам в казарму приходили жены к Медведеву, Вяткину, Андрею Стрекотину, Андрею Старкову. Но в день убийства никого из баб у нас не было в казарме. Только вскоре после убийства к Медведеву приезжала его жена.

Остался ли кто из рабочих нашего завода или злоказовских здесь и кто ушел за большевиками, я не могу сказать.

Ни одного из латышей я назвать не могу. Все они говорили по-русски очень плохо и говорили между собой не по-русски. А один был, который с Юровским говорил не по-русски, но и не так, как говорили между собой латыши, а как-то по-другому, как будто бы по-«жидовски», но точно этого сказать не могу. Утверждаю лишь, что один такой латыш был, который говорил именно с Юровским не так, как говорили между собой латыши. Из себя этот «латыш» был лет 30, низенький, плотный, нос имел длинный, волосы, глаза и брови черные, уши большие, бороду брил, усы черные, средней величины, лицом смуглый. Похож он был на еврея. Его не было в комнатах в то время, когда мы пришли туда со Столовым и когда убирали мы, рабочие, комнаты. Очевидно, он в числе других отвозил трупы убитых.

Когда я стоял на посту внутри дома, я ни одного раза не видел, чтобы Государыня входила в комендантскую комнату. Думаю я, что этого и быть никак не могло, потому что Юровский нехорошо обходился с ними. Если туда в комендантскую комнату попали четки Государыни, то, может быть, их там забыли, когда укладывали вещи в чемоданы после убийства.

Я вижу две предъявленные мне Вами фотографических группы (предъявлены две фотографических группы, имеющих при деле, с изображением советских деятелей). На одной из них я узнаю двоих рабочих со Злоказовской фабрики. Один из них, кажется, был помощником шофера Люханова

и фамилия ему, кажется, Лабышов, хотя точно сказать этого не могу. Но он сильно похож на него. Уехал ли он в Пермь или же нет, сказать не могу. Другой же, по фамилии мне неизвестный (забыл ему фамилию), мне очень хорошо известен. Он до конца был в охране. Замывал также кровь и вместе с нами уехал в Пермь.

На другой карточке я узнаю Юровского, Никулина, как уже я Вам говорил раньше.

Дочери Государя ходили в высоких полусапожках и в туфлях. Были ли на туфлях пряжки, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены две пряжки, описанные в пункте 2-м протокола 15—16 февраля 1919 года, л. д. 45, том 2-й), я не замечал: может быть, были, может быть, нет. Государя я видел, когда он проходил в уборную или когда выходил в сад. Я помню, что мне приходилось его видеть в тужурках серого и черного цвета со стоячим воротником. Хорошо помню, что пуговицы на этих тужурках были желтые, медные, с гербами, как те, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены пуговицы, описанные в пункте 14-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 48, том 2-й). Носил он сапоги. В его бороде были заметны седеющие волосы.

Княжны выходили в сад в летних платьях: кофточках и юбках, разных цветов. Кофточек с красными нитками (пункт 2-й протокола 17—18 февраля сего года, л. д. 51, том 2-й) я на них не замечал. Пояса на них я видел: пояса были цветные с пряжками, похожими на такие, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены две пряжки из трех, описанных в пункте 21-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 48 об., том 2-й; пункт 2-й протокола 20 февраля сего года, л. д. 61, том 2-й; пункт 13-й протокола 20 февраля сего года, л. д. 63 об., том 2-й). Больших пуговиц на костюмах княжон я никогда не видел. В верхних платьях я их также не видел.

Такой пряжки, какую Вы мне сейчас показываете (предъявлена пряжка, описанная в пункте 16-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 48, том 2-й), я ни у кого из лиц Царской семьи и бывших с ней не видел.

Таких бус, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены бусы, описанные в пункте 1-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 45, том 2-й), я не видел никогда на княжнах. Государыне и горничной. Государыни в очках я никогда не видал.

Таких образов, креста, бриллианта и лопаты, какие изображения этих предметов я сейчас вижу на предъявленных мне Вами фотографических карточках (предъявлены фотографические снимки образов, описанных в пунктах 4—6 протокола 10 февраля сего года, л. д. 11 об. — 12, том 2-й; железной лопаты, описанной в пункте «б» того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й; бриллианта и креста, описанных в пунктах «в», «г» того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й), я не видел ни у кого в доме, где жила Царская семья.

Выбрасывал ли, какие именно вещи и кто именно в полойную яму при доме Ипатьева, я не видел и ничего про это не слышал.

Я вижу предъявленную мне Вами расписку Медведева на 10800 рублей (предъявлена расписка, описанная в пункте 1 «а» протокола 13 марта 1919 года, л. д. 125, том 2-й). Расписка эта писана его рукой и им подписана, а слов, написанных на ней синим карандашом, я понять не могу и лиц, фамилии которых были бы похожи на эти слова, я не знаю...

...Кто заведовал хозяйством Царской семьи, я не знаю. Никакого Михаила Чашина (л. д. 29 об., том 3-й) я совершенно не знаю.

Кем писан черновик телеграммы о казни Государя, который Вы мне сейчас показываете (предъявлен документ, описанный в пункте 1-м протокола 25 марта сего года, л. д. 41, том 3-й), я не знаю...

...При мне, когда я находился в охране, электрической сигнализации не проводилось.

...Когда я, после убийства Царской семьи, стоял на посту в верхнем этаже дома, я не видел там никаких повреждений. Я не видел, например, сорванных с петель дверей, каких-либо взломов, следов штыковых ударов на дверях и стенах. Ящик в двери для корреспонденции был на месте...

...Про пузатого я хорошо помню: Медведев сказывал, что он именно комиссар и живет именно в Американской гостинице.

Стульев, поврежденных пулями и находившихся в нижних комнатах дома Ипатьева, я после убийства не видел.

Нас, рабочих, никуда из Екатеринбурга после убийства охранять в лесу какую-либо местность не посылали.

Время своего поступления в охрану я считаю по старому стилю.

Рабочий Александр Кронидович Алексеев имел кличку «Кронидов», по которой чаще его и называли, чем по фамилии. Больше объяснить я ничего не могу. Объяснение мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

При допросе присутствовал
Филипп Полиевктович Проскуряков

Судебный следователь *Н. Соколов*
Прокурор Екатер. окр. суда *В. Иорданский*

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 2 дня, г. Пермь. Агент Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев расспрашивал, в присутствии прокурора Пермского окружного суда Шамарина, в его камере, доставленного с фронта солдата 1-го Пермского пехотного стрелкового полка, 1-й роты, 3-го взвода, *Анатолия Александровича Якимова*, происходящего из граждан Юговской волости и завода Пермского уезда, который объяснил, что он имеет от роду 31 год. По ремеслу токарь.

До 1916 года работал при Мотовилихинском пушечном заводе, а затем поступил добровольцем и был на румынском

фронте. В 1917 году, будучи рядовым, был эвакуирован с фронта по болезни и прибыл 28 октября в Мотовилихинский завод, затем уехал в Екатеринбург и поступил токарем на Злоказовский металлический завод близ города Екатеринбурга. Женат на Марии Николаевой, урожденной Босых. Детей не имеет. С женой совместно не живет, так как жена его сожительствует с Николаем Егоровым Лоскутовым. В настоящее время она находится в Мотовилихинском заводе, «на Висиме», подробный адрес ее не знает. Мобилизован он в настоящее время в армию, как имеющий призывной по мобилизации возраст. Последнее время перед мобилизацией проживал в Мотовилихинском заводе, в доме своего дяди по отцу — Павла Данилова Шаньжина, живущего по Инженерной улице, дом № 94. Ничем это время не занимался.

Проживая на Злоказовской металлической фабрике близ города Екатеринбурга и состоя токарем, он, по добровольному желанию, «нанялся», в числе других рабочих названной фабрики, на охрану бывшего Императора Николая II и его семьи, помещавшихся в городе Екатеринбурге, по Вознесенскому проспекту, в доме Ипатьева, каковой дом при советской власти назывался «Домом особого назначения». Наем рабочих на охрану означенного дома производил Александр Дмитриев Авдеев, бывший рабочий на той же Злоказовской фабрике, который состоял тогда комендантом этого дома. Помощником его был Александр Мошкин, тоже бывший рабочий этой фабрики. Нанялся он, Якимов, на охрану дома вместе с другими рабочими в мае месяце прошлого года и поступил на охрану 30 мая нового стиля. Товарищи его по охране — рабочие Злоказовской фабрики — избрали его из своей среды разводящим. На обязанности его лежало разводить караульных по постам и выходить на звонок — докладывать коменданту о приходящих лицах. Жалованье он получал одинаковое с другими караульными: по 400 рублей в месяц, за вычетом провизионных.

На охрану дома из рабочих Злоказовской фабрики было нанято всего 16 человек, а именно: 1) сам он — Якимов, 2) Ни-

кита Дерябин, отчество его и место приписки не знает, 3) Григорий Тихонов Лесников из Кушвинского завода, Соликамского уезда, 4) Михаил Смородяков, отчество и место приписки не знает, 5) Николай Путилов из Ижевского завода, Сарапульского уезда, 6) Леонид Иванов Брусьянин, место приписки не знает, мать живет фельдшерицей в Дедюхине, 7) Александр Иванов Устинов из Пожевского завода, Соликамского уезда, 8) Александр Прохоров, отчество не знает, родом из Уфимской губернии, Катав-Ивановского завода, 9) Степан (или Павел) Вяткин из села Уктуса, Екатеринбургского уезда, 10) Александр Корзухин из села Уктуса, 11) Пелегов Василий, отчество не знает, откуда происходит, не знает, 12) Иван Николаев Клещев из Екатеринбургского уезда, родители его живут на суконной фабрике Ушкова за Екатеринбургом, 13) Александр Осокин, отчество и место приписки хорошо не знает, известно ему, что он Казанской губернии, жил до этого в Екатеринбурге, 14) Иван Иванов Романов из города Ярославля, 15) Семен Дмитриев, отчество не знает, из Петрограда и 16) Александр Варакушев из города Тулы. Кроме их, на охране дома было еще 28 человек рабочих Сысертского завода.

Рабочие Злоказовской фабрики и Сысертского завода состояли на наружной охране дома. Была еще внутренняя охрана, в которой состояли пять латышей и пять русских. Из латышей одного звали Лякс¹, а остальных по имени и фамилии не знает. Из русских знает только одного Кабанова, имя и отчество его не знает, а остальных совсем не знает по имени, отчеству и фамилии. Откуда происходит Кабанов и остальные русские, — тоже не знает. Кабанов будто бы из Омска². Рабочие Злоказовской фабрики и Сысертского завода, состоявшие на

¹ Лякс — правильно Каякс. См. Список Свикке Я.М. из доклада Г.Ю. Скутанс на Четырнадцатых Романовских чтениях. Екатеринбург, 2013. С. 290—298.

² Братья Кабановы — Михаил ст., Алексей и Михаил мл. родом из Тверской губернии. Данные из Персональных дел, РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 37376. Л. 106.

охране, проживали в доме Попова против дома Ипатьева, а латыши и русские, состоявшие на внутренней охране, помещались в том же доме Ипатьева, внизу.

Последнее время комендантом этого дома был еврей Юровский, имя и отчество не знает, часовых дел мастер и фотограф. Помощником его состоял Никулин, имя и отчество, а также происхождение его и место приписки не знает, слышал, что он происходит из Омска. Авдеев и Мошкин, бывшие ранее, первый — комендантом дома, а второй — его помощником, были уволены за кражу царских вещей и при доме этом не жили. За кражу царских вещей были уволены, вместе с Авдеевым и Мошкиным, еще другие рабочие Злоказовской фабрики, а именно: Иван, Василий и Владимир Логиновы, Николай и Станислав Мишкевичи, Соловьев Александр Федоров, Гоншкевич Василий Григорьев, Корякин Николай, Крашенинников Иван, Сидоров Алексей, Украинцев Константин Иванов, Комендантов Николай, Лабушев Леонид Васильев и Валентин Сергеев Люханов. Были ли эти лица при доме Ипатьева тоже на охране или какую другую несли обязанность, он не знает, но ему известно, что находились они при этом доме только день или только ночь, а в остальное время находились при заводе Злоказова. Последнее время, когда был комендантом дома Юровский, их уже не было.

Помощник коменданта Никулин был знаком или состоял в любовной связи с Евдокией Максимовой Бахаревой, урожденной Сивилевой, которая ему, Якимову, ранее была известна по Мотовилихинскому заводу, где она вышла замуж за Бахарева (парикмахера) и где живут ее родители по Инженерной улице, дом № 3, вверху. Где она находится в настоящее время, неизвестно. Бахарева служила в Чрезвычайной комиссии в Екатеринбурге, в которой состоял и Никулин до обязанности коменданта Ипатьевского дома. Познакомились они с Никулиным будто бы в городе Екатеринбурге.

Разводящих всего было трое, а именно: он — Якимов, Семенов, Константин Добрынин и временно заступал место Семенова — Иван Огарков. Последние трое принадлежат к числу

рабочих Сысертского завода. Дежурили они по понедельно. Павел Спиридонов Медведев был начальником всей охраны Ипатьевского дома и проживал вместе с ними при доме Попова в отдельной комнате. На неделе 15—16 июля нового стиля очередь исполнения обязанности разводящего была у него, Якимова, с 2 часов дня до 10 часов вечера, а с 10 часов вечера до 6 часов утра исполнял эту обязанность Константин Добрынин.

Утром 16 или 17 июля нового стиля, хорошо число не помнит, ему и другим рабочим сообщил один из состоящих в охране из числа рабочих Злоказовской фабрики вышеупомянутый Иван Клещев, что в эту ночь Царь Николай Романов и вся его семья: Царица, Наследник и четыре дочери расстреляны. Вместе с ними расстреляны, как говорил Клещев, доктор Боткин, фрейлина Демидова, повар и лакей, всего — 11 человек. Клещев говорил, что видел в окно, стоя на посту в саду в эту ночь, как расстреливались все лица и что это также видел бывший на посту с другой стороны дома, тоже в окно, Никита Дерябин, который и подтвердил ему, Якимову, рассказ Клещева. Клещев и Дерябин говорили, что около 2-х часов ночи комендант дома Юровский вошел в комнаты верхнего этажа дома, где помещался Царь с семьей и предложил им сойти вниз дома, говоря, что дом будут обстреливать. Царь с семьей и живущие с ними лица, доктор Боткин и прислуга, оделись и начали спускаться к низу. Спустившись в нижний этаж дома, вошли в комнату: комната эта глухая, как будто углубленная в землю, с одним окном, которое обращено на улицу.

По приходе в комнату Юровский сказал: «Николай Александрович. Вас родственники хотели спасти, но этого им не пришлось, и мы должны Вас сами расстрелять». После этого начали расстреливать всех лиц, вошедших в комнату. Сначала застрелили Царя, и он упал, а затем залпом начали расстреливать и остальных лиц. Стреляли несколько раз, расстреливаемые падали поочередно. Дочь Царя Анастасия Николаевна после выстрела упала, а когда начали всех расстрелянных осматривать, то она оказалась жива, и ее прикололи штыком. Фрейлина Демидова защищалась при расстреле подушкой и

пулями не могли ее умертвить, а закололи штыками. Расстрел производили из револьверов. Револьверы были, как известно ему, Якимову, только у внутренней охраны, у наружной охраны револьверов не было. У внутренней охраны, кроме того, были и винтовки. Сколько было револьверов у внутренней охраны, он не знает, об этом известно было начальнику охраны Медведеву.

Расстрел производили, по словам Клещева и Дерябина, латыши — 5 человек, состоявшие на внутренней охране при доме, и пять человек русских, состоявших также в числе внутренней охраны при доме, в том числе был и помощник коменданта Никулин. При всем этом распоряжался комендант дома Юровский и тут же находился начальник охраны Павел Спиридонов Медведев. Медведев, по словам Клещева и Дерябина, стоял сзади стрелявших. Юровский, по их словам, стоял за дверьми в углу, остальные лица, производившие расстрел, стояли в дверях и за дверьми в коридоре.

Царь стоял на середине комнаты, против дверей, рядом с Царем стоял доктор Боткин, а с Боткиным в кресле сидел Наследник Алексей. Влево от дверей у стены стояли официант и повар, а в глубине комнаты у стены стояли Государыня и великие княжны.

Подробности расстрела и расположение лиц при расстреле, рассказывал Дерябин, который стоял у окна, обращенного из той комнаты на улицу, и все происходившее в доме видел. Относительно того, как комендант Юровский сказал Царю пред расстрелом: «Николай Александрович. Вас родственники хотели спасти, но не придется. Вы должны быть расстреляны», — слышал Клещев через окно на улице, стоя на посту у этого дома.

Царскую семью затем «ощупывали» после расстрела и в поясах, видимо, находили защитные ценности. После всего этого трупы убитых те же лица, которые производили расстрел, стали выносить из дома на грузовой автомобиль. Леонид Брусьянин, стоявший в это время на посту в ограде, увидев выносимые из дома трупы, испугался и убежал в дальнюю ограду. Об этом Брусьянин также рассказывал в караульном по-

мещении в доме Попова ему, Якимову, и другим товарищам по охране. Рассказывал об этом также стоявший на посту в ограде дома у подъезда Григорий Лесников. Видел Лесников только, как укладывали расстрелянных на автомобиль.

Трупы всех одиннадцати убитых на автомобиле увез шофер Сергей Иванов Люханов, родственник бывшего коменданта дома Авдеева. Люханов все время находился в качестве шофера при автомобиле при «Доме особого назначения». Автомобиль у него был легковой — желтой окраски. Грузового автомобиля до этого времени при доме не было. У Люханова был ранее помощник Леонид Лабушев, происходящий откуда-то из Малороссии, который последнее время уже не служил при этом доме, и Люханов ездил на автомобиле один. На автомобиле ездил более комендант Авдеев, а бывший после Авдеева комендант Юровский чаще ходил пешком и ездил на лошади. Сам он, Якимов, автомобиль-грузовик не видел, а слышал об этом автомобиле от стоявших на посту Клещева и других.

Когда увезли трупы из дома, то русские, бывшие на охране внутри дома и производившие расстрел Царя с семьей, замывали, по словам Клещева, кровь в той комнате, в которой производился расстрел, «сгруживали», по словам Клещева, в одну кучу метлой и «сваливали» в подполье, а потом замывали остатки водой.

Сам он, Якимов, в расстреле участия никакого не принимал и очевидцем этого расстрела и увоза не был. Все это он передает со слов вышеупомянутых бывших на охране лиц Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова, которые передавали ему об этом утром на следующий день.

Трупы умерших, как он, Якимов, позднее слышал, свезли на автомобиле куда-то в болото за Верх-Исетский завод и схоронили в яму. Дорога к тому месту была настолько плохая, что автомобиль застрял в грязи. Кто ему, Якимову, об этом говорил, он не припомнит, но кажется, это говорил Павел Медведев.

В доме, где Царь помещался с прислугой, жил еще мальчик, как его звали, не знает. Мальчик этот с вечера оказался

в помещении для караула, находившемся рядом с домом Ипатьева, в комнате у Медведева. Мальчика этого отправили, по словам Медведева, в Петроград, перед тем как им нужно было уезжать из Екатеринбурга.

Из числа лиц, бывших при внутренней охране, принимавших участие в расстреле, был один по фамилии, как он напоминает, Ермаков. Слышал он также между этими лицами фамилию одного — Костоусов. Фамилий Леватных, Малышкина и Партина не помнит. Костоусова он видал, помнит, что ходил он в простых белых очках. Костоусов, по словам Клещева, замывал пол в комнате расстрела.

После расстрела Царя и его семьи они прожили при доме до 19 июля, и в ночь на 20 июля их отправили на вокзал Екатеринбурга, где они пробыли в вагонах до 25 июля, и потом их отправили в Пермь. В Перми его, Якимова, и других 7 человек назначили к комиссару снабжения Горбунову для охраны его. Затем его, Якимова, и других 6 человек, назначили в интендантство вахтерными на ст. Левшино горнозаводской линии жел. дороги. Со станции Левшино он, Якимов, перешел в Мотовилиху и поступил в биржу труда в качестве писца-регистратора, где и служил до освобождения Перми и Мотовилихинского завода от советской власти. При освобождении Перми отстал от большевиков, не желая больше следовать за ними и состоять в их партии, и проживал у своего дяди Павла Шаньжина, где и застала его мобилизация, и он вступил в ряды правительственной армии, причем находился, во время задержания его по данному делу, на фронте по Глазовскому направлению, в 80 верстах от г. Глазова. Где в настоящее время находятся его товарищи по охране, он не знает. Один из них, Иван Клещев, был арестован большевиками во время нахождения в Левшино за кражу сукна и приговорен к общественным работам на 6 месяцев. Сидел он некоторое время в арестном доме в г. Перми и затем был отправлен большевиками куда-то на работу за ст. Левшино, по реке Чусовой. Арестован он был в сентябре или октябре месяце, срок отбытия работ ему должен был окончиться в феврале месяце. Где Клещев

находится в настоящее время, ему неизвестно. Не остался ли кто-нибудь в этих краях из лиц, бывших на охране дома от большевиков по освобождении занятой ими местности, ему также неизвестно. Коменданта дома Юровского он встречал в Перми при большевиках на Монастырской улице шедшим по дороге. Было это в сентябре или августе, в последних числах августа, а более не видал.

Никулина тоже встречал на улице города Перми. Никулин говорил, что служит в отделе районного укрепления при штабе 3-й армии и указал, что отдел помещается на Сенном рынке в 3-м доме от угла Кунгурской улицы. Встречал Никулина тоже в августе или сентябре.

Где находятся в настоящее время Юровский и Никулин, ему неизвестно. Более ничего по делу объяснить не может.

Агент Екатеринбургского уголовного розыска *С. Алексеев*
При опросе присутствовал прокурор Пермского окружного суда
Н. Шамарин

ПРЕДПИСАНИЕ КОЛЧАКА

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
И ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Секретно.
Генерал-Лейтенанту Дитерихсу

«10» апреля 1919 г.

№ 111

г. Омск

№ 17

Возлагаю на Вас дальнейшие розыски вещей и документов бывшей Царской Семьи, ни в чем не стесняя ныне производимого следствия. Военные и гражданские власти должны оказывать Вам содействие в пределах законности и их прав.

Разрешаю Вам сохранить для сбора вещей состоящие у Вас пассажирские, товарный и кухню для команды вагоны и для охра-ны вещей караул, но только в пределах театра войны. Если встретятся расходы по сбору и охране вещей, то счета должны быть представлены мне¹.

Адмирал Колчак (Подпись)

¹ ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 6. Л. 3. На левом поле документа помета: «Верх. прав. очень не хотелось выдавать мне это предписание и согласился только после предъявления мною ему телеграммы Соколова, просившего моего приезда в Екатеринбург. Причина этому кроется в том, что за период с 1-го марта в Верх. правителе произошел перелом в пользу жидо-немецкой партии, а потому выяснение картины и обстоятельств убийства в полной мере было для него нежелательным. 10/04. М.К. Дитерихс». Документ на бланке Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего. Впервые введен в научный оборот.

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественных доказательств

1919 года, апреля 14 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315—324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр фотографического снимка, присланного начальником отдела контрразведки при Штабе Верховного Главнокомандующего при отношении от 3 сего апреля за № 8 (л. д. 141, том 3-й).

По осмотру найдено следующее:

Фотографический снимок изображает написанную чернилами черного цвета на бланке президиума Уральского областного совета «расписку», датированную 30 апреля 1918 года и имеющую номер, указанный цифрой «1».

Бланк имеет следующий вид и содержание:

«Рабочее и Крестьянское Правительство Российской Федеративной Республики

Советов. Уральский Областной Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов

ПРЕЗИДИУМ

№ 1

Вид и содержание самой «расписки» следующие:

«Екатеринбург, 30 апреля 1918 г.

Расписка

1918 года, апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета Раб., кр. и солд. Депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывш. вел,

княгиню Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге.

А. Белобородов
Чл. Обл. Испол. Комитета
Б. Дидковский»¹.

Между подписями Белобородова и Дидковского маслянистый оттиск печати: *«Областной Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала»*.

Весь текст этого документа писан, видимо, Белобородовым.

Судебный следователь Н. Соколов

¹ Оригинал документа ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 40.

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 15—25 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315—324 ст. ст. уст. угол. суд., производил дополнительный осмотр дома Ипатьева.

По осмотру найдено следующее:

Дом Николая Николаевича Ипатьева, где держались большевиками в заключении Государь Император Николай Александрович и другие лица Августейшей семьи, находится в г. Екатеринбурге на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка.

Дом имеет два жилых этажа: верхний и нижний, полуподвальный. Парадный ход в верхний этаж — с Вознесенского проспекта, парадный ход в нижний этаж — с Вознесенского переулка.

Дом каменный, отштукатуренный, покрыт белой известковой краской. Крыша железная, зеленая. В каменной ограде со стороны Вознесенского проспекта находятся створочные ворота, окрашенные в коричневую краску. Вблизи их, со стороны того же проспекта, — калитка, окрашенная так же, как и ворота. В калитке выпилено маленькое окошечко, обращенное во двор.

На самом углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка около стены дома — деревянная, уже старая будка, окрашенная такой же краской, как и ворота с калиткой.

Во дворе дома находятся каменные и деревянные службы с различными сараями для нужд хозяйства, погреб, баня и деревянные сараи-навесы.

При доме имеется небольшой садик, идущий вдоль Вознесенского переулка. Форма его почти квадратная; в длину он имеет 56 аршин, в ширину — 47. В садике растут простые топо-

ля, несколько берез, несколько лип, одна ель, кусты акации и сирени.

Дом своим внешним видом и хозяйственными службами оставляет довольно благоприятное впечатление в сравнении с другими зданиями. Садик же мал и однообразен.

Часть Вознесенского проспекта, на который обращен своим лицевым фасадом дом, переходит как раз против дома Ипатьева в площадь. На этой площади против дома Ипатьева находится церковь Вознесения. Почва земли от этой площади круто понижается к самому дому и имеет довольно значительно выраженный уклон чрез всю усадьбу Ипатьева.

При обследовании наружных стен дома и его служб усмотрена на стене дома, обращенной к Вознесенскому проспекту, надпись, вырезанная каким-то острым предметом, расположенная в нескольких строках, следующего содержания: *«царь Николай сидел на троне из народа пил он кровь торговал он водкой пивом был ленивый на все руки был готов»*.

Характера почерка эта надпись не передает.

На штукатурке ограды у ворот и калитки имеются надписи, вырезанные каким-то острым предметом: *«Царя русского Николу за хуй сдернули с престола»*, *«Григорий Суетин»*, повторяющаяся два раза; надпись, в которой удастся прочесть только слово *«Садчиков»*. Характера почерков и эти надписи не выражают.

При обследовании будки внутри ее на стене усмотрен рисунок, сделанный по бумаге, наклеенной на стене будки. Рисунок изображает кровать и фигур лежащих на ней в циничных позах мужчины и женщины. На другой внутренней стенке той же будки черным карандашом сделаны надписи *«Гр. Лесников, Огарков Иван на хую у теб...»*, дальнейшего текста разобрать не представилось возможным.

Вследствие невозможности снять рисунок и эти надписи в помещении будки при помощи фотографического аппарата, части досок с изображением и надписями были выпилены для приобщения к делу.

Рядом с комнатой великих княжон находится комната, обозначенная на чертеже цифрой III. /.../ В этой комнате — 4 окна, причем два обращены на Вознесенский проспект, а два — на Вознесенский переулок. Все окна имеют двойные рамы. Окно, обращенное на Вознесенский проспект и ближайшее к гостиной, имеет снаружи частую железную решетку, покрывающую все окно. Окно, обращенное на Вознесенский переулок и ближайшее к комнате великих княжон, имеет фортки, такие же, как и описанные раньше.

На левом косяке окна, обращенного на Вознесенский проспект и не имеющего решетки (на левом косяке — если смотреть из окна на Вознесенский проспект), имеется знак и надпись, сделанные черным карандашом, принадлежащие, как свидетельствует Жильяр, Государыне Императрице. Знак и надпись имеют следующий вид:

/свастика/ 17/30-го Апр: 1918 г.

В комнате, обозначенной на чертеже цифрой VI, — «два окна, с двойными рамами, обращенные в сад. В этой комнате Сергеевым были найдены надписи *«Толстобровъ»* и т. д. и циничные изображения. Надписи и изображения целы. Надпись, являющаяся одной надписью, сделана черным карандашом на стене, противоположной окнам: *«Толстобров Петр. А. Стрежнев. 3/VI/18. А. Стрежнев»*. Она расположена в виде нескольких строк и принадлежит, безусловно, одному лицу.

Циничное изображение находится на стене, отделяющей эту комнату от комнаты, обозначенной на чертеже цифрой VIII. Оно изображает половые органы мужчины и женщины в их соединении. Против этого изображения имеется сделанная черным карандашом надпись, как пояснение самого изображения: *«Александра и Распутин»*.

Опечатанная комната, обозначенная на чертеже цифрой II, и есть та, где произошло убийство Государя Императора Николая Александровича и его семьи. Ее внешний вид

соответствует описанию ее в акте Сергеева (л. д. 39 об. и след., том 1-й).

При настоящем осмотре отмечаются следующие обстоятельства:

а. В единственном окне этой комнаты, выходящем на Вознесенский переулок, две рамы. Наружная рама заперта на шпингалеты. Снаружи окно покрыто железной решеткой. Ширина подоконника от внутреннего его края до внутренней рамы в окне — 85 сантиметров, между рамами — около 10 сантиметров, от наружной рамы до решетки — 21 сантиметр, от решетки до края наружной стены дома — 17 $\frac{1}{2}$ сантиметров. Таким образом, ширина всего подоконника — 1 метр 33 сантиметра.

б. На лицевой стороне арки, ближайшей к правому косяку двери, ведущей из этой комнаты в кладовую, обозначенную на чертеже цифрой III (к правому косяку, если обернуться лицом к кладовой), снята часть деревянной обшивки, покрывающей арку, вместе с обоями. Над этой выемкой имеется сделанная черным карандашом надпись: «Рисовал А. А...», подпись фамилии неразборчива.

в. Под этой выемкой в штукатурке арки имеется в толщу штукатурки углубление конусообразной формы, несомненно пулевого характера. Его глубина 2 $\frac{1}{2}$ сантиметра, диаметр с краев — 1 сантиметр. От пола оно находится в расстоянии 1 метра 6 сантиметров. Этот пулевой отпечаток не отмечен в акте Сергеева.

г. На стене, обращенной к Вознесенскому переулку, имеются три надписи, сделанные черным карандашом, не отмеченные Сергеевым: «Прашу не курить», «Борзна», «Кародонов».

д. На самом краю подоконника чернилами черного цвета, весьма толстыми линиями сделаны одна под другой три надписи: «24678 ру. года», «1918 года», «148467878 р», а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком: «87888».

е. В расстоянии полувершка от этих надписей на обоях стены такими же чернилами и такими же черными линиями написаны какие-то знаки, имеющие следующий вид:

/изображение «тайной надписи»/¹

ж. В стене, отделяющей комнату убийства от кладовой, произведены выемки штукатурки с обоями и дерева, как о том значится в акте Сергеева от 20 августа 1918 года (л. д. 55, том 1-й). Некоторые пулевые удары в этой стене Сергеевым были приняты, видимо, сначала за штыковые удары, так как против номеров, указанных цифрами 1-6 исключительно, имеются карандашные отметки: «шт». На обоях этой стены в непосредственной близости с выемками по направлению к косяку двери, ведущей в кладовую, замечается множество кровавых брызг, почерневших уже от времени, но некоторые из них сохранили еще характерный для крови окрас: красновато-желтый. Все они идут по направлению от места выемок, т. е. снизу от пола вверх и слева вправо от выемок. Характерна сама форма брызг: совершенно явственно видно, что некоторые из брызг дали характерную для кровавой брызги при полете ее «кавычку». Самая высокая от пола брызга отстоит от него на 1 метр 80 сантиметров, самая ближайшая к полу отстоит от пола на 73 сантиметра. Эти брызги не отмечаются в актах Сергеева.

з. В стене, обращенной к Вознесенскому переулку, имеются три вырезки дерева с обоями. Две из этих вырезок вполне соответствуют кускам дерева, описанным в протоколе осмотра их от 17—18 февраля 1919 года (пункты 20—21, л. д. 55—55 об., том 3-й), где было попадание пуль. В непосредственной близости с выемкой куска дерева, описанного в пункте 20-м упомянутого протокола, т. е. того именно, в котором и за-

¹ «Тайные знаки» похожи на росчерк пера, носят произвольный характер. Сергеев, который осматривал расстрельную комнату, не увидел этой надписи.

села пуля, наблюдается также множество таких же кровавых брызг. Они идут в непосредственной близости от самых краев выемки, так что одну из брызг покрывает карандашная линия, которой Сергеев, видимо, обозначал площадь для выемки дерева с пулей. Некоторые из брызг имеют такую же характерную для кровавой брызги кавычку. Направление брызг от выемки вверх и направо, вниз и налево. Эти кровавые брызги также не отмечаются в актах Сергеева.

и. В этой же стене имеются две вырезки кусков дерева и обоев, описанные в пункте 22-м протокола 17—18 февраля 1919 года (л. д. 55 об., том 2-й) и в пункте 2-м протокола 24 февраля 1919 года (л. д. 82 об., том 2-й).

к. В полу комнаты имеются выемки дерева в соответствии с актом Сергеева от 18 августа 1918 года (л. д. 42, том 2-й).

л. Ясно видимых штыковых ударов нигде в комнате убийства не усматривается, но обращает /внимание/ в этом отношении на себя арка, о которой упоминается в сем протоколе выше, в пункте «б». На расстоянии 1—1 $\frac{1}{2}$ аршина от пола как раз на той высоте, где вырезана обшивка, на той стороне арки, которая ближе всего к правому косяку двери из комнаты убийства в кладовую (если смотреть на эту дверь из комнаты убийства), усматриваются продолговатые в 1—2 миллиметра разрывы обоев. Получается впечатление, что по этой стороне арки как будто бы скользило острие штыка.

м. В комнате убийства имеются принадлежности для освещения ее электричеством.

В комнате, обозначенной на чертеже цифрой IV имеется два окна, с двойными рамами, обращенные в сад, из коих одно окно также находится под террасой. Из надписей, усмотренных в этой комнате Сергеевым, уцелели: сделанная черным карандашом в несколько строк надпись: *«по всей подеревне погасли огни Гриша с сашурою спать полегли»*, сделанная также черным карандашом, но весьма слабым оттиском, возможно, и каким-либо острым предметом, надпись *«Карташов Иван»*, не передающая почерка писавшего.

Остальные надписи уничтожены, причем на стене имеются и следы их стирания.

Из столовой верхнего этажа имеется выход на террасу, каковая, видимо, не осматривалась и не описывалась в актах ни Наметкиным, ни Сергеевым.

Терраса идет вдоль стены дома, обращенной в сад, и оканчивается, с одной стороны, между дверью из столовой на террасу и окном из столовой в сад, с другой стороны — на уровне стены дома, выходящей к Вознесенскому проспекту. Терраса на деревянных столбах, обнесена перилами и верхними столбами, доходящими до крыши, покрывающей террасу, — стойками. Ее длина 7 сажен, ширина — 5 аршин. Вниз с террасы идет лестница в сад.

Верхние столбы — стойки — покрыты надписями. Ими же покрыта и вся стена дома, обращенная на террасу. Все эти надписи полны цинизма. Удастся читать следующие:

1. У самого начала лестницы с террасы в сад на одной из стоек сделана черным карандашом надпись: *«Прошу // Ехал из // ярмарки // хуй ли // говорить // заехал в // деревню // дай ка // по // покурить»*.

Ниже и сбоку этой надписи подпись, сделанная таким же карандашом и таким же почерком, напоминающая слова: *«И. Шамарский»*, но точный ее смысл разобрать не удалось.

2. На стене террасы имеется вырезанная каким-то острым предметом большими буквами надпись:

*«Саря рускаго Николу за хуй
сдернули с престола»*

3. Ниже этой надписи имеется сделанная черным карандашом надпись:

*«русской царь у нас был Никола
Его за хуй стащили с престола он
всей... был... чего....»*

Остальных слов разобрать не представилось возможным, так как некоторые слова выскоблены.

4. Далее к Вознесенскому переулку на стене террасы имеется сделанная черным карандашом надпись, напоминающая почерк надписи, только что описанной, и надписи, сохранившейся в комнате нижнего этажа, обозначенной цифрой IV на чертеже дома: «Ехал с Тобольску // Гришка купец заехал // Он в царский дворец // по всем хоромам // погасли огни Сашка // и Гришка спать // по легли приходит // Николашка и // видит безна полна // давай паскареи // бутылку вина».

5. Далее, ближе к тому же переулку, имеется надпись, сделанная таким же карандашом и таким же почерком, как и описанная: «По всей // по деревне и погасли // огни // Сашка и с Гришкой // спать // полегли».

6. Далее, ближе к тому же переулку, имеется надпись, сделанная черным карандашом: «Русый локон // длинный локон // очи ясны порой // я встречаю вас // у окон с восхищеною // душой о когдаб не рок // противныя твоих // пристрастных // глаз очи ясны локон длинный и позабуду вечно // вас».

7. По тексту этой надписи, только что приведенной, черным карандашом написано: «в 12 часов дня // писал писака, а разберет // собака».

8. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, черным карандашом сделана надпись: «Помнишь // милая весною // в ароматный // Майский день и обрывала ты со мною расетхшую // сирень».

9. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, написано черным карандашом печатными буквами: «Спешите», а ниже этого слова, от руки: «прочесть».

10. Под текстом этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом и сильно вытертая или выскобленная. Удастся прочесть:

*«Хвала тебе... Садчиков и честь
У меня для тебя ... есть
И если знать его хотишь, то заглавий...»*

Весь смысл, очевидно, заключается в желании автора, чтобы читались заглавные буквы начальных строк этого «стихотворения».

11. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется сделанная черным карандашом надпись: *«Сашка и Гришка //* Сидят за столом *// Сам Николашка //* пошел за вином».

12. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется сделанная черным карандашом надпись: *«Да здравствует сосы- алистическая красная армия и флот а Николай романов...»* Следующие слова уничтожены.

13. Под этой надписью, тем же почерком и таким же карандашом, написано: *«Да Здравствует федеративная респу- блика Советов».*

14. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, написано черным карандашом: *«Романов //* Николай».

15. В росчерке буквы «Р» в слове «Романов» написано черным карандашом: *«Иди //* обет *// ногами и топат»*

16. Далее, ближе к Вознесенскому переулку имеется надпись, сделанная черным карандашом. По краям этой над- писи имеются карандашные обводные линии, придающие над- писи вид письма: как будто бы к Государю кто-то обращался с подобным письмом. Ниже текста надписи, составляющей текст этого письма, написано большими буквами: *«Гришка Распутин».*

Вся эта надпись, вместе с подписью Распутина, имеет следующий вид:

Его величества

*Николай
александрович
Кудаты
скрылся утнас
Навеки нам болще
вас невидать
Мы погибнем
безвас ився
Россия погибнет
безвас
секретарь Маилов
Абусилов комисар
послали народ
мучит*

*Николай
Александрович
уничтошь
Камендантов
дакамисаров
всю эту сволочь
Гришка Распутин*

*всекакията
Каменданты
дакамисары
етиихвжопу
мать такую
сволочь бох
послал
дакамендантов
дакамиссаров
еттих вжопу
мать такую
сволочь черти*

17. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется надпись, сделанная черным карандашом, имеющая следующий вид: «№ 6 Верхаш 1918 VII/15 Карау...»

Буквы в этой надписи все сопровождаются росчерками, к начертанию коих склонен, видимо, автор во время писания. Надпись производит впечатление, что ее сделал человек, видимо, не умеющий вполне свободно писать по-русски: буква «В» в слове «Верхаш» напоминает в то же время и букву «Л». Он, видимо, затруднился написать окончание слова «Карау» и после буквы «у» написал что-то вроде буквы «ий».

18. Ниже этой только что приведенной надписи, имеется надпись, сделанная, видимо, на мадьярском языке, таким же черным карандашом и тем же почерком, как и только что описанная, имеющая следующий вид:

*«Verhas Andrias 1918 VII /15e»
orsegen*

19. Ниже текста этих надписей вытерты тексты каких-то надписей, сделанных черным карандашом. Однако по вытертому тексту представляется возможным разобрать: «охранял Николашку и... Сашку // 3/ VII // А...».

Не представляется возможным разобрать следующих слов, но характер росчерков в этих уничтоженных буквах, сохранившийся, а в особенности характер написанного ниже слова «Екатеринбург», также снабженного росчерками, напоминает сильно почерк того лица, которым сделана на арке, описанной в сем протоколе в п. «б» надпись: «Рисовал А. А...».

20. Рядом с этой вытертой надписью написано, видимо, одним почерком черным карандашом: «Котегов Иван Павл. 11 Русаков Николай».

21. Ниже текста этой надписи черным карандашом крупными буквами написано:

«20-го Мая // Заменен другим // караулом из и особокараульной конвойной// команды Караульный // Начальник // гражданин Закис».

22. Ниже этой надписи имеется сделанная черным карандашом надпись следующего содержания: «У Гришы Распутина // хуй 8 вершков он // как на сто хуй посадит // Шуру она засмиется».

23. Между строк этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом: «Шура дура Шура блять // гришке на хуй сять».

24. Ближе к Вознесенскому переулку имеется сделанная черным карандашом надпись:

«4-го мая был караул особой караульной команды охранял николашку и его сашку».

25. Ниже этой надписи имеется вытертая надпись, сделанная черным карандашом, в которой читается: *«Да здравствует».*

26. Ниже этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом: *«Да здравствует // власть // совета».*

27. На обоих столбах террасы (верхних) к Вознесенскому переулку имеются надписи, сделанные черным карандашом. Только на одном из столбов удастся прочесть слова: *«Черт намазал себе нос...».*

28. На стене дома под террасой карандашом написано: *«пролетарии всех стран // соединяйтесь».*

29. Вблизи с этой надписью вырезана на стене надпись:

*«Да здравствует всемирная революция
Долой Международный Империализм и капитал
и к черту всю монархию».*

При осмотре стены дома, выходящей в сад, усматриваются многочисленные кровавые капли и брызги. Эти капли занимают по стене пространство до 4 аршин. Они расположены под окном, выходящим в сад из столовой, и имеют направление вниз от этого окна и справа налево, если смотреть из этого окна в сад. Некоторые брызги, сохраняя такое же направление, т. е. вниз от окна и справа налево, расположены под террасой. Две больших капли находятся у самого края второго от Вознесенского переулка окна нижнего этажа дома, между этим окном и первым окном этого же этажа к Вознесенскому переул-

ку. Капли эти сохраняют такую же форму, т. е. сверху вниз и справа налево, если смотреть из верхнего этажа столовой из окна. Между вторым и третьим окнами нижнего этажа и между третьим и четвертым окнами того же этажа, считая от Вознесенского переуллка, находятся круглой формы кровяные пятна, в диаметре 2 сантиметра, напоминая как бы хватание окровавленными пальцами стены дома. Все эти кровяные пятна, брызги и пятна /так!/ весьма бледного цвета, как будто бы кровь была разбавлена водой, попадая в этих местах на стену. Начинаются капли и брызги под окном из столовой в сад в расстоянии от подоконника этого окна в 1 $\frac{1}{2}$ аршина и идут ниже. Пятна же расположены между самыми окнами, находящимися почти на уровне почвы.

Начат был осмотр дома в период таяния снега, когда еще снег покрывал землю в саду. После освобождения земли от снега, при осмотре сада, под кустом сирени, под слоем прошлогодних листьев, было найдено написанное чернилами черного цвета на части листа белой писчей бумаги, сильно измятом, письмо, видимо, на мадьярском языке. Под этим же кустом сирени, и под такими же листьями, найден клочок бумаги, писанный карандашом. Этот клочок является частью той самой рукописи о «новой школе», клочки которой были найдены Сергеевым в печи комнаты нижнего этажа, обозначенной на чертеже цифрой V.

Для присутствования при осмотре был приглашен служащий дома Ипатьева Василий Терентьевич Тюляев. Он дал следующие при осмотре объяснения.

а) Раньше весь верх дома занимал сам владелец Ипатьев. Он же занимал и комнаты, обозначенные на чертеже нижнего этажа дома цифрами VII, IX, X, XIV, в каковых помещалась кухня и прислуга, а все остальные комнаты нижнего этажа занимала контора Ипатьева.

б) Сообщение верхнего этажа с нижним производилось или по лестнице, которая идет сверху вниз из комнаты, обозначенной на чертеже верхнего этажа цифрой VI, и выходит вниз в коридорчик между комнатами нижнего этажа, обозначенной на чертеже цифрой VII.

наченными на чертеже нижнего этажа цифрами VI и VII, или же по лестнице, которая идет сверху вниз от уборной из проходной комнаты, обозначенной на чертеже цифрой XIII, и выходит в сени, обозначенные на чертеже нижнего этажа цифрой XIV.

Лестница же, которая из этих сеней ведет наверх в вестибюль и которая была найдена в момент осмотра забитой и заклеенной, всегда была в таком виде.

После оставления дома большевиками, по объяснению Тюляева, двери в коридорчик как из комнаты, обозначенной на чертеже нижнего этажа цифрой VII, и самая лестница в этом коридорчике были найдены забитыми. Таким образом, сообщение верхнего этажа с нижним, если не принимать во внимание сообщения через парадное крыльцо и двор, при большевиках могло производиться только через лестницу, ведущую вниз от уборной и выходящую в сени, обозначенные цифрой XIV.

в) Весь дом при большевиках был обнесен двумя заборами. Первый забор начинался в Вознесенском переулке от границы, образованной стеною дома и забором сада, и, загибаясь здесь под прямым углом к стене дома или забору сада, шел по Вознесенскому переулку и далее по Вознесенскому проспекту вблизи стен дома и оканчивался у парадного крыльца в верхний этаж дома со стороны Вознесенского проспекта, оставляя это крыльцо свободным.

На самом углу Вознесенского переулка и Вознесенского проспекта к этому забору был пристроен другой забор, который шел вдоль Вознесенского проспекта, оставляя свободной часовню, находящуюся перед домом со стороны Вознесенского проспекта. В этом наружном заборе было двое ворот: одни были обращены к Вознесенскому переулку, а другие находились в стене прямо противоположной, против них, недалеко от ворот самого дома. Таким образом, благодаря первому забору, из парадного хода нижнего этажа нельзя было выйти на улицу: забор этот оканчивался перед парадным крыльцом в верхний этаж и замыкал путь следования.

Таким образом, путь следования Августейшей семьи в ночь на 17 июля 1918 года в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа дома, где она подвергалась злодеянию, цифрой II, был таков:

Из проходной комнаты верхнего этажа, обозначенной на чертеже цифрой XIII, она проследовала по лестнице, идущей из этой комнаты от уборной, в сени нижнего этажа, обозначенные на чертеже нижнего этажа цифрой XIV. Из них она проследовала через дверь во двор и отсюда в дверь, ведущую со двора в сени, обозначенные на чертеже цифрой XIII. Представляется мало вероятного, чтобы Августейшая семья из сеней, обозначенных цифрой XIV, следовала в сени, обозначенные цифрой XIII, чрез маленькую дверь, соединяющую эти сени: слишком высок порог этой двери от пола этих последних. Из сих сеней она следовала к комнате, обозначенной цифрой II, чрез комнаты, обозначенные цифрами VIII, VI, IV и I. После свершения над ней злодеяния в комнате, обозначенной цифрой II, трупы ее, видимо, выносились убийцами таким же путем, т. е. чрез комнаты, обозначенные цифрами I, IV, VI и VIII, в сени, обозначенные цифрой XIII, и отсюда во двор к автомобилю.

Дом Попова, где находилась команда красноармейцев-охранников, находится против дома Ипатьева по Вознесенскому переулку.

В момент осмотра дома Ипатьева весь его верх был занят Управлением начальника инженеров армии. Была занята и комната, где имел пребывание Государь Император с Государыней и сыном. Во время посещений дома судебным следователем он заставал в доме много праздных людей, осматривавших дом, трогавших руками надпись и знак Государыни на косяке их комнаты. Надпись эта постепенно стиралась и становилась все менее заметной. В целях ее сохранения она была покрыта стеклом, вделанным в особую рамку, и опечатана печатью судебного следователя.

По требованию судебного следователя, обращенному к Начальнику штаба Командующего Сибирской армией гене-

рал-лейтенанта Гайде, генерал-лейтенанту Богословскому, согласно распоряжению последнего, эта комната была освобождена Управлением начальника инженеров армии, заперта на ключ, оставленный у себя судебным следователем, и опечатана его сургучной печатью.

Комната, где произошло убийство Августейшей семьи, была также опечатана той же печатью.

Судебный следователь *Н. Соколов*

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ
по ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ
При Омском Окружном Суде
Н.А. Соколов

27 апреля дня 1919 г.
№ 73 Екатеринбург

Господину генерал-лейтенанту Дитерихсу

ДОКЛАД

Мной окончен осмотр дома Ипатьева, где пала жертвой неслыханного злодеяния Августейшая Семья.

Вашему превосходительству достаточно известны те обстоятельства, при которых протекали первые следственные действия по этому делу, имевшие место в течение 1918 года, и та совокупность фактов, которая устанавливается следственными действиями в настоящий момент.

Виновные совершенного над Августейшей Семьей злодеяния, как это почти всегда бывает при каждом убийстве, оставили после себя в самом доме многочисленные следы, уже и теперь в значительной степени выясняющие виновность некоторых из них и несомненно заслуживающие самого серьезного к себе отношения со стороны следственной власти в дальнейшем.

Эти, оставленные после себя убийцами «следы», выражающиеся во вне в надписях, не только указывают определенных лиц, но и создают самый план работы следователя в некоторых направлениях, как, например, одна из надписей на террасе. Объяснение обвиняемого Филиппа Проскурякова уже теперь обязывает следственную власть оперировать в дальнейшем обязательными допросами подлежащих задержанию в дальнейшем лиц на месте убийства: в доме Ипатьева.

В частности, это является необходимым уже по одному тому, что первоначальные следственные действия по осмотру дома Ипатьева нельзя признать исчерпывающими не только все, но даже некоторые существенные обстоятельства. Как Ваше превосходительство и сами могли убедиться на месте осмотра дома Ипатьева, даже такой совершенно необходимый для установления обстоятельств дела факт, как уборка трупов, является, при настоящем положении дела, фактом, вовсе не столь ясным. Я готов был бы признать данное члену суда Сергееву объяснение обвиняемого Павла Медведева согласным с обстоятельствами дела и, в частности, с объяснением, данным мне по этому вопросу обвиняемым Филиппом Проскуряковым, если бы не существовало другого факта: многочисленных капель и пятен крови на наружной стене дома, выходящей в сад. Между тем, как Вам известно, факт нахождения этих кровавых следов на стене дома даже ни единым словом не отмечен в следственных актах. Здесь Сергеев даже произвел выемку штукатурки стены дома, но в деле нет ни составленного об этом акта, ни анализа крови. Время наложило свою печать на этот факт, и теперь анализ совершенно бесполезен, так как кровь утратила уже свои существенные элементы.

Между тем, при дальнейших допросах это обстоятельство может сыграть большую роль.

Не было усмотрено Сергеевым также и множество кровавых брызг в самой комнате, где произошло убийство Августейшей Семьи. В дальнейшем ходе следствия это обстоятельство также подлежит самому внимательному обследованию при допросах в этой комнате.

Кроме того, отсутствие трупов заставляет следственную власть особо внимательно относиться ко всему, чем устанавливается самый факт преступления. Сохранение в доме Ипатьева, хотя на некоторое время, всего того, что констатировано в нем к настоящему моменту, представляется для дела необходимым. Я считаю излишним касаться значения дома Ипатьева в историческом отношении, так как эта точка зрения

должна быть совершенно ясна для каждого человека, не живущего минутой. Но я не могу не коснуться моральной стороны этого дела. Характер «следов», оставленных после себя убийцами неумолимо жестоко рисует их духовный облик. Сопоставление с этим фактом содержания молитвы, с которой одна из жертв Августейшей Семьи обращалась к Владычице, моля Ее дать Ей достаточно духовных сил, чтобы простить своих «палачей», также неумолимо ясно характеризует духовный облик жертв злодеяния.

Вся совокупность приведенных соображений заставляет меня признать, что дом Ипатьева, хотя бы на некоторое время, должен остаться в таком виде, в каком он является хотя бы к настоящему моменту следствия.

Между тем, у меня не только нет уверенности, что он сохранит свой настоящий вид, но, кажется, следует признать, что вряд ли на это можно надеяться в будущем. Дом в настоящий момент занимается одним из учреждений. Он открыт и день и ночь. Ежедневно в дом ходит множество праздных людей, совершенно открыто осматривающих комнаты и исследующих сохранившиеся надписи. Временами появляются рядом со старыми надписями новые, а старые постепенно уничтожаются.

Но не могу скрыть, что иногда в этом доме совершается нечто непристойное, для каждого русского человека приискорбное. Я два раза поздно вечером посещал этот дом и оба раза заставал там пленных мадьяр с балалайками, водкой и публичными женщинами. От многих из местных жителей я уже не один раз выслушивал по этому поводу горькие замечания.

Ввиду изложенного и полагая Вас лицом, призванным волей Верховного правителя к охране всего того, что имеет исторический интерес в связи с судьбой злодейски убитой Августейшей Семьи, я полагаю себя обязанным о всем изложенном доложить Вашему превосходительству.

Сов. секретно

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ М.К. ДИТЕРИХС

Его Высокопревосходительству

Адмиралу Колчаку

28 апреля 1919 г

№37.

Верховному Правителю

Ваше Высокопревосходительство Александр Васильевич.

Представляю при сем на Ваше благоусмотрение отношение ко мне судебного следователя Н.А. Соколова за № 73

Убийство членов б. Царской Семьи в доме Ипатьева устанавливается следствием безусловно. Мне, лично, на основании изучения всей совокупности обстоятельств: предшествовавших убийству, характера самого убийства и, особенно, сокрытия следов преступления — вполне обрисовывается, что руководство этим злодеянием исходило не из русского ума, не из русской среды.

Эта сторона дела придает убийству б. Царской Семьи совершенно исключительное по исторической важности значение, а, вместе с тем, побуждает принимать и все зависящие меры в целях обеспечения следствию выяснить все обстоятельства злодеяния, а равно и в целях ограждения уже теперь памятников события для нашего потомства.

В силу сего позволяю себе просить Ваше Высокопревосходительство издать постановления: об отчуждении владения г. Ипатьева в собственность государства, с уплатой владельцу стоимости по оценке особой комиссией из представителей города, суда, контроля и Вашего представителя;

о возложении на городское управление обязанности охраны этого владения, как памятника и об избавлении владения от какого-либо постоя и реквизиции военными и гражданскими властями. Это последнее желательно было бы прове-

сти теперь же, не дожидаясь разрешения дела по первым двум пунктам.

Приложение: отношение судебного следователя Н.А. Соколова за № 73.

Вашего высокопревосходительства покорный
слуга и глубоко Вас уважающий
Мих. Дитерихс

Сов. секретно

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ М.К. ДИТЕРИХС

6 мая 1919 г.

№39

Его высокопревосходительству
Верховному правителю А. В. Колчаку

В настоящее время следствие по делу об убийстве в г. Екатеринбурге б. Царской Семьи направляет свои усилия в сторону выяснения обстоятельств вывоза трупов и места, куда трупы были сокрыты. Для установления этих данных предстоит направить работы в двух направлениях: одно, являющееся основным следственным, разыскание и опрос лиц, так или иначе причастных к делу и проживающих в пределах нами занимаемой территории; другое, являющееся побочным, вспомогательным — разведка лиц, причастных к делу, но находящихся в пределах, еще занятых большевиками, и выяснения от них необходимых данных до оставления ими пределов России и работа по методическим археологическим раскопкам в районе, наиболее вероятном, где главари дела могли скрыть трупы.

Работы по второму пути еще не были организованы за отсутствием для этого необходимых средств. Между тем время не терпит: с приближением наших войск к центру России руководители убийства б. Царской Семьи постараются исчезнуть заблаговременно из пределов России, почему необходимо установить за ними надзор уже теперь и агентурным путем постараться выяснить от них необходимые данные.

С другой стороны — земля уже оттаяла и является возможность приступить к необходимым раскопкам.

Вашему высокопревосходительству благоугодно было возложить на меня сбор вещей и документов, принадлежавших б. Царской Семье. Не благоугодно ли будет возложить также

на меня организацию агентурной разведки и работ по необходимым раскопкам. Обе работы будут вестись в согласии со следственными властями.

Для производства названных работ и разведки необходимо ассигновать в мое распоряжение по пятьдесят тысяч ежемесячно, с представлением денежной отчетности непосредственно Вашему высокопревосходительству.

Генерал-лейтенант *Дитерихс*

Сов. секретно

Генерал—Лейтенант М.К. Дитерихс

10 мая 1919 г.

№ 40

Его высокопревосходительству
Верховному правителю А.В. Колчаку

Согласно разрешения Вашего высокопревосходительства, судебный следователь Н. Соколов, 9-го сего мая, имел разговор с г. Ипатьевым, владельцем дома, где проживала в г. Екатеринбурге б. Царская Семья, по вопросу о найме этого дома казной.

Г. Ипатьеву частными лицами предлагалось за наем его дома 14 000 рублей в год и отопление за счет нанимающих. Г. Ипатьев согласен уступить казне дом за 12 000 рублей в год без отопления. При этом, оставаясь жить в нижнем этаже дома, г. Ипатьев принимает на себя внутреннюю охрану дома. Для наружной охраны в ночное время надо учредить один наружный милицейский пост (будка у дома имеется). Для поддержания дома зимой в должной температуре потребуется в год 24 сажени дров.

Таким образом, наем дома казною обойдется в год около 25 000 рублей.

Генерал-лейтенант Дитерихс

Состоящий в распоряжении
Главковерха
Генерал—Лейтенант
М.К. Дитерихс
17 мая 1919 г.
№ 42

Начальнику Штаба
1-го Средне-Сибирского армейского корпуса

Верховным правителем возложено на меня собрать все вещи, драгоценности и документы, принадлежавшие убитым членам б. Царской Семьи.

По имеющимся у меня от прокурора Пермского окружного суда сведениям, некоторые вещи были сданы на хранение во вверенный Вам штаб бывшим начальником военного контроля полковником Никифоровым, а некоторые — нынешним начальником военного контроля в Перми.

Если сведения эти правильны, то прошу Вашего распоряжения препроводить все вещи мне, в Екатеринбург, через прокурора Екатеринбургского окружного суда, сопроводив их указаниями, где каждая вещь была найдена или взята.

Генерал-лейтенант Дитерихс

ПРОТОКОЛ

1919 года, мая 7—11 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге допрашивал, в порядке 403—409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованного в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по содержанию постановления своего от сего мая, и он объяснил:

Имя, отчество и фамилия: *Анатолий Александрович Якимов.*

Возраст во время совершения преступления: 31 года. Сословие: крестьянин. Место рождения: Мотовилихинский завод, той же волости, Пермского уезда.

Прибыл в Екатеринбург я в первых числах ноября месяца 1917 года. Тогда же я и поступил на Злоказовскую фабрику. Фабрикой в это время еще владели пока хозяева Злоказовы, но уже существовал фабричный комитет из рабочих. Был и комиссар фабрики. Этим комиссаром был Александр Дмитриев Авдеев. Откуда он родом, я не знаю. Полагаю я, что он по ремеслу слесарь. Говорили про него, что он был где-то машинистом на каком-то заводе при локомотиве. /.../

В декабре месяце Авдеев отвез хозяина фабрики Николая Федоровича Злоказова в острог. Вместо хозяев образовался деловой совет. Этот совет и стал править фабрикой. Главой на заводе и стал Авдеев. Около него самыми приближенными к нему лицами были рабочие: братья Иван, Василий и Владимир Логиновы, Василий Григорьев Гоншкевич, Николай и Станислав Мишкевичи, Александр Федоров Соловьев, Николай Корякин, Иван Крашенинников, Алексей Сидоров, Константин Иванов Украинцев, Алексей Комендантов, Леонид Васильев Лабушев, Сергей Иванов Люханов и его сын Валентин. /.../

В апреле месяце стало известно в городе, что к нам в Екатеринбург привезли Царя. Объясняли об этом среди нас, рабочих, так, что Царя-де хотели выкрасть из Тобольска, по-

этому его и перевезли в надежное место — в Екатеринбург. Такие разговоры тогда в нашей среде ходили.

В первых числах мая месяца, в скором времени после перевезения к нам Царя, стало известно, что наш Авдеев назначен главным начальником над домом, где содержался Царь. Дом этот почему-то все называли «Дом особого назначения», а про Авдеева говорили, что он над этим домом «комендантом» назначен. Действительно, скоро сам Авдеев об этом нам объяснил на митинге.

Как произошло его назначение, я хорошо Вам объяснить не берусь. Авдеев был большевик самый настоящий. Он считал, что настоящую хорошую жизнь дали они, большевики. Он много раз открыто говорил, что большевики уничтожили богачей-буржуев, отняли власть у Николая «кровавого» и т. п. Постоянно он терся в городе со здешними заправилами из Областного совета. Я думаю, что таким образом он, как ярый большевик, и был назначен Областным советом комендантом Дома особого назначения. На митинге же, который он тогда собирал, он нам рассказывал, что вместе с Яковлевым он ездил за Царем в Тобольск.

Что это был за Яковлев, я сам не знаю. Авдеев же рассказывал нам на митинге, что Яковлев — рабочий из г. Златоуста. Авдеев его поносил и говорил нам, что Яковлев Царя хотел увезти из России и повез его для этого в Омск. Но они, т. е. екатеринбургские большевики, все это узнали и не допустили увоза Царя, сообщив о намерении Яковлева в Омск. Смысл его речи был именно тот, что Яковлев держал руку Царя, а он, Авдеев, вместе с большевиками охраняет «революцию» от Царя.

Про Царя он тогда говорил со злобой. Он ругал его, как только мог, и называл не иначе, как «кровавый», «кровопийца». Главное, за что он ругал Царя, была ссылка на войну: что Царь захотел этой войны и три года проливал кровь «рабочих», что рабочих массами в эту войну расстреливали за забастовки. Вообще он говорил то, что везде говорили большевики. Из его слов можно было понять, что за эту его заслугу перед «революцией», т. е. за то, что он не допустил Яковлева увезти

Царя, его и назначили комендантом Дома особого назначения. И, как видать было, этим самым назначением Авдеев был очень доволен. Он был такой радостный, когда говорил на митинге, и обещал рабочим: «Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя».

Как я сужу по словам Авдеева, в то время, когда он поступил комендантом Дома особого назначения, охрана этого дома состояла из мадяров. Авдеев тогда определенно говорил об этом и собирался мадыарскую охрану заменить русской. Он именно говорил про мадыарскую охрану, а не про какую-либо другую. Свое слово «показать» рабочим Царя Авдеев сдержал. Постоянно туда ходили с нашей фабрики рабочие, но только не все, а те, которых выбирал Авдеев. А выбирал он уже указанных мною своих приближенных. Это были братья Логиновы, Мишкевичи, Соловьев, Гоншкевич, Корякин, Крашенинников, Сидоров, Украинцев, Комендантов, Лабушев и Валентин Люханов. Что же касается самого Сергея Люханова, то он постоянно находился при электрической станции на фабрике. Без него там не могли обойтись. Но в то же время он был и шофер, и часто отлучался к Авдееву, должно быть, как шофер развозя его на автомобилях.

Все эти рабочие, как они говорили, охраны в Доме особого назначения не несли, а «помогали» Авдееву, были его помощниками. Ходили они не все вместе, а по одному. И находились они в Доме особого назначения не подолгу, а так, день-два. Главная цель у них, как я думаю, была в деньгах. За пребывание в Доме особого назначения они получали особое содержание из расчета 400 рублей в месяц, за вычетом карманных. Кроме того, они и на фабрике получали жалованье, как состоявшие в фабричном комитете или деловом совете. Одним словом, эти рабочие пользовались своим особым положением при Авдееве и извлекали из него выгоду. Охраны они в доме не несли, как можно было понять из их разговоров, а «помогали Авдееву», были его помощниками. /.../

Мадьярской охраны, когда мы пришли в дом Ипатьева, уже не было. Охрана состояла из рабочих Сысертского заво-

да и рабочих с разных еще других фабрик и заводов: Макаровской фабрики, завода Ятиса, с Монетного двора. Сысертские рабочие остались, когда пришли мы. Все же остальные рабочие тут же ушли. Вместе с сысертскими рабочими мы все расположились в нижних комнатах дома Ипатьева...

...В момент нашего прибытия в дом Ипатьева не было ни среди нас, злоказовских рабочих, ни среди сысертских никакого особого начальника. Были лишь разводящие. В первую неделю у нас, злоказовских рабочих, был разводящим я. У сысертских был разводящим Медведев и еще кто-то другой. Медведев, пожалуй, был главным среди сысертских рабочих лицом, так сказать вообще распоряжался среди них. К нему обращались с разными вопросами, но особой власти он никакой не имел. Раньше его на таком же положении был Никифоров, он скоро заболел и ушел, его тогда и заменил Медведев. Это так было, однако, в первое время после нашего прихода в дом Ипатьева.

Спустя же приблизительно с неделю такой порядок изменился. Прежде всего нас всех, охранников, перевели в дом Попова. Медведев сделался уже начальником над нами всеми, то есть и злоказовскими и сысертскими. Было выбрано трое разводящих, которые были обязаны ставить на посты всех охранников. Такими разводящими были я, Вениамин Сафонов и Константин Добрынин. Когда же, незадолго до убийства, Сафонов заболел, его заменил Иван Огарков. Значит, до самого убийства Царской семьи разводящими были: я, Иван Огарков и Константин Добрынин...

...Наше переселение в дом Попова произошло по нашему требованию. В особенности на этом настаивали сысертские рабочие. К ним, как к дальним от города, приезжали жены. А между тем, в доме Ипатьева они останавливаться не могли, так как туда никого не пускали. Вот поэтому нас всех и перевели в дом Попова. В нижних же комнатах дома Ипатьева, после нашего оттуда ухода, никого не осталось, кроме Рудольфа¹...

¹ Лахер Рудольф (1891, Австро-Венгрия — ?), из крестьян. Участвовал в 1-й мировой войне, в 1915 г. попал в русский плен. Оказался

...Авдеев был пьяница. Он любил пьянство и пил всегда, когда можно было. Пил он дрожжевую гуцу, которую доставал на Злоказовском заводе. Пил он и здесь, в доме Ипатьева. С ним пили и эти его приближенные. Когда последние переселились в дом Ипатьева, они стали воровать царские вещи. Часто стали ходить в кладовую и выносить оттуда какие-то вещи в мешках. Мешки они вывозили и в автомобиле, и на лошадях. Возили они вещи к себе домой по квартирам. Пошли об этом разговоры. Говорили по поводу этого воровства и наши охранники, в особенности Павел Медведев. Говорили об этом и на фабрике Злоказовых, указывая определенно как на воров на Авдеева и Люханова. Это, конечно, так и было. Авдеев со своей компанией намозолил еще на фабрике глаза рабочим. Все они пристроились так к легкой работе в комитете, да в деловом совете, получали деньги и пили гуцу. Когда они переселились в дом Ипатьева, стали они так же вести себя и здесь: гуцу пили и царские вещи воровали.

Кто об этом вынес наружу и довел до сведения, надо думать. Областного совета, — не знаю. Знаю я только, что Павел Медведев сколько раз собирался на Авдеева донести. Может быть, он и донес.

Приблизительно числа 3 — 4 июля, как раз в мое дежурство, Авдеев куда-то ушел из дома. Я думаю, что его тогда вызвали в Областной совет по телефону. Спустя немного времени ушел и Мошкин. Он, я знаю, ушел тогда по вызову по телефону в Областной совет. Остался за Авдеева Василий Логинов. Спустя некоторое время после ухода Авдеева и Мошкина пришли в дом Ипатьева Белобородов, Сафаров, Юровский, Никулин и еще каких-то два человека. Один из этих двоих был лет 45, высокий, упитанный, лицо круглое, широкое, крас-

в лагере для военнопленных в Екатеринбурге. В мае 1918 г. был направлен в дом Ипатьева на хозяйственную работу. В расстреле семьи Николая II участия не принимал. Позже вернулся в Австрию. Был знаком с И. Мейером, выступал против его фальсификации истории гибели царской семьи. См. *Плотников И. Ф.* Указ. соч. С. 224.

новатое; волосы на голове черного цвета, прически не помню; усы черные, большие, густые, с легкой проседью; борода большая, окладистая, черная, с легкой проседью; нос небольшой, толстый, широкий; глаз не помню. Из одежды помню на нем только белую майку-гимнастерку. Другого наружности я не могу описать. Помню только, что он был молодой: лет 20 с чем-нибудь¹.

Белобородов спросил нас, бывших в доме, кто у нас остался за Авдеева. Василий Логинов сказал ему, что за Авдеева остался он. Тогда Белобородов объяснил нам, что Авдеев больше не комендант, что он с Мошкиным арестован. За что именно они были арестованы, Белобородов нам не объяснил. Об этом, помню я, тогда Белобородов сказал Медведеву, который тоже приходил из дома Попова. Тут же Белобородов нам и объяснил, что Юровский — новый комендант, а Никулин — его помощник. С того же момента Юровский стал распоряжаться в доме как уже комендант. Он тут же приказал Логинову и другим из авдеевской компании (я не могу припомнить, кто именно из них в тот момент находился в доме) «улетучиться» из дома.

Помню я, что все указанные мною лица: Белобородов, Сафаров, Никулин, Юровский и еще двое мне неизвестных были во всех комнатах дома; были они и в тех комнатах, где проживало семейство Николая Александровича. Но я с ними туда не ходил. Были они там недолго. Надо думать, Белобородов осведомлял их о назначении Юровского и Никулина.

Юровский тогда же спрашивал Медведева, кто несет охрану внутри дома, то есть на постах № 1 и 2. Узнав, что вну-

¹ Это Кабанов Алексей Георгиевич (1890—1972), участник Первой мировой войны, весной 1915 г. в Петрограде был зачислен в «Финляндский полк», как указал в автобиографии. В июле 1918 г. во время службы А. Кабанова во внутренней охране в доме Ипатьева Николай II узнал в нем бывшего гвардейца, участника одного из парадов. Можно предположить что это был Лейб-гвардии Финляндский полк.

треннюю охрану несут эти самые «привилегированные» из партии Авдеева, Юровский сказал: «Пока несите охрану на этих постах вы, а потом я потребую себе людей на эти посты из Чрезвычайной комиссии». Я категорически утверждаю подлинность этих слов Юровского о людях из «Чрезвычайной комиссии».

Действительно, через несколько дней люди из Чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было 10 человек. Их имущество привозилось на лошади. Чья была эта лошадь, кто был кучером, — не знаю. Но только всем тогда было известно, что прибыли все эти люди из чрезвычайки из Американской гостиницы. Из числа прибывших пятеро были не русских, а пятеро русских. Я категорически утверждаю, что пятеро из них были именно русских людей: они, эти пятеро, все были самые русские люди, говорили по-русски. Остальные же пятеро по виду были не русские. По-русски, хотя говорили, но плохо. /.../

Хорошо я знаю, что /одному из русских/ фамилия была Кабанов. Это я весьма хорошо помню и положительно это удостоверяю. Что касается остальных четырех из русских, то я не могу указать, которому из них какая принадлежит фамилия. Но только я помню, положительно удостоверяю, что эти русские, кроме Кабанова, носили фамилии Ермакова, Партина и Костоусова. Указать же, который из описанных мною русских носил фамилию Ермакова, Партина и Костоусова, я не могу, но только, повторяю, они носили эти фамилии. Пятому же фамилию я забыл и не могу сказать, был ли среди них человек с фамилией Леватных. Одного же из описанных мною людей, фамилия которому Кабанов, я запомнил именно по наружности. Эти же фамилии я потому запомнил, что меня, как разводящего, иногда посылали или Юровский или Никулин за кем-нибудь из них: «Позови Ермакова, позови Партина, позови Костоусова».

Всех этих прибывших из Американской гостиницы людей мы безразлично называли почему-то «латышами». Нерусских мы называли потому «латышами», что они были не рус-

ские. Но действительно ли они были латыши, никто из нас этого не знал. Вполне возможно, что они были и не латыши, а, например, мадьяры. Среди нас же все эти десять человек, в том числе и пятеро русских, просто назывались «латышами». Они поселились в нижнем этаже дома, в комнатах, обозначенных на чертеже цифрами II, IV и V. Обедали же они и пили чай в комендантской комнате. Они все были на особом положении, сравнительно с нами. Пожалуй, неверно не будет, если сказать, что было у нас три партии: вот эти самые «латыши», злоказовские рабочие и сысертские. К «латышам» Юровский относился как к равным себе, лучше относился к сысертским и хуже к нам. Различное отношение его к нам и к сысертским объяснялось тем, что нас он причислял к тем же рабочим со Злоказовской фабрики, которые были изгнаны вместе с Авдеевым. Кроме того, некоторую роль играл в этом и Медведев. Он лебезил перед Юровским и Никулиным, угодничал перед ними. Поэтому они и относились лучше, с большим расположением, к сысертским...

...Вы спрашиваете меня, почему я пошел караулить Царя. Я не видел тогда в этом ничего худого. Как я уже говорил, я все-таки читал разные книги. Читал я книги партийные и разбирался в партиях. Я, например, знаю разницу между взглядами социалистов-революционеров и большевиков. Те считают крестьян трудовым элементом, а эти — буржуазным, признавая пролетариатом только одних рабочих. Я был по убеждениям более близок большевикам, но и я не верил в то, что большевикам удастся установить настоящую, правильную жизнь их путями, т. е. насилием. Мне думалось и сейчас думается, что «хорошая», «справедливая» жизнь, когда не будет таких богатых и таких бедных, как сейчас, наступит только тогда, когда весь народ путем просвещения поймет, что теперешняя жизнь не настоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел Царя и думал, что его надо держать под стражей, вообще в заключении, для охраны революции, но до тех пор, пока народ его не рассудит и не поступит с ним по его делам: был

он плох и виноват перед Родиной или нет. И если бы я знал, что его убьют так, как его убили, я бы ни за что не пошел его охранять. Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он был Царь всей России. А такое дело, какое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким. Убийство же всех остальных из его семьи еще и того хуже. За что же убиты были его дети? А так, я еще должен сказать, что пошел я на охрану из-за заработка. Я тогда был все нездоров и больше поэтому пошел: дело нетрудное...

...Только одно я сам наблюдал из жизни Царской семьи: они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни: «Умер бедняга в больнице военной». Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал.

Богослужения совершались в доме, но за все время, пока я находился в доме, богослужения совершались три раза. Два раза служил священник Сторожев и один раз священник Меледин. Но служили и до нас. Как я знаю? Потому это я знаю, потому именно, что я как раз и ходил за священниками, когда совершалось богослужение.

Первый раз послал меня Авдеев за священником и указал мне церковь, из которой требовался священник. Фамилии священника он мне не указал. Я в церкви уже узнал, что служил Меледин. Я хотел его звать, но он в это время служил обедню. Тогда я позвал Сторожева. За ним ходил я же и второй раз. Я же потом ходил и за Мелединым. Отыскивая священников, я обращался к церковному старосте, который стоял за свечным ящиком. Кто он такой — не знаю. Но он однажды меня просил, нельзя ли ему служить вместо дьякона. Мне больно хочется посмотреть Царя. Богослужений при Авдееве было за мое нахождение в доме два. При Юровском — одно. Сам я ни разу не присутствовал при богослужениях: нас в комнаты не допускали. На богослужениях присутствовали Авдеев, Юров-

ский. Издали я слышал во время богослужения мужские и женские голоса: должно быть, они и пели сами.

Непосредственно наблюдать, как Авдеев относился к Царю и его семье, мне не приходилось. Но я наблюдал самого Авдеева, имевшего с ними общение. Авдеев был пьяница, грубый и неразвитой. Душа у него была недобрая. Если, бывало, в отсутствие Авдеева кто-нибудь из Царской семьи обращался с какой-либо просьбой к Мошкину, тот всегда говорил, что надо подождать возвращения Авдеева. Когда же Авдеев приходил и Мошкин передавал ему просьбу, у Авдеева был ответ: «Ну их к черту!» Возвращаясь из комнат, где жила Царская семья, Авдеев, бывало, говорил, что его просили о чем-либо и он отказал. Это отказывание ему доставляло видимое удовольствие. Он об этом радостно говорил. Например, я помню, его просили разрешить открывать окна, и он, рассказывая об этом, говорил, что он отказал в этой просьбе.

Как он называл Царя в глаза, не знаю. В комендантской он называл всех «они». Царя он называл Николашкой.

Я уже говорил, что он, как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных рабочих. А потом они вовсе перекочевали в дом, когда их поперли из комитета и совета. Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и воровали царские вещи. Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома. Как раз в это время пришел Белобородов и спросил его. Кто-то соврал из приближенных Авдеева и сказал Белобородову, что Авдеев вышел из дома. А в нижний этаж он попал тогда после посещения в таком пьяном виде Царской семьи, он в таком виде ходил к ней. Пьяные, они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не могли быть приятны для Царя. Пели они все «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу».

Вот, зная Авдеева как большевика, как человека грубого, пьяного и душой недоброго, я думаю, что он обращался с Царской семьей плохо: не мог он обращаться с ней хорошо по

его натуре, по его поведению. Как я сам его наблюдал в комендантской, думаю, что его обращение с Царской семьей было для нее оскорбительным. Припоминаю еще, что вел Авдеев со своими товарищами разговоры и про Распутина. Говорил он то, что многие говорили, о чем и в газетах писали много раз, что Государыня жила будто бы с Распутиным...

...При Юровском мы были все отшиты от дома. В комендантской уже не приходилось задерживаться, как это бывало при Авдееве. Придешь, бывало, по звонку (в дом Попова из комендантской звонок был проведен), прикажет что-нибудь и уходи. Собственно, нам, разводящим, не приходилось по звонку ходить. По звонку вызывался Медведев, а через него уже нас звали.

Около Юровского был Никулин, Медведев тоже «примазывался» к нему, близки были все эти «латыши» из чрезвычайки. Поэтому я не могу Вам описать, как Юровский в душе относился к Царю. Авдеев все-таки был для нас ближе, потому что он был свой брат-рабочий и был у нас на виду, а Юровский держал себя как начальник и нас отстранял от дома.

А вот, что могу только отметить. Он, как дом принял, сейчас же пулеметный пост на чердаке поставил, как я уже говорил. Новый пост он на заднем дворе поставил. Пьяные безобразия он прекратил. Никогда я его пьяного или выпившего не видел.

К Никулину ходила из чрезвычайки Сивелева, но она не допускалась в комендантскую.

Однако ж он, Юровский, что-то однажды изменил, или вовсе отменил относительно монашеских приношений: к ухудшению положения Царской семьи; почто именно он изменил или отменил, я не помню. Что-то такое непонятное для меня вышло и со священником. Богослужение, как я помню, при Юровском один было раз. Это было в субботу 13 июля, позвал меня к себе Юровский и велел мне позвать «какого-нибудь священника». Он меня сначала спросил, какие священники служат. Я ему назвал о. Меледина и о. Сторожева. Тогда он мне велел позвать которого-нибудь. Тогда он, Меледин,

жил поближе (Водочная, 168), то я тогда же в субботу вечером его и позвал. Вечером же я и сказал Юровскому, что Меледина я позвал, назвав его по фамилии. Утром меня Юровский позвал и спросил снова: какого священника я позвал? Я сказал ему, что позвал о. Меледина. Тогда Юровский меня спросил: «Это который живет на Водочной, где доктор Чернавин проживает?» Я сказал, что именно так. Тогда Юровский меня послал к Меледину сказать ему, чтобы он не приходил: «Пойди и скажи Меледину, что обедницы не будет: отменена. А спросит, кто отменил, так скажи, что они сами отменили, а не я. Вместо Меледина позови Сторожева». Но я что же, пошел к Меледину и говорю: «Так и так, обедницы не будет». Он меня спросил: «Почему?» Я сказал, как велел Юровский, что они сами отменили. Тут же я пошел к Сторожеву и позвал его. Что это означало, что не захотел Юровский Меледина, а пожелал Сторожева, не знаю.

И со мной тоже Юровский поступил против желания команды и по своему желанию. 12 июля команда выбрала вместо Медведева меня в начальники. В воскресенье 14 июля я отлучался из дома дольше позволенного мне времени. Тогда Юровский меня отменил, а вместо меня назначил Медведева. Так он до конца и был.

Последний раз я видел Царя и дочерей 16 июля. Они гуляли в саду часа в четыре дня. Видел ли я в этот раз Наследника, не помню. Царицы я не видел. Она тогда не гуляла.

15 июля в понедельник у нас в нашей казарме в доме Попова появился мальчик, который жил при Царской семье и катал в коляске Наследника. Я тогда же обратил на это внимание. Вероятно, и другие охранники также на это обратили внимание. Однако никто не знал, что это означает, почему к нам перевели мальчика. Сделано же это было, безусловно, по приказанию Юровского.

16 июля я был дежурным разводящим. Я дежурил тогда с 2 часов дня до 10 часов вечера. В 10 часов вечера я поставил постовых на все 8 постов. Посты за №№ 1, 2, 11 и 12 окарау-

ливались не нами: хотя пост № 11 и окарауливался иногда нами, но чаще мы туда никого не ставили, так как там и без того жили «латыши» Но я помню только 4 поста, кого именно я поставил из своих, остальных же 4 постов, на которые тогда попали сысертские, — я не помню. Пост № 3 (во дворе дома у калитки) занял Брусьянин, пост № 4 (у калитки в заборе вблизи парадного крыльца, ведущего в верхний этаж) занял Лесников, пост № 7 (в старой будке между стенами дома и внутренним забором) занял Дерябин, пост № 8 (в саду) занял Клещев. Постовые, которых я поставил в 10 часов вечера, должны были сменяться в 2 часа ночи уже новым разводящим, которому я сдал дежурство, — Константином Добрыниным.

Сдав дежурство, я ушел в свою казарму. Помню, что я пил чай, а потом лег спать. Лег я, должно быть, часов в 11. В одной комнате со мной помещались Клещев, Романов и Осокин. В соседней с нами — Дерябин, Лесников, Брусьянин, Смородяков, а далее, также в одной комнате, Прохоров, Устинов, Корзухин, Пелегов.

Когда я ложился спать, Романова и Осокина не было в комнате, они, вероятно, куда-нибудь уходили и вернулись домой позднее, когда я уже спал.

Часа, должно быть, в 4 утра, когда уже было светло, я проснулся от слов Клещева. Проснулись и спавшие со мной Романов и Осокин. Он говорил взволнованно: «Ребята, вставайте! Новость скажу. Идите в ту комнату!» Мы встали и пошли в соседнюю комнату, где было больше народа, почему нас и звал туда Клещев. Я помню, что все указанные мною лица были тогда в этих трех комнатах, кроме Корзухина и Пелегова. Были ли они в это время дома, не помню. Помню, был еще Путилов.

Когда мы собрались все, Клещев сказал: «Сегодня расстреляли Царя». Все мы стали спрашивать, как же это произошло, и Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин рассказали нам следующее. Главным образом рассказывали Клещев с Дерябиным, взаимно пополняя слова друг друга. Говорили и Лес-

ников с Брусьяниным, что видели сами. Рассказ сводился к следующему.

В 2 часа ночи к ним на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупреждали их, что им в эту ночь придется стоять дольше 2 часов ночи, потому что в эту ночь будут расстреливать Царя. Получив такое предупреждение, Клещев и Дерябин подошли к окнам: Клещев к окну прихожей нижнего этажа, которая изображена на чертеже у Вас цифрой I, а окно в ней, обращенное в сад, как раз находится против двери из прихожей в комнату, где произошло убийство, т. е. в комнату, обозначенную на чертеже цифрой II; Дерябин же — к окну, которое имеется в этой комнате и выходит на Вознесенский переулок.

В скором времени — это было все, по их словам, в первом часу ночи, считая по старому времени, или в третьем часу по новому времени, которое большевики перевели тогда на два часа вперед, — в нижние комнаты вошли люди и шли в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа I. Это шествие наблюдал именно Клещев, так как ему из сада через окно это было видно. Шли они все, безусловно, со двора через дверь сеней, обозначенных на чертеже цифрой XII, а далее через комнаты, обозначенные цифрами VII, VI, IV, I, в комнату, обозначенную цифрой II.

Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь. Сзади за ними шли Медведев и «латыши», т. е. те десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое русских были с винтовками.

Когда они все были введены в комнату, обозначенную цифрой II, они разместились так: посредине комнаты стоял Царь, рядом с ним на стуле сидел Наследник по правую руку от Царя, а справа от Наследника стоял доктор Боткин. Все трое, т. е. Царь, Наследник и Боткин были лицом к двери из этой комнаты, обозначенной цифрой II, в комнату, обозначенную цифрой I.

Сзади них, у стены, которая отделяет комнату, обозначенную цифрой II, от комнаты, обозначенной цифрой III (в этой комнате, обозначенной цифрой III, дверь была опечатана и заперта; там хранились какие-то вещи), стали Царица с дочерьми. Я вижу предъявленный Вами фотографический снимок этой комнаты, где произошло убийство их. (Предъявлен фотографический снимок описанной в п. 8 протокола 15 апреля 1919 года, л. д. 185, том 3-й.) Царица с дочерьми и стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату, как раз вот тут, где, как видно на снимке, стена исковырена. В одну сторону от Царицы с дочерьми встали в углу повар с лакеем, а в другую сторону от них, также в углу, встала Демидова. А в какую именно сторону, в правую или в левую, встали повар с лакеем и в какую встала Демидова, не знаю.

В комнате, вправо от входа в нее, находился Юровский. Слева от него, как раз против двери из этой комнаты, где произошло убийство, в прихожую, обозначенную цифрой I, стоял Никулин. Рядом с ним в комнате же стояла часть «латышей». «Латыши» находились и в самой двери. Сзади них стоял Медведев.

Такое расположение названных лиц я описываю со слов Клещева и Дерябина. Они пополняли друг друга. Клещеву не видно было Юровского. Дерябин видел через окно, что Юровский что-то говорил, маша рукой. Он видел, вероятно, часть его фигуры, а главным образом руку Юровского. Что именно говорил Юровский, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не слышно было его слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал. Он говорил — я хорошо помню, — что Юровский так сказал Царю: «Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены Вас сами расстрелять».

Тут же, в ту же минуту за словами Юровского, раздались несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьверов. Ни Клещев, ни Дерябин, как я помню, не говорили, чтобы стрелял Юровский, т. е. они про него не говорили совсем, стрелял он или же нет. Им, как мне думается, этого не вид-

но было, судя по положению Юровского в комнате. Никулин же им хорошо был виден. Они оба говорили, что он стрелял. Кроме Никулина, стреляли некоторые из «латышей». Стрельба, как я уже сказал, происходила исключительно из револьверов. Из винтовок никто не стрелял.

Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, женский «визг», крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за ним Наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их словам, была она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки.

Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали и докалывали. Но из лиц Царской семьи, я помню, они называли только одну Анастасию, как приколотую штыками.

Подушек Клещев с Дерябиным насчитали две. Одна была у Демидовой в руках. У кого была другая, они не говорили. Когда все они были убиты и лежали еще в этой комнате, они стали осматривать: расстегивать одежду и искать, должно быть, вещи. Я помню, упоминали Клещев с Дерябиным про пояса, которые тогда отстегивались у женщин. Говорили они, что в обеих или в одной подушке была найдена или были найдены шкатулочка или же несколько шкатулочек. Все найденные вещи у покойных Юровский взял себе и отнес, как они говорили, наверх.

Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, через которые их вели и на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоявший за воротами дома в пространстве между фасадом дома, где парадное крыльцо в верхний этаж, и наружным забором: здесь обычно и стояли автомобили.

Это уже видели Лесников с Брусьяниным. Как их выносили со двора, то есть через ворота или же через калитку, не

было разговора. Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один.

Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиль, на него положили трупы и сверху их закрыли этим же сукном. Кто ходил за сукном в кладовую, не было разговора. Ведь не было же у нас «допроса», как сейчас. Кабы я знал раньше, мог бы спросить.

Шофером на этом автомобиле был Сергей Люханов. Именно его называли и Брусьянин, и Лесников. Автомобиль с трупами Люханов повел в ворота, которые выходили на Вознесенский переулок, и далее вниз по Вознесенскому переулку мимо дома Попова. Вместе с трупами уехал сам Юровский и человека три «латышей», но русских «латышей» или же не русских — не знаю: не допытывались мы.

Когда трупы были уже унесены из дома, тогда двое из «латышей» — молодой в очках и другой молодой, лет 22, блондин — стали метелками заметать кровь и смывать ее водой при помощи опилок. Говорили Клещев с Дерябиным, что кровь с опилками куда-то выкидывалась. В какое-то, как я понял, подполье в самом доме, но хорошо я этого не помню. Еще кто принимал участие в уборке крови, я положительно не знаю. Из рассказов их выходило так, что постовых для этого дела не трогали. Все они продолжали стоять на своих постах, пока их не сменили.

Рассказы Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова были столь похожи на правду, и сами они были так всем виденным ими поражены и потрясены, что и тени сомнения ни у кого не было, кто их слушал, что они говорят правду. Особенно был расстроен этим Дерябин, а также и Брусьянин. Дерябин прямо ругался за такое дело и называл убийц «мясниками». Он говорил про них с отвращением. Брусьянин не мог вынести этой картины, когда покойников стали вытаскивать в белых простынях и класть в автомобиль: он убежал со своего поста на задний двор.

В один из последующих дней или же сам Медведев, или же кто-либо с его слов, говорил мне, что увез Люханов трупы за Верх-Исетский завод. Автомобиль шел лесистой местностью.

Почва пошла, по мере дальнейшего следования автомобиля, мягкая, болотистая, и автомобиль стал останавливаться: колеса его тонули. С трудом, но все-таки автомобиль дошел до места, где оказалась заранее вырытая яма. В нее положили, в одну, все трупы и зарыли. Я прекрасно помню. Лесников говорил, что лопаты брались тогда Юровским с собой из дома Ипатьева, когда он поехал с трупами.

Я Вам говорю сухую правду. Ничего ни я, ни другие наши злоказовские рабочие, которые слушали рассказ Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова, с вечера не знали о предстоящем убийстве. К нам в казарму Медведев с вечера не приходил и ничего про это нам не объяснял. И никто из нас не ходил убирать комнаты после убийства. Я допускаю, что сысертские могли об этом знать через Медведева заранее, а в особенности Добрынин, Иван Старков и Андрей Стрекотин: они были весьма близки к Медведеву. Меня же Медведев не любил, как и Юровский.

В доме Попова комнаты, в которых мы проживали, были хотя и не отделены (по всему дому можно было сообщаться через комнаты), но сысертские держались отдельно от нас и мы от них. У нас было и свое отдельное крыльцо, а у сысертских — свое. Среди сысертских гораздо было более большевиков, чем среди наших рабочих. Допускаю я вполне, что Медведев мог звать своих из казармы убирать комнаты. Также можно допустить, что Стрекотин в ночь убийства стоял на посту у пулемета в нижней комнате, где мимо него носились трупы. Юровский мог приказать Медведеву поставить сюда надежного человека из пулеметчиков, каковым и был Стрекотин (у пулеметов вообще ставились из солдат, умевших обращаться с пулеметами).

Относительно оружия я могу сказать следующее. У Юровского было два револьвера. Один у него был большой маузер, другой — наган. У Никулина был также наган. Кроме того, я видел в комендантской комнате большой револьвер, похожий по устройству на браунинг, но не браунинг, гораздо большего калибра револьвер. Я не знаю, как он назывался; возможно,

что и был колыт. У всех «латышей» были револьверы. Этих револьверов я не видел, но, судя по кобурам, думаю, что у них были наганы. У Медведева, когда я только еще поступил в охрану, был наган. Кроме того, был один наган у Сафонова и Добрынина, как разводящих. При Юровском откуда-то было доставлено несколько наганов. Один был дан мне, как разводящему, два — двум дневальным из сысертской команды (дневальные дежурили по 12 часов в казарме на половине сысертских у звонка, проведенного из комендантской, и постоянно менялись: дежурили все сысертские по очереди). Три револьвера были даны на посты за №№ 5, 6 и 9. Все они были наганы. Револьверы на постах так и оставались в будках и на террасе.

О том, чтобы Медведев перед убийством брал у кого-либо револьверы, я ни от кого не слышал.

Рассказ об убийстве Царя и его семьи на меня подействовал сильно. Я сидел и трясся. Спать уже не ложился, а часов в 8 утра отправился я к сестре Капитолине. У меня были хорошие отношения с ней. Я пошел к ней, чтобы поделиться с ней мыслями. Мне на душе было страшно тяжело. Потому к ней и пошел я, чтобы поговорить с близким человеком. Сестру я застал одну. Муж ее был на службе в комиссариате юстиции. Я как пришел, сел в кухне. Сестра, увидев, должно быть, мое расстроенное лицо, спросила: «Ты что это?» Я сказал ей: «Царя расстреляли». Первый же вопрос сестры был: «Неужели и ты там был?» Она меня хотела, очевидно, спросить, неужели и я принимал сам участие в убийстве Царя. Я рассказал сестре то же самое, что рассказал и Вам, но только не так подробно. Возможно, что я говорил ей, что Царская семья расстреляна «по постановлению Областного совета», я так думал и так сейчас думаю. Ведь, вероятно. Юровский не сам же устроил. А как вся власть тогда была в руках Областного совета, то я и думаю, убийство Царской семьи произошло по приказанию из Областного совета.

На Ваш вопрос, был ли у меня разговор с зятем Агафоновым приблизительно за неделю до расстрела Царской се-

мы по поводу того, что ей грозит смерть ввиду приближения «врага», то есть чехословаков, припоминаю, что, действительно, разговор у меня об этом был. Среди красноармейцев ходили тогда разговоры: что будет, если подойдут чехи, как поступят с Царской семьей? Высказывались предположения, что их могут расстрелять. Эти предположения я мог высказать зятю. Я не говорил сестре, что я сам видел расстрел Царской семьи. Все я рассказывал с чужих слов. Вероятно, она, ввиду моего расстроенного вида, подумала, что картину убийства я сам видел своими глазами. Я не называл ей число полученных Демидовой штыковых ран: 32. Это не так. Дерябин говорил, что ее ударили штыком раз 30. Так и я ей говорил.

Я был у сестры часа два, и приблизительно в 10 утра я пришел опять в дом Попова. Не помню, как у меня протекло время до 2 часов дня, когда я опять встал на дежурство. (С 10 часов вечера 16 июля, как я уже говорил Вам, встал на дежурство вместо меня Добрынин, дежуривший до 6 часов утра 17 июля, с 6 же часов утра 17 июля стал Иван Старков.) Я сменил тогда Ивана Старкова. Я расставил тогда охрану на все посты, кроме поста № 7. Старков мне сказал, что на этот пост уже теперь не надо ставить караула (под окнами дома). Караульный, очевидно, после ухода с этого поста Дерябина и не ставился туда. Я так тогда понял Старкова. Оба мы понимали, почему уже не надо было ставить туда постового, и ничего больше про это не говорили.

Расставив посты, я вошел в комендантскую. Там я застал Никулина и двоих из «латышей» не русских. Там же был и Медведев. Все они были невеселые, озабоченные, подавленные. Никто из них не произносил ни одного слова. На столе в комендантской лежало много разных драгоценностей. Были тут и камни, и серьги, и булавки с камнями, и бусы. Много было украшений. Частью они лежали в шкатулочках. Шкатулочки были все открыты.

Дверь из прихожей в комнаты, где жила Царская семья, по-прежнему была закрыта, но в комнатах никого не было. Это было ясно: оттуда не раздавалось ни одного звука. Рань-

ше, когда там жила Царская семья, всегда слышалась в их комнатах жизнь: голоса, шаги. В это же время там никакой жизни не было. Стояла только в прихожей у самой двери в комнаты, где жила Царская семья, их собачка и ждала, когда ее впустят в эти комнаты¹. Хорошо помню, я еще подумал тогда: «Напрасно ты ждешь».

Вот еще что я тогда заметил. До убийства в комендантской стояли кровать и диван. В этот же день, т. е. в 2 часа дня 17 июля, когда я пришел в комендантскую, там еще стояло две кровати. На одной из них лежал «латыш». Потом Медведев как-то сказал нам, что «латыши» больше не идут жить в комнату, где произошло убийство, в которой раньше они жили. Очевидно, тогда две кровати и были перенесены в комендантскую. Виноват, насколько могу припомнить, Медведев говорил, что «латыши» (все 10 человек) совсем не идут больше жить вниз дома, и, как тогда понял его, они тогда уже ушли опять в чрезвычайку, кроме тех двоих, которые, вероятно, остались еще в комендантской. Но видел и этих в доме я только один раз: в этот именно день — 17 июля. Больше же ни этих двоих, ни всех остальных я не видел ни одного раза.

С 2 часов дня 17 июля я дежурил до 10 часов вечера. Юровского я не видел в этот день в доме вовсе. Я не думаю, чтобы он мог быть в доме, и я бы его не видел. Я думаю, что его совсем не было в этот день в доме, по крайней мере, с 2 часов дня до 10 часов вечера его там не было. Вывоза вещей из дома 17 июля также не было. Не знаю, шла ли разборка и укладка вещей в этот день.

17 июля Медведев сказал нам, что нас всех охранников отправят на фронт. Поэтому 18 июля я с утра отправился на

¹ Спаниель Джой — любимая собачка Цесаревича Алексея. В архиве Н.А. Соколова сохранились документы — Переписка об обнаружении собаки Наследника Цесаревича Алексея Николаевича по кличке «Джой» — были выделены из личного архива генерала Дитерихса. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 5. Л. 152-155.

Злоказовскую фабрику получить там некоторые денежные суммы, причитавшиеся нам за прежнее время, и вещи. К 2 часам дня я был опять в команде и в 2 часа встал на дежурство. В этот день, 18 июля, вывозились вещи из Ипатьевского дома. Я один раз сам видел, как в легковой автомобиль выносились какие-то сундуки, ящики. Автомобиль с этими вещами и ушел куда-то. Шофером на нем был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов. Кроме того, вывозились вещи также на двух лошадях. Какие были люди при этих лошадях — не знаю. Помню, я и сам тогда видел в прихожей какой-то или сундук или ящик, также предназначенный к вывозу. Помню, что кого-то звали из наших его нести, выносить вещи. Кого звали — не могу припомнить. Но помню, что Лесников, ходивший выносить вещи, говорил, что из зала он нес какой-то маленький и ужасно тяжелый сундук. Ценности же, бывшие в комендантской, в этот день, 18 июля, так и лежали там же и в таком же виде. Юровского в этот день, 18 июля, я не видел в доме. Это я хорошо помню. Кажется, я видел его часов в 6 вечера. /.../

19 июля Юровский, приблизительно с утра, был в доме Ипатьева. В этот день также вывозились вещи из дома, но память мне решительно ничего об этом не сохранила.

Еще я из жизни Царя припомнил следующий случай. Однажды пришел я в комендантскую комнату и застал там Никулина и Кабанова. Никулин при мне спросил Кабанова, о чем он разговаривал в саду на прогулке с Царем. Кабанов ответил, что Царь спрашивал его, не служил ли он ранее в кирасирском каком-то полку. Кабанов, по его словам, ответил утвердительно и говорил, что, действительно, он в этом полку служил и однажды был на смотре этого полка, который тогда производился Царем. И Никулин, и Кабанов удивились еще тогда памяти Царя.

Куда девался мальчик из нашей команды, я не знаю. По этому поводу я могу рассказать следующее. Я видел мальчика этого издали в один из последующих дней после убийства. Он сидел в той комнате, где обедали сысертские рабочие, и горько плакал, так что его рыдания были слышны мне

издали. Я сам к нему не подходил и ни о чем с ним не разговаривал. Мне, не помню кто именно, рассказывали, что мальчик узнал про убийство Царской семьи и всех других, бывших с ней, и стал плакать...

...Еще я могу рассказать про такой случай. Я запомнил фамилии двух московских рабочих из охраны Стогова. Одного фамилия была — Бушуев, а другому Мясников. Когда мы сели к ним в вагон и они узнали от нас, что мы из охраны Царя, Мясников стал говорить, что Царь за несколько дней до этого уехал. Он говорил, что сам видел, как он садился в вагон. Тогда мы все стали ему говорить, что Царь расстрелян. Он больше не стал ничего говорить и согласился с нами, что, вероятно, он ошибся и кого-нибудь другого принял за Царя.

Находясь в Перми, я ни от кого не слышал, чтобы была увезена Царская семья. Конечно, я бы этому и не поверил, так как не сомневался в правдивости того, что я слышал от Дерябина, Клещева и Медведева.

Время я везде в своем показании указываю по новому стилю. Больше объяснить я ничего не могу.

Объяснение мое мне прочитано, записано с моих слов правильно.

Анатолий Александров Якимов

Судебный следователь Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

1919 года, мая 16 дня, судебный следователь по особо важным делам Николай Алексеевич Соколов в городе Екатеринбурге, в порядке 315—324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр документов, представленных агентом Уголовного розыска Сретенским при дознании от 7-го сего мая (л. д. 139, том 4)¹.

По осмотру их найдено следующее:

1. Половина листа белой писчей бумаги. Эта половина сложена пополам, так что каждая представляет собой четвертушку листа. На первой странице четвертушки черными чернилами написано следующее:

«Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорок выдать из вашего склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего. Обл. Комиссар Снабжения Войков».

Весь приведенный текст этого требования писан одной и той же рукой, как и подпись самого требования, т. е. Войковым. Ниже этого текста на этой же странице четвертушки приложен синий оттиск мастичной печати: *«Комиссар Снабжения Обл. Совет Раб., Кр., Сол. Депутатов Урала»*. Рядом с этим оттиском печати черным карандашом написана расписка следующего содержания:

«Серной кислоты 2 п. 31 ф. получил 17/VII Секрет. Зимин».

Весь текст этой расписки писан одной и той же рукой, т. е. рукою Зимина. По тексту написанного на первой странице четвертушки синим цветным карандашом написана большая буква «К».

На другой странице той же бумаги написано чернилами черного цвета:

¹ Оригиналы документов хранятся в ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 50. Л. 1—2.

«4 ящ. кисл. серной.

На лицо 4 х 2 л. 31 ф.

11 п. 04 ф.

пд.15 P166.50

Упак. 30

1 96.50 18/11

Весь текст этого расчета писан одной и той же рукой. По тексту расчета синим цветным карандашом написана буква «К». Это обозначение сделано, видимо, той же рукой, как и обозначение этой буквы в первом случае.

2. Четверть листа белой писчей бумаги.

На этой четвертушке чернилами черного цвета написано следующее требование :

«Предлагаю выдать еще три кувшина японской серной кислоты предъявителю сего. Обл. Комиссар Снабжения Войков».

Весь текст этого требования и подпись писаны той же рукой, что и текст первого требования, т. е. Войкова.

Ниже его приложен такой же оттиск той же печати, что и на первом требовании. Рядом с оттиском печати черным карандашом написана расписка следующего содержания: *«Три кувшина серной кислоты получил 17/VII Секр. Зимин»¹.*

Текст этой расписки и самая подпись написаны той же рукой, что и текст первой расписки, т. е. рукою Зимина.

Подлинное подписали: Судебный следователь Н. Соколов
Понятые

¹ Зимин получил 17 июля 4 ящика с кувшинами, в которых было примерно 182 кг серной кислоты.

ООО ТД «Белый город»
101000 Москва, Лучников переулок, дом 4, строение 1
Тел.: (495) 305-45-06
E-mail: td.belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг по издательским ценам
обращайтесь по адресам:
101000 Москва, Лучников переулок, дом 4, строение 1
Тел.: (495) 305-45-06
192029, Санкт-Петербург, проспект Обуховской Обороны, д. 105
Тел.: (812) 365-41-39
400001, Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, д. 13
Тел.: (8442) 97-58-89, 93-27-58

Полный ассортимент книг представлен на сайте:
www.pravkniga.ru

**ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II,
ЕГО СЕМЬИ И ЛИЦ ИХ ОКРУЖЕНИЯ. Том I
Серия «Русские судебные процессы»**

Тираж 1500 экз. Заказ О-3484.
Формат 60х90/16

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

